

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Исаков И.Н. Понятие и формы разноуровневого первичного правового регулирования в Российской Федерации4

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Александров С.Н. Правовое регулирование цифровизации налогового контроля10

Вэй Цянь. Полномочия начальника уезда Нэйсяна в период династии Цин Китая16

Гуляева В.А. Аспекты применения процедуры недобровольной госпитализации граждан по КАС РФ19

Гуменюк В.П. Административно-правовое регулирование параллельного импорта в условиях санкций23

Кущенко О.В. Сравнительно-правовой анализ критериев допустимости ограничений прав и свобод граждан для защиты публичных интересов29

Александров С.Н. Развитие правового регулирования взимания налога на доходы физических лиц при выигрышах в онлайн-тотализаторах34

Равоян Р.А. Правовое регулирование обращения цифрового рубля39

Смирнов В.А., Оксамытный В.В. Теоретические аспекты проблемы профессиональной правовой культуры в сфере правоохранительной службы сотрудника МВД России43

Чепкасов Р.А. Правовые инструменты оптимизации избирательного процесса: обобщение опыта России и стран СНГ47

Чернобровкина Е.Б. Национальная платежная система как элемент инфраструктуры национальной безопасности52

Школик О.А. Особенности арбитражного судопроизводства в налоговых спорах из НДС57

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Аванов А.Э. Подходы к толкованию термина «недвижимость»: правовые аспекты63

Апоревич В.Н. Проблемы определения арбитражного процессуального права70

Волокитин И.И. Правовая природа личного фонда в российском законодательстве74

Воронин Д.В. К вопросу о правовом положении помощника арбитражного управляющего79

Долгих Д.О. Особенности правового регулирования трансграничной несостоятельности физических лиц в странах ЕС84

Зиманов Г.В., Гриб В.Г. Структура гражданско-правового механизма заключения публичного контракта по итогам открытого электронного аукциона90

Учредитель: ООО «Издательство КНОРУС»

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-74313 выдано 23.11.2018
ISSN 2220-5500

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д.14, корп. 2
E-mail: jurscience@mail.ru Сайт: www.jurnauka.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Ашмарина Елена Михайловна, д-р юрид. наук, проф., Российский государственный университет правосудия; **Багреева Елена Геннадиевна**, д-р юрид. наук, проф., Финансовый университет при Правительстве РФ; **Барабанова Светлана Васильевна**, д-р юрид. наук, доц., Казанский национальный исследовательский технологический университет; **Бирюков Павел Николаевич**, д-р юрид. наук, проф., Воронежский государственный университет; **Галушкин Александр Александрович**, кандидат юридических наук, доц., Академик РАЕН, Российская академия естественных наук; **Казачкова Земфира Мухарбиевна**, д-р юрид. наук, проф., Всероссийский государственный университет юстиции; **Калиниченко Пауль Алексеевич**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Кожанков Антон Юрьевич**, кандидат юридических наук, Московский государственный институт международных отношений (университет); **Липатов Эдуард Георгиевич**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Липски Станислав Андреевич**, д-р экон. наук, доц., Государственный университет по землеустройству; **Малько Александр Васильевич**, д-р юрид. наук, проф., Институт государства и права РАН; **Мамитова Наталия Викторовна**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Махтаев Махтай Шапиевич**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; **Мещерякова Ольга Михайловна**, д-р юрид. наук, доц., Российский университет дружбы народов; **Мордочев Александр Сергеевич**, д-р юрид. наук, проф., Всероссийский государственный университет юстиции; **Рузакова Ольга Александровна**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный институт международных отношений (университет); **Сангаджиев Бадма Владимирович**, д-р юрид. наук, доц., Российский университет дружбы народов; **Степанян Армен Жоресович**, кандидат юридических наук, доц., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Цареградская Юлия Константиновна**, д-р юрид. наук, доц., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чаннов Сергей Евгеньевич**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Четвериков Артем Олегович**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чихладзе Леван Теймуразович**, д-р юрид. наук, проф., Российский университет дружбы народов; **Шохин Сергей Олегович**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный институт международных отношений (университет); **Щукина Татьяна Владимировна**, д-р юрид. наук, доц., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Павликов Сергей Герасимович**, д-р юрид. наук, проф., Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ; **Скитович Виктор Викторович**, доктор юридических наук, проф., проф. кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»; **Шагиева Розалина Васильевна**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Джинджолия Рауль Сергеевич**, д-р юрид. наук, проф., Российский новый университет; **Стойко Николай Геннадьевич**, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский государственный университет;

Главный редактор:

Кашкин Сергей Юрьевич, доктор юридических наук, профессор

Заместитель главного редактора:

Коровяковский Денис Геннадьевич, канд. юрид. наук, доц.

Отпечатано в типографии ООО «Издательство «КноРус»,
117218, Москва, ул. Кедрова, д.14, корп. 2
Тираж 300 экз. Формат А4. Подписано в печать: 30.06.2023

Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»

<i>Коркин М.С., Рубан П.О., Зайцева Е.А.</i> Использование программ искусственного интеллекта в процессе собеседования: российский и зарубежный опыт	94
<i>Панова Д.А.</i> Корпоративный договор как средство регламентации корпоративных отношений в России.....	98
<i>Слизков Д.А., Соловьева А.Е.</i> Правовое регулирование наследования Интернет-аккаунта	104
<i>Тиханова Е.М.</i> Законодательное закрепление критериев правомерности кооптации в российском корпоративном праве	108
<i>Холмова О.Я., Широкова А.А., Штейнфельд К.В.</i> Регулирование трудовых правоотношений с несовершеннолетними	113
<i>Чеклинова В.В.</i> Процедура соединения и разъединения требований в гражданском процессе.....	118
<i>Шитов И.А.</i> Гражданско-правовое регулирования объектов авторских прав в России	125

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Барabanова А.А.</i> Совершенствование правового регулирования процессуального порядка допроса подозреваемого	129
<i>Богунова Г.В.</i> Нормативное закрепление уточнения квалификации половых преступлений в отношении несовершеннолетних	133
<i>Гусак М.Ю.</i> Проблемы определения объекта преступлений в сфере закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд.....	137
<i>Гриб В.Г., Василец В.Е., Жданова Е.Н.</i> Суррогатное материнство в контексте уголовно-правового запрета торговли людьми	141
<i>Зацепин М.Н., Зацепин А.М., Глушкова Е.М.</i> Актуальные вопросы о соразмерности уголовной ответственности и безопасности предпринимательства	146
<i>Зашляпин Л.А., Феоненко Н.С., Лаврищева О.М.</i> Вопросы в судебном допросе свидетеля по УПК РСФСР 1923 г.....	153
<i>Лавриновская И.С.</i> К вопросу о доказательственной деятельности на стадии возбуждения уголовного дела применительно к расследованию в форме дознания	159

<i>Оськина К.Н.</i> К вопросу о совершенствовании теории доказывания.....	165
<i>Сенцов А.С., Волколупова В.В.</i> Унификация и дифференциация уголовной ответственности за экологические преступления.....	169
<i>Шавыркин И.А., Волков А.С.</i> Нормативное закрепление признаков состава преступлений, определенных положениями главы 29 УК РФ	175
<i>Щеглов М.И.</i> Процедура судебного контроля за решениями прокурора, принимаемыми в порядке надзора на стадии предварительного следствия	179

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Мишина Н.В., Чувахин П.И.</i> Международно-правовые основы применения односторонних мер экономического воздействия.....	185
<i>Лапшина И.Е., Зеленкова Л.К., Огородникова Л.Е.</i> Международная организация уголовной полиции (Интерпол): вопросы правосубъектности, правового регулирования и деятельности в киберпространстве	192
<i>Чувахин П.И.</i> Формирование института защиты прав иностранных инвесторов и самих инвестиций в рамках международного права.....	199

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОТВОРЧЕСТВА

<i>Чернышов Н.В.</i> Сравнительно-правовой анализ регулирования инжиниринга на примере Китайской Народной Республики.....	204
<i>Пантюхина И.В., Кольцова Е.Ю.</i> Проблемы квалификации соучастия со специальным субъектом в сложных преступлениях (на примере изнасилования)	208
<i>Плутенко Д.С.</i> Признаки ответственности за нарушение договора в гражданском праве России.....	214
<i>Шевченко Д.И.</i> Развитие института государственной регистрации договора аренды недвижимости.....	221

TABLE OF CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Isakov I.N. The concept and forms of multilevel primary legal regulation in the Russian Federation 4

PUBLIC LAW (STATE LEGAL) SCIENCES

Aleksandrov S.N. Legal regulation of digitalization of tax control 10

Wei Qian. Powers of the Governor of Neixiang County during the Qing Dynasty of China 16

Gulyaeva V.A. The aspects of application of the procedure of involuntary hospitalization of citizens under the cap of the Russian Federation 19

Gumenyuk V.P. Administrative and legal regulation of parallel imports under sanctions 23

Kutsenko O.V. Comparative legal analysis of the criteria for the admissibility of restrictions on the rights and freedoms of citizens to protect public interests 29

Aleksandrov S.N. Development of legal regulation of the collection of personal income tax on winnings in an online totalizer 34

Ravoyan R.A. Legal regulation of the circulation of the digital ruble 39

Smirnov V.A., Oksamytny V.V. Theoretical aspects of the problem of professional legal culture in the field of law enforcement service of an employee of the Ministry of Internal Affairs of Russia 43

Chepkasov R.A. Legal instruments for optimizing the electoral process: generalization of the experience of Russia and cis countries 47

Chernobrovkina E.B. The national payment system as an element of the national security infrastructure 52

Shkolik O.A. Features of arbitration proceedings in tax disputes from the MET 57

PRIVATE LEGAL (CIVILITY) SCIENCES

Avanov A.E. Approaches to the interpretation of the term «Real estate»: legal aspects 63

Aporevich V.N. Problems of determining the arbitration procedural law 70

Volokitin I.I. The legal nature of a personal fund in Russian law 74

Voronin D.V. To the question of the legal status of the assistant to an insolvency practitioner 79

Dolgikh D.O. Features of legal regulation of cross-border insolvency of individuals in EU countries 84

Zimanov G.V., Grib V.G. The structure of the civil law mechanism for concluding a public contract based on the results of an open electronic auction 90

Korkin M.S., Ruban P.O., Zaitseva E.A. The use of artificial intelligence programs in the interview process: Russian and foreign experience 94

Panova D.A. Corporate agreement as a means of regulating corporate relationships in Russia 98

Slizkov D.A., Solovyova A.E. Legal regulation of inheritance of an Internet account 104

Tikhanova E.M. Legislative consolidation of the criteria for the legitimacy of co-optation in Russian corporate law 108

Kholmova O. Ya., Shirokova A.A., Steinfeld K.V. Regulation of labor relations with minors 113

Cheklinova V.V. The procedure for connecting and disconnecting requirements in the civil process 118

Shitov I.A. Civil law regulation of objects of copyright in Russia 125

CRIMINAL LEGAL SCIENCES

Barabanova A.A. Improvement of legal regulation of the procedural order of interrogation of the suspect 129

Bogunova G.V. Normative consolidation of the clarification of the qualification of sexual crimes in relation to minors 133

Gusak M. Yu. Problems of determining the object of crimes in the field of procurement to ensure state and municipal needs 137

Grib V.G., Vasilets V.E., Zhdanova E.N. Surrogacy in the context of the criminal law prohibition of trafficking in human beings 141

Zatsepin M.N., Zatsepin A.M., Glushkova E.M. Current issues on proportionality of criminal liability and safety of business 146

Zashlyapin L.A., Feonenko N.S., Lavrishcheva O.M. Questions in judicial interrogation witness under the Code of Criminal Procedure of the RSFSR in 1923 153

Lavrinovskaia I.S. On the issue of evidentiary activity at the stage of initiating a criminal case in relation to an investigation in the form of an inquiry 159

Oskina K.N. On Improving Proof Theory Issue 165

Sentsov A.S., Volkolupova V.V. Unification and differentiation of criminal liability for environmental crimes 169

Shavyrkin I.A., Volkov A.S. Normative consolidation of the signs of the corpus delicti determined by the provisions of Chapter 29 of the Criminal Code of the Russian Federation 175

Shcheglov M.I. The procedure for judicial control over the decisions of the prosecutor, taken by way of supervision at the stage of preliminary investigation 179

INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES

Mishina N.V., Chuvakhin P.I. International legal framework for the application of unilateral measures of economic impact 185

Lapshina I.E., Zelenkova L.K., Ogorodnikova L.E. International Criminal Police Organization (Interpol): issues of legal personality, legal regulation and activities in cyberspace 192

Chuvakhin P.I. Formation of the institute for the protection of the rights of foreign investors and investments themselves within the framework of international law 199

CURRENT ISSUES OF MODERN LAW-MAKING

Chernyshov N.V. Comparative legal analysis of engineering regulation on the example of the People's Republic of China 204

Pantuykhina I.V., Koltsova E. Yu. Problems of qualification of complicity with a special subject in complex crimes (on the example of rape) 208

Plutenko D.S. Signs of liability for breach of contract in the civil law of Russia 214

Shevchenko D.I. Development of the institution of state registration of a real estate lease agreement 221

Понятие и формы разноуровневого первичного правового регулирования в Российской Федерации

Исаков Игорь Николаевич,

кандидат юридических наук, доцент, доцент Института высокотехнологичного права, социальных и гуманитарных наук НИУ МИЭТ
E-mail: isakov2009@yandex.ru

Статья развивает теорию и практику правового регулирования, посредством дополнения ее отдельных положений. Обосновывается, что в условиях демократического и социально ориентированного Российского государства появляются новые формы и уровни первичного правового регулирования за счет расширения круга субъектов, наделенных правом принятия норм первичного регулирования. Помимо законодательного и муниципального уровней правового регулирования в эту сферу вовлекается широкий круг легализованного негосударственного правотворчества. В этих условиях первичное правовое регулирование необходимо приобретает разноуровневый характер, ориентированный на повышение уровня удовлетворения материальных и духовных благ различных субъектов, по сравнению со стандартами, установленными федеральным законодательством.

Ключевые слова: правотворчество, законы, уровень правового регулирования, нормы первичного регулирования, правомочие, конкретизация, разноуровневое правовое регулирование.

Законы любого государства как акты высшей юридической силы устанавливают нормы первичного регулирования, осуществляемые в различных формах и которым не могут противоречить нормативные и индивидуальные предписания всех органов государства, в том числе и нормы органов исполнительной власти.

В Российской Федерации в соответствии с ее Конституцией федеральные законы, занимая лидирующее положение в системе нормативных правовых актов и выражая государственную волю по ключевым вопросам политико-правовой, социальной и иной деятельности, *во-первых*, устанавливают основополагающие нормы первичного правового регулирования в пределах ведения Российской Федерации и ее полномочий по предметам совместного ведения с субъектами РФ; *во-вторых*, традиционно выступают первичным звеном перевода положений Конституции РФ на уровень отраслевого и комплексного законодательного регулирования.

Однако в условиях дальнейшего значительного усложнения общественных отношений, вызванных их демократизацией, высоким динамизмом, социальной направленностью, цифровизацией права и др. в Российской Федерации появляются новые формы и уровни первичного правового регулирования, обусловленные расширением круга субъектов, наделенных правом принятия норм первичного правового регулирования. В правотворческую и регулятивную деятельность все более активно вовлекаются: 1) субъекты РФ вне пределов ведения Российской Федерации и полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации; 2) местное самоуправление; 3) легализованные негосударственные органы правотворчества, иные социальные сообщества.

В этих условиях на передний план стремительно выдвигается идея реализации принципа *равноправия*, как интегративного свойства системы российского права, требующая решения, как минимум, трех задач: 1) установления государственных стандартов, обеспечивающих минимальные потребности граждан в материальных, духовных и иных благах; 2) закрепления и конкретизации конституционных правомочий субъектов РФ, муниципальных и легализованных негосударственных образований на их законотворческую и правотвор-

ческую деятельность, создающую благоприятные условия для установления и реализации собственных стандартов жизнеобеспечения местного населения, иных субъектов права, превышающих минимальные федеральные стандарты; 3) осуществления замысла законодателя на дальнейшую конкретизацию первичных норм федеральными органами исполнительной власти.

В этом контексте представляется важным кратко охарактеризовать круг субъектов, наделенных правом принятия норм первичного правового регулирования.

1. В условиях федеративного и социально ориентированного государства субъекты Российской Федерации, обладающие «всей полнотой государственной власти вне пределов ведения Российской Федерации и полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации» (ст. 73 Конституции РФ) и осуществляющие на основании ч. 4 ст. 76 Конституции РФ и базового федерального закона от 21.12.2021 г. № 414-ФЗ¹ «собственное правовое регулирование», включая принятие законов, наделяются полномочием принимать нормы первичного регулирования, дополняющие федеральные законы новым содержанием.

С точки зрения социального государства, ориентированного на осуществления принципа равноправия в системе российского права упомянутая форма первичного регулирования, способствует гармонизации воли федерального законодателя на региональном уровне за счет установления собственных региональных стандартов материальных и духовных благ, превышающих минимальные федеральные стандарты.

2. Правотворческие органы местного самоуправления, в силу своего предназначения, существенно расширяют круг субъектов, наделенных правом принятия норм первичного правового регулирования. Так, на основании Конституции РФ, определившей роль местного самоуправления в качестве компонента системы публичной власти в Российской Федерации, а также в соответствии с базовым Федеральным законом от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и федеральными законами отраслевого и комплексного правового регулирования, наделившими местное самоуправление отдельными государственными полномочиями, правотворческие органы муниципальных образований самостоятельно принимают нормы первичного регулирования. Выступая в качестве исходных правил, действующих на муниципальном уровне, первичные установления муниципальных образований дополняют законы новым содержанием, при усло-

¹ Федеральный закон от 21.12.2021 г. № 414-ФЗ (ред. от 14.04.2023) «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404070/ (дата обращения 11.06.2023)

вии, что такие нормы закрепляют «муниципальные стандарты» жизнеобеспечения местного населения либо отдельные его категории, как более высокие, по сравнению с минимальными стандартами, установленными государством.

При этом на муниципальном уровне просматривается устойчивая тенденция складывания новых форм правотворческой и регулятивной деятельности: публичные слушания проектов нормативных правовых актов; инициирование в сети Интернет проекта нормативного решения местного самоуправления; сбор голосов в поддержку принятия инициированного правового акта либо голосов, поданных против выдвигаемых правотворческих инициатив; принятие юридических решений при помощи «электронной демократии»; народные правотворческие инициативы, смысл которых состоит в официальном внесении во властные органы проектов нормативных правовых актов группой граждан в установленном законом порядке и др.

Важная роль в развитии форм правотворчества на уровне местного самоуправления отводилась Федеральному закону «Об общественном контроле», принятому в июле 2014 года². Однако чрезвычайно важный закон, официально закрепивший понятие «общественный контроль», на муниципальном уровне правового регулирования фактически не работал, о чем свидетельствуют официальные аналитические справки и общественное мнение.

В этом контексте уместно сказать о том, что недооцененными источниками формирования норм первичного регулирования на муниципальном уровне являются традиции и обычаи, которые, по мнению Ю.А. Тихомирова, «увеличивают многослойность правового регулирования»³.

Сегодня возлагаются надежды на новый Федеральный закон «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»⁴, который может значительно расширить состав участников местного правотворчества, что позволит учитывать специфику каждого муниципального образования.

3. Легализованные негосударственные органы правотворчества в лице некоммерческих образований, в том числе, имеющих статус саморегулируемых организаций (СРО), иные социальные сообщества принимают нормы первичного регулирования по собственной инициативе и потому образуют самостоятельный уровень правового регулирования, на котором закрепляются более высокие стандарты жизнеобеспечения членов своих организаций и работников, по сравнению с минимальными

² См.: Федеральный закон Российской Федерации от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» // Российская газета. 23 июля 2014 г. Вып. № 6435.

³ См. Тихомиров Ю.А. Государственно-правовое регулирование: основание и пределы // Журнал российского права. № 9. 2017. С. 4.

⁴ См.: Федеральный закон «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» от 31.07.2020 N248-ФЗ. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45790> (дата обращения 10.01.2023).

государственными стандартами. Основанием легализации такого уровня первичного регулирования выступают, с одной стороны, Конституция РФ и федеральные законы¹, а, с другой – собственная инициатива легализованных негосударственных организаций, не противоречащая Конституции РФ и законам, при наличии у таких организаций соответствующих материальных и финансовых средств. В качестве наиболее характерной особенности негосударственного уровня правового регулирования можно выделить то, что первичные нормы этого уровня выступают в форме обязательных исходных правил исключительно для их собственных организаций, учреждений и предприятий. При этом такие правила существенно расширяют трудовую демократию в организациях, учреждениях и предприятиях, повышают заинтересованность работников в результатах своей работы, обеспечивают их участие в мероприятиях по стимулированию трудовой активности и др. В подобных случаях нормы первичного правового регулирования реализуются в форме дополнения законов об образовании, о здравоохранении, о труде, о государственно-частном и муниципально-частном партнерстве, об общественных организациях и др.

В этом контексте важно акцентировать внимание на том, что каждый из перечисленных субъектов, самостоятельно осуществляя первичное регулирование, ставит цель – закрепить и реализовать в системе российского права *особенные* интересы регионов, муниципальных и легализованных негосударственных образований и придания им общеобязательного значения на соответствующем уровне правового регулирования. При этом проявляющаяся тенденция *сокращения* предмета и объема правового регулирования на федеральном уровне в пользу субъектов РФ, муниципальных образований и локального правотворчества не противоречит системной организации национального законодательства, не несет в себе потенциальную угрозу единству правового регулирования, авторитету воли законодателя.

С учетом изложенных тенденций в данной статье обосновывается авторская позиция о том, что, *во-первых*, не только первичные нормы федеральных законов, но и первичные нормы собственного правотворчества субъектов РФ, муниципальных и легализованных негосударственных образований выступают *первоосновой* образования самостоятельных уровней первичного правового регулирования; *во-вторых*, вывод о первостепенной роли норм первичного регулирования в образовании

новых форм и самостоятельных уровней первичного регулирования не нарушает единства российской системы права, а, напротив – способствует интеграции ее компонентов в едином механизме; *в-третьих*, принцип разноразности правового регулирования выступает одним из ведущих принципов современной системы нормативных правовых актов в Российской Федерации; *в-четвертых*, в соответствии с Конституцией РФ и Федеральным законом «О Правительстве Российской Федерации» № 4-ФКЗ от 06.11.2020 г. и другими федеральными законами нормативные акты федеральных, региональных и муниципальных органов исполнительной власти, а также предписания исполнительных органов негосударственного правотворчества не образуют самостоятельных уровней правового регулирования и потому входят в систему законодательного, муниципального и легализованного негосударственного первичного правового регулирования в качестве *субэлемента*, что не предполагает «дополнения», «преобразования», «расширения», «сужения», «усиления», «ослабления» и т.д. норм первичного правового регулирования. Такой подход объясняется следующими положениями. Во-первых, действующие законы наделяют органы исполнительной власти полномочием принятия норм «во исполнение закона», означающее конкретизацию первичных норм без изменения их содержания. Во-вторых, вспомогательные нормы, в отличие от главных (первичных) норм, отменяются вышестоящими органами исполнительной власти. В-третьих, Правительство РФ, наделенное правом законодательной инициативы, побуждает Государственную Думу принимать меры, обеспечивающие качественное совершенствование федеральных законов по форме и содержанию, их органичное взаимодействие с актами органов исполнительной власти.

Как нам представляется, такой подход соответствует интересам общества и органично увязывается с новым качественным состоянием системы российского права, на что указывают авторы в своих исследованиях².

В этой связи обратимся к практике и выделим ряд положений, подтверждающих развитие идеи разноразности характера первичного правового регулирования в Российской Федерации.

Во-первых, после принятия федеральных законов: от 06.10.1999 г. № 184-ФЗ, закрепившего общие принципы организации законодательных органов государственной власти субъектов РФ; от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ о местном самоуправлении; от 01.12.2007 г. № 315-ФЗ о саморегулиро-

¹ См., напр., Гражданский кодекс Российской Федерации часть I от 30.11.1994 № 51-ФЗ, часть II от 26.01.1996 № 13-ФЗ, часть III от 26.11.2001 № 146-ФЗ, часть IV от 18.12.2006 № 230-ФЗ; Федеральный закон «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996 № 7-ФЗ; Федеральный закон «Об акционерных обществах» от 26.12.1995 № 208-ФЗ; Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» от 08.02.1998 № 14-ФЗ; Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» от 24.07.2007 № 509-ФЗ; Федеральный закон «О саморегулируемых организациях» от 01.12.2007 г. № 315-ФЗ (с изм. на 02.07.2021 г.) и др.

² См.: Радько Т.Н. Теория функций права. М.: Проспект, 2014; Малько А.В. Механизм правового регулирования // Правоведение. 1996. № 3 (214). С. 54–62; Костюков А.Н. Муниципальное право как отрасль российского права. Предмет, принципы, режимы, конструкции, система: дисс. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург. 2003; Черногор Н.Н., Самодаева Л.Н. Функции муниципального права и значение их изучения для практики государственного и муниципального управления // Государственное управление. МГУ им. М.В. Ломоносова. 2015. № 49. С. 177–192.

емых организациях и др. шел непрерывный процесс изменений количества субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, создания легализованных негосударственных образований, осуществляющих *собственное* правотворчество и правовое регулирование в новых формах. Так, Федеральный закон «О саморегулируемых организациях» (ч. 1 ст. 2) закрепил понятие «саморегулирование», как самостоятельную и инициативную деятельность, содержанием которой является разработка и установление стандартов и правил указанной деятельности. Закон определил статус саморегулируемой организации, ее полномочия на самостоятельное осуществление правотворческой деятельности (ч. 1 ст. 4).

Во-вторых, появление новых источников первичного правового регулирования, дополняющих содержание федеральных законов, существенно увеличило объем нормативных актов в субъектах РФ, муниципальных образованиях и легализованном негосударственном правотворчестве, что необходимо привело к использованию электронных документов и, таким образом, способствовало стремительному проникновению цифровизации в право. Как отмечается в литературе, «приспособившись» к цифровым технологиям, право становится все более «унифицированным», «наукоемким», «машиночитаемым», приобретает статус «высокотехнологичного», «цифрового» права¹. Такие качественные характеристики в праве позволили закрепить в ГК РФ понятие «цифровые права» (ст. 141.1).

Как следствие, появление «высокотехнологичного права» значительно повысило результативность правотворческой деятельности. У субъектов всех уровней первичного регулирования появилась возможность посредством высокой точности расчетов бюджетных средств, имеющихся в распоряжении субъектов РФ, муниципальных и легализованных негосударственных образований, определять приоритеты плановых расходов финансовых средств в целях повышения уровня материальных и духовных благ индивидов, иных субъектов права по сравнению со стандартами, установленными федеральным законодательством.

Можно привести и такие примеры, когда технологичность и логичность права предоставляет нормам первичного регулирования больше возможностей конкретизировать действие принципа равенства в праве, более предметно использовать принцип эквивалентности в трудовых отношениях, стимулировать трудовую активность работников, оплату их труда и др.²

Между тем анализ показывает, что в современных условиях содержательная сторона принципа равенства все больше трансформируется в формально-правовое равенство и в таком виде

¹ См., напр., Бертовский Л.В. Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2021. Т. 25. № 4. С. 735.

² См.: Сырых В.М. Логические основания общей теории права. Т. 3. М. 2007. С. 140. Он же. Материалистическая теория права. Т. 2. Сущность права. М. 2011. С. 444, 447.

доминирует в запредельно широких масштабах. Например, частное позитивное право не всегда гарантирует сохранность имущества собственника от какого-либо незаконного действия отдельных лиц, что затрудняет собственнику получить возмещение причиненного ему ущерба. Многие гражданско-правовые договоры представляют стандартный набор положений на все виды сделок и потому носят формальный характер. Это хорошо видно на примере банковских кредитов, где формальность правового равенства просматривается в том, что законодатель не предлагает учитывать возможности заемщика своевременно погасить кредит, как того требует принцип эквивалентности.

В-третьих, несмотря на то, что в целом просматриваются позитивные процессы в первичном правовом регулировании на всех его уровнях, время от времени возникают противоречивость и несогласованность внутри массива федеральной, региональной, муниципальной нормативной базы, а также в легализованном негосударственном правотворчестве. Как следствие, имеют место издержки первичного правового регулирования: неверный выбор предмета первичного правового регулирования, ошибочное определение статуса субъектов законодательного, муниципального и легализованного негосударственного уровней первичного регулирования, неоднозначное отношение к роли нормативных правовых актов исполнительных органов власти в правовом регулировании и др. По меткому выражению С.А. Белоусова, подобного рода несогласованность в федеративном государстве проявляет себя как «законодательный дисбаланс»³.

В этой связи, как уже отмечалось, новые формы первичного регулирования, реализуемые на всех его уровнях, способствуют гармонизации федерального законодательства на региональном уровне, дополнению первичных норм федеральных законов решениями правотворческих органов муниципальных и легализованных негосударственных образований⁴.

В-четвертых, до настоящего времени представления ученых-правоведов и юристов-практиков о свойствах норм первичного правового регулирования, признаках их первичности, о роли на региональном, муниципальном и легализованном негосударственном уровнях правового регулирования, о формах их реализации отличаются большим разбросом мнений.

В этом свете следует обратить внимание на то, что первичные нормы, реализуемые на различ-

³ См.: Белоусов С.А. Законодательный дисбаланс (доктрина, теория, практика): автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Саратов, 2015. С. 5; См., также Сырых В.М. Теория государства и права. М. 2012. С. 204; Исаков И.Н. Федеративная правовая политика как принципиально новая разновидность общегосударственной правовой политики // Правовая политика и законодательство субъектов Российской Федерации: монография / под ред. А.В. Малько. – М.: Юрлитинформ, 2014. С. 37–38.

⁴ В Законе о местном самоуправлении № 131 от 06.10.2003 г. вместо термина «норма» употребляется термин «решение».

ных уровнях правового регулирования, обладают общими свойствами. Среди них можно выделить наиболее характерные: 1) принимаются в пределах компетенции правотворческого органа, что указывает на легитимность и самостоятельность каждого уровня первичного правового регулирования; 2) имеют общеобязательное значение на соответствующем уровне первичного правового регулирования, что способствует достижению целей первичного регулирования на каждом его уровне; 3) защищаются всеми законодательно закрепленными средствами правовой системы Российской Федерации, в том числе мерами государственного принуждения, что обеспечивает гарантированность их исполнения и др.

В то же время первичные нормы имеют *особенные признаки*:

- нормы легализованного негосударственного правотворчества принимаются по собственной инициативе, как по общеустановленным правилам, так и по внутренним правилам данной организации, а их обнародование осуществляется по усмотрению упомянутых органов правотворчества;
- не все нормы регионального законодательства являются первичными, а лишь те из них, которые принимаются в процессе собственного законотворчества;
- первичные нормы регионального и муниципального уровней выражают *особенные* интересы жителей регионов и муниципальных образований, а легализованные негосударственные органы правотворчества отражают интересы исключительно своих организаций и за счет собственных бюджетов;
- нормы, предусматривающие более высокие стандарты прав и свобод граждан, проживающих в регионах и муниципальных образованиях должны быть материально гарантированы актами соответствующего правотворческого органа.

Как видим, признаки первичности присущи не всем нормам законов субъектов РФ, решениям органов муниципальных образований и предписаниям легализованного негосударственного правотворчества, а лишь тем из них, которые принимаются в пределах полномочий их правотворческих органов. Следовательно, ключевым признаком первичности правовых норм, действующих на всех уровнях правового регулирования, выступает – *полномочие* соответствующих субъектов на издание первичных норм в качестве общеобязательных исходных правил правового регулирования.

В целом, под первичными нормами, выступающими первоосновой образования новых форм и самостоятельных уровней правового регулирования, автором настоящей статьи предлагается понимать *общеобязательные исходные правила, установленные Конституцией и законами Российской Федерации, решениями управомоченных органов муниципальных образований, предписаниями ле-*

гализованного негосударственного правотворчества, иных социальных сообществ, образующих самостоятельные уровни правового регулирования и по замыслу законодателя, предполагающих в силу динамики общественных отношений, дальнейшую конкретизацию первичных норм органами исполнительной власти.

Итак, обладание названными качествами позволяет нормам первичного правового регулирования играть первостепенную роль в образовании новых форм и самостоятельных уровней первичного правового регулирования, что ориентирует на дальнейшее развитие теории и практики правового регулирования. В частности, позволяет обосновать идею о разноуровневом характере правового регулирования, выступающим одним из ведущих принципов современной системы нормативных правовых актов в Российской Федерации.

Основываясь на таком подходе, можно сформулировать определение понятия «уровень первичного правового регулирования».

Уровень первичного правового регулирования – это принятая с санкции государства компетентным органом или социальным сообществом совокупность норм права, закрепляющих первичное регулирование общественных отношений в развитие действующего законодательства и обеспеченная мерами государственного принуждения.

Если данное определение взять за основу дальнейшего исследования, то в Российской Федерации первичное правовое регулирование осуществляется на *четырёх уровнях*: 1) федерального законодательства; 2) законодательства субъектов РФ; 3) муниципального правотворчества; 4) легализованного негосударственного правотворчества, иных социальных сообществ.

Предлагаемое исследование показывает, что других уровней *первичного* правового регулирования в современной российской системе права не существует¹.

Выводы.

1. В современных условиях первичное правовое регулирование необходимо приобретает разноуровневый характер и осуществляется в различных формах. Помимо законодательного и муниципального уровней, в эту сферу вовлекается легализованное негосударственное правотворчество. Органично дополняя законы, оно предопределяет практику широкого действия принципа равноправия как перспективного направления развития внутринациональной системы российского права.

2. Первостепенная роль в образовании норм и уровней правового регулирования принадлежит нормам первичного правового регулирования.

3. Каждый уровень правового регулирования, находясь в состоянии единства с волей законодателя, определяется в настоящем исследовании как самостоятельное правовое образование, обладающее способностью интегрировать и индивидуализи-

¹ Специального исследования требует дискуссионный вопрос о международном уровне первичного правового регулирования.

зировать права и обязанности в конкретных правоотношениях, осуществлять прямые и обратные интегративные связи, аккумулировать отечественную практику, участвовать в разрешении конфликтов и внутринациональных споров.

Литература

1. Белоусов С.А. Законодательный дисбаланс (доктрина, теория, практика): автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Саратов, 2015. – 62 с.
2. Бертовский Л.В. Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2021. Т. 25. № 4. С. 735–749.
3. Исаков И.Н. Федеративная правовая политика как принципиально новая разновидность общедоказательной правовой политики // Правовая политика и законотворчество субъектов Российской Федерации: монография / под ред. А.В. Малько. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 216 с.
4. Костюков А.Н. Муниципальное право как отрасль российского права. Предмет, принципы, режимы, конструкции, система: дисс. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург. 2003. – 474 с.
5. Малько А.В. Механизм правового регулирования // Правоведение. 1996. № 3 (214). С. 54–62.
6. Радко Т.Н. Теория функций права: монография. – Москва: Проспект, 2014. – 272 с.
7. Сырых В.М. Логические основания общей теории права. Т. 3. Современное правопонимание. М.: Российская академия правосудия, 2007. 512 с.
8. Сырых В.М. Материалистическая теория права. Т. 2. Сущность права. М.: Российская академия правосудия 2011.
9. Сырых В.М. Теория государства и права. М.: ЗАО Юстицинформ, 2012–704 с.
10. Тихомиров Ю.А. Государственно-правовое регулирование: основание и пределы // Журнал российского права. № 9. 2017. С. 5–16.
11. Черногор Н.Н., Самодаева Л.Н. Функции муниципального права и значение их изучения для практики государственного и муниципального управления // Государственное управление.

МГУ им. М.В. Ломоносова. 2015. № 49. С. 177–192.

THE CONCEPT AND FORMS OF MULTILEVEL PRIMARY LEGAL REGULATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Isakov I.N.
NIU MIET

The article develops the theory and practice of legal regulation by supplementing its individual provisions. It is proved that in the conditions of a democratic and socially oriented Russian state, new forms and levels of primary legal regulation are emerging due to the expansion of the range of subjects entitled to adopt the norms of primary regulation. In addition to the legislative and municipal levels of legal regulation, a wide range of legalized non-state lawmaking is involved in this area. In these conditions, primary legal regulation must acquire a multi-level character, focused on increasing the level of satisfaction of material and spiritual benefits of various subjects, compared with the standards established by federal legislation.

Keywords: lawmaking, laws, level of legal regulation, norms of primary regulation, competence, specification, multi-level legal regulation.

References

1. Belousov S.A. Legislative imbalance (doctrine, theory, practice): author. dis. ... doc. legal Sciences. Saratov, 2015. – 62 p.
2. Bertovsky L.V. Bulletin of RUDN University. Series: Legal Sciences. 2021. V. 25. No. 4. S. 735–749.
3. Isakov I.N. Federal legal policy as a fundamentally new variety of federal legal policy // Legal policy and lawmaking of the subjects of the Russian Federation: monograph / ed. A.V. Malko. – M.: Yurilitinform, 2014. – 216 p.
4. Kostyukov A.N. Municipal law as a branch of Russian law. Subject, principles, modes, constructions, system: diss. ... doc. legal Sciences. Ekaterinburg. 2003. – 474 p.
5. Malko A.V. The mechanism of legal regulation // Jurisprudence. 1996. No. 3 (214). pp. 54–62.
6. Radko T.N. The theory of functions of law: monograph. – Moscow: Prospekt, 2014. – 272 p.
7. Syrykh V.M. Logical foundations of the general theory of law. T.3. Modern legal understanding. M.: Russian Academy of Justice, 2007. 512 p.
8. Syrykh V.M. materialistic theory of law. T. 2. Essence of law. Moscow: Russian Academy of Justice 2011.
9. Syrykh V.M. Theory of Government and Rights. M.: CJSC Yustitsinform, 2012–704 p.
10. Tikhomirov Yu.A. State legal regulation: grounds and limits // Journal of Russian law. No. 9. 2017. P. 5–16.
11. Chernogor N.N., Samodaeva L.N. Functions of Municipal Law and the Importance of Their Study for the Practice of State and Municipal Administration // Public Administration. Moscow State University M.V. Lomonosov. 2015. No. 49. S. 177–192.

Правовое регулирование цифровизации налогового контроля

Александров Сергей Николаевич,

магистр программы «Налоговый юрист», ФГБОУ ВО
«Российский государственный университет правосудия»
E-mail: Snaleksandrovsn@gmail.com

В условиях цифровизации российской экономики одной из важнейших задач становится цифровизация налогового контроля. В статье рассмотрены тренды развития цифровизации в налоговом контроле и выгоды от внедрения цифровизации. Трендами, которые могут быть применены при цифровизации, являются большие данные, аналитика, искусственный интеллект, машинное обучение, Интернет вещей, мобильность и облачные вычисления. Внедрение этих трендов имеет огромное влияние на налоговые органы. Цифровизация в налоговых органах повышает прозрачность данных, что приводит к добровольному соблюдению норм и правил налогообложения, пониманию гражданами процессов налогообложения, связыванию интересов налоговых органов с интересами налогоплательщиков. Автоматизация сбора налогов позволяет налогоплательщикам удобно платить налоги, а налоговым органам легко контролировать этот процесс. Внедрение цифровых технологий меняет как технологические процессы в налоговых органах, так и нормативную базу. Налоговые органы должны быть готовы к этим изменениям.

Ключевые слова: налоговый контроль, налогоплательщик, налоговое администрирование, экономика, цифровизация.

Введение

Налоговый контроль применяется для исполнения норм налогового права [1, 2]. Налоговый контроль призван для пополнения бюджета государства.

Глобализация и цифровизация бизнеса привели к огромному росту торговли по всему миру [3, 4].

Эта статья посвящена пути развития цифровой трансформации, которые налоговые органы должны будут предпринять, чтобы помочь общему оздоровлению в своих странах и стабильности, экономического роста и привлекательности для инвесторов [5, 6, 7].

Тренды цифровой экономики в налогообложении

В настоящее время некоторые технологические тренды, включая большие данные [8], аналитику, искусственный интеллект (ИИ) [9], машинное обучение, Интернет вещей (IoT) [10], мобильность и облачные вычисления имеют огромное влияние на налоговые органы. Взятые по отдельности или вместе, эти тенденции предоставляют возможность повысить удовлетворенность налогоплательщиков, расширить возможности сотрудников налоговых органов, оптимизировать операции и модернизировать услуги. Именно здесь начинается цифровая трансформация.

По мере того, как услуги облачных вычислений и их внедрение становятся все более зрелыми, многие различные организации всех форм и размеров обращаются к облаку как к основному двигателю своей инфраструктуры. Однако для многих стран процесс в условиях государственного сектора имеет тенденцию быть несколько медленным. Это в значительной степени связано с историческими правилами, которые требуют обновление плюс отсутствие цифровых навыков и понимания преимуществ облака.

Доверие к облачным вычислениям, как правило, растет постепенно, но управление данными может помочь развивать доверие, улучшая и упрощая управление растущими объемами данных и извлечение данных при соблюдении нормативных требований. Есть много аспектов управления данными, таких как классификация данных. Это позволяет органам государственного сектора назначать относительные значения для данных, которые они поддерживают, а затем управлять этими данными на основе их значения.

Существуют также модели управления, механизмы контроля изменений, улучшенное шифрова-

ние, и расширенное управление идентификацией и правами. Эти факторы улучшат уровень уверенности, необходимый для рассмотрения возможности переноса налоговых приложений и данных в облако.

Гибридное облако также помогает в этом переходе. В этом случае обрабатываемые данные находятся в публичном облаке, в то время как личная информация, связанная с налоговыми данными, остается в частном облаке.

Со временем, по мере роста доверия к облачным вычислениям, администрации могут постепенно переводить контент из частных облаков в общедоступные.

С помощью цифровой трансформации налоговые органы могут превратить данные в бизнес-актив, используя прогнозное моделирование и анализ макроэкономических тенденций и изменений в политике, которые способствуют развитию кадрового потенциала. Это может упростить соблюдение требований и помочь предотвратить налоговые ошибки и мошенничество. Это может помочь улучшить услуги налогоплательщиков, облегчая способы оплаты, выдавая более быстрое возмещение и предоставление более легкого доступа к соответствующей информации. Для налоговых органов это может сократить время операций, снизить затраты, улучшить методы управления рисками и аудита эффективности и лучше стимулировать межнациональные приоритеты. Цифровая трансформация может помочь в налогообложении в следующих основных областях:

Прозрачность. Исследования показывают, что повышение прозрачности стратегии, процессов и инвестиций за счет структурирования и визуализации данных могут повысить удовлетворенность налогоплательщиков и добровольное соблюдение норм и правил налогообложения.

Все большее число стран приняли модели совместного соблюдения и мягкие правовые инструменты, такие как более широкое вовлечение налогоплательщиков в управление доходами.

Решения, ориентированные на налогоплательщиков. По оценкам, развивающиеся страны теряют почти 1 триллион долларов в год из-за незаконных финансовых потоков [11, 12]. Ликвидация этих пробелов зависит главным образом от состояния экономики и способности налоговой системы заставить налогоплательщиков добровольно соблюдать уплату налогов. Участие налогоплательщиков может быть значительно улучшено за счет более глубокого понимания граждан, чем они занимают и как взаимодействуют с правительством, делая онлайн и офлайн-взаимодействия налогоплательщиков персонализированными, простыми, последовательными, интуитивно понятными и доставляемыми в режиме реального времени. Налоговые администрации могут получить всестороннее представление о налогоплательщиках и их потребностях, помогая им настраивать электронные услуги и открытые многоканальные коммуникации [13–16].

Связывание заинтересованных сторон. Налоговые органы и налогоплательщики ожидают такого же легкого доступа и обмена информацией в режиме реального времени. Налоговая информация, которую они получают от других держателей данных, таких как банки и потребители, предприятия. Такие возможности улучшают связь и сотрудничество между налоговыми органами администрациями и налогоплательщиками (юридическими и физическими лицами). Это также помогает налоговым органам безопасно обмениваться актуальными данными с банками, работодателями, биржевыми комитетами, торговыми палатами и многое другое.

Решения на основе данных и автоматизированные процессы. Налогоплательщики хотят быть уверенными в том, что их личная информация получает надлежащий уровень конфиденциальности, безопасности и защиты. В то же время они ожидают получать персонализированные, в режиме реального времени, надежные услуги. Чтобы сбалансировать оба требования, налоговые органы ищут пути эффективного собирать, защищать, анализировать и управлять структурированными и неструктурированными данными. Это дает возможность лицам, определяющим налоговую политику, принимать решения, которые стимулируют рост и улучшают их публичный имидж за счет повышения прозрачности и подотчетности.

Инвестирование в возможности управления изменениями. Модернизация рабочего места не может быть успешной без участия сотрудников. Изменение поведения людей, однако, может оказаться сложным. Успех часто зависит от четкого видения целей и передачи знаний. Одна из популярных тенденций для достижения этих задач исходит из установления кооперативного подчинения, поддерживающего отношения, в котором налоговые администраторы помогают налогоплательщикам понять их бизнес. Это предполагает использование профессионального налогового аудитора, ориентированного на риски, работающий с данными соответствия в режиме реального времени.

Готовность сделать больше с меньшими ресурсами. Бюджетные ограничения и нехватка надлежащих ресурсов часто оказывают давление на налоговые органы делать больше с меньшими затратами. Поскольку администрации продолжают накапливать все большие объемы данных налогоплательщиков, они захотят преобразовать эту информацию в полезную информацию, которая поможет им увеличивать доходы, сохраняя инвестиционную привлекательность своей страны и облегчают налогообложение.

Налоговой администрации необходимо принять меры в отношении к отмыванию денег и уклонению от уплаты налогов. Кроме того, им нужно будет инвестировать в технологии для надлежащего управления ростом данных. Это включает в себя привлечение и вербовку людей с нужным набором навыков в области анализа данных и интеллектуального анализа данных, судебного аудита,

управления рисками и налоговые технологии, чтобы иметь возможность генерировать действенную информацию.

Современная налоговая администрация полагается на свою способность беспрепятственно внедрять новые цифровые технологии на рабочем месте и в услугах. Чтобы добиться успеха налоговой администрациям следует рассмотреть возможность создания следующих компонентов:

Стратегия соответствия. Цифровая трансформация требует управления соответствием требованиям. Сюда входит разработка методологии соблюдения и реорганизация подразделений вокруг ключевых сегментов налогоплательщиков, таких как крупные предприятия, эксперты в предметной области и частные лица. Управление также требует видения предотвращения и обнаружения налогового мошенничества. Любые стратегии соответствия должны соответствовать ценностям и поведению сотрудников, ответственных за налогообложение, аудит, сбор и управление доходами. Такой подход помогает администрации налогообложения определять приоритетность надзорной деятельности и эффективно координировать скудные ресурсы по отношению к ним. Правильно разработанные ключевые показатели эффективности (KPI), привязанные к стратегии соблюдения можно использовать для мониторинга прогресса усилий по наращиванию потенциала и цели на постоянной основе.

Законодательная база. Цифровая трансформация может потребовать новых налоговых и простых процедур, которые модернизируют административные и процессуальные наказания по всем обвинениям. Это касается многих аспектов, в том числе конфиденциальность, неприкосновенность частной жизни, условия использования персональных данных, ответственность по договору между налоговыми органами и налогоплательщиками и так далее. Задача здесь поставлена в том, чтобы заменить жесткое «как есть» предполагая, что налоговые законы часто практикуют инновации, которые могут охватывать глобальную цифровую экономику.

Операционная структура. Операционная структура представляет собой план ядра налоговой администрации, соблюдение процессов и процедур. Это включает в себя разработку модели системы управления, организационную структуру, должностное руководство, операционные процессы для достижения комплаенс-стратегии, управленческой отчетности, а также распределение ролей и обязанностей в рамках организации. Ни одна операционная структура не подходит для всех налоговых органов, нужны фреймворки.

Налоговые технологии и инфраструктура. Чтобы оптимизировать преимущества налоговых технологий, а также управлять комплаенс-рисками и будущими доходами, налоговые органы должны рассмотреть возможность разработки стратегии, направления инноваций и дать четкое представление о конечной структуре налоговой технологической инфраструктуры. Новая технология имеет

свой собственный набор требований, в том числе подходящая физическая среда для установки, непрерывная ежедневная поддержка среды, текущее обслуживание и затраты на лицензии, новые требования безопасности, мониторинг и планирования будущих улучшений и так далее. Многие из этих проблем можно решить через соглашения об уровне обслуживания с доверенным поставщиком облачных услуг.

Измерение производительности. Инструментальные панели измерения производительности и отчеты представляют собой реальный способ постоянной поддержки и стратегического руководства со стороны правительств и политиков.

Они также повышают прозрачность процессов и подотчетность. Эффективное измерение производительности включает в себя периодическую оценку установленных KPI, актуальности, прогресса, эффективности и влияние деятельности на цели проекта. Ощутимый результат мониторинга и измерения могут быть представлены в периодических отчетах о ходе работы (например, полугодовых или годовых) ключевым заинтересованным сторонам. Обмен успехами (и ошибками) с организацией является неотъемлемой частью получения поддержки и доверия к этой организации. Его также можно использовать для информирования ключевых заинтересованных сторон и широкой общественности, что способствует укреплению доверия.

Совершенствование налогообложения за счет цифровой трансформации

Цифровая трансформация может значительно улучшить жизнь налоговых администраторов и налогоплательщиков. Для администраторов работа с новыми технологиями увеличивает их мотивацию, делает их более продуктивными и оптимизирует операции и расходы [17–20].

Для налогоплательщиков расширяет количество и виды услуг налогоплательщиков, привлекая граждан и оставляя их более довольными их общим опытом. Сформулируем основы цифровой трансформации:

Привлечение налогоплательщиков. Налогоплательщики ожидают новых уровней доступа и взаимодействия с налоговыми администрациями. Персонализированные взаимодействия могут помочь построить лояльные отношения, при удовлетворении следующих требований:

- *Простота.* Упрощение налоговых услуг для налогоплательщиков означает меньше взаимодействий, более простые формы и процессы, и более быстрое время отклика на запросы. Кроме того, администрации получают лучшее понимание налогоплательщиков.
- *Прозрачность.* Налогоплательщики с большей вероятностью добровольно подчинятся, когда налоговые органы установят системы, считающиеся одновременно честными и справедливыми.

- *Управление данными.* Налогоплательщики хотят быть уверенными в том, что их налоговые органы справятся с их информацией с надлежащим уровнем конфиденциальности, безопасности и защиты, чтобы завоевать их доверие.

Расширение возможности своих сотрудников.

Цифровые технологии могут помочь современным налоговым администрациям, сократив количество агентств взаимодействия и улучшения проверок и контроля. Они также может автоматизировать обмен данными, что снижает ручную обработку, получение высокоточных данных о налогоплательщиках и многое другое. Особенности и ресурсы включают в себя:

- в любое время и в любом месте доступ к лучшим в своем классе инструментам, обеспечивающим гибкость и знания, что повышает удовлетворенность работой сотрудников, опыт работы на рабочем месте и привлекательность;
- системы, ориентированные на граждан, которые объединяют информацию из нескольких источников и позволяют использование персонализированных услуг. Искусственный интеллект, чат-боты берут на себя более низкие повторяющиеся и трудоемкие задачи, чтобы сотрудники могли сосредоточиться на дополнительных услугах;
- развитие новых навыков на основе расширенной аналитики, машинного обучения и искусственного интеллекта;
- более быстрое реагирование и сотрудничество с помощью телеконференций, основанных на знаниях платформы, виртуальные командные рабочие места, интеллектуальные порталы, внутренние инструменты социальных сетей и мобильные приложения;
- инструменты электронного обучения и эксперты, с которыми можно связаться в режиме онлайн для общения, инструменты совместной работы;
- инструменты управления эффективностью, помогающие повысить мотивацию работников и сосредоточенность их на лучшее качество обслуживания;
- механизмы обратной связи, которые показывают влияние государственных служащих на уровень удовлетворенности и доверия граждан и качество обслуживания.

Цифровые технологии приносят пользу всем, кто работает в налоговом органе. Самая распространенная основа использования относятся к роли сотрудника в администрации:

- налоговым аудиторам, часто находящимся в пути, требуется безопасный, надежный доступ к данным в режиме реального времени. Цифровой технология предлагает управление идентификацией, мобильные устройства и приложения, синхронизацию данных, онлайн, а также работу в автономном режиме, проведение конференций, управление производитель-

ностью и автоматизированные рабочие процессы;

- сотрудникам налоговых органов, работающим с клиентами, требуется многоканальный доступ и мобильный поиск возможностей управления обязательствами налогоплательщиков. Это может быть контакт-центр, смарт порталы, электронная почта, поиск на основе знаний и корпоративный поиск, управление делами и виртуальные помощники на базе искусственного интеллекта;
- персонал бэк-офиса налогового агентства может использовать инструменты повышения производительности для улучшения совместной работы и предлагать приложения для бухгалтерского учета, управления проектами по обработке возвратов, бизнес-аналитики (BI) информационные панели и отчеты. Виртуальные помощники (на основе искусственного интеллекта) могут упростить поиск и помощь с руководством по дальнейшим действиям;
- менеджеры могут использовать бизнес-аналитику, мобильные приложения и платформы электронного обучения, чтобы повысить качество обслуживания, время обработки, удовлетворенность налогоплательщиков, исполнение бюджета и так далее.

Оптимизация операций. Налоговые органы хотят повысить свою эффективность, производительность, прозрачность и надежность обслуживания. Самообслуживание, интеллектуальная отчетность, мощные поисковые системы, простота подключения, улучшенные возможности анализа и многие другие решения могут помочь им максимизировать операции. Защита данных означает безопасное подключение пользователей к платформе на основе многофакторная аутентификация.

Для дальнейшего повышения оптимизации современные налоговые органы могут стимулировать третьих лиц, таких как держателей данных, поставщиков налоговых услуг и отраслевых ассоциаций, для предоставления новых услуг путем передачи своих знаний и бизнес-правил. Интегрированные решения могут лучше обслуживать налогоплательщиков и обеспечивать соответствие проще, чем отдельные услуги. Это может быть особенно верно в условиях глобальной экономики, в которой трансграничные операции и перемещение людей получили более широкое распространение, что требует дальнейшего сотрудничества между налоговыми администрациями, например, посредством обмена информацией.

Третьи стороны также должны играть важную роль, поскольку они могут быть в наибольшей степени способны предоставить интегрированные решения, которые упрощают работу налогоплательщика.

Модернизация услуг. Сегодня налогоплательщики ожидают персонализированных, надежных и доступных услуг в режиме реального времени онлайн и офлайн в любое время и просто в исполь-

зовании. Автоматизированная интегрированная система может обеспечить эти ожидания за счет сокращения ручного ввода и сведения к минимуму риска ошибок путем проверки на выявление несоответствий в режиме реального времени и немедленное их исправление. Для предоставления такого решения налоговые органы должны иметь следующее:

- безопасная, масштабируемая инфраструктура;
- способность обрабатывать огромные объемы данных и извлекать из них ценную информацию;
- возможность автоматизации и персонализации услуг с использованием искусственного интеллекта;
- платформы для общения и совместной работы для взаимодействия G2G, G2C и G2B;
- гибкое рабочее место и многоканальные платформы.

Заключение

Цифровые технологии – это инструмент, который может помочь современной налоговой администрации сократить расходы, свести к минимуму налоговое мошенничество, дать возможность сотрудникам предоставлять налогоплательщикам новые более ценные услуги и дать представление о текущем состоянии и будущем развитии экономики и общества. Инфраструктура устойчивых налоговых технологий приносит пользу налоговым администрациям, а также налогоплательщикам, обеспечивая эффективное соблюдение налоговых требований, повышая удовлетворенность налогоплательщиков и добровольное соблюдение требований. Для достижения этого требуется надлежащее целостное видение и стратегия с четким планом реализации и надлежащей системой мониторинга. Управление технологическими изменениями заключается в привлечении внутренних и внешних заинтересованных сторон за счет обеспечения прозрачности событий, независимо от того, успешны они или нет.

Статья позволяет использовать инновации с точки зрения технологических разработок, чтобы иметь возможность практически построить устойчивый налоговый контроль на десятилетия вперед. Цифровые технологии могут помочь достичь этой цели.

Литература

1. Бородина Ю. И., Токмачева Н.В. Цифровизация налогового контроля России и ее влияние на экономическую безопасность // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 4. С. 71–76. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-71-76>.
2. Ахмадеев Р. Г., Морозова Т.В. Цифровизация экономики и эффективность налогового контроля // Научные исследования и разработки. Экономика фирмы. 2021. № 4.

С. 20–25. DOI: <https://doi.org/10.12737/2306-627X-2021-10-4-20-25>

3. Кирова Е.А., Кожебаткина А.В. Модернизация налогового контроля в условиях цифровой экономики // Вестник университета. 2020. № 9. С. 94–99.
4. Косов М.Е. Проблематика внешнего государственного финансового контроля в Российской Федерации // Аудиторские ведомости. 2021. № 2. С. 48–51.
5. Шайтура С.В., Белю Л.П. Цифровая трансформация экономики // Славянский форум. 2021. № 4 (34). С. 344–355.
6. Алиев М.А., Алиева Э.Б., Шугаибова К.Р. Проблемы совершенствования системы налогов и сборов Российской Федерации // Закон и право. 2020. № 2. С. 61–62.
7. Захарова А.В., Самоделко Л.С., Кирова Е.А. Оценка возможности применения цифровой платформы Федеральной налоговой службы России при определении налоговой нагрузки организации // Вестник университета. 2021. № 4. С. 97–105.
8. Shaitura S.V., Feoktistova F.M., Minitaeva A.M., Olenev L.A., Chulkov V.O., Kozhaev Y.P. Spatial geomarketing powered by big data // Revista Turismo Estudos & Práticas. 2020. № S5. С. 13.
9. Гаврилова В.В., Шайтура С.В. Естественный и искусственный интеллект // Славянский форум. – 2014. – № 2 (6) – с. 24–27.
10. Шайтура С.В., Замятин П.А., Белю Л.П., Султаева Н.Л. Совокупная стоимость владения решениями на базе технологии «интернет вещей» // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2021. № 2. С. 124–133.
11. Изотов А.В. Цифровизация налоговых правоотношений: теоретико-правовой аспект // Финансовое право. 2021. № 1. С. 28–31.
12. Караев А.К., Понкратов В.В. Межстрановой анализ эффективности энергетических субсидий // Экономика. Налоги. Право. 2019. Т. 12. № 5. С. 101–110.
13. Митусова Е.Ю. Перспективы интеграции оперативного контроля в систему налогового контроля // Экономическое развитие России. 2021. Т. 28. № 7. С. 49–56.
14. Напсо М.Б. Налоговые новации в контексте реализации принципов налогообложения // Современное право. 2020. № 4. С. 67–73.
15. Никонов П.А. Выявление налоговых злоупотреблений // Бухгалтерский учет. 2021. № 6. С. 49–54.
16. Секушин А.Ю. Цифровизация и налоговый контроль: опыт зарубежных администраций и возможности его имплементации в России // Налоги и налогообложение. 2021. № 3. С. 26–38.
17. Цинделиани И.А., Гусева Т.А., Изотов А.В. Совершенствование налогового контроля в условиях цифровизации. // Правоприменение. –

2022;6(1):77–87. [https://doi.org/10.52468/2542–1514.2022.6\(1\).77–87](https://doi.org/10.52468/2542–1514.2022.6(1).77–87)

18. Семенова Г.Н. Налоговый контроль и ответственность за совершение налоговых правонарушений // Вестник Московского государственного областного университета. 2021. № 1. С. 133–144.
19. Тускаева М.Р., Бетров С.А., Гасанова З.А. Инновационное развитие налогового механизма с учетом международной практики // Экономика и управление: проблемы, решения. 2019. Т. 4. № 1. С. 155–159.
20. Эриашвили Н.Д., Соф'ин А.А., Назарычев Д.В. Налоговый мониторинг как способ обеспечения экономической безопасности // На страже экономики. 2020. № 3 (14). С. 87–91.

LEGAL REGULATION OF DIGITALIZATION OF TAX CONTROL

Aleksandrov S.N.

Russian State University of Justice

In the context of the digitalization of the Russian economy, one of the most important tasks is the digitalization of tax control. The article considers the trends in the development of digitalization in tax control and the benefits from the introduction of digitalization. The trends that can be applied in digitalization are big data, analytics, artificial intelligence, machine learning, the Internet of Things, mobility and cloud computing. The introduction of these trends has a huge impact on the tax authorities. Digitalization in the tax authorities increases the transparency of data, which leads to voluntary compliance with the rules and regulations of taxation, citizens' understanding of taxation processes, linking the interests of tax authorities with the interests of taxpayers. Automation of tax collection allows taxpayers to pay taxes conveniently, and it is easy for tax authorities to control this process. The introduction of digital technologies is changing both the technological processes in the tax authorities and the regulatory framework. Tax authorities should be prepared for these changes.

Keywords: tax control, taxpayer, tax administration, economics, digitalization

References

1. Borodina Yu. I., Tokmacheva N.V. Digitalization of tax control in Russia and its impact on economic security // State and municipal management. Scientific notes. 2021. No. 4. S. 71–76. <https://doi.org/10.22394/2079–1690–2021–1–4–71–76>.
2. Akhmadeev R. G., Morozova T.V. Digitization of the economy and the efficiency of tax control // Scientific research and development. The economics of the firm. 2021. no. 4. S. 20–25. DOI: <https://doi.org/10.12737/2306–627X–2021–10–4–20–25>
3. Kirova E.A., Kozhebatkina A.V. Modernization of tax control in the digital economy // Bulletin of the University. 2020. No. 9. P. 94–99.
4. Kosov M.E. Issues of external state financial control in the Russian Federation // Auditorskie Vedomosti. 2021. No. 2. P. 48–51.
5. Shaitura S.V., Belyu L.P. Digital transformation of the economy // Slavic Forum. 2021. No. 4 (34). pp. 344–355.
6. Aliyev M.A., Alieva E.B., Shugaibova K.R. Problems of improving the system of taxes and fees of the Russian Federation // Law and Law. 2020. No. 2. P. 61–62.
7. Zakharova A.V., Samodelko L.S., Kirova E.A. Evaluation of the possibility of using the digital platform of the Federal Tax Service of Russia in determining the tax burden of an organization. Bulletin of the University. 2021. No. 4. P. 97–105.
8. Shaitura S.V., Feoktistova F.M., Minitaeva A.M., Olenev L.A., Chulkov V.O., Kozhaev Y.P. Spatial geomarketing powered by big data // Revista Turismo Estudos & Práticas. 2020. No. S5. S. 13.
9. Gavrilova V.V., Shaitura S.V. Natural and artificial intelligence // Slavic Forum. – 2014. – No. 2 (6) – p. 24–27.
10. Shaitura S.V., Zamyatin P.A., Belyu L.P., Sultaeva N.L. The total cost of ownership of solutions based on the Internet of Things technology // Bulletin of the Kursk State Agricultural Academy. 2021. No. 2. S. 124–133.
11. Izotov A.V. Digitalization of tax legal relations: theoretical and legal aspect // Financial law. 2021. No. 1. S. 28–31.
12. Karaev A.K., Ponkratov V.V. Cross-country analysis of the effectiveness of energy subsidies // Economics. Taxes. Right. 2019. V. 12. No. 5. S. 101–110.
13. Mitusova E. Yu. Prospects for the integration of operational control into the system of tax control // Economic development of Russia. 2021. V. 28. No. 7. S. 49–56.
14. Napso M.B. Tax innovations in the context of the implementation of the principles of taxation // Modern law. 2020. No. 4. P. 67–73.
15. Nikonov P.A. Identification of tax abuses // Accounting. 2021. No. 6. P. 49–54.
16. Sekushin A. Yu. Digitalization and tax control: the experience of foreign administrations and the possibility of its implementation in Russia // Taxes and taxation. 2021. No. 3. S. 26–38.
17. Tsindeliani I.A., Guseva T.A., Izotov A.V. Improving tax control in the context of digitalization. // Law enforcement. – 2022;6(1):77–87. [https://doi.org/10.52468/2542–1514.2022.6\(1\).77–87](https://doi.org/10.52468/2542–1514.2022.6(1).77–87)
18. Semenova G.N. Tax control and responsibility for committing tax offenses // Bulletin of the Moscow State Regional University. 2021. No. 1. P. 133–144.
19. Tускаева М.Р., Бетров С.А., Гасанова З.А. Innovative development of the tax mechanism taking into account international practice // Economics and Management: Problems, Solutions. 2019. V. 4. No. 1. S. 155–159.
20. Eriashvili N.D., Sof'in A.A., Nazarychev D.V. Tax monitoring as a way to ensure economic security // On guard of the economy. 2020. No. 3 (14). pp. 87–91.

Вэй Цянь,

аспирант школы административного права Юго-Западного университета политических наук и права
E-mail: weiqian20051006@163.com

В древнем Китае местное управление сельским хозяйством и налогообложением имели жизненно важное значение для правителей. Во времена династии Цин Китая именно начальник уезда играл важную роль в местных административных делах Китая. Уезда, как самые базовые административные чиновники в феодальном обществе древней Китая, в которых право на администрацию и правосудие были объединены, начальник уезда был и главным администратором и главным судебным начальником, он осуществлял все основные обязанности цинского правительства в период древней Китая и был также известен как «доступный чиновник», который образовал народу быть лояльным и патриотичным, поддерживал социальную стабильность, он лично управлял всеми делами уезда, народ уважал его как «родительского чиновника». В этой статье будут представлены административные, судебные и образовательные полномочия начальника уезда древнего Китая и их роль в древнекитайском сельском хозяйстве по примеру Нэйсяна. Начальники уезда играли важную роль в низовом управлении древнего Китая, но в последующие годы, когда династия Цин столкнулась с внутренними и внешними трудностями, их роль становилась все более слабой.

Ключевые слова: династия Цин, начальник уезда, полномочия.

В «Литературном памятнике уезда Нэйсян», образованном в период Канси династии Цин Китая записано, «Начальник уезда – учитель народа, его образование и воспитание, достаточно называется учителем конфуцианских обязанностей» [1, с. 160]. В «Рукописи истории династии Цин» записано, «начальник уезда занимается управлением уезда, определяет, какой иск рассматривает, уговаривает крестьян, избавит от коррупции и решает вопрос об образованиях.» [3, с. 2046] Если взять в качестве примера уезд Нэйсян Китая, то его полномочия сводятся к налогообложению и сбору продовольствия, просвещению народа, выслушиванию исков и решению дел, консультированию людей по вопросам сельского хозяйства, ликвидации последствий стихийных бедствий и устройению экзаменов.

В древние времена сельскохозяйственная экономика составляла более восьмидесяти процентов экономики общества. Правительство династии Цин специально учреждало чиновник, распоряжающийся печатью учреждения для сбора денег и зерна. Все, в чем нуждалась страна, отбиралось у народа через начальника уезда, а налоги и зерно собирались на самом низком уровне общества, чтобы содержать большое количество чиновников и армии. В основном начальник уезда приходили два раза в год для сбора денег и зерна, первый раз они начинали, как правило, после нового года, второй раз – обычно в августе, и работа завершается с августа до ноября или конца года.

Для того чтобы своевременно выполнить задачу по налогообложению, начальник уезда в Нэйсяне установил крестьянам размер денег и зерна, если крестьяне уезда не смогут выплатить деньги и зерно в соответствии с размером, они будут подвергнуты наказания. Кроме того, правительство династии Цин установило, что начальник уезда должен лично контролировать сбор денег и зерна, чтобы предотвратить вымогательство со стороны чиновников и начальников уезда [2].

Правительство династии Цин придавало большое значение пропаганде и внушению народу, чтобы регулировать его поведение и добиться лояльности к императору. В 1652 году был обнародован «Шести оракулов императора Шуньчжи». В период правительства Канси древней Китая – шестнадцать оракулов, к которым прилагались подробные комментарии на более простонародном языке, получившие название «Шестнадцать оракулов». Император Юнчжэн также обнародовал «Имперское постановление о уездах и округах», в котором четко предусматривает, что первого и пятнадцатого числа каждого месяца, утром начальник уезда и области должны были надеть жёлтая куртка, на-

деваемая поверх халата, чтобы лично произнести оракул, и, наконец, ритуалист и джентльмен спели и попросили правителя прочесть широкие наставления. В первый и пятнадцатый день каждого месяца начальник уезда Нэйсян читал священные проповеди и просвещал народ, осуществляя полномочия правителя по воспитанию.

Одно из важных полномочий начальника уезда заключалось в осуществлении правосудия. В то время начальник уезда из десяти дней около семи дней занимался разбирательством дел. Перед восточной стороной главного ворота и западной стороной вестибюля присутствия уезда Нэйсян стоят барабаны для тех, у кого есть претензии и кому некуда пожаловаться. Во времена династии Цин была установлена четырехуровневая система судопроизводства от центрального до местного уровня, и было строго запрещено обжаловать решение за пределами своего уровня. «Законы династии Цин Китая» предусматривают, что все иски между военными и народом должны подаваться снизу вверх, и, если человек пересекает полномочия чиновника и в любое время идет к его начальнику, чтобы подать жалобу, подвергается пятидесятикратной порке». [5, с. 473] Во времена династии Цин начальник уезда имел право назначить наказания только 100 порок. Помимо начальника уезда Нэйсян, другие начальники уезда также вымогали признания дела путем пыток. Однако действия начальника уезда также регулировались некоторыми законами и даже в гражданских делах существовала возможность апелляции и пересмотра. Для рассмотрения гражданских и уголовных дел начальник уезда был установлен срок, несоблюдение сроков рассмотрения дела позволяет ему понижение должности или штраф, за исключением приостановки разбирательства во время занятых сельскохозяйственных периодов.

В старые времена население имело очень тесную связь с тем, может ли сельское хозяйство собрать хороший урожай, а сельское хозяйство было напрямую связано с доходами финансов государства и социальной стабильностью, поэтому одной из основных обязанностей начальника уезда было консультирование населения по вопросам сельского хозяйства. Когда начальник уезда не был занят официальными обязанностями, он отправлялся в поездку по сельской местности, чтобы понять бедственное положение людей в регионе и дать им советы по земледелию. В литературном памятнике уезда Нэйсян династии Цин Канси написано, что в день начала весны ворот здания присутствия открываются для народа, который собирается перед залом с разноцветными флагами и играли китайский кларнет. [1, с. 156] Начальник уезда ведет всех чиновников трижды обойти вокруг быка, а сам начальник уезда разбивает быка. Коров наполняют сушеными фруктами и зерном, а чиновники и народ радостно кричат и хватают их, чтобы отпраздновать событие и обеспечить хороший урожай.

Чтобы не пропустить напряженный сельскохозяйственный сезон, начальник уезда не принимали

мелкие гражданские дела в периоды напряженной сельскохозяйственной работы. Начальник уезда запрещен выезжать в сельскую местность по своему усмотрению, чтобы беспокоить людей и не мешать сельскохозяйственного производства. Если в сельской местности есть бесплодные земли, начальник уезда должен призвать крестьян вовремя их освоить, а тех, кто улучшил свои производственные возможности, следует в большей степени поощрять, а тех, кто освоил бесплодные земли и посеял, чтобы наилучшим образом использовать землю, следует поощрять субсидиями за тяжелый труд, чтобы люди могли добросовестно работать и жить счастливо.

В старые времена стихийные бедствия случались часто, начальник уезда использовали различные методы борьбы с ними в интересах стабильного развития страны и общества. Поэтому важной частью обязанностей начальника уезда была борьба с наводнениями и засухами, оказавшим пострадавшим. Правительство династии Цин часто выдавало налоговые льготы и освобождения пострадавшим районам, позволяя им возобновить производство и стабилизировать жизнь. В истории при процессе оказания помощи пострадавшим районам появился ряд хороших начальников уездов, которые были любимы народом, в том числе Чжэн Ши, Хуа Цяо, Чжан Цзин, Ли Цюань, Цюань Дэцян, Гао Куйхай и Чжан Бинтао, они придавали большое значение «накоплению зерна для оказания помощи», строили различные виды амбаров и зернохранилищ, покупали у крестьян большое количество излишков зерна по подходящей цене во время сбора урожая и открывали их во время бедствия, чтобы у людей была еда [3].

В обязанностях начальника уезда также входило быть учителями в школе, отвечать за школьные занятия и экзамены, а также учить одну из дисциплин школы. Начальник уезда председательствовали на начальных экзаменах и уезжал из экзаменов в рамках имперской экзаменационной системы, обеспечивали административную и финансовую поддержку уездной школы, а также регулярно читали лекции для самих студентов, контролируя их обучение. Каждый год в феврале начальник уезда председательствует на окружных экзаменах, которые проводятся в зале присутствия, его часто называют в Китае Сюй Цай. Кроме того, в полномочиях начальника уезда входило ведение домашней книги уезда [4]. Из приведенного выше краткого обзора видно, что полномочия уездных чиновников в династии Цин были более сложными, чем в предыдущих поколениях, и на этой основе были гораздо более утонченными. Оценка чиновников в зависимости от выполнения ими своих обязанностей и функций постепенно становилась все более разнообразной и многогранной. Чем выше должность и статус, тем более обременительными были дела. Начальник уезда был управляющим низовыми офисами округа, а также главным исполнительным и судебным чиновником округа, и если он мог хорошо выполнять эти функции, то управление

округом могло быть упорядоченным, а люди были хорошо накормлены и одеты [6–7].

Начальник уезда является одновременно администратором низовых окружных отделений и главным исполнительным и судебным должностным лицом уезда. Если бы начальник уезда выполнял свои обязанности, то в уезде люди были бы сыты и счастливы, и страна хорошо управлялась бы. Начальник уезда осуществляли различные полномочия. В конце династии Цин государство находилось в упадке, внутренние и внешние проблемы привели к тому, что уездное управление было заброшено, поскольку управление народом осуществлялось в основном сосредоточено на уровне уезда, все дела уезда решались по указаниям начальника, который был невысоким, но очень важным чиновником.

Литература

1. Бюро местной истории уезда Нэйсян провинция Хэнань: Описание уезда Нэйсян, публикация тридцать второго года периода Канси династии Цин (точечное издание)// Издательство древние книги Чжунчжоу. 1-е издание, октября 2016 г.
2. Ван Дуо. Описание уезда Нэйсян, Китайская Республика, Двадцать первый год Китайской Республики. 1932 г.
3. Чжао Эрсун. Рукопись истории династии Цин, Пекин, Китайское книжное бюро. Пекин. 1-е издание. 2020 г.
4. Пять императоров династии Цин, под редакцией пяти министров, Канон пяти династий династии Цин, Пекин, Бюро линейной книги, 2006 г.
5. Тянь Тао, Чжэн Цинь. Законы династии Цин. Пекин.// Юридическое издательство. 1-е издание. 1999 г.
6. Чжан Цзиньфань. История правовой системы династии Цин. Пекин. Китайское книжное бюро. 1-е издание. 1998 г.

7. Чжан Цзиньфань. Институты, правосудие и изменения. Пекин. Юридическая пресса. 1-е издание. 2015 г.

POWERS OF THE GOVERNOR OF NEIXIANG COUNTY DURING THE QING DYNASTY OF CHINA

Wei Qian

Southwest University of Political Science and Law

In ancient China, local governance and agriculture and taxation were vital to the rulers. In the Qing Dynasty, as the lowest federal administrator, the county magistrate played an important role in managing the local administrative affairs. In addition to educating the local people to be loyal and patriotic, the county magistrate is also in charge of maintaining social stability, local people respected them so they were referred as “parental official” for management of all county affairs. Taking the county of Neixiang as an example, the author summarize that the main roles and responsibilities of the county magistrate in Qing Dynasty were to collect taxes, educate the people, make judgement for lawsuits, persuade people to farm and mulberry, provide disaster relief, and promote education and imperial examination, all the examples listed in this essay are of great help to readers to fully understand the importance of their job. This article will introduce the administrative, judicial and educational powers of the governors of ancient China and their role in ancient Chinese agriculture, taking the inner country as an example. The magistrates played an important role in grassroots governance in ancient China, but later, due to the internal and external difficulties of the Qing Dynasty, their role became increasingly weakened.

Keywords: Qing Dynasty, County Magistrate, Roles and Responsibilities.

References

1. Bureau of Local History of Neixiang County, Henan Province: Description of Neixiang County, publication of the thirty-second year of the Kangxi Period of the Qing Dynasty (dotted edition)// Zhongzhou Ancient Books Publishing House. 1st Edition October 2016
2. Van Duo. Description of Neixiang County, Republic of China, Twenty-first year of the Republic of China. 1932
3. Zhao Ersun. Manuscript of the History of the Qing Dynasty, Beijing, China Book Bureau. Beijing. 1st edition. 2020
4. The Five Emperors of the Qing Dynasty, edited by the Five Ministers, Canon of the Five Dynasties of the Qing Dynasty, Beijing, Line Book Bureau, 2006
5. Tian Tao, Zheng Qin. Laws of the Qing Dynasty. Beijing.// Legal publishing house. 1st edition. 1999
6. Zhang Jinfan. History of the legal system of the Qing Dynasty. Beijing. Chinese Book Bureau. 1st edition. 1998
7. Zhang Jinfan. Institutions, justice and change. Beijing. Legal press. 1st edition. 2015

Аспекты применения процедуры недобровольной госпитализации граждан по КАС РФ

Гуляева Влада Алексеевна,

студент, Юридический Институт НИИ ТГУ

E-mail: taisiya.gulyaeva.2017@mail.ru

Обеспечение безопасности здоровья граждан есть одно из приоритетных направлений внутренней политики государства как гарантия социального права граждан на получение медицинской помощи. Статья посвящена особенностям применения процедуры недобровольной госпитализации граждан, страдающих заразной формой туберкулеза, а также иными опасными для окружающих заболеваниями, перечень которых установлен Правительством Российской Федерации. Нормативное закрепление процедура нашла в Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации, поскольку опасные для окружающих заболевания, если вовремя их не предотвратить, способны причинить значительный вред публичным интересам, поскольку негативно влияют не только на численность и здоровье населения, но и на его трудоспособность, что в значительной степени отрицательно сказывается на развитие экономического потенциала страны в целом. Рассматривается возможность применения процедуры принудительной госпитализации граждан, страдающих туберкулезом, по аналогии закона к гражданам, заразившимся иными заболеваниями, представляющими опасность для окружающих, поскольку на сегодняшний день законодателем не предусмотрено иной процедуры, позволяющей судам руководствоваться другими правилами, чтобы изолировать опасного для общества пациента, не допустить дальнейшего распространения заразы, своевременно оказав ему помощь.

Ключевые слова: административное судопроизводство; недобровольная госпитализация; правовое регулирование; аналогия закона; туберкулез; заболевания, опасные для окружающих; безопасность здоровья.

Правовое регулирование борьбы с туберкулезом и другими опасными для окружающих заболеваниями является важным компонентом общественного здравоохранения. Правильное проведение мероприятий по профилактике, диагностике, лечению, изоляции и мониторингу позволяет предотвратить распространение инфекций и защитить население от возможных эпидемий. Но не всегда больные добровольно соглашаются на изоляцию и лечение. В таких случаях приходится прибегать к процедуре недобровольной госпитализации граждан. Рассмотрим особенности данной процедуры и возможности применения ее к больным, страдающим иными опасными заболеваниями.

В соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 31.01.2020 № 66 «О внесении изменения в перечень заболеваний, представляющих опасность для окружающих», Перечень заболеваний, представляющий опасность для окружающих [5] был дополнен Covid-19 (далее по тексту – коронавирусная инфекция). В соответствии с приложением к данному Перечню, помимо туберкулеза и коронавирусной инфекции, к заболеваниям, представляющим опасность для окружающих относятся: холера, ВИЧ, вирусные лихорадки, сибирская язва, малярия, педикулез, чума, инфекции, которые передаются преимущественно половым путем, дифтерия и т.д. [4]. Однако, для граждан, страдающими такими заболеваниями, законодатель не предусмотрел специальной процедуры госпитализации в недобровольном порядке.

Несмотря на это, представляется, что в силу положений ч. 4 ст. 2 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее по тексту – КАС РФ), суды вправе воспользоваться аналогией закона и применить в отношении граждан, заразившихся опасными для окружающих заболеваниями, либо в отношении граждан, контактирующих с зараженными и отказывающихся в добровольном порядке пройти процедуру госпитализации, процедуру, закрепленную в главе 31 КАС РФ, связанную с недобровольной госпитализацией граждан, заболевших туберкулезом, соответственно.

Стоит заметить, что процедура недобровольной госпитализации граждан, страдающих туберкулезом, по КАС РФ осуществляется исключительно в судебном порядке. Основные положения, регламентирующие процедуру осуществления правосудия в отношении дел, связанных с недобровольной госпитализацией гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию, закреплены

в главе 31 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее по тексту – КАС РФ). Конкретизируют нормы КАС РФ положения Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации «О некоторых вопросах, возникающих в связи с рассмотрением судами административных дел о госпитализации гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке» (далее по тексту – Постановление). Немаловажное значение в регулировании отношений по борьбе с туберкулезом играет Федеральный закон от 18 июня 2001 г. N 77-ФЗ «О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации» (далее по тексту ФЗ N 77 – ФЗ).

В соответствии со ст. 281 КАС РФ, подача искового заявления о недобровольной госпитализации гражданина в медицинскую организацию (далее по тексту – административное исковое заявление) может быть осуществлена только в отношении гражданина, страдающего заразной формой туберкулеза и неоднократно нарушающего установленный в отношении него санитарно-эпидемиологический режим, либо в отношении гражданина, неоднократно и умышленно уклоняющегося от обследования в целях выявления опасной для общества болезни или от непосредственного лечения (ч. 1) [1]. К лицам, подлежащим обследованию, в ч. 2 ст. 8 ФЗ N 77 – ФЗ законодатель относит тех, кто контактировал с зараженным туберкулезом, а также тех, в отношении которых имеется подозрение на заражение туберкулезом [2]. Таким образом, можно сделать вывод, что круг лиц, которые могут быть подвергнуты недобровольной госпитализации, достаточно широко определен, что свидетельствует о серьезном подходе со стороны законодателя к регулированию данного вопроса в целях обеспечения безопасности здоровья населения страны.

Такое административное исковое заявление может быть подано в суд руководителем медицинской противотуберкулезной организации, под наблюдением которой находится гражданин, страдающий заразной формой туберкулеза или прокурором (ч. 2). В соответствии с п. 4 Постановления, правом на подачу такого заявления также наделяются главные государственные санитарные врачи и их заместители, а также представители медицинского учреждения, которым право на подачу такого рода искового заявления предоставлено доверенностью или иным документом в качестве одного из его полномочий. Помимо общих требований к содержанию искового заявления, в нем должны быть указаны основания недобровольной госпитализации гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию, установленные ФЗ N 77 – ФЗ, а также обосновывающие требования истца заключения комиссии врачей и иные обосновывающие обстоятельства (ч. 3) [3].

Также к административному исковому заявлению обязательно должны быть приложены:

1. История болезни гражданина;

2. Заключение комиссии врачей противотуберкулезной медицинской организации, подтверждающее диагноз, обосновывающее степень тяжести и необходимость диспансеризации гражданина и т.п.;

3. Документы, на основании которых было составлено заключение комиссии врачей; документы или сведения, содержащие информацию о нарушении гражданином, находящимся в противотуберкулезной медицинской организации санитарно-эпидемиологических правил или информацию, подтверждающую, что такой гражданин с подтвержденным диагнозом туберкулеза отказывается от лечения либо, если это гражданин, в отношении которого есть основания полагать, что он страдает туберкулезом и отказывается от прохождения обследования с целью выявления данной болезни (ч. 4)

и иные процессуальные документы, перечень которых установлен ч. 1 ст. 126 КАС РФ.

Особенностью такого рода административного искового заявления является то, что вопрос о его принятии и рассмотрении судьей должен решить незамедлительно с момента поступления такого административного искового заявления в суд, согласно ч. 1 ст. 282 КАС РФ. подача его осуществляется в суд по месту нахождения противотуберкулезной медицинской организации. В соответствии с положениями п. 4 и п. 5 Постановления, в отношении гражданина, который не находится под наблюдением противотуберкулезной медицинской организации, административное исковое заявление может быть подано по месту жительства, месту пребывания или фактического нахождения такого гражданина.

Положения ст. 283 КАС РФ закрепляют особенности порядка рассмотрения административного дела о недобровольном помещении гражданина в противотуберкулезную медицинскую организацию (далее по тексту – административное дело). В соответствии с ними к таким делам применяются правила главы 30 КАС РФ (О госпитализации гражданина в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в недобровольном порядке и т.д.), если иное не установлено КАС РФ или федеральным законом.

Административное дело должно быть рассмотрено в течение 5-ти дней со дня принятия судом административного искового заявления. КАС РФ также допускает возможность рассмотрения дел данной категории в закрытом судебном заседании. Если извещенные надлежащим образом лица не являются на судебное заседание, если суд не установил, что они должны обязательно явиться, то рассмотрение дела может быть осуществлено в их отсутствие. Если суд сочтет необходимым, он вправе вызвать на судебное заседание иных лиц [1].

Особенностью в соответствии с п. 9 Постановления является и то, что такие дела в случае необходимости и при наличии технической воз-

возможности суда могут быть рассмотрены посредством видеоконференц-связи или может быть организовано выездное судебное заседание в саму медицинскую организацию [3]. Также суд не принимает отказ административного истца от административного искового заявления (исключение – добровольное удовлетворение требований). Связано это одновременно как с высокой опасностью заболевания, так и высокой защитой конституционных прав и свобод граждан, обеспечивающих охрану здоровья населения.

В соответствии с положениями ст. 284 КАС РФ, во время проведения судебного заседания суду необходимо установить следующие обстоятельства по административному делу (предмет доказывания): действительно ли гражданин страдает заразной формой туберкулеза и имеются ли факты, подтверждающие, что он (гражданин) неоднократно уклонялся (уклоняется) от прохождения обследования в целях выявления туберкулеза или непосредственно от лечения либо, что он неоднократно нарушал (нарушает) санитарно-эпидемиологические правила, введенные в отношении него (ч. 1). Бремя доказывания лежит на истце: именно ему надлежит доказывать перед судом обстоятельства по данной категории дел (ч. 2). В случае недостаточности доказательств, суд вправе по своей инициативе запросить необходимые ему сведения [1].

Решение о недобровольной госпитализации гражданина в противотуберкулезную организацию выносится судом после установления всех обстоятельств по делу в случае, если суд придет к выводу о наличии оснований к недобровольной госпитализации согласно ч. 1 ст. 285 КАС РФ. Поскольку действующим законодательством не установлены критерии определения срока госпитализации лица, страдающего туберкулезом, то судьи Верховного суда Российской Федерации отдали данный вопрос на самостоятельное рассмотрение нижестоящим судам, однако подчеркнули, что при определении срока им необходимо исходить из времени обследования и лечения, а также учитывать состояние здоровья лица. Суды для решения вопроса о сроке госпитализации вправе привлекать специалистов. В целом, если говорить о сроке госпитализации, то он начинает течь со дня помещения гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию, которое включает в себя время доставления гражданина в такую организацию (п. 15 Постановления) [3].

Решение должно быть изготовлено в день его вынесения и подлежит немедленному исполнению, в соответствии с положениями ч. 4 и ч. 6 данной статьи. Решение суда также должно соответствовать общим требованиям, предъявляемым к решениям, в соответствии со статьей 180 КАС, а его вводная часть должна содержать указание на место, где было проведено судебное заседание по данному делу. Копия решения суда отправляется лицам, участвующим в деле под расписку быстрой доставкой.

В соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 31.01.2020 № 66 «О внесении изменения в перечень заболеваний, представляющих опасность для окружающих», Перечень заболеваний, представляющий опасность для окружающих [5] был дополнен Covid-19 (далее по тексту – коронавирусная инфекция). В соответствии с приложением к данному перечню, помимо туберкулеза и коронавирусной инфекции, к заболеваниям, представляющим опасность для окружающих относятся: холера, ВИЧ, вирусные лихорадки, сибирская язва, малярия, педикулез, чума, инфекции, которые передаются преимущественно половым путем, дифтерия и другие [4]. Однако, для граждан, страдающими такими заболеваниями, законодатель не предусмотрел специальной процедуры госпитализации в недобровольном порядке. Несмотря на это, представляется, что в силу положений ч. 4 ст. 2 КАС РФ, суды вправе воспользоваться аналогией закона и применить в отношении к гражданам, заболевшим опасными для окружающих заболеваниями, помимо туберкулеза, либо гражданам, контактирующим с зараженными и отказывающимся в добровольном порядке пройти процедуру госпитализации, процедуры, закрепленные в главах 30 и 31 КАС РФ соответственно.

Таким образом, процедура применения недобровольной госпитализации граждан, страдающих туберкулезом или в отношении которых имеются подозрения на заражение данной болезнью, регламентирована достаточно подробно и полно, что не исключает ее применения по аналогии к гражданам, страдающим от иных опасных для окружающих заболеваний, поскольку в отношении них, законодательством специальных процедур по недобровольной госпитализации как таковых на сегодняшний день не предусмотрено.

Литература

1. Кодекс административного судопроизводства от 08.03.2015 N 21-ФЗ (ред. от 17.02.2023) //Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 10. Ст. 281, 282, 283, 284, 285;
2. О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 18 июня 2001 г. № 77-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 мая 2001 г.: одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 6 июня 2001 г. // Собр. Законодательства Рос. Федерации. 2001. № 26. Ст. 2581;
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 N 50 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с рассмотрением судами административных дел о госпитализации гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке» [Электронный ресурс] // Консультант-Плюс URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_338710/ (дата обращения: 12.05.2023);

4. Постановлением Правительства Российской Федерации от 31.01.2020 № 66 «О внесении изменения в перечень заболеваний, представляющих опасность для окружающих» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_344366/ (дата обращения 12.05. 2023);
5. Постановление Правительства РФ от 1 декабря 2004 г. N 715 «Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] // Гарант URL: https://base.garant.ru/12137881/53f89421bbdaf741eb-2d1ecc4ddb4c33/#block_1100 (дата обращения 15.05. 2023).

THE ASPECTS OF APPLICATION OF THE PROCEDURE OF INVOLUNTARY HOSPITALIZATION OF CITIZENS UNDER THE CAP OF THE RUSSIAN FEDERATION

Gulyaeva V.A.

Law Institute of Research Institute of TSU

Ensuring the safety of the health of citizens is one of the priorities of the internal policy of the state as a guarantee of the social right of citizens to receive medical care. The article is devoted to the peculiarities of the application of the procedure for involuntary hospitalization of citizens suffering from an infectious form of tuberculosis, as well as other diseases dangerous for others, the list of which is established by the Government of the Russian Federation. The procedure found normative consolidation in the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation, since diseases dangerous to others, if not prevented in time, can cause significant harm to public interests, since they negatively affect not only the size and health of the population, but also its ability to work, which in a significant degree negatively affects the development of the economic potential of the country as a whole.

The possibility of applying the procedure of involuntary hospitalization of citizens suffering from tuberculosis, by analogy with the law, to citizens who have contracted other diseases that pose a danger to others is being considered, since today the legislator does not provide for a different procedure that allows courts to be guided by other rules in order to isolate a patient dangerous to society, not prevent the further spread of the infection by providing him with timely assistance.

Keywords: administrative legal proceedings; involuntary hospitalization; legal regulation; analogy to laws; tuberculosis; dangerous diseases; health safety.

References

1. The Code of Administrative Procedure of the Russian Federation No. 21-FL of March 3, 2015 (as amended on February 20, 2015) (as amended and supplemented, effective from February 25, 2015). Collected. legislation Ros. Federation. 2015. No. 10. Art. 281, 282, 283, 284, 285 (in Russian);
2. The Federal Law «On preventing the spread of tuberculosis in the Russian Federation» (with changes as of December 5, 2022) No 77-FL of June 18, 2001 (as amended on June 18, 2001) (as amended and supplement, effective from June 23, 2001). Collected. Legislation Ros. Federation. 2001.No 26. Art. 2581;
3. Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 26, 2019 No 50 «On some issues arising in connection with the consideration by the courts of administrative cases on the hospitalization of a citizen in a medical anti-tuberculosis organization in an involuntary manner». Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_338710/ (date of the application: 12.05.2023);
4. Decree of the Government of the Russian Federation dated January 31, 2020 No. 66 «On amendments to the list of diseases that pose a danger to others». Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_344366/ (date of the application: 12.05.2023);
5. Decree of the Government of the Russian Federation of December 1, 2004 N 715 «On approval of the list of socially significant diseases and the list of diseases that pose a danger to others». Available at: https://base.garant.ru/12137881/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/#block_1100 (date of application: 15.05.2023).

Административно-правовое регулирование параллельного импорта в условиях санкций

Гуменюк Виктория Петровна,

главный государственный таможенный инспектор правового отдела Новороссийской таможни
E-mail: gvp.nika@mail.ru

В статье рассматриваются основные тенденции развития и специфика административно-правового регулирования параллельного импорта в условиях современных санкционных вызовов. В отдельный аспект выделен анализ нормативно-правовой базы осуществления таможенного регулирования в государствах-членах Евразийского экономического союза (далее-ЕАЭС). Обращается внимание на актуальность проблемы в связи с возникшими событиями 2022 года. Автор анализирует проблему легализации транзита параллельного импорта Российской Федерации в условиях единого транспортного пространства Евразийского экономического союза. Предпринимается попытка разрешить проблему, связанную с возникшей ситуацией, одним из предложений автора является то, что дальнейшее эффективное развитие и функционирование Евразийского экономического союза возможно лишь при условии единообразного понимания и толкования правоприменительными органами всех государств-членов норм права Союза.

Ключевые слова: административно-правовое регулирование, параллельный импорт, таможенные органы, административная ответственность, санкционная политика.

Многогранность проблемы механизма правового регулирования транзита параллельного импорта (далее – ПИ) на территории ЕАЭС в условиях действия санкционных режимов предполагает широкий перечень взглядов на понятие и составляющие характеристики механизма правового регулирования. Алексеев С.С. определял механизм правового регулирования следующим образом: «совокупность, взятая в единстве юридических средств, с помощью которых обеспечивается правовое воздействие на общественные отношения» [1]. Механизм административно-правового регулирования таможенных отношений в современных условиях является зеркальным отражением происходящих процессов интеграции в условиях Евразийского экономического союза. Правовая система Российской Федерации подвергается кардинальным изменениям, принятые беспрецедентные санкционные меры оказывают существенное влияние на происходящие процессы внутри ЕАЭС, данная проблема не имеет аналогов с другими государствами-членами Союза. Становление данного механизма происходит под влиянием новых интеграционных процессов в рамках функционирования единой таможенной территории ЕАЭС, выстраивание новых отношений между государствами-членами в настоящий момент происходит под влиянием санкционных режимов действующих исключительно в отношении России и Беларуси. Данные условия обуславливают необходимость переосмысления действующего порядка и устоявшихся традиций, поскольку динамично развивающиеся интеграционные процессы не позволяют оставаться в стороне административному праву.

Экономические санкции являются важнейшим инструментом регулирования внешнеэкономической и торговой деятельности. Принимаемые на непродолжительное время они могут оказывать длительное негативное воздействие на национальную безопасность страны и ее экономику. В этих условиях легализация параллельного импорта является одним из механизмов помощи отечественной экономике, оказавшейся под влиянием внешних вызовов.

Данный аспект крайне актуален для Российской Федерации, находящейся в настоящее время под действием очередного пакета международных санкций, влияние которых, как показывает практика, может регулироваться совокупностью симметричных ответных мер, в том числе легализацией транзита ПИ на территории единого транспортного пространства ЕАЭС.

Подчеркнем, что нормативное закрепление понятия ПИ на международно-правовом уровне

отсутствует. Под ПИ понимается ввоз с территории иностранных государств на территорию государств-членов ЕАЭС импортерами различных оригинальных товаров, которые маркированы товарным знаком (далее – ТЗ) правообладателя, но при отсутствии соответствующего разрешения с его стороны.

Законодательная система РФ содержит ряд положений, касающихся проблемы исчерпания исключительных прав (далее – ИП).

В ст. 1487 Гражданского Кодекса (далее – ГК РФ) не является нарушением исключительного права на товарный знак использование этого товарного знака другими лицами в отношении товаров, которые были введены в гражданский оборот на территории Российской Федерации правообладателем или с его согласия.[2]

Попытка сбалансировать интересы сторон была предпринята в решении ВАС РФ от 17.02.2011 № 11 «О некоторых вопросах применения Особенной части КоАП РФ»: «нормы КоАП РФ не распространяются на несанкционированный импорт оригинальных товаров, которые были произведены и выпущены в оборот самим правообладателем, поскольку ст. 14.10 КоАП РФ содержит состав административного правонарушения только за незаконное воспроизведение ТЗ». [3]

В 2022 году по причине существенного усиления санкционного давления на РФ произошли выборочные изъятия из национального принципа исчерпания ИП. Данные изъятия были связаны не только с отдельными группами товаров, а затронули страны, с территории которых осуществляется ввоз товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности (государства-члены Европейского союза и еще более 20 государств). [4]

Например, ч. 3 ст. 18 ФЗ от 08.03.2022 № 46-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» предусмотрено, что не является нарушением ИП на результаты интеллектуальной деятельности (далее – ИД). В рассматриваемом случае говорится о результатах ИД, что выражено в товарах, перечень которых определен на уровне Правительством РФ [5]. Кроме того, ФЗ № 213-ФЗ конкретизирует, что именно не будет являться нарушением ИП на результаты ИД, выраженных в группах товарах [6].

Ранее, Правительством РФ в 2022 году [7] были утверждены товары (группы товаров), в отношении которых не применяются пп. 6 ст. 1359 и ст. 1487 ГК РФ при условии их введения в оборот за пределами РФ правообладателями, а помимо этого с их личного и непосредственного на то согласия. Следовательно, может быть восполнен дефицит отдельных групп товаров, поставляемых с территории стран, причисленных к группе недружественных.

Проблема ПИ применительно к евразийской экономической интеграции (далее – ЭИ) ранее исследовалась, однако современные трендовые реалии позволяют говорить о развитии ЕАЭС в условиях определенных внешних вызовов. ГК РФ

предусматривает национальный принцип исчерпания права, а положения Договора о ЕАЭС – региональный [8].

Помимо этого следует принимать во внимание определенные факторы, такие как участие России в интеграционных процессах, введение санкционных режимов и другие обстоятельства, когда традиционные источники перестают работать в условиях определенных внешних воздействий и им на смену приходят другие конкурентные преимущества, новые логистические схемы, которые позволяют найти компромисс между возникшими обстоятельствами.

Согласно основным целям Союза в Договоре о ЕАЭС было провозглашено создание единого экономического и транспортного пространства (далее – ЕТП). В представленном документе упомянутое пространство определяется как «совокупность транспортных систем государств-членов, в рамках которой обеспечиваются беспрепятственное передвижение пассажиров, перемещение грузов и транспортных средств, их техническая и технологическая совместимость, основанные на гармонизированном законодательстве государств-членов в сфере транспорта». Данное понятие охватывает все без исключения виды транспорта. Стремление экономических интеграций осуществлять на своих территориях единую транспортную политику, ориентированную на последовательное создание ЕТП, способствующего усилению ЭИ в целом.

Одним из основных стратегических направлений выступает устранение всех существующих барьеров, а помимо этого сокращение изъятий и ограничений обеспечения соблюдения общих принципов и правил конкуренции для свободного передвижения товаров, капитала и рабочей силы на рынке Союза. Выполнение закрепленных договоренностей существенно укрепит основы деятельности Союза, а отсутствие каких-либо барьеров и препятствий увеличит эффективность взаимодействия и уровень доверия участников Союза по отношению друг к другу. Подчеркивается, что ЕТП является частью единого экономического пространства, призванного обеспечить свободное движение ранее упомянутого перечня [9].

Введенные в отношении нашего государства санкции привели к существенным изменениям в области логистических маршрутов, вследствие чего основные внешнеторговые грузопотоки были переориентированы из Европы на Ближний Восток. Обострение экономического кризиса в России, политика санкций со стороны США и ЕС, ответные российские санкции не могли не отразиться на внешнеторговых морских перевозках и грузовой базе.

Одной из особенностей механизма административно-правового регулирования транзита ПИ на территории Евразийского экономического союза в условиях действия санкционных режимов является – единая таможенная территория ЕАЭС, что предполагает существенное влияние и изменение всех элементов в структуре. Предмет

таможенного регулирования определен в ст. 1 ТК ЕАЭС: «отношения, связанные с перемещением товаров через таможенную границу Союза по единой таможенной территории Союза».

В ст. 2 ТК ЕАЭС раскрывается понятие ввоза товаров на таможенную территорию Союза. Под представленным понятием понимается совершение таких действий, которые связаны с пересечением таможенной границы Союза».

Принимая во внимание, что каждое государство, являющееся участником ЕАЭС в непосредственной зависимости от своих приоритетов, само определяет курс обеспечения национальных интересов, защиту внутреннего рынка, зеркальную возможность применения ограничительных мер, «разумное» реагирование на возникающие вызовы и угрозы современных мировых тенденций.

Важно подчеркнуть, что ранее санкционная политика действовала только в отношении России. В настоящий момент она затронула и Республику Беларусь, которая в противовес введению санкций приняла соответствующие ответные меры [10].

Объем ПИ в Россию с мая по декабрь 2022 года превысил 20 млрд долларов, 2,4 млн тонн. [11]. Согласно данным Eurostat, экспорт товаров из стран Евросоюза в Россию с марта по декабрь 2022 года упал на 47%, а экспорт европейских товаров в соседние с Россией страны (Беларусь, Армению, Казахстан, Кыргызию) вырос на 45% [12]. Опубликованное исследование Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР) представляет доказательств, что посредническая торговля через соседние с Россией страны используется для обхода санкций, а прозрачность границ между государствами, являющимися участниками ЕАЭС, способствует решению данного вопроса [13].

Однако, тенденции относительно ПИ в государствах-членах ЕАЭС различные. Так, в Республике Казахстан, с 1 апреля 2023 года работает система онлайн-отслеживания товаров, которые ввозятся на территорию страны для дальнейшей отправки в другие страны, чтобы не допустить обхода санкций против России [14]. Нейтральной позиции, относительно введенных санкций придерживаются Республики Армения и Кыргызстан, однако, все страны, являющиеся участниками ЕАЭС (за исключением Республики Казахстан, борющейся с параллельным импортом) стали основными хабами поставки товаров по параллельному импорту в РФ.

ПИ успешно функционирует в странах ЕС, США, Бразилия, Канада, Турция. Статьей 36 Договора о функционировании ЕС [15] установлена возможность запретов или ограничений импорта, экспорта или транзита товаров, если такие действия являются оправданными по соображениям общественной морали, порядка и безопасности. Суд ЕС подчеркивал, что цель статьи 36 Договора о функционировании ЕС (далее – Договор) заключается в том, чтобы позволить национальному законодателю отступать от принципа свободного перемещения товаров настолько, насколько это оправдано для

достижения целей [16]. Меры, разрешенные вышеуказанной нормой, несколько отступают от фундаментального принципа свободного движения товаров, они не противоречат Договору лишь по той причине, что они являются полностью оправданными, а если быть точнее, то необходимыми для обеспечения соответствующей защиты здоровья и жизни человека и общественной безопасности [17]. Таким образом, приведенный пример, показывает полное и единое функционирование союзного образования, в котором каждое государство полностью следует курсу выбранного Союзом.

В ст. 32 Договора предусматривается, что «в Союзе осуществляется единое таможенное регулирование согласно ТК ЕАЭС и регулирующими таможенные правоотношения международными договорами и актами, составляющими право Союза, а помимо этого согласно положениям настоящего Договора». Аналогичная норма содержится в ТК ЕАЭС [18].

На осуществление таможенного регулирования напрямую влияют все интеграционные процессы ЕАЭС, однако, до настоящего времени до конца не решена проблема единообразного применения административного законодательства в государствах Союза. Как уже неоднократно отмечалось, сам Договор предусматривает внесение изменений в национальное законодательство. Однако новые реалии времени, новые политические и социальные условия функционирования ЕАЭС оказывают очень сильное влияние на возникающие внутри него процессы.

Государствами-членами ЕАЭС нарушается сам Договор о ЕАЭС, воздействующие «санкции» нарушают принцип равноправного сотрудничества стран, являющимися участницами Союза. Нарушается закрепленный в Преамбуле Договора принцип «суверенного равенства государств» [19].

Итак, одним из более эффективных средств охраны национальных интересов является создание интеграционных союзов. Данные образования могут обеспечить взаимовыгодное сотрудничество собственной национальной безопасности в экономической сфере. Согласно основным целям Союза в Договоре о ЕАЭС было провозглашено создание единого экономического пространства и ЕТП, однако, данное единство нарушается внешними вызовами.

Понятие санкционных режимов, безусловно, лежит в плоскости международных отношений, однако их соблюдение накладывает определенные правовые обязательства на граждан и юридических лиц, находящихся под юрисдикцией государства, которое их вводит в рамках специальных административно-правовых режимов. Сочетая административно-правовые средства регулирования, опосредованные централизованным порядком, подобные режимы содержат специальные правовые регламенты деятельности органов государственной власти и управления, позволяющие ограничивать правосубъектность физических и юридических лиц в определенных услови-

ях. Как правило, они вводятся в целях обеспечения безопасности личности, общества и государства, определяемой сложившимися конкретными обстоятельствами с учетом начал законности и целесообразности. Так, вопрос о сроке действия или об отмене ограничительных мер, параллельного импорта в настоящий момент трудно прогнозируемый и будет зависеть от текущей ситуации в государстве. Принятые государством меры позволяют снизить неблагоприятные последствия санкционного режима для российской экономики с учетом угроз, которые несет легализация ПИ на определенные товары из отдельных государств.

С учетом того обстоятельства, что большинство составов административных правонарушений, предусматривающих ответственность за нарушение таможенного законодательства в государствах-членах ЕАЭС, содержат в описании диспозиции определение «...за ввоз товаров...», поднятая проблематика транзита ПИ на ЕТП, не дает возможность полностью определиться с составами некоторым административных правонарушений.

Происходящие интеграционные процессы подвергают изменениям существующую правовую систему Российской Федерации, поскольку система функционирует не сама по себе, а в составе единого механизма Союза, внешние факторы (санкции) способствуют активному развитию нового прогрессивного законодательства в отношении параллельного импорта товаров, который нуждается в теоретическом переосмыслении. Ранее действующие правовые механизмы функционирования единой транспортной территории Союза в настоящий момент не отменены, а продолжают действовать под влиянием определенных обстоятельств, однако, ранее действующая система не может функционировать в полную силу, поскольку правоприменительная практика вскрывает существующие законодательные проблемы в регулировании таможенных отношений, что нередко приводит к возникновению спорных ситуаций.

Новаторский подход к параллельному импорту в Российской Федерации позволяет сместить вектор за пределы территории Российской Федерации, на границу государств-членов Союза, что позволяет утверждать о возникновении новой ситуации в правовом, экономическом, транспортном, таможенном управлении государством, находящимся под влиянием внешних вызовов.

Возникающие динамично развивающиеся интеграционные процессы позволяют выявить существующие законодательные проблемы и урегулировать дисбаланс путем внедрения в правовую систему Российской Федерации на основании высокого уровня обобщения законодательства государств-членов ЕАЭС, новых норм, позволяющих говорить об опережающем развитии правовой системы Союза.

Государства-члены любого интеграционного Союза, тем более с учетом внешних вызовов должны быть заинтересованы и ориентированы на сотрудничество и экономической взаимосвязи госу-

дарств на международной арене. Для успешного экономического сотрудничества государств необходимо в том числе успешное участие в Союзе. Изменение логистических цепочек, произошедшее в 2022–2023 гг. позволяют говорить о возможности создания новых Союзных образованиях с государствами, с которыми в настоящий момент налажены тесные экономические связи и взаимовыгодное сотрудничество в транспортной сфере.

В соответствии с приказом ФТС России в качестве одной из мер предусмотрено совершенствование законодательства об административных правонарушениях, практики правоохранительной деятельности таможенных органов [20].

Проведенное исследование выявило разнообразие существующих структурных и терминологических подходах к названной проблематике. В заключении необходимо сказать, что дальнейшее эффективное развитие и функционирование ЕАЭС возможно лишь при условии единообразного понимания и толкования правоприменительными органами всех государств-членов норм права Союза. По общему правилу торговые эмбарго, иные ограничительные меры устанавливают общий запрет поставки соответствующих товаров на единую таможенную территорию. Параллельный импорт из пяти государств-членов таможенного Союза легализован только в двух. По мнению автора, идеальным правовым решением является разработка специальных правовых норм, регламентирующих поведение государств-членов ЕАЭС внутри Союза, а также разработка четких предписаний по ведению единой скоординированной политики. Отсутствие того или иного положения в законодательстве государств Союза будет допускать дискрецию, возможность произвольного толкования той или иной нормы правоприменителем и не будет отвечать требованиям законности. Несогласованность и различие принимаемых основополагающих подходов в государствах-членах Союза оказывает негативное развитие на внешнеэкономические отношения и затрудняет достижения цели, согласно которой данный Союз создавался – создание единого экономического пространства и ЕТП.

Литература

1. Алексеев С.С. Общая теория права. Учебник. М., 2009. С. 267.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. 05.12.2022) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Консультант Плюс».
3. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации 17.02.2011 № 11 «О некоторых вопросах применения Особенной части КоАП РФ» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Картотека Арбитражных дел».
4. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 05.03.2022 № 430-Р «Об утверждении перечня иностранных государств и терри-

- торий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц» // Собрание законодательства Российской Федерации. 14.03.2022. № 11. ст. 1748.
5. Федеральный закон от 08.03.2022 № 46-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Консультант Плюс».
 6. Федеральный закон от 28.06.2022 № 213-ФЗ «О внесении изменения в статью 18 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»//Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 11, ст. 1596; № 13 ст. 1960; № 16 ст. 2594.
 7. Постановление Правительства Российской Федерации от 29.03.2022 № 506 «О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средствах индивидуализации, которыми такие товары маркированы»// Собрание законодательства Российской Федерации. 04.04.2022 № 14.ст. 2286.
 8. Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) // Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации URL: <http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/economylib4/mer/about/structure/depsng/agreement-eurasian-economic-union.> (дата обращения 01.04.2023).
 9. Чеботарева А.А. Основные направления правового обеспечения единого защищенного цифрового транспортного пространства//Материалы Международной научно-практической конференции. Под.ред Чеботаревой А.А., Корякина В.Е., Чеботарева В.Е.. 2019. С. 77–82.
 10. Закон Республики Беларусь от 03.01.2023 № 241-З «Об ограничении исключительных права на объекты интеллектуальной собственности»//Национальный правовой интернет-портал. [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/> (дата обращения 10.04.2023).
 11. Объем параллельного импорта превысил 20 млрд долларов. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5733787> (дата обращения 10.04.2023).
 12. Как легализация параллельного импорта в РФ повлияла на Беларусь. [Электронный ресурс]. URL: <https://belrus.ru/info/kak-legalizaciya-parallelnogo-importa-v-rf-povliyala-na-belarus/> (дата обращения 10.04.2023).
 13. Евразийская кольцевая развязка: торговые потоки в Россию через Кавказ и Центральную Азию. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ebrd.com/publications/working-papers/the-eurasian-roundabout/>. (дата обращения 10.04.2023).
 14. Казахстан прекращает параллельный импорт в Россию с 1 апреля 2023 года. [Электронный ресурс]. <https://dzen.ru/a/ZCB4wu2DMGJOiYcU>. (дата обращения 10.04.2023).
 15. Договор о функционировании Европейского союза от 25 марта 1957 г., в редакции Лиссабонского договора 2007 г.) (2016/C/202/01). Право Европейского Союза. URL.<https://eulaw.ru/treaties/lisbon/>.(дата обращения 10.04.2023).
 16. Решение Суда Европейского союза по делам C-367/89 Aime Richardt, пункт 22, C-72/83 Campus Oil Limited, пункт 51). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
 17. Решение Суда Европейского союза по делам C-153/78 Comissionv. Germany, пункт 5, 35/76 Simmenthal SpA v. Ministero delle Finanze Italiano, пункт 10, C-72/83 Campus Oil Limited, пункт 32, C-367/89 Aime Richardt, пункт 19. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
 18. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза. (Приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11.04.2017) // Официальный сайт Евразийского экономического союза. 12.04.2017. URL: <http://www.eaeunion.org/>, 12.04.2017. (дата обращения 30.01.2023).
 19. Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) // Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации URL: <http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/economylib4/mer/about/structure/depsng/agreement-eurasian-economic-union.> (дата обращения 30.01.2023).
 20. Приказ ФТС России от 27.07.2022 № 588 «О решении коллегии ФТС России от 29.06.2022 «О задачах таможенных органов в условиях напряженной геополитической обстановки и международных санкций, связанных с недружественными действиями иностранных государств». Электронный документооборот с ФТС России. Программа «Руководитель» (дата обращения 31.01.2023).

ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION OF PARALLEL IMPORTS UNDER SANCTIONS

Gumenyuk V.P.
Novorossiysk Customs

The article discusses the main development trends and the specifics of the administrative and legal regulation of parallel imports in the context of modern sanctions challenges. A separate aspect is the analysis of the regulatory framework for the implementation of customs regulation in the member states of the Eurasian Economic Union (hereinafter referred to as the EAEU). Attention is drawn to the relevance of the problem in connection with the events of 2022. The author analyzes the problem of legalizing the transit of parallel imports of the Russian Federation in the conditions of a single transport space of the Eurasian Economic Union. An attempt is made to resolve the problem associated with the situation that has arisen, one of the author's proposals is that the further effective development and functioning of the Eurasian Economic Union is possible only if the law enforcement authorities of all Member States have a uniform understanding and interpretation of the Union's law

Keywords: administrative and legal regulation, parallel imports, customs authorities, administrative responsibility, sanctions policy.

References

1. Alekseev S.S. General theory of law. Textbook. M., 2009. S. 267.
2. The Civil Code of the Russian Federation (part four) dated December 18, 2006 No. 230-FZ (as amended on December 5, 2022) [Electronic resource]. Access from ATP "Consultant Plus".
3. Decree of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation 17.02.2011 No. 11 "On some issues of application of the Special Part of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation" [Electronic resource]. Access from the ATP "Card Index of Arbitration Cases".
4. Decree of the Government of the Russian Federation dated 05.03.2022 No. 430-R "On Approval of the List of Foreign States and Territories Committing Unfriendly Actions against the Russian Federation, Russian Legal Entities and Individuals" // Collected Legislation of the Russian Federation. 03/14/2022. No. 11. Art. 1748.
5. Federal Law No. 46-FZ of 08.03.2022 "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" [Electronic resource]. Access from ATP "Consultant Plus".
6. Federal Law of June 28, 2022 No. 213-FZ "On Amending Article 18 of the Federal Law "On Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2022. No. 11, art. 1596; No. 13 Art. 1960; No. 16 Art. 2594.
7. Decree of the Government of the Russian Federation dated March 29, 2022 No. 506 "On goods (groups of goods) in respect of which certain provisions of the Civil Code of the Russian Federation on the protection of exclusive rights to the results of intellectual activity expressed in such goods and means of individualization cannot be applied, with which such goods are marked" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 04/04/2022 No. 14.st. 2286.
8. Treaty on the Eurasian Economic Union (Signed in Astana on May 29, 2014) // Official website of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation URL: <http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/economylib4/mer/about/structure/depsng/agreement-eurasian-economic-union.> (Accessed 04/01/2023).
9. Chebotareva A.A. The main directions of legal support of a single protected digital transport space // Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Edited by Chebotareva A.A., Koryakin A.V.E., Chebotareva V.E. 2019. P. 77–82.
10. Law of the Republic of Belarus dated 03.01.2023 No. 241-3 "On the limitation of exclusive rights to intellectual property objects" // National Legal Internet Portal. [Electronic resource]. URL: <https://pravo.by/> (accessed 10.04.2023).
11. The volume of parallel imports exceeded \$20 billion. [Electronic resource]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5733787> (accessed 04/10/2023).
12. How the legalization of parallel imports in the Russian Federation affected Belarus. [Electronic resource]. URL: <https://belrus.ru/info/kak-legalizaciya-parallelnogo-importa-v-rf-povliyala-nabielarus/> (accessed 10.04.2023).
13. Eurasian roundabout: trade flows to Russia through the Caucasus and Central Asia. [Electronic resource]. URL: <https://www.ebrd.com/publications/working-papers/the-eurasian-roundabout/>. (accessed 10.04.2023).
14. Kazakhstan stops parallel imports to Russia from April 1, 2023. [Electronic resource]. <https://dzen.ru/a/ZCB4wu2DMGJOiYcU>. (accessed 10.04.2023).
15. Treaty on the Functioning of the European Union of March 25, 1957, as amended by the Treaty of Lisbon 2007) (2016/C/202/01). Law of the European Union. URL: <https://eu-law.ru/treaties/lisbon/>. (Accessed 10.04.2023).
16. Judgment of the Court of Justice of the European Union in cases C-367/89 Aime Richardt, paragraph 22, C-72/83 Campus Oil Limited, paragraph 51). Access from ATP "Consultant Plus".
17. Judgment of the Court of Justice of the European Union in cases C-153/78 Comissionv. Germany, § 5, 35/76 Simmenthal SpA v. Ministero delle Finanze Italiano, paragraph 10, C-72/83 Campus Oil Limited, paragraph 32, C-367/89 Aime Richardt, paragraph 19. Accessed from ConsultantPlus ATP.
18. Customs Code of the Eurasian Economic Union. (Appendix No. 1 to the Treaty on the Customs Code of the Eurasian Economic Union dated April 11, 2017) // Official website of the Eurasian Economic Union. 04/12/2017. URL: <http://www.eaeunion.org/>, 04/12/2017. (accessed 30.01.2023).
19. Treaty on the Eurasian Economic Union (Signed in Astana on May 29, 2014) // Official website of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation URL: <http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/economylib4/mer/about/structure/depsng/agreement-eurasian-economic-union.> (Accessed 01/30/2023).
20. Order of the Federal Customs Service of Russia dated July 27, 2022 No. 588 "On the decision of the board of the Federal Customs Service of Russia dated June 29, 2022 "On the tasks of customs authorities in a tense geopolitical situation and international sanctions related to unfriendly actions of foreign states". Electronic document management with the Federal Customs Service of Russia. Program «Head» (date of access 31.01.2023).

Сравнительно-правовой анализ критериев допустимости ограничений прав и свобод граждан для защиты публичных интересов

Куценко Ольга Викторовна,

преподаватель, начальник отдела контроля, анализа и учёта поручений Управления делами Департамента организационной и кадровой работы Московского авиационного института
E-mail: kutsenkoov@mai.ru

В статье предпринята попытка рассмотреть сравнительно-правовой анализ критериев допустимости ограничений прав и свобод граждан, таких как цели ограничений, вводимых законодателем для защиты публичных интересов при определении пределов возможных ограничений.

Анализируются современные правовые позиции и возникающие правовые дискуссии среди ученых к пониманию всех оснований ограничений прав и свобод граждан с точки зрения целей их введения. Исследуются законодательно-правовые требования к возникновению и реализации на практике ограничений конституционных прав и свобод человека и гражданина. А также рассматриваются некоторые вопросы о целях вводимых ограничений прав и свобод человека и гражданина, направленных на защиту публичных интересов общества, с учетом действующего законодательства.

Постановка проблемы: для реализации правового механизма защиты прав и свобод человека, а также для обеспечения вводимых ограничений необходимо закрепление в законодательстве Российской Федерации не только целей их введения, но и оснований ограничений конституционных прав и свобод гражданина, а также отличий этих понятий между собой.

Методологическую основу научного исследования составила совокупность общенаучных и частных методов, таких как сравнительно-правовой, диалектический, исторический, статистический, оценочный анализ и др.

Главный вывод исследования состоит в том, что законодательное закрепление и гарантия введения в установленных законодательством целях ограничений конституционных прав и свобод человека и гражданина, направленных на защиту публичных интересов, является одной из важных задач, стоящих перед государством и провозглашенная в Конституции Российской Федерации.

Ключевые слова: права и свободы человека и гражданина, цели ограничений прав и свобод граждан; публичные интересы: ограничение прав и свобод человека и гражданина.

Особая государственная деятельность государства по способу применения и реализации на практике ограничений прав и свобод человека и гражданина не может быть произвольной, ничем не регламентированной и не ограниченной. Государство имеет особый статус, с одной стороны который обеспечивает, гарантирует и защищает неотъемлемые права и свободы граждан, а с другой стороны выступает сдерживающим регулятором поведения человека в обществе по отношению к другим лицам. Эти особенности правомочий государства определяют значимость законодательного обоснования ограничений конституционных прав и свобод граждан, а также определения степени их пределов в нормативно-правовых актах государства. А в свою очередь для установления пределов ограничений прав и свобод человека и гражданина следует дать правовую оценку критериям допустимости конституционных ограничений, а именно основаниям и целям их введения.

В науке конституционного права под основаниями ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина, как правило, понимают некие обстоятельства или условия, из-за которых появляется необходимость осуществления государством в лице своих органов или должностных лиц мероприятий, реализующих ограничения прав и свобод граждан. Данная необходимость возникает при столкновении различных интересов, например, государства и частных лиц, публичных и частных интересов, интересов граждан между собой и т.д.

Соглашусь с мнением Зайцева А.А. о том, что: «Конституционно-правовые основания введения ограничения прав и свобод человека и гражданина закреплены в Конституции Российской Федерации как обстоятельства, с помощью которых определяется противоречие между частными и публичными интересами, выступающими конституционными ценностями, и обуславливающими установление границ (уменьшение объема) дозволенного поведения законопослушных лиц, либо обстоятельства, которые являются угрозой для данных интересов либо их прямого ущемления» [1, с. 9]. Необходимость определения степени возможных ограничений конституционных прав и свобод человека и гражданина обоснована сутью оснований ограничений.

Ограничения прав и свобод человека и гражданина периодически выступают на стыке формальных и материальных аспектов. Это означает, что осуществление государством своих полномочий по введению ограничений прав граждан исключи-

тельно в законодательно закрепленных нормах, без привязки к обстоятельствам текущей жизни и развития общества будет являться превышением полномочий уполномоченных государством должностных лиц, а в свою очередь материальные основания ограничений, которые не установлены на законодательном уровне не могут являться правовыми.

Зайцев А.А. говорил, что: «следует отметить, что утвержденные в международно-правовых документах основания ограничений прав и свобод граждан и конституциях многих зарубежных стран, находят свое отражение через определение целей вводимых ограничений, которые следует достичь в результате применения данных конституционных ограничений, и это объясняется тем, что основания ограничений конституционных прав и свобод граждан не могут быть установлены ради самих ограничений, а лишь ради осуществления связанной с этим цели ограничений, закрепленную на законодательном уровне» [1, с. 8].

Воеводин Л.Д. отмечал, что: «существуют различные научные подходы к пониманию и сравнению таких конституционных категорий как основания и цели ограничения прав и свобод граждан при формулировании критериев ограничений. Различный подход к пониманию объясняется тем, что ряд ученых считает данные понятия тождественными, однако, считает, что между понятиями есть разница» [2, с. 111].

Большинство авторов пришли к следующему определению понятия цели ограничений: «под понятием цели ограничений прав и свобод человека и гражданина можно понимать суть стремления к заветному исполнению, тому, что желательно осуществить, а в свою очередь основанием ограничений могут являться обстоятельства, условия или причины, предшествующие их возникновению». Сравнивая конституционно-правовые категории, можно отметить, что если конституционно-правовые основания ограничений прав и свобод в результате противоречия частных и публичных, или частных интересов между собой, то суть целей ограничений состоит в том, чтобы найти пути решения данного конфликта интересов, обеспечить их защиту и гарантию неприкосновенности интересов каждой стороны конфликта и обрести баланс равноправия между противоречивыми субъектами права с помощью установления законодательно-властных предписаний в их адрес.

Суть нахождения вышеуказанного баланса в том, чтобы обеспечить реализацию цели введения ограничений прав и свобод человека и гражданина, основу законодательно-урегулированного порядка взаимодействия отношений субъектов права, складывающихся на основании законодательно-закрепленных общественных отношений и имеющих целью соблюдение правовых норм и обеспечения эффективного действия законодательства в области регулирования ограничений прав и свобод граждан. Авакьян С.А. говорил, что: «в этом случае, определение степени и преде-

лов ограничения прав и свобод человека и гражданина в ситуации конфликта между конституционно-значимыми интересами при правомерном поведении субъектов осуществляется целью охраны интересов, которые являются более важными, а при ущемлении конституционно-значимых интересов при противоправном поведении лица – целью защиты данных интересов» [3, с. 201].

Учеными конституционного права при изучении элементов ограничения прав и свобод граждан в качестве определения целей вводимых ограничений учитывается необходимость осуществления гражданами своих гарантированных прав и свобод, должное функционирование общественных отношений и граждан в нем между собой, соблюдение и гарантия безопасности государства и граждан, социальное и культурное развитие общества, обеспечение правопорядка в обществе и закрепление возможности осуществления экономической и финансово-хозяйственной деятельности субъектов права в государстве.

Авакьян С.А. и ряд других авторов говорят о том, что: «по одной из классификаций цели ограничения конституционных прав и свобод граждан можно разделить вводимые ради охраны, реализации и защиты частных интересов (прав и свобод человека и гражданина) и ради охраны, реализации и защиты публичных интересов (интересов общества в целом и государства)» [3, с. 198]. В статье предлагается рассмотреть основные аспекты целей ограничений прав и свобод граждан, направленных на защиту публичных интересов.

Джантуханов В.З. говорит о том, что: «рассматривая аспекты публичных интересов следует отметить их, как основы конституционного строя, основы демократического строя, нравственность (общественную мораль), общественное здоровье, оборону и безопасность, общественный порядок. В Конституции Российской Федерации, а также в ряде международно-правовых документов определены различные определения пределов ограничений прав и свобод граждан без указания в них целей и оснований их введения применимо к конкретным обстоятельствам. В Конституции Российской Федерации установлен гибридный формат введения ограничений прав и свобод граждан, предусматривающий ч. 3 ст. 55 возможность ограничения прав и свобод человека и гражданина, но и предусматривается вариативность ограниченных определенных прав и свобод граждан с учетом различных обстоятельств» [4, с. 28].

Охрана основ конституционного строя как одна из важнейших целей ограничения прав и свобод человека и гражданина занимает главенствующее место в Конституции Российской Федерации и закреплена в ч. 3 ст. 55. Несмотря на то, что она закреплена только в российском законодательстве и не встречается в нормах международного права и Конституциях зарубежных государств, не уменьшена в значимости для граждан и государства. Указанной цели ограничения прав и свобод гражд-

дан выделено особое место в первой главе Конституции Российской Федерации.

В главные элементы понятия основ конституционного строя Российской Федерации входят как частные, государственные, так и социальные (общественные) интересы. Соглашусь с позицией Авакьяна С.А., который утверждал, что: «поскольку понятие основ конституционного строя формальное и в некоторых научных источниках упоминается как абстрактное, то при применении государством ограничений прав и свобод граждан необходимо указывать на защиту каких именно ценностей, закрепленных в первой главе Конституции Российской Федерации направлено введение ограничений» [3, с. 205].

Охрана нравственности (общественной морали) как следующая цель ограничений конституционных прав и свобод человека и гражданина среди ученых является одной из самых дискуссионных и противоречивых на протяжении длительного времени. В ней нормы права и нормы морали включены в единую концепцию и представляют собой общий механизм регуляторов социальных отношений в обществе. Исторически сложилось, что первыми упоминались и возникли на ранних этапах развития общества, что нормы морали, которые своей сущностью выступали в качестве начала зарождения научной категории права как общественного явления. Научные категории мораль и право на сегодняшний день являются взаимосвязанными и неразделимыми друг от друга, хотя ряд авторов считают, что мораль может существовать без права и наоборот. Определяя основные черты понятия морали, упоминаются совокупность взглядов, общих принципов о добре и зле, честности и долгу, совести и справедливости, правде и лжи, и определяющему этим категориям поведению граждан в обществе. Универсальность морали как одного из основных ее качеств состоит в том, что она регулирует не только взаимоотношения граждан в обществе не подвластных праву, но и затрагивает сферу правоотношений между субъектами права [5, с. 44].

Вопросы о существовании такой цели ограничений как охрана нравственности являются в науке конституционного права дискуссионными и ряд авторов считает, что ее можно исключить. А.А. Перверзев считает, что: «в формулировке «защита нравственности» закладывается неустранимое внутреннее противоречие, потому что нравственная норма не может раскрываться в праве; являясь же закрепленной в праве, нравственной нормой утрачивается свойство морального правила, и она становится правовой нормой» [6, с. 44]. Считаю не совсем верным данное утверждение потому что, практически любая норма права, характеризующая права и свободы человека и гражданина изначально основана на нормах морали, и имеет такое содержание. Принципы гуманизма и справедливости, являющиеся основным элементом обеспечения реализации гражданами своих прав и свобод, невозможно не назвать нравствен-

ными и не отвечающими вышеуказанной цели ограничения прав. В связи с развитием в нашей стране научно-технического прогресса, информационных технологий, существует необходимость обеспечения государством различных правовых и неправовых явлений, возникающих в результате общественных отношений, с учетом исторически сложившихся и общепризнанных морально-нравственных ценностей, в том числе для реализации правоприменительной деятельности государства для обеспечения механизмов защиты морально-нравственных ценностей граждан. Зайцев А.А. говорил, что: «поскольку не представляется возможным учесть в нормах права все элементы норм морали, нравственности, в нормативно-правовых актах, регулирующих ограничения прав и свобод граждан, а также целей их введения, сформулирована цель ограничения прав и свобод человека и гражданина как охрана нравственности в общем виде без обозначения конкретных характеристик или черт нравственности» [7, с. 137].

Охрана общественного здоровья и здоровья иных лиц представляет собой следующую и не менее значимую цель введения ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина. Охрана и защита здоровья граждан является не только неоспоримым правом каждого человека, но и представляет собой одну из важных функций государства, утвержденную в Конституции Российской Федерации. Государство, реализовывая эту функцию, обеспечивает своими правоприменительными актами защиту здоровья как отдельных граждан, так и всего населения в целом. В этой функции государства особенно подчеркнута значимость соблюдения личных и общественных интересов, а также взаимная ответственность при реализации прав и свобод личности перед государством [8, с. 137].

Основные положения по охране и защите здоровья граждан, утвержденные Конституцией Российской Федерации, находят свое отражение в федеральном законодательстве, к примеру, в ст. 33 Федерального закона от 30.03.1999 № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», регламентирующая запрет в части ограничения прав и свобод тяжело инфекционно-больных граждан, в целях предотвращения массового заболевания других граждан [9, ст. 33].

Права и свободы граждан не могут быть неограниченны при их использовании в процессе коммуникации людей между собой, при взаимодействии граждан и государства в целях достижения общего блага и реализации благополучия и достойного функционирования общества. Для реализации указанной функции государством должно быть предусмотрено определение пределов осуществления прав и свобод гражданами без противоречий их интересов между собой. Поэтому, часто в науке, правом называют степень определения свободы либо мерой должного поведения граждан в обществе при реализации их прав и свобод. В демократическом правовом государстве дол-

жен быть предусмотрен в нормативно-правовых актах запрет превышения при реализации своих прав гражданами, а также запрет злоупотреблений правом как граждан по отношению к другим лицам, так и по отношению государства к гражданам. Закреплено конституционными нормами об обосновании злоупотребления правом гражданином при реализации им своих прав и свобод в противовес с действующим законодательством. Такое поведение граждан в обществе является особым видом правонарушений и должно быть пресечено специально уполномоченными государственными должностными лицами, так как затрагивает ущемление прав и свобод других лиц. Соответственно, можно согласиться с позицией Эбзеева Б.С., который утверждает, что: «нормативное закрепление границ осуществления прав и свобод призвано согласовывать постоянно сталкивающиеся интересы членов общества, давать возможность каждому реализовывать свои права и свободы в конструктивной форме с целью обеспечить социальную солидарность» [10, с. 120].

Обеспечение (охрана и защита) безопасности и обороны государства является завершающей целью ограничения прав и свобод человека и гражданина, направленной на защиту публичных интересов граждан. Исторически сложилось, что указанная функция используется государственной властью с помощью механизмов вмешательства государственных структур и должностных лиц в личную свободу граждан при реализации ими своих закрепленных прав и свобод. Государство реализует эту цель ограничения прав и свобод индивидов с помощью издания нормативно-правовых актов, регулирующих их поведение в обществе между собой и их правоотношений с государством, обеспечивая контроль за соблюдением прав и свобод граждан и запрет на произвольное издание законодательных актов и злоупотребления власти. Смирнов А.В. говорит, что: «необходимость ограничений прав и свобод можно объяснить стремлением государства сохранить себя, свой суверенитет, территориальную целостность как во внутригосударственных конфликтах, которые выражаются в борьбе за власть, сепаратистских движениях, так и в межгосударственных разногласиях» [11, с. 17]. В соответствии с ч. 3 ст. 56 Конституции РФ закрепленные цели ограничения прав и свобод человека и гражданина направлены на защиту безопасности и суверенитета государства [12, с. 157].

Литература

1. Зайцев А.А. Ограничения прав и свобод человека в конституционной теории и практике: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2014. С. 8–9.
2. Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России. М., 1997. С. 111.
3. Авакьян С.А. Конституционное право России. Практикум. М., 2013. С. 201–202.

1. 29 Варламова Н.В. Права человека как предмет юридической интерпретации // Государство и право. 2009. № 2. С. 28–29.
4. Джантуханов В.З. Некоторые вопросы ограничений прав и свобод человека и гражданина по Конституции РФ // Системные технологии. 2014. № 10. С. 44–45.
5. Антонова Н.Г., Кувырченкова Т.Д., Рязанова Е.Н. Конституционное право России. М., 2014. С. 137–138.
6. Переверзев А.А. Основания ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: Ставрополь, 2006. – С. 6
7. Зайцев А.А. К вопросу об интерпретации ограничений прав человека и свобод человека и гражданина // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2013. № 12 (43). С. 63.
8. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N195-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 05.04.1999, N14, ст. 1650.
9. Федеральный закон «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» от 30.03.1999 N52-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 12.03.1999, N1, ст. 33.
10. Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2013. С. 119–120.
11. Смирнов А.В. К вопросу о критериях ограничения конституционных прав и свобод: принцип компенсации // Журнал конституционного правосудия. 2010. N1. С. 17.
12. Борисов А.С., Щеголева Н.А. К вопросу об ограничении права на правотворческую инициативу населения муниципального образования // Среднерусский вестник общественных наук. М., 2013. № 4. С. 157.

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE CRITERIA FOR THE ADMISSIBILITY OF RESTRICTIONS ON THE RIGHTS AND FREEDOMS OF CITIZENS TO PROTECT PUBLIC INTERESTS

Kutsenko O.V.
Moscow Aviation Institute

The article attempts to consider a comparative legal analysis of the criteria for the admissibility of restrictions on the rights and freedoms of citizens, such as the goals of restrictions imposed by the legislator to protect public interests when determining the limits of possible restrictions. It analyzes modern legal positions and emerging legal discussions among scientists to understand all the grounds for restricting the rights and freedoms of citizens from the point of view of the purposes of their introduction. Legislative and legal requirements for the emergence and implementation in practice of restrictions on constitutional rights and freedoms of man and citizen are investigated. And also some questions are considered about the goals of the imposed restrictions on the rights and freedoms of man and citizen, aimed at protecting the public interests of society, taking into account the current legislation. Statement of the problem: in order to implement the legal mechanism for the protection of human rights and freedoms, as well as to ensure the imposed restrictions, it is necessary to fix in the legislation of the Russian Federation not

only the goals of their introduction, but also the grounds for restricting the constitutional rights and freedoms of a citizen, as well as the differences between these concepts. The methodological basis of scientific research was a combination of general scientific and private methods, such as comparative legal, dialectical, historical, statistical, evaluative analysis, etc. The main conclusion of the study is that the legislative consolidation and guarantee of the introduction, for the purposes established by law, of restrictions on the constitutional rights and freedoms of man and citizen, aimed at protecting public interests, is one of the important tasks facing the state and proclaimed in the Constitution of the Russian Federation.

Keywords: rights and freedoms of man and citizen, goals of restrictions on the rights and freedoms of citizens; public interests: restriction of the rights and freedoms of man and citizen.

References

1. Zaitsev A.A. Restrictions of human rights and freedoms in constitutional theory and practice: abstract. dis. ... cand. jurid. sciences'. Belgorod, 2014. pp. 8–9.
2. Voevodin L.D. The legal status of personality in Russia. M., 1997. p. 111.
3. Avakian S.A. Constitutional Law of Russia. Practicum. M., 2013. pp. 201–202
1. 29 Varlamova N.V. Human rights as a subject of legal interpretation // State and law. 2009. No.2. pp. 28–29.
4. Dzhantukhanov V.Z. Some issues of restrictions on human and civil rights and freedoms under the Constitution of the Russian Federation // System Technologies. 2014. No. 10. pp. 44–45.
5. Antonova N.G., Kuvyrchenkova T.D., Ryazanova E.N. Constitutional law of Russia. M., 2014. pp. 137–138.
6. Pereverzev A.A. The grounds for restricting constitutional rights and freedoms of man and citizen in the Russian Federation: abstract. dis. ... cand. jurid. Sciences: Stavropol, 2006. – p.6
7. Zaitsev A.A. On the interpretation of restrictions on human rights and freedoms of man and citizen // Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management. 2013. No. 12 (43). p. 63.
8. The Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of 30.12.2001 N195-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation, 05.04.1999, N14, Article 1650.
9. Federal Law “On sanitary and epidemiological welfare of the population” of 30.03.1999 N52-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation, 12.03.1999, N1, Article 33.
10. Ebzeev B.S. Man, people, state in the constitutional system of the Russian Federation. 2nd ed., reprint. and additional M., 2013. pp. 119–120.
11. Smirnov A.V. On the question of criteria for limiting constitutional rights and freedoms: the principle of compensation // Journal of Constitutional Justice. 2010. N1. p. 17.
12. Borisov A.S., Shchegoleva N.A. On the issue of restricting the right to law-making initiative of the population of the municipality // Central Russian Bulletin of Social Sciences. Moscow, 2013. No. 4. p. 157.

Развитие правового регулирования взимания налога на доходы физических лиц при выигрышах в онлайн-тотализаторах

Александров Сергей Николаевич,
магистр программы Налоговый юрист, ФГБОУ ВО
«Российский государственный университет правосудия»
E-mail: Snaleksandrovsn@gmail.com

На протяжении последних нескольких лет механизм взимания НДФЛ претерпел существенные и глобальные изменения. Как следствие, это привело к возникновению многих проблем в довольно большом масштабе (например, уклонение от уплаты налоговых обязательств). Помимо этого нельзя не принимать во внимание и тот аспект, что в нынешних условиях глобализации, подходы к налогообложению в сфере азартных игр также имеют тенденцию к изменениям, что вызвано ростом конкуренции между странами в сфере налогов. Следовательно, вопрос практического взимания НДФЛ при выигрышах в онлайн-тотализаторах сегодня является особенно актуальным. Цель проводимого исследования состоит в изучении механизмов взимания НДФЛ в случае выигрыша в онлайн-тотализаторе в современной российской практике. Основным методом, используемым в исследовании данного вопроса, является системный подход. В данной статье раскрываются проблемы взимания НДФЛ при выигрышах в онлайн-тотализаторах и внесенные в НК РФ изменения. Также автором определены и некоторые спорные моменты, существующие в толковании норм НК РФ в сфере интерактивных ставок.

Ключевые слова: НДФЛ; налоговая база; выигрыш; тотализатор; интерактивные ставки.

Российская система налогообложения на доходы физических лиц (далее – ФЗ), которые были получены в результате успешного участия в онлайн-тотализаторах (далее – ОТ), за годы легализации онлайн-ставок (далее – ОС) претерпела множество различных и глобальных изменений. Как следствие это привело к тому, что в настоящее время упомянутая отечественная система по большинству своих признаков соответствует системам налогообложения многих мировых государств. При этом в отечественном механизме взимания налогов на доходы от участия в ОТ все еще имеются отдельные диспропорции, устранение которых сохраняет свою актуальность. Для того чтобы избежать двусмысленности в трактовке и практическом применении норм НК РФ, современная практика взимания НДФЛ в случае выигрышей в ОТ остро нуждается в соответствующих разъяснениях, которые должны сформулировать и опубликовать уполномоченные на это органы власти.

Практическая и теоретическая значимость полученных, в рамках исследования, результатов заключается в возможности их использования при подготовке проектов дополнений в налоговое законодательство (далее – НК РФ) по совершенствованию нормативно-методического обеспечения взимания НДФЛ при выигрыше в ОТ в процессе реформирования налоговой системы России.

Согласно ст. 4 ФЗ от 29.12.2006 № 244-ФЗ [2] официально закреплены определения новых понятий, используемых в исследуемой сфере (например, интерактивная ставка, ЦУПИС). Внесенные изменения выступили в качестве основной базы правового характера для практического примера ОС.

Выигрыш – это денежные средства или любой вид имущества, которые в обязательном порядке должны быть выплачены участнику азартной игры (далее – АИ) в случае достигнутого им положительного результата на основании тех правил, которые сформулировал и закрепил организатор. При этом определение такого понятия, как «выигрыш по ОС» в Законе № 244-ФЗ не представлено. Следовательно, можно говорить о том, что выигрыш при совершении ОС нужно понимать аналогично тому процессу, как и при совершении ставки в оффлайн-режиме. При этом далеко не все средства, которые выводятся игроком, признаются в качестве выигрыша [13].

Согласно ст. 41 НК РФ под «доходом» в сфере АИ понимается разница, которая получена между ставкой, сделанной участником АИ, и выплаченным ему, в соответствующей форме, выигрыш

шем. Принимая во внимание п. 1 рассматриваемой статьи в обязательном порядке следует отметить и то, что обязанность по уплате ФЛ исследуемого налога возникает непосредственно в результате возможности квалифицировать выигрышные им денежные средства как доход. В случае если ФЛ были внесены денежные средства на специализированный счет, но ОС при этом не произведена, то налог начислен не будет [8].

В качестве главного преимущества НДСФЛ следует выделить то, что в рамках него реализуются все основные требования справедливости налогообложения [11, с. 83–85]. Помимо этого рассматриваемый налог в полной мере соответствует такому принципу, как принцип всеобщности.

В ст. 224 НК РФ [1] определено и закреплено, что к тем выигрышам, которые были получены ФЛ в результате положительного участия в отдельной АИ, применяется ставка, равная 13%. При этом, как было упомянуто ранее, ставка 13% применяется исключительно к той сумме выигрыша, которая является чистой. Иными словами, данная ставка применяется исключительно к той денежной сумме, из которой был произведен вычет ставки или ОС [7]. Такая ставка применяется лишь к тем гражданам, которые проживают более 183 дней в году на территории нашего государства. Для лиц, которые не проживают на территории страны указанный временной срок, предусматривается ставка в размере 30%. Помимо этого стоит отметить, что сегодня Минфин России рассматривает вопрос о том, чтобы сбалансировать исследуемый налог для лиц, которые не являются гражданами нашего государства [10, с. 7].

Отдельно следует подчеркнуть тот момент, что вопрос, касающийся исчисления и удержания НДСФЛ в случае получения ФЛ выигрыша по ОС, сделанным в ОТ, в настоящее время все еще остается открытым и спорным. По этой причине, трудности, которые связаны с установлением даты фактического получения дохода (далее – ФПД) и даты фактической выплаты дохода (далее – ФВД) оказывают довольно сильное влияние на определение того срока, когда именно будет удержан НДСФЛ.

Подчеркивается, что Минфин России представил соответствующее письмо [4], в рамках которого он представил разъяснение по вопросу предмета уплаты исследуемого налога. В упомянутом документе указано, что на основании п. 1 ст. 210 НК РФ во внимание нужно принимать абсолютно все доходы гражданина-налогоплательщика, получаемые им в денежной форме и натуральной форме, а помимо этого особо учитывать также и те доходы, которые представлены в форме материальной выгоды.

В подпункте 5 п. 1, п. 2 ст. 228 НК РФ определено и закреплено, что ФЛ, которые получили выигрыш от участия в соответствующем ОТ, необходимо самостоятельно провести исчисление исследуемого налога и его последующую уплату. Однако в указанных нормах отмечается и то, что подобные действия со стороны ФЛ делаются только в том

случае, если денежная сумма полученного выигрыша не превышает 15000 руб. [1; 12]. При этом организатор ОТ в обязательном порядке информирует уполномоченные налоговые органы о том, что конкретное ФЛ получило соответствующую сумму дохода от участия в ОТ. Следовательно, если данное ФЛ не произведет исчисление и последующую уплату НДСФЛ, то в таком случае уполномоченные органы обратятся к нему для того, чтобы произвести налоговое взыскание.

Если рассматривать ст. 214.7 НК РФ, то вполне справедливым можно считать то, что расчет налога должен производиться без какого-либо уменьшения размера полученного выигрыша на сумму сделанной ОС. Ведь с формальной точки зрения, в действующем законодательстве отсутствует какое-либо правовое закрепление того, что тот доход, который получает ФЛ при успешном результате АИ, может быть сокращен на размер ставки, которую он сделал. При этом, отталкиваясь от общих принципов налогообложения, стоит подчеркнуть, что доход в обязательном порядке должен быть уменьшен на сумму ставки, сделанной игроком. Как отмечалось ранее, игроки, осуществляют уплату налога самостоятельно посредством заполнения декларации по форме 3-НДФЛ [16, с. 67–69].

Рассматривая современную отечественную практику, стоит отметить, что большинство ФЗ, которые являются клиентами ОТ испытывают определенные сложности, связанные с вопросом уплаты НДСФЛ при той сумме выигрыша, которая составляет меньше 15000 руб. Если быть точнее, то сложности наблюдаются в подсчете денежных сумм. Например, на протяжении одного года ФЛ сделало порядка 300 ОС, где в результате выигрыша по отдельным ставкам оно получало плюс-минус 15000 руб. В связи с этим, подчеркивается, что удержание исследуемого НДСФЛ осуществляется по каждой отдельно взятой сумме выигрыша в ОТ. Следовательно, ФЛ необходимо производить учет всех ОС вне зависимости от того, в скольких ОТ они делались.

Если сумма выигрыша превышает установленный порог 15000 руб., то налоговыми агентами (далее – НА) признаются именно организаторы АИ в ОТ [14, с. 81]. Иными словами, бремя отчисления, удержания и выплаты НДСФЛ ложиться именно на них. Подчеркивается, что удержание рассчитанной суммы налога осуществляется НА из тех денежных средств, которые подлежат выплате ФЛ. Как следствие, это приводит к тому, что размер получаемого ФЛ выигрыша сокращается на сумму ранее сделанной им ОС. Подчеркивается, что при определении налоговой базы, осуществляется вычет той суммы ОС, по которой получен выигрыш в результате отдельного проведенного пари. Например, ФЛ положило на счет ОТ 1000 руб. и заключило два пари, где цена каждого составляет порядка 500 руб. Игрок по результатам одного пари получил выигрыш, размер которого составляет 15600 руб. [5]. Следовательно, налогооблагае-

мая база составит 15,1 тыс. руб., а размер НДФЛ – 1,963 тыс. руб.

В представленном примере, в качестве НА выступает именно организатор ОТ, который в обязательном порядке должен удержать с игрока вышеуказанную сумму НДФЛ.

До того, как Закон № 354-ФЗ вступил в свою силу, упомянутая выше база составила бы 14,6 тыс. руб. Иными словами, до проведенных изменений, вычитанию подлежала бы вся сумма, которая была внесена на счет ОТ, то есть 1000 руб., а не сумма отдельного пари [3].

В п. 28 ст. 217 НК РФ определено и закреплено, что если сумма дохода, которая была получена непосредственными участниками ОТ, не превышает сумму, равную 4 000 руб., то они освобождаются от уплаты НДФЛ [6]. Указанная денежная сумма – это льгота. Стоит отметить, что данная льгота, предоставляется каждому ФЛ один раз в год до ее исчерпания. При этом в качестве ограничения применения рассматриваемой льготы выступает то, что она может применяться в отношении лишь тех выигрышей, которые были получены в ОТ или букмекерских конторах [9]. Например, если ФЛ получило выигрыш в размере 13 000 руб., то исследуемый налог будет производиться с суммы 9000 руб.

В момент, когда ФЛ осуществляет перевод денежных средств в ОТ, оно автоматически становится непосредственным участником АИ. В рамках рассматриваемой игры данное лицо самостоятельно распределяет денежные средства по различным событиям. Подчеркивается, что момент получения выигрышной суммы и размер истребимых денежных средств также определяется именно игроком.

НК РФ закрепляет аналогичное правовое регулирование для «обычных» ставок и ОС в сфере выигрышей. При этом в рамках игры в ОТ существует ряд отдельных моментов, которые требуют обязательного урегулирования на законодательном уровне и соответствующего разъяснения. Так, после того, как ФЛ одержит победу в ОТ, у него существует возможность и дальше продолжить играть, не осуществляя при этом вывод выигрышных денежных средств со специального счета в ЦУПИС. Как было отмечено ранее, при выигрыше в ОТ, у ФЛ образуется соответствующий доход, который облагается НДФЛ. В ст. 223 НК РФ определено и закреплено, что НА в обязательном порядке должен производить исчисление налога исключительно в дату ФПД, а ст. 226 НК РФ при этом определяет и закрепляет, что удержание исследуемого налога осуществляется при ФВД. В результате, становится совершенно не понятно, когда именно наступает указанная выше дата и что именно понимается по ФВД [15, с. 39–43].

Минфин России в феврале 2020 года вынес на рассмотрение проект такого постановления, который направлен на законодательное регулирование правил по учету ставок. Однако в рассматриваемом проекте постановления наиболее важные новеллы и принципиальные вопросы отсутствуют, а значит, являются нерешенными. Следовательно,

даже при условии принятия данного документа вопрос, связанный с корректным исчислением исследуемого налога останется открытым и актуальным.

Все официальные ОТ, которые осуществляют свою деятельность на территории нашего государства полностью подчиняются действующему законодательству, в том числе и в сфере налогообложения. В связи с этим, налог на денежный выигрыш, полученный в ОТ, подлежит уплате абсолютно во всех случаях (исключение – налоговый вычет 4000 руб.).

Выделим ряд основных аспектов в сфере исчисления и взимания НДФЛ при выигрыше в ОТ:

1) размер исследуемого налога, подлежащего уплате на сумму выигрыша, составляет 13%;

2) при денежном выигрыше 15 000 руб. и более, удержание налога осуществляет организатор ОТ; налог подлежит исчислению посредством вычета ОС, а налогооблагаемая база вычисляется для каждой выигрышной выплаты отдельно;

3) при денежном выигрыше менее 15 000 руб., уплата исследуемого налога возлагается именно на игрока; при этом вычитание суммы ОС со стороны организатора не производится;

4) сумма выигрыша, которая не подлежит налогообложению, составляет сегодня 4 тыс. руб. Подчеркивается, что представленная со стороны государства льгота, может применяться всего один раз в течение года.

Основой правовой базы для приёма ОС послужили изменения, которые были приняты в 2014 году в Законе № 244-ФЗ.

Как было отмечено ранее, механизм взимания НДФЛ при выигрышах в ОТ является полностью идентичен механизму, который действует в отношении оффлайн-ставок. Помимо этого нам представилось возможным определить, что в настоящее время существует ряд отдельных вопросов, которые требуют дополнительного регулирования на законодательном уровне и соответствующего разъяснения по вопросам НДФЛ при совершении ОС. Например, трудности, связанные с установлением даты ФПД и момента ФВД оказывают соответствующее влияние на определение момента удержания исследуемого налога.

Установлено, что большинство ФЗ, которые являются клиентами ОТ испытывают определенные сложности, связанные с подсчетом выигрышных сумм, которые составляют менее 15000 руб. и подлежат обязательной уплате НДФЛ. Удержание исследуемого налога осуществляется по каждой отдельно взятой сумме выигрыша в ОТ, поэтому ФЛ необходимо производить учет всех ОС вне зависимости от того, в скольких ОТ они делались.

Можно утверждать, что НК РФ закрепляет аналогичное правовое регулирование для «обычных» ставок и ОС в сфере выигрышей. При этом выделен ряд отдельных моментов, которые требуют обязательного урегулирования на законодательном уровне и соответствующего разъяснения, в частности требуют уточнения такие вопросы, как

момент наступления ФПД и что именно следует понимать под ФВД.

Представляется, что современная практика взимания НДФЛ при выигрышах в ОТ нуждается в разъяснениях, как со стороны Минфина России, так и со стороны уполномоченных на это налоговых органов.

Таким образом, взимание НДФЛ при выигрышах в ОТ является тем вопросом, который требует от законодателей повышенной ясности. Это обуславливается тем аспектом, что прямые налоги выступают в качестве наиболее весомого и значимого средства для формирования доходов бюджета РФ. На территории нашего государства и на территории многих мировых государств, исследуемая сфера в обязательном порядке облагается НДФЛ. У большинства ФЗ, которые делают ОС, возникают вопросы, связанные с толкованием отдельных норм НК РФ. Как показывает практика, ФЗ достаточно редко обращаются к вопросу актуальности норм НК РФ, которые регулируют сферу выигрышей в ОТ.

Литература

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ(ред. от 20.07.2020) // Российская газета. – 1998. – 06 августа (№ 148–149). – С. 25–29.
2. Федеральный закон от 29.12.2006 № 244-ФЗ(ред. от 27.12.2019) «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2007. – 01 января (№ 1 (1 ч.)). – Ст. 7. – С. 3.
3. Федеральный закон от 27.11.2017 № 354-ФЗ(ред. от 28.12.2017) «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации» // Российская газета. – 2017. – 29 ноября (№ 270).
4. Об уплате НДФЛ с суммы выигрыша, полученного от участия в азартных играх, проводимых в букмекерской конторе и тотализаторе: Письмо Министерства финансов Российской Федерации от 21 апреля 2020 года № 03–04–05/31925 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/565108931>.
5. Об уплате НДФЛ: Письмо Министерства финансов Российской Федерации от 28.06.2013 № 03–04–05/24803[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.eg-online.ru/document/regulatory/216454/>.
6. По вопросу обложения налогом на доходы физических лиц доходов в виде выигрышей, полученных физическими лицами от организаторов лотерей и азартных игр: Письмо ФНС России от 17.04.2018 № БС-4–11/7321@ // СПС «Консультант Плюс». – Документ опубликован не был.

7. Письмо № 03–04–05/91170 от 14.12.2018. Вопрос: Об НДФЛ с суммы выигрыша, полученного от участия в азартных играх, проводимых в букмекерской конторе и тотализаторе: Министерство финансов Российской Федерации // СПС «Консультант Плюс».
8. ФНС и Минфин: разъяснение спорных моментов исчисления НДФЛ в беттинге: Позиция ведомств по налогообложению в случае интерактивных ставок. – 2019. – 25 июня [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bettingbusiness.ru>.
9. БК «Париматч» компенсирует игрокам налог с выигрыша[Электронный ресурс]. – 29 января 2020 года. – Режим доступа: <https://legalbet.ru/best-posts/bk-parimatch-kompensiruet-igrokanalog-s-viigrisha/>, свободный. (Дата обращения: 08.08.2020)
10. Гайва Е. Ставки НДФЛ для иностранцев в России могут снизить / Е. Гайва // Российская газета. – 2019. – 30 мая. – 7 с.
11. Еременко Е.А. Концепция справедливости в налогообложении и её влияние на совершенствование национальной налоговой системы: Дис. ... канд.экон. наук / Е.А. Еременко. – М., 2017. – 162 с.
12. За какие выигрыши в азартных играх физлица отчитываются самостоятельно: Официальный сайт Информационного агентства Клерк. Ру [Электронный ресурс]. – 11 января 2019 года. – Режим доступа: <https://www.klerk.ru/buh/news/481122/>, свободный. Дата обращения: 09.08.2020.
13. Налог на выигрыш в БК: кто и сколько должен заплатить?: Официальный сайт Российской ассоциации развития игорного бизнеса [Электронный ресурс] – 2019. – 17 мая. – Режим доступа: https://www.rarib.ru/news/4360/49652.html?month=06&year=2020&SECTION_ID=4360&ID=49652&_html=&dateM=Y&hd=Y, свободный. (Дата обращения: 10.08.2020)
14. Права и обязанности предпринимателя при взаимоотношениях с правоохранительными органами: закон и практика / Саушкин Д., Шульгина Д., Корчагина М. – М.: Редакция Российской газеты, 2019. – 160 с.
15. Расулова З.Д. Пути совершенствования НДФЛ на основе изучения зарубежного опыта / З.Д. Расулова // УЭПС: управление, экономика, политика, социология. – 2018. – С. 39–43.
16. Финансовое право в условиях развития цифровой экономики: монография. Под ред. Цинделиани Имельды Анатольевича // М. «Проспект». – 2019. – С. 67–69.

DEVELOPMENT OF LEGAL REGULATION OF THE COLLECTION OF PERSONAL INCOME TAX ON WINNINGS IN AN ONLINE TOTALIZATOR

Aleksandrov S.N.
Russian State University of Justice

Over the past few years, the mechanism for collecting personal income tax has undergone significant and global changes. As a con-

sequence, this has led to the emergence of many problems on a fairly large scale (e.g., tax evasion). In addition to this, one cannot ignore the aspect that in the current context of globalization, approaches to taxation in the area of gambling also tend to change, which is caused by increasing competition between countries in the area of taxes. Consequently, the issue of practical collection of personal income tax on winnings in online betting is particularly relevant today. The aim of the current research is to study the mechanisms of personal income tax collection in case of winning in online betting in modern Russian practice. The main method used in the study of this issue is a systematic approach. This article reveals the problems of charging personal income tax for winnings in online betting and the amendments made to the Tax Code of the Russian Federation. The author also identified some controversial issues that exist in the interpretation of the RF Tax Code in the field of interactive betting.

Keywords: personal income tax; a tax base; a prize; sweepstake; interactive bets.

References

1. Tax Code of the Russian Federation (part one) dated July 31, 1998 No. 146-FZ (as amended on July 20, 2020) // Rossiyskaya Gazeta. – 1998. – August 06 (No. 148–149). – S. 25–29.
2. Federal Law No. 244-FZ of December 29, 2006 (as amended on December 27, 2019) “On State Regulation of Organizing and Conducting Gambling and on Amendments to Some Legislative Acts of the Russian Federation” // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2007. – January 01 (No. 1 (1 hour)). – Art. 7. – P. 3.
3. Federal Law No. 354-FZ of November 27, 2017 (as amended on December 28, 2017) “On Amendments to Part Two of the Tax Code of the Russian Federation” // Rossiyskaya Gazeta. – 2017. – November 29 (No. 270).
4. On the payment of personal income tax from the amount of winnings received from participation in gambling conducted in a bookmaker’s office and sweepstakes: Letter of the Ministry of Finance of the Russian Federation dated April 21, 2020 No. 03–04–05 / 31925 [Electronic resource]. – Access mode: <http://docs.cntd.ru/document/565108931>.
5. On the payment of personal income tax: Letter of the Ministry of Finance of the Russian Federation dated June 28, 2013 No. 03–04–05 / 24803 [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.eg-online.ru/document/regulatory/216454/>.
6. On the issue of personal income taxation of income in the form of winnings received by individuals from the organizers of lotteries and gambling: Letter of the Federal Tax Service of Russia dated 17.04.2018 No. BS-4–11 / 7321@ // SPS “Consultant Plus”. – The document has not been published.
7. Letter No. 03–04–05/91170 dated 12/14/2018. Question: About personal income tax from the amount of winnings received from participation in gambling conducted in a bookmaker’s office and sweepstakes: Ministry of Finance of the Russian Federation // SPS “Consultant Plus”.
8. The Federal Tax Service and the Ministry of Finance: clarification of controversial points in the calculation of personal income tax in betting: The position of tax authorities in the case of interactive rates. – 2019. – June 25 [Electronic resource]. – Access mode: <https://bettingbusiness.ru>.
9. BC “Parimatch” compensates players for tax on winnings [Electronic resource]. – January 29, 2020. – Access mode: <https://legalbet.ru/best-posts/bk-parimatch-kompensiruet-igrokamalog-s-viigrisha/>, free. (Date of access: 08.08.2020)
10. Gaiva E. Personal income tax rates for foreigners in Russia can be reduced / E. Gaiva // Rossiyskaya Gazeta. – 2019. – May 30. – 7 s.
11. Eremenko E.A. The concept of fairness in taxation and its impact on the improvement of the national tax system: Cand. ... cand.econ. Sciences / E.A. Eremenko. – M., 2017. – 162 p.
12. For what winnings in gambling individuals report independently: Official website of the Information Agency Clerk.Ru [Electronic resource]. – January 11, 2019. – Access mode: <https://www.klerk.ru/buh/news/481122/>, free. (Date of access: 09.08.2020)
13. Tax on winnings in betting shops: who should pay and how much?: Official website of the Russian Association for the Development of Gambling Business [Electronic resource] – 2019. – May 17. – Access mode: https://www.rarib.ru/news/4360/49652.html?month=06&year=2020&SECTION_ID=4360&ID=49652&_html=&dateM=Y&hd=Y, free. (Date of access: 08/10/2020)
14. Rights and obligations of an entrepreneur in relations with law enforcement agencies: law and practice / Saushkin D., Shulgina D., Korzhagina M. – M.: Editorial office of the Russian newspaper, 2019. – 160 p.
15. Rasulova Z.D. Ways to improve personal income tax based on the study of foreign experience / Z.D. Rasulova // UEPS: management, economics, politics, sociology. – 2018. – S. 39–43.
16. Financial law in the context of the development of the digital economy: monograph. Ed. Tsindeliani Imeda Anatolyevich // M. “Prospect”. – 2019. – S. 67–69.

Равоян Руслан Адович,

аспирант, кафедра конституционного и административного права, Нижегородский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
E-mail: rus.ravoyan@mail.ru

В статье мы попытаемся разобраться с таким явлением в нашей жизни как цифровой рубль, активное использование которого начнется уже в самое ближайшее время. Поскольку законодательные контуры использования цифрового рубля все еще находятся на стадии доработки, в статье мы рассмотрим основные элементы, которые уже не подвергнутся каким-либо изменениям. Постараемся понять, правовую сущность цифрового рубля. В статье исследуется законодательная база, которая закладывается для целей регулирования операций с цифровым рублем, основные характеристики цифрового рубля, как он соотносится с «криптовалютой», платформа цифрового рубля, ее участники и пользователи, а также иные особенности режима использования цифрового рубля. В статье указывается, что для определения цифрового рубля как законного платежного средства на территории Российской Федерации необходима обширная нормативно-правовая регламентация.

Ключевые слова: цифровой рубль; цифровая валюта; Банк России; платформа цифрового рубля; форма денег; «криптовалюта»; цифровое государство.

Стремительное развитие цифровых технологий, которое активно затрагивает экономику, оказало влияние на организацию денежного обращения. В 10-х годах 21 века человечество столкнулось с совершенно новой формой денежных средств. В области российского законодательства данная форма получила название цифровая валюта. Несмотря на формальное отсутствие законодательной базы, тестовая операция с цифровым рублем уже проводилась в 2022 году, на очереди пилотное тестирование с участием физических и юридических лиц, которое предположительно продлится до 2025 года, по результатам которого система при необходимости будет корректироваться. Таким образом, граждане могут принять непосредственное участие в столь масштабном для страны эксперименте.

Следует отметить, что Россия не передовая страна, которая на государственном уровне внедряет у себя национальную цифровую валюту. В частности, Китай в этом смысле с «цифровым юанем» находится на более продвинутой стадии его использования, а некоторые страны уже в полной мере используют национальные цифровые валюты, например, государства Карибского бассейна.

О намерении Российской Федерации создать национальную цифровую валюту, было объявлено в 2020 году, когда был опубликован доклад Банка России «Цифровой рубль – для общественных обсуждений» и Концепция «О цифровом рубле». В Докладе изложены базовые положения о введении цифровой формы рубля на территории Российской Федерации. Доработанная по результатам обсуждений в 2021 году концепция легла в основу законопроекта, который в настоящее время находится на рассмотрении в Государственной Думе РФ. При этом само понятие цифрового рубля в законопроекте не раскрывается, а в соответствии с концепцией, цифровой рубль – это третья форма денег.

Наряду с наличным и безналичным рублем с технической точки зрения цифровой рубль – это уникальный цифровой код, который находится на специальном электронном кошельке на платформе Банка России, то есть с точки зрения пользователя это электронный аналог безналичных денежных средств.

С правовой точки зрения цифровой рубль является национальной валютой, Конституцией РФ установлено, что «Денежной единицей в Российской Федерации является рубль. Денежная эмиссия осуществляется исключительно Центральным Банком Российской Федерации, а введение и эмиссия других денег в Российской Федерации

не допускаются» [1, часть 1 статьи 75]. Новая форма рубля (цифровая) не противоречит положениям Конституции РФ и не требует внесения каких-либо изменений в неё.

Цифровой рубль относится к категории цифровых валют центральных банков, и будет представлять собой «фиатные деньги», то есть деньги эмитируемые государством. При этом для внедрения, обращения цифрового рубля потребуются внесение изменений и дополнений в большое количество действующих нормативно-правовых актов в сфере использования и порядка обращения денежных средств между различными субъектами правоотношений. В этой связи принятым законопроектом в первую очередь вносятся изменения в такие законы как: Гражданский кодекс РФ, Федеральный закон «О банках и банковской деятельности», Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», Федеральный закон «О валютном регулировании и валютном контроле», Федеральный закон «О персональных данных», Федеральный закон «Об электронной подписи» и др. С 2024 года предполагается вступление в силу изменений в Федеральный закон «О несостоятельности», в Федеральный закон «Об исполнительном производстве» и в Федеральный закон «о таможенном регулировании в Российской Федерации...». Изменения постепенно будут вноситься и в другие нормативно-правовые акты.

При этом особый интерес представляют правила платформы цифрового рубля, которые должны быть приняты банком России и которые пока не опубликованы. Именно в них будет закреплена специфика использования данной платформы, данного инструмента, основные характеристики цифрового рубля.

Цифровой рубль является обязательством Банка России и эмитентом цифрового рубля также является Банк России, его платежные характеристики полностью совпадают с наличными рублями и рублями в классической безналичной форме. Рубли в разной форме будут беспрепятственно обмениваться один к одному, при этом непосредственно цифровой рубль нельзя будет обналичить, его нужно будет сначала конвертировать в безналичные денежные средства на банковском счете, а потом уже с банковского счета можно будет снять наличные денежные средства.

По замыслу законодателя цифровые рубли это не средство сбережения, а средства расчетов, поэтому в отличие от безналичных денежных средств на банковском счете проценты на цифровые рубли начисляться не будут, права на цифровые рубли также не могут быть предметом залога и в цифровых рублях не может быть выдан кредит.

Интересно, что с точки зрения гражданско-правовой терминологии цифровые рубли будут являться формой безналичных денег, а расчеты цифровыми рублями – безналичными расчетами, это будет прямо закреплено в статьях 128 и 140 Гражданского кодекса РФ, а в Федеральном законе «О национальной платежной системе» поря-

док перевода денежных средств и электронных денежных средств дополнится особенностями перевода цифровых рублей.

Особо следует отметить, что цифровой рубль не имеет ничего общего с «криптовалютами», речь о которых идет в законе «О цифровых финансовых активах» и в соответствии с которым цифровая валюта относится к так называемым частным деньгам, тогда как цифровой рубль является новой формой национальной валюты. Несмотря на то, что для его выпуска также используются технологии распределенных реестров или «блокчейн», в данном случае выпуск цифровой валюты централизован у нее будет единственный эмитент Банк России и обеспечение свойственное государственным деньгам.

Оборот цифровых рублей будет осуществляться на специально созданной для этого платформе Банка России, по сути, платформа цифрового рубля – это технологическая оболочка на которой и будет обращаться цифровой рубль. Банк России будет являться оператором такой платформы и будет устанавливать правила и тарифы в соответствии с которыми на данной платформе будут осуществляться операции с цифровым рублем. По словам экспертов, тарифы будут выгодно отличаться от тарифов на традиционные банковские услуги, что должно снизить издержки пользователей платформы, а насколько известно из комментариев официальных лиц Банка России, предполагается, что физические лица будут пользоваться услугами платформы бесплатно.

Получить доступ к цифровой платформе можно будет через любую кредитную организацию в которой вы обслуживаетесь, при условии, что она является участником данной цифровой платформы. На стадии пилотного тестирования таких организаций всего 19, но их число постоянно будет увеличиваться, с полным списком таких организаций участвующих сейчас в этом проекте можно ознакомиться на сайте Банка России.

Пользование платформой предполагается двухуровневой, на ней будут зарегистрированы участники и пользователи, вторые смогут получить доступ к цифровой платформе только через участников. Пользователями будут являться физические лица, юридические лица, индивидуальные предприниматели, органы государственной власти и органы местного самоуправления, а участниками, через которых такие пользователи будут получать доступ к платформе будут кредитные организации, причем как российские, так и иностранные, безусловно, в случае заключения соответствующего соглашения также участниками цифровой платформы будут сам Банк России и Федеральное казначейство.

Согласно законопроекта «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с внедрением цифрового рубля» 45 глава Гражданского кодекса дополняется новым параграфом под названием «Цифровой счет (кошелек)». Данными положениями предусма-

тривается новый вид договора – договор цифрового счета или кошелька, а также порядок и особенности его заключения. В частности, устанавливается, что договор будет заключен непосредственно между владельцем цифрового счета и Банком России, причем цифровые счета будут как у пользователей цифровой платформы, так и ее участников, включая Банк России, а кредитные организации, через которые пользователи цифровых счетов будут получать доступ к платформе цифрового рубля будут представлять Банк России во взаимоотношениях со своими клиентами. Это принципиально отличает режим использования цифровых счетов от режима использования традиционных банковских счетов, где по договору банковского счета контрагентом является кредитная организация, в целом же к отношениям по договору цифрового счета предполагается применять общее положение о банковском счете. Таким образом, цифровые рубли будут находиться на независимом от любой кредитной организации цифровом счете, соответственно все риски связанные с отзывом лицензии той или иной кредитной организации к цифровому счету просто неприменимо.

По общему правилу у одного пользователя может быть только один цифровой счет, а получить доступ к нему можно будет через любую кредитную организацию, в которой такой пользователь обслуживается при этом договор цифрового счета, как и договор банковского счета, может быть расторгнут. В случаях установленных законом на средства находящиеся на цифровом счете точно также может быть наложен арест или могут быть наложены ограничения на распоряжение денежными средствами. Необходимо отметить, что Банк России будет вправе приостановить доступ пользователям и участникам к цифровым счетам в случае нарушения последними правил платформы, также доступ может быть ограничен в случае закрытия банковских счетов или в случае прекращения использования персонифицированных или корпоративных электронных средств платежа.

После подключения к платформе нужно будет дать распоряжение банку в котором вы обслуживаетесь на перечисление безналичных денежных средств своего банковского счета на цифровой счет на платформе Банка России. После этой процедуры можно будет осуществлять операции с цифровым рублем, делать переводы, производить оплату работ услуг и товаров. Пополнить цифровой кошелек сразу наличными денежными средствами не получится для этого нужно будет сначала положить наличные денежные средства на банковский счет, а потом уже безналичные денежные средства конвертировать в цифровые рубли с помощью соответствующего распоряжения банку. Снятие цифровых рублей будет происходить по аналогии уже в обратном порядке сначала нужно будет цифровые рубли перечислить на банковский счет, а с банковского счета уже можно будет снять наличные денежные средства.

Использование цифровых рублей будет осуществляться исключительно на добровольной основе предполагается, что пользователи оценят качество надежность и конкурентную стоимость нового способа расчетов и будут сами принимать решения в каких случаях его использовать, но нельзя не отметить, что скорость и прозрачность совершения платежей на цифровой платформе говорит о том что, скорее всего рано или поздно как минимум в бюджетной сфере расчеты будут переводиться на эту платформу.

В отношении физических лиц предполагается, что им будет предоставлена возможность завещать денежные средства, находящиеся на цифровом счете как минимум с помощью тех же инструментов которые используются для завещания безналичных денежных средств на счетах кредитных организациях.

Изменениями в валютное законодательство уточняется, что возможность открыть цифровой счет также будет предоставлена нерезидентам Российской Федерации через участников цифровой платформы, являющихся уполномоченными банками.

Предполагается, что уже с 2024 года таможенные органы получат право беспорочного списания денежных средств находящихся на цифровом счете, в отношении таможенных платежей, специальных, антидемпинговых, компенсационных пошлин, процентов и пени. Про аналогичное право налоговых органов в отношении налоговых платежей текущий законопроект положений пока не содержит, вероятно, это будет реализовано на более поздних этапах, путем внесения соответствующих изменений в налоговый кодекс.

Если на цифровой счет накладывались ограничения в связи с исполнительным производством, возобновление доступа пользователя к совершению операций по счету будет возможно только при предъявлении доказательств окончания исполнительного производства.

В контексте настоящего исследования важно отметить и смарт-контракты, которые не вошли в текущий законопроект, но о которых сказано в концепции цифрового рубля. Предполагается, что на платформе цифрового рубля будет реализован функционал цифрового алгоритма, который будет фиксировать сделки и контролировать выполнение обязательств всеми сторонами. При таком механизме сделка будет исполняться автоматически при наступлении заранее определенных сторонами условий, ближайший аналог структурирования такого рода процедур, это сделки с использованием счета «эскроу», но пока о смарт-контрактах на платформе цифрового рубля говорить рано, что подтверждает необходимость появления новых законодательных инициатив в сфере регулирования национальной цифровой валюты.

В завершении исследования необходимо отметить, что вопросы о правовой сущности цифрового рубля остаются дискуссионными. Уже сегодня ЦБ РФ сталкивается с серьезной проблемой – необ-

ходимостью закрепления новой денежной сущности как законного платежного средства. Эту задачу могли бы решить иные подходы, предлагаемые инициатором внедрения цифрового рубля. Например, определение цифрового рубля как безналичных (электронных) денежных средств. Данные шаги предполагают значительный объем внесения изменений в нормативно-правовые акты, и ставят актуальные вопросы о его соотношении с действующим законодательством.

Литература

1. Конституция Российской Федерации с изменениями, принятыми на Общероссийском голосовании 1 июля 2020 года. – Москва: Эксмо. 2020
2. Цифровой рубль: доклад для общественных обсуждений. URL: https://cbr.ru/StaticHtml/File/112957/Consultation_Paper_201013.pdf (дата обращения: 04.06.2023).
3. Концепция цифрового рубля. URL: http://www.cbr.ru/content/document/file/120075/concept_08042021.pdf (дата обращения: 04.06.2023)
4. Андрушин С.А. Цифровая валюта центрального банка как третья форма денег государства // Актуальные проблемы экономики и права. 2021. Т. 15. N1.
5. Ефимова Л.Г. Цифровые активы и права на них в контексте изменения гражданского и банковского законодательства // Банковское право. 2021. N5.
6. Габов А.В. Цифровой рубль Центрального банка как объект гражданских прав // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 4.
7. Покачалова Е.В., Гудкова М.В. Денежная система Российской Федерации: цифровые новации и их влияние на правосубъектность

участников финансовых отношений // Банковское право. 2021. N1.

LEGAL REGULATION OF THE CIRCULATION OF THE DIGITAL RUBLE

Ravoyan R.A.

Nizhny Novgorod Institute of Management – a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

In this article, we will try to deal with such a phenomenon in our lives as the digital ruble, the active use of which will begin in the very near future. Since the legislative contours of the use of the digital ruble are still being finalized, in this article we will consider the main elements that will not be subject to any changes. We will try to understand the legal essence of the digital ruble. The article examines the legal framework that is laid down for the purpose of regulating operations with the digital ruble, the main characteristics of the digital ruble, as it relates to the “cryptocurrency”, the digital ruble platform, its participants and users, as well as other features of the mode of using the digital ruble. The article points out that in order to define the digital ruble as legal tender on the territory of the Russian Federation, extensive legal regulation is required.

Keywords: digital ruble; digital currency; Bank of Russia; digital ruble platform; form of money; “cryptocurrency”; digital state.

References

1. The Constitution of the Russian Federation as amended by the All-Russian vote on July 1, 2020. – Moscow: Eksmo. 2020
2. Digital ruble: report for public discussions. URL: https://cbr.ru/StaticHtml/File/112957/Consultation_Paper_201013.pdf (date of access: 06/04/2023).
3. The concept of the digital ruble. URL: http://www.cbr.ru/content/document/file/120075/concept_08042021.pdf (date of access: 06/04/2023)
4. Andryushin S.A. Digital currency of the central bank as the third form of state money // Actual problems of economics and law. 2021. V. 15. N1.
5. Efimova L.G. Digital assets and rights to them in the context of changes in civil and banking legislation // Banking law. 2021. No. 5.
6. Gabov A.V. Digital ruble of the Central Bank as an object of civil rights // Actual problems of Russian law. 2021. No. 4.
7. Pokachalova E.V., Gudkova M.V. Monetary system of the Russian Federation: digital innovations and their impact on the legal personality of participants in financial relations // Banking law. 2021. N1.

Теоретические аспекты проблемы профессиональной правовой культуры в сфере правоохранительной службы сотрудника МВД России

Смирнов Владимир Александрович,

аспирант, кафедра теории государства и права,
Образовательное частное учреждение высшего образования
«Московский университет имени А.С. Грибоедова»
E-mail: Ladimirus1981@yandex.ru

Оксамытный Виталий Васильевич,

профессор, доктор, юридических наук, заслуженный
юрист РФ, Образовательное частное учреждение
высшего образования «Московский университет имени
А.С. Грибоедова»
E-mail: oksvv@list.ru

В представленной статье рассматриваются теоретические аспекты проблемы профессиональной правовой культуры в сфере правоохранительной службы сотрудника МВД России. Актуальность данной темы исследования обусловлена тем, что сотрудники МВД России должны обладать высоким уровнем правовой культуры, выступающей как разновидность культуры профессиональной. Рассматривается понятие профессиональной и правовой культуры, выявляются ее особенности. В результате исследования автор формирует вывод о том, что культурологический подход к изучению службы в органах внутренних дел состоит в том, что ее рассматривают через призму ценностно-нормативной системы, которая регулирует, а также определяет социальную практику защиты прав и свобод человека и гражданами соответствующей службой. На этом фоне, служба в правоохранительных органах выступает в качестве порождающей среды по отношению к профессиональной правовой культуре сотрудников ОВД. Анализ научной литературы показал, что она включает в себя такие аспекты, как правосознание, осознание ценности правовых отношений и службы в системе МВД России.

Ключевые слова: правовая культура, профессиональная культура, правоохранительная служба, МВД России, правосознание.

Актуальность профессиональной правовой культуры сотрудника МВД на современном этапе развития во многом предопределена наличием потребности в том, чтобы планомерно модернизировать сущность правоохранительной деятельности в новых культурных, экономических и социальных условиях существования Российского государства. Эта потребность находит своё выражение в повседневной практике интеграции знаний о профессиональной правовой культуре сотрудника МВД в повседневной правоохранительной службе и свидетельствует о тенденции становления культуросообразности в правоохранительной деятельности.

Особенностью развития правоохранительной службы сотрудников МВД России в настоящий период является её модернизация и реформирование, которые вызваны большими изменениями как в социально-правовой, так и в экономической, политической и иных сферах общества за последнее десятилетие. К числу одного из направлений модернизации и реформирования всей службы в правоохранительных органах можно отнести обновление её содержания. Так, как отмечается в ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации», под службой, которая имеет правоохранительную направленность, стоит понимать службу лица в органах внутренних дел, выступающую в качестве разновидности государственной службы, суть которой состоит в том, что лицо осуществляет служебную профессиональную деятельность в ОВД [1].

Профессиональная правовая культура сотрудника ОВД должны быть рассмотрена через призму ключевого элемента всего содержания указанной службы. Без знания основ профессиональной правовой культуры сотрудника МВД в современных условиях невозможно достойно нести службу в правоохранительных органах, невозможно приобщение к её ценностям. Это обуславливает значимость профессиональной правовой культуры для всех сотрудников системы МВД России в независимости от его служебного положения и воинского звания. Приобщение сотрудников МВД к культурным ценностям профессиональной службы, осуществляется в ходе выполнения сотрудником своих профессиональных служебных обязанностей и практики деятельности по защите правопорядка.

Не секрет, что на территории нашей страны существенно возрастает интерес к именуемому историческому, правовому, нравственному, равно как духовному наследию, а также к профессиональной культуре, связанной с этим наследием соответственно. Этот интерес формирует устойчи-

вый социальный заказ на исследование такого института, как профессиональная культура лица, который занимается правоохранительной деятельностью. Стоит отметить, что под такой культурой целесообразно понимать совокупность духовной и предметной социальной деятельности сотрудников МВД, а также её результатов, сложившихся и существующих системе МВД. Она обнимает собой большой круг социальных явлений, которые будут включать в себя все ключевые области жизни общества, а также вопросы, непосредственно связанные с профессиональной культурой правоохранителей. Мировоззренческие феномены профессиональной культуры будут включать в себя такие аспекты, как мировоззрение лица, его интеллект, систему ценностных ориентаций, принятых личностью, установок в сфере правомерного поведения и соблюдения основ правоотношений, которые определяют направленность и результаты целесообразной деятельности сотрудника полиции. С этим обстоятельством связано значение правовой культуры сотрудника полиции в его профессиональной деятельности, которое позволяет раскрыть специфику и взаимосвязь сфер духовной культуры, науки, философии, образования, идеологии, искусства. Значимость и влияние профессиональной культуры в правоохранительной деятельности не исчерпывается сферой духовной жизни. В рамках культурной традиции в её историческом развитии сформировался уникальный феномен-профессионально-нравственный образ (уклад) жизнедеятельности сотрудника МВД [3, с. 86].

Правоохранительная служба рассматривается нами как явление и вместе с тем продукт культуры общества, определённая сфера жизнедеятельности, которая в свою очередь формирует правовую культуру сотрудников полиции, и в тоже время испытывает её значительное влияние. Однако термин культура отличается большой широтой содержания и многозначностью. Поэтому в первую очередь необходимо дать некоторые пояснения позволяющее обосновать культурологический подход к пониманию рассматриваемой нами проблемы.

Особенность используемого нами подхода состоит в том что культура любого общества и профессии не является никакой совершенной целостностью – она складывается из большей или меньшей совокупности субкультур. Под субкультурой понимается нами культура группы людей, объединённых общими интересами в определённой области жизнедеятельности. Профессиональная культура является одной из основных форм субкультуры, формируется на основе конструктивного объединения профессиональной и социальной компетентности.

Полагаем, что именно на этом фоне среди широкой совокупности определений такого понятия, как «культура», стоит выбирать такое понятие, которое будет в полной мере отражать созидательную деятельность человека в его профессиональ-

ной сфере, так как культура в данном аспекте будет интерпретироваться через различные области, а именно:

- универсальный способ существования человека, что объясняется тем, что именно культура выполняет различные функции, а также обладает такими свойствами, которые могут применяться в целях развития общества, а также способностей отдельно взятого человека;
- способ, который момент применяется для развития человека и для его профессиональной и иной реализации;
- способ осуществления человеком своей текущей деятельности, в том числе, профессиональной [2, с. 9].

Анализ научной литературы по теме исследования позволяет сделать вывод о том, что под культурой стоит понимать опыт деятельности, который был накоплен человеком и который является объективной необходимостью для того, чтобы осуществлять деятельность в дальнейшем и для того, чтобы данную деятельность воспроизводить. Анализ данного понятия позволяет нам констатировать, что в основу любой деятельности, которая лицом осуществляется профессионально, в том числе, деятельности лиц, которая осуществляется сотрудниками ОВД, заложен социокультурный опыт всей профессиональной деятельности в данной области, что позволяет в будущем сформировать и новый опыт, который также может быть применен на практике. На этом фоне, культуру можно рассматривать через призму развития человека, выступающего в качестве субъекта преимущественно социальной деятельности. В частности, парадигма в данном случае будет состоять в том, что человек, который реализуется в своей профессии, будет выступать в качестве субъекта определенной деятельности.

На этом фоне стоит выявить ключевые характеристики современной культуры на основе определения, которое было дано в исследовании ранее.

1. Современную культуру едва ли можно рассматривать через призму отраслевой культуры, так как культурное и социальное развитие личности во многом характеризуется интеграцией. Это предопределяет формирование в современной культуре нового типа рациональности, а основной чертой мышления становится ассоциативность, которая позволяет человеку в полной мере воспринимать и понимать все новации, а также внедрять их в свою деятельность. Как следствие, стоит отказаться от стереотипов, кроме того, это позволит сформировать аксиологическое мышление личности.

2. Современную культуру стоит воспринимать в качестве культуры диалога, на чем акцентируется внимание в научной литературе. Так, в ней отмечается, что диалог позволяет обмениваться и профессиональным опытом, кроме того, это позволяет человеку сформировать себя как личность, причем личность, осуществляющую свою профессиональ-

ную деятельность. В этом аспекте также стоит согласиться с тем, что культура должна иметь весьма тесные взаимосвязи с интересами индивида и выполнять в связи с этим, интегративную функцию. Несколько иным значением обладает «диалог культур», так как в данном случае подразумевается взаимопонимание между теми людьми, которые относятся к разным культурам, в том числе, в области своих профессиональных знаний.

3. Современная культура во многом ориентирована именно на настоящее, так как существующим бытием для нее является исключительно настоящее. Как следствие, в качестве принципа культуры можно рассматривать «благоговение жизнью».

4. Современная культура выступает в качестве такой культуры, которая во многом основана на ценности любого человека как личности. На этом внимание акцентировал еще И. Кант, который подчеркивал, что человек – это всегда цель, а не средство [5, с. 375]. В современной культуре данный постулат начинает получать новое звучание, что нельзя не оценить с положительной точки зрения.

Анализ указанных характеристик позволяет говорить о том, что личность человека является не только объектом, но и субъектом культуры. Что касается именно культуры профессиональной, то в ее основу заложен именно опыт профессиональной деятельности, который был накоплен тем или иным человеком в рамках осуществления им своей текущей профессиональной деятельности. Данные положения в полной мере относятся к сотрудникам ОВД, которые также обладают определенными уровнями профессиональной культуры.

При изучении юридической и научной литературы по теме исследования можно сформулировать вывод о том, что по данному вопросу сегодня складываются различные мнения. Например, В.П. Сальников рассматривает правовую культуру через призму разновидности культуры общей, которая в полной мере отражает наличие определенного уровня ценности и правосознания, сформированного человеком в рамках права [8, с. 21]. В свою очередь, А.П. Семитко указывал, что правовая культура включает в себя такие элементы, как правосознание, правовая деятельность, степень совершенства системы нормативно-правовых актов. Полагаем, что не согласиться с этим весьма затруднительно [9, с. 233]. Интерес представляет также точка зрения А.В. Малько, который указывал, что под правовой культурой личности человека целесообразно понимать понимание и знание им права, а также соответствие деятельности человека этим знаниям [6, с. 111]. Следует также обратить внимание и на точку зрения, в соответствии с которой правовая культура раскрывается как правовая образованность индивида, в том числе, навыки и умение пользоваться правом, его образованность, подчинение своих действий правовым предписаниям [4, с. 302].

В то же время, и на это указывается в юридической теории, правовая культура является отра-

жением сложившегося отношения субъекта к праву, которое складывается из его оценок правовой реальности, и проявляется в оцениваемом правом поведении самого субъекта. И поскольку собственные и правовые оценки могут быть как положительными, так и отрицательными, то и правовую культуру также возможно представить не только как позитивную, но и негативную [7, с. 441–442]. Тем самым правовая культура как неотъемлемая часть общечеловеческого феномена столь же многогранна и имеет различные уровни собственного отражения.

Приходим к выводу, что культурологический подход к изучению службы в органах внутренних дел состоит в том, что ее рассматривают через призму ценностно-нормативной системы, которая регулирует, а также определяет социальную практику защиты прав и свобод человека и гражданами соответствующей службой. На этом фоне, служба в правоохранительных органах выступает в качестве порождающей среды по отношению к профессиональной правовой культуре сотрудников ОВД. Анализ научной литературы показал, что она включает в себя такие аспекты, как правосознание, осознание ценности правовых отношений и службы в системе МВД России.

Литература

1. Федеральный закон РФ от 30.11.2011 № 342-ФЗ (ред. 14.04.2023) «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 49 (часть I). Ст. 7020.
2. Арамисов А.А. Развитие профессиональной культуры как цель и результат дополнительного профессионального образования сотрудников ОВД Российской Федерации // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 6(91). С. 7–10.
3. Атаев Р.А. Формирование аспектов философско-правовой культуры сотрудников органов внутренних дел // Философия права. 2018. № 4(87). С. 85–89.
4. Гриб В.В., Панченко В.Ю. Теория государства и права: курс лекций. – М.: Проспект, 2023. – 656 с.
5. Кант И. Критика чистого разума: книга. – М.: АСТ, 2022. – 784 с.
6. Малько А.В. Теория государства и права: курс лекций. – М.: НОРМА, 2023. – 640 с.
7. Оксамытный В.В. Общая теория государства и права: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2021. – 591 с.
8. Сальников В.П. Правовая культура сотрудников органов внутренних дел: учебное пособие. – СПб: ВПУ, 1988. – 46 с.
9. Семитко А.П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс: книга. – Екатеринбург, Изд-во УрГЮА, 1996. – 312 с.

THEORETICAL ASPECTS OF THE PROBLEM OF PROFESSIONAL LEGAL CULTURE IN THE FIELD OF LAW ENFORCEMENT SERVICE OF AN EMPLOYEE OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

Smirnov V.A., Oksamytny V.V.

Moscow University named after A.S. Griboedov

This article discusses the theoretical aspects of the problem of professional legal culture in the field of law enforcement service of an employee of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The relevance of this research topic is due to the fact that employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia must have a high level of legal culture, which acts as a kind of professional culture. The concept of professional and legal culture is considered, its features are revealed. As a result of the study, the author concludes that the culturological approach to the study of service in the internal affairs bodies is that it is viewed through the prism of a value-normative system that regulates and also determines the social practice of protecting human rights and freedoms and citizens by the relevant service. Against this background, service in law enforcement agencies acts as a generating environment in relation to the professional legal culture of police officers. An analysis of the scientific literature showed that it includes such aspects as legal awareness, awareness of the value of legal relations and service in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Keywords: legal culture, professional culture, law enforcement service, the Ministry of Internal Affairs of Russia, legal awareness.

References

1. Federal Law of the Russian Federation of November 30, 2011 No. 342-FZ (as amended on April 14, 2023) "On Service in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 49 (part I). Art. 7020.
2. Aramisov A.A. Development of professional culture as a goal and result of additional professional education for employees of the Internal Affairs Directorate of the Russian Federation // World of Science, Culture, Education. 2021. No. 6(91). pp.7–10.
3. Ataev R.A. Formation of aspects of the philosophical and legal culture of employees of internal affairs bodies // Philosophy of Law. 2018. No. 4(87). pp.85–89.
4. Grib V.V., Panchenko V. Yu. Theory of state and law: a course of lectures. – M.: Prospekt, 2023. – 656 p.
5. Kant I. Critique of pure reason: a book. – M.: AST, 2022. – 784 p.
6. Malko A.V. Theory of state and law: a course of lectures. – M.: NORMA, 2023. – 640 p. 7.
7. Oksamytny V. General theory of state and law: textbook. 3-e izd., rev. – M.: YUNITI-DANA, 2021. – 591 p.
8. Salnikov V.P. Legal culture of employees of internal affairs bodies: a study guide. – St. Petersburg: VPU, 1988. – 46 p.
9. Semitko A.P. Development of legal culture as legal progress: a book. – Ekaterinburg, Publishing House of UrGUA, 1996. – 312 p.

Правовые инструменты оптимизации избирательного процесса: обобщение опыта России и стран СНГ

Чепкасов Роман Артурович,

аспирант Кемеровский государственный университет
E-mail: roman_chepkasov@mail.ru

Статья посвящена характеристике существующих избирательных систем, их сравнению и анализу применения. Инструментарий составили научные труды видных ученых в области избирательного права, социологические исследования и первоисточники правовой информации. Автором предпринята попытка оценки современного состояния отечественной избирательной системы, в том числе в контексте их сопоставления с соответствующими институтами в иностранных государствах, в частности государствах СНГ. В исследовании предложены пути возможного реформирования национальной избирательной системы с целью оптимизации избирательного процесса в Российской Федерации. Одним из ключевых вопросов является вопрос достаточности закрепления норм о выборах в Конституции России и, как следствие, достаточности нормативно-правового регулирования в области избирательного права в целом. Статья нацелена на выявление конкретных проблем избирательного процесса и предложение возможных их решений.

Ключевые слова: избирательная система, избирательный процесс, избирательное право, электоральные процедуры, голосование, выборы, одномандатный округ, избирательный округ, мажоритарная система, пропорциональная система, смешанная система.

Избирательная система – это сущностная основа института выборов как механизма политической жизни общества, своего рода правила игры для всех участников электорального процесса. Демократии всего мира соревнуются между собой в качестве выборов, исходя из принципов народовластия (представительства воли народа) и эффективности работы политической системы в целом и органов ее власти в частности.

Уровень детализации избирательной системы конкретного государства напрямую свидетельствует об его уровне развития как демократического государства. Очевидно, что сравнительный анализ отечественного и зарубежного опыта в данной сфере конституционализма следует начать с определения ключевого понятия «избирательная система».

В конституционно-правовой доктрине устоялось мнение, что понятие «избирательная система» принято трактовать в узком и широком смыслах.

В узком смысле избирательная система – это способ определения результатов выборов, система распределения мест в выборных органах после обнародования результатов голосования[1].

С этой точки зрения выделяют три основных вида избирательных систем: мажоритарную, пропорциональную и смешанную (гибридную).

В продолжение этого выделяют такие подвиды мажоритарной избирательной системы как: абсолютного, относительного и квалифицированного большинства.

Мажоритарная система абсолютного большинства означает, что в результате голосования победу одерживает тот кандидат, за которого проголосовало абсолютное большинство избирателей – более 50%. Такая система, в частности, используется на выборах депутатов всех уровней во Франции, а также на президентских выборах в большинстве стран, где эти выборы являются всенародными (в том числе России, Финляндии, Польше, Чехии, Литве).

Мажоритарная система относительного большинства означает, что в результате голосования победу одержит кандидат, который набрал голосов избирателей больше, чем каждый другой кандидат, и необязательно больше половины. Такая система используется в настоящее время в Великобритании, Японии, США на выборах членов Конгресса.

При использовании мажоритарной системы квалифицированного большинства заранее устанавливается «большинство», которое выше половины – 2/3, 3/4 и т.д. Такая система встречается

редко и обычно применяется при решении конституционных вопросов. Но иногда избирательная система квалифицированного большинства встречается и на выборах депутатов. Например, в Чили Палата депутатов (нижняя палата парламента) избирается по двухмандатным избирательным округам. Партия, собравшая в округе 2/3 от общего числа действительных голосов, получает оба мандата от округа. Если же такое большинство не получено ни одной из партий, мандаты передаются двум партиям, собравшим наибольшее число голосов.

При проведении выборов по пропорциональной системе распределение депутатских мандатов между списками кандидатов происходит пропорционально голосам, поданным за них.

Впервые данная система была предложена в ходе Великой французской революции, а впервые применена лишь спустя столетие, на выборах 1889 г. в Бельгии.

В отличие от мажоритарной системы, применяемой обычно в крупных государствах, где конкурируют, как правило, 2 ведущие партии, пропорциональная избирательная система хороша для небольших по территории государств с развитой многопартийностью (то есть имеющих не 2, а 5–10 примерно равных по силе партий). Например, в настоящее время, она применяется в Эстонии, Латвии, ряде скандинавских стран, при выборах «нижней» палаты парламента в Польше, в Чехии, до 1993 г. – в Италии.

Смешанная или гибридная избирательная система, в соответствии с названием, является симбиозом мажоритарной и пропорциональной избирательных систем. Её суть заключается в том, что часть депутатских мандатов распределяется с принципами мажоритарной системы, что способствует формированию устойчивого правительства, а другая часть – в соответствии с принципами пропорциональной системы, что способствует более полному учёту голосов избирателей и точнее отражает реальную картину политической ситуации в стране. Данный вид избирательной системы существует в Японии, Германии, Венгрии, Австралии, Грузии, Новой Зеландии и России.

Выбрать наиболее подходящую избирательную систему – достаточно амбициозная задача для любого национального законодателя, и на ее разрешение зачастую уходят десятилетия. Например, в Италии до сих пор проводятся реформы избирательной системы, начатые в конце XX века. За последние двадцать пять лет в Италии уже четыре раза менялось избирательное законодательство. В 1993 г. была введена смешанная избирательная система, в 2005 г. Италия вернулась к пропорциональному голосованию, а уже в 2015 г. вступил в силу закон, предусматривавший систему, состоящую из двух туров и основанную на пропорциональном представительстве партийных списков. Наконец, в 2017 году произошел разворот к смешанной пропорционально-мажоритарной системе выборов[2]. Данный пример наглядно демонстрирует всю многогранность и сложность вопроса

о выборе наиболее подходящей избирательной системы, а также то, что категорично заявлять о превосходстве одной системы над другой непрофессионально.

В широком смысле термин «избирательная система» представляет собой обозначение общественных отношений, связанных с выборами органов публичной власти. Таким образом, помимо самой модели или вида избирательной системы в это понятие входят все электоральные общественные отношения, такие как механизм выдвижения кандидатов, правила предвыборной агитации, порядок голосования и другие. В связи с наличием большого количества различий в национальных избирательных системах, их систематизация представляется если и не невозможной, то крайне затруднительной, а главное – лишенной практического смысла.

Возможно, конечно, систематизировать избирательные системы по отдельным признакам. Например, так называемый «день тишины» (день, предшествующий дню голосования, в который запрещена предвыборная агитация) в ряде стран применяется (Босния и Герцеговина, Италия, Казахстан, Сингапур), а в других отсутствует (Великобритания, Новая Зеландия, Республика Беларусь), а в некоторых составляет не один день, а несколько дней (например, в Австралии агитация запрещается за трое суток до выборов). В соответствии с частью 1 статьи 49 Федерального закона от 12.06.2002 №67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» на выборах в России агитационный период прекращается в ноль часов по местному времени дня, предшествующего дню голосования, то есть работает правило про «день тишины». В 2020 году состоялось Общероссийское голосование по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации, которое не подпадало под действие отечественного избирательного законодательства, а потому проводилось в течение нескольких дней подряд (с 25 июня по 1 июля 2020 года). Такая практика была признана успешной и легла в основу изменений в закон о выборах, которые с 2021 года предусматривают возможность принятия решения о проведении голосования в течение нескольких дней подряд (т.н. многодневное голосование). Эти изменения повлекли за собой изъятие из общего правила про «день тишины» таким образом, что оно не применяется в случае проведения многодневного голосования. Поскольку на практике многодневное голосование применяется в большинстве случаев, можно констатировать фактическое отсутствие «дня тишины» в России.

Подобного рода анализ можно провести по любому критерию, характеризующему избирательные системы различных государств, однако в рамках настоящей статьи автор пытается найти ответы на вопросы более общего характера.

Если попытаться ответить на нарочито наивный вопрос «какая избирательная система лучше?»,

то однозначного ответа не найти. Избирательная система – лишь механизм, а результаты выборов и как следствие, удовлетворенность электората этими результатами – вот критерии, на которые следует обращать внимание.

Безусловно, социальное самочувствие и доверие властям характеризуют не только удовлетворенность граждан государства избирательной системой, однако и ее, в том числе. В этом смысле следует отметить, что по данным аналитиков The Global Ecomoty наивысший уровень доверия населения правительству по состоянию на 2022 год зафиксирован в таких государствах как Япония (0,2 балла по индексу легитимности государства), Дания, Финляндия, Люксембург, Нидерланды, Норвегия и Швейцария (0,3 балла). Большинство стран СНГ находятся по другую сторону от среднемирового значения в 5,72 балла. Так, 9,3 балла у Республики Беларусь, 9,1 балл у Азербайджана, 8,6 – у России.

Конечно, делать из этого исследования прямой вывод о доверии или недоверии граждан к выборам и национальным избирательным системам не следует в связи с неочевидными критериями оценки, однако результаты исследования заслуживают внимания хотя бы с точки зрения объема исследования.

Более объективным представляется авторский анализ главного специалиста-эксперта отдела организации избирательного процесса и обучения организаторов выборов аппарата избиркома Иркутской области А.А. Лола. В своем исследовании автор сравнивает избирательные системы России и США, точнее, уровень доверия к ним граждан, по следующим критериям: избирательная система и политические традиции, явка избирателей и данные социологических опросов[3]. Не умаляя достоинств самой исследовательской работы, следует отметить ключевые выводы автора. Так, несмотря на значительные отличия в электоральных и политических традициях России и США, на разные принципы проведения выборов (прямое голосование в России против голосования выборщиков в США) и другие факторы уровень доверия к избирательным системам граждан в России и США относительно высок, уровень явки в России на крайних президентских выборах выше, чем в США, что говорит об отсутствии преимуществ США за счет более устоявшихся электоральных традиций. Кроме того, можно предположить, что эффективное законодательное регулирование в странах романо-германской правовой семьи, к которой относится и Российская Федерация, способно стать достаточной альтернативой многовековой правовой традиции, являющейся одним из основных источников права в США и других странах англо-саксонского лагеря.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что сам вид избирательной системы или отдельные ее элементы и механизмы не являются гарантией эффективности выборов и, как следствие, легитимности избранных органов власти. Более важ-

ным являются конституционно-правовые гарантии и основополагающие принципы проведения выборов, которые формируют уровень доверия граждан к национальным электоральным процедурам, повышают их вовлеченность в избирательный процесс, качество кандидатов и других участников выборов.

В отличие от Италии, реформы избирательного законодательства в которой приводились выше в пример, Россия и страны СНГ более последовательны в развитии своих национальных избирательных систем. Однако несмотря на очевидную схожесть законодательств стран содружества, за более чем 30-летнюю историю независимого существования некоторые государства преуспели в развитии своей избирательной системы.

Прежде всего, следует отметить, что в 2002 г. был принят первый в истории специальный международный договор, посвященный правовому регулированию международных избирательных стандартов – Конвенция о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государства-участниках Содружества Независимых Государств[4]. Таким образом, государства-участники СНГ договорились о едином пути в развитии своих избирательных систем.

Единый подход к вопросу построения избирательных систем в СНГ predetermined то, что процедура выборов в государствах Содружества определяется Конституциями и специальными нормативными правовыми актами. Закреплены такие общие принципы как свободный характер выборов; всеобщее, равное, прямое избирательное право при тайном голосовании; гласность; участие общественности в организации и проведении выборов; сочетание мажоритарной и пропорциональной избирательных систем; преимущественно государственное финансирование выборов[5].

Вопрос необходимости конституционного закрепления основ национальной избирательной системы в научном сообществе обсуждается достаточно остро. Сама необходимость таких норм в основном законе оспаривается нечасто, дискуссии вызывают вопросы объема и детализации конституционных норм. Конституция Российской Федерации содержит разрозненные нормы, связанные с избирательной системой. Например, в статье 32 Конституции РФ закреплено право граждан избирать и быть избранными, статьи 81 и 84 определяют основные критерии выборов Президента РФ и т.д. Однако в тексте российской Конституции отсутствует глава или раздел, посвященный избирательной системе России, не закреплены даже основные ее принципы, что может поставить под сомнение статус демократических выборов как основного правового института формирования государственной власти. По мнению Ю.А. Казановской «отсутствие в конституциях разделов или глав об избирательной системе влечет за собой невозможность четкого гарантирования защиты демократических принципов и норм избирательного

права в соответствии с международными стандартами в этой сфере» [6].

Россия не единственное государство, которое предпочло не использовать комплексный подход в конституционно-правовом регулировании выборов. Конституция Республики Казахстан также содержит лишь малочисленные нормы о выборах. Кроме того, Азербайджан и Молдова могут служить примерами стран, фактически отказавшихся от конституционно-правового регулирования избирательных систем (несмотря на наличие избирательных кодексов).

По мнению Е.В. Воронцовой и А.Л. Воронцова успешнее всех в вопросах конституционно-правового закрепления избирательных систем продвинулись Республика Беларусь и Узбекистан [7]. Конституции обеих стран содержат отдельные разделы по вопросам организации и проведения выборов, в которых достаточно развернуто и системно закреплены нормы о выборах. В дополнение к нормам основного закона в Республике Беларусь принят избирательный кодекс.

Таким образом, несмотря на схожие исходные данные и пути развития, некоторые государства в составе СНГ дальше других продвинулись в своих попытках выстроить нормативную основу избирательной системы в соответствии с высокими стандартами международного права. Избирательная система России в настоящее время все еще находится на этапе активного развития и законодателю следует учитывать положительный опыт государств со схожими правовым и политическим режимами.

Однако в том случае, когда одним из участников сравнения выступает Россия, нужно помнить про ее федеративное устройство. Суть федерации заключается в некоторой определенной доле самостоятельности частей государства, в случае с Россией – ее субъектов. Российская Федерация – единственное государство с федеративным устройством в составе СНГ. Таким образом, можно предположить, что законодатель намеренно не стал подробно описывать избирательную систему в Конституции, учитывая федеративное устройство современной России. В этой связи напрашивается сравнение объема конституционно-правового регулирования в России с другими государствами-федерациями, например, со старейшем в мире федеративным государством – Соединенными Штатами Америки.

Конституция США подобно российской также не содержит самостоятельного раздела или главы, посвященных избирательной системе, а наполнена разрозненными нормами, регулирующими общие основы выборов в государстве. Например, раздел 2 статьи 1 закрепляет двухгодичный срок избрания членов Палаты представителей и устанавливает требования к кандидатам на эту должность (возраст не менее 25 лет, минимум семилетний срок наличия гражданства США и так называемый «ценз оседлости»), устанавливает зависимость количества представителей от коли-

чества жителей штата, Статья 2 содержит положения, регулирующие общий порядок выборов Президента США, а ряд поправок к Конституции наделил правом голоса отдельные категории граждан: в 1870 году XV поправка отменила расовый ценз, в 1920 году право голоса было предоставлено женщинам (XIX поправка), в 1971 году XXVI поправка снизила возрастной ценз, предъявляемый к избирателям, до 18 лет [8]. Однако, большая часть норм избирательного права устанавливается законодательством штатов, а Конституция и федеральные законы лишь обозначают контуры избирательной системы США, очерчивают границы дозволенного, в рамках которых штаты могут действовать по своему усмотрению.

Анализируя конституционные основы избирательной системы США сходство подходов в регулировании общественных отношений, связанных с выборами, между Российской Федерацией и США отрицать невозможно. Что же касается других государств мирового сообщества, которые характеризуются федеративной формой устройства и республиканской формой правления, то, например, в Конституции Федеративной Республики Германия можно обнаружить только закрепленный в статье 20 принцип народовластия и общие сроки выборов в Бундестаг (статья 39) [9]. Справедливости ради, нужно отметить, что федеральный законодатель Германии, хоть и не в тексте Основного закона, но в специальных законах достаточно подробно урегулировал общественные отношения, связанные с выборами. Так в Федеральном законе о выборах – *Bundeswahlgesetz* от 23 июля 1993 г. в редакции от 9 июля 1997 г., подробно описывается избирательная система, порядок формирования избирательных органов, цензы пассивного избирательного права, проведение голосования, подведение результатов выборов, повторное голосование, выборы в бундестаг, заключительные положения. Однако подобно законодательству России, законодательство ФРГ оставляет субъектам государства право самостоятельно издавать нормативные правовые акты, направленные на регулирование региональных и местных выборов (в ФРГ – Законы земель об организации выборов).

Подобно рассмотренным выше Конституциям России, США и Германии Основные законы таких федеративных государств как Бразилия, Швейцария и Австралии также содержат лишь отдельные нормы, связанные с выборами, которые не объединены структурно в отдельный раздел или главу Конституции.

Таким образом, предположение о том, что отсутствие подробного регулирования общественных отношений, связанных с выборами, в Конституции связано с федеративным государственным устройством и как следствие ограниченной самостоятельностью субъектов, входящих в государство, подтверждается на рассмотренных в статье примерах. Однако делать однозначный вывод преждевременно, поскольку вопрос требует более детальной проработки и теоретизации. Так, например, существу-

ет множество стран с унитарной формой устройства и недостаточным конституционно-правовым регулированием избирательных отношений. Кроме того, сама по себе федеративная форма государственного устройства не является формальным препятствием для скрупулезного конституционно-правового регулирования выборов. В связи с этим предлагается остановиться на выводе о том, что для стран с федеративной формой государственного устройства выделение конституционных норм о выборах в отдельный раздел или главу нехарактерно.

Литература

1. Никитенко А.И. Особенности современных избирательных систем стран Западной Европы (на примере Великобритании, Франции, Германии) // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. Т. 10. № 5. С. 51.
2. Савченко Н.М. Из истории реформы избирательной системы Италии // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 2020. Т. 40. № 4. С. 139–140.
3. Лола А.А. Сравнительный анализ уровня доверия к избирательной системе граждан США и Российской Федерации // В сборнике: Четырнадцатые Байкальские социально-гуманитарные чтения. Материалы Четырнадцатых Байкальских социально-гуманитарных чтений. Материалы Всероссийской политологических конференций с международным участием, петровских философских чтений: в 2 т., Иркутск, 2021. С. 266–273.
4. Конвенция о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах-участниках Содружества Независимых Государств (Заключена в г. Кишеневе 07.10.2002) // СПС «Консультант Плюс».
5. Борухина И.Ю. Избирательные системы в государствах-участниках Содружества Независимых Государств и Европейского союза // Вопросы политологии. 2013. № 1 (9). С. 176.
6. Казановская Ю.А. Международные стандарты в области прав человека в конституционном законодательстве России // Правовая политика и модернизация государственности: сборник материалов Международной Научно-практической Конференции. Пятигорск. Т. 1. 2012. С. 92–95.
7. Воронцов А. Л., Воронцова Е.В. Конституционно-правовое оформление основ избирательной системы в странах содружества независимых государств: Сравнительно-правовое исследование // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8. № 4 (29). С. 55–62.
8. Конституция Соединенных Штатов Америки от 17.09.1787 года. Режим доступа:– <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnstUS.htm>. Дата обращения 05.06.2023.

9. Основной закон Федеративной Республики Германии. Режим доступа:–<https://legalns.com/download/books/cons/germany.pdf>. Дата обращения 05.06.2023.

LEGAL INSTRUMENTS FOR OPTIMIZING THE ELECTORAL PROCESS: GENERALIZATION OF THE EXPERIENCE OF RUSSIA AND CIS COUNTRIES

Chepkasov R.A.

Kemerovo State University

The article is devoted to the characteristics of existing electoral systems, their comparison and analysis of application. The toolkit consists of scientific works of prominent scientists in the field of electoral law, sociological research and primary sources of legal information. The author attempts to assess the current state of the domestic electoral system, including in the context of their comparison with the relevant institutions in foreign countries, in particular the CIS states. The study suggests ways of possible reform of the national electoral system in order to optimize the electoral process in the Russian Federation. One of the key issues is the question of the sufficiency of fixing the norms on elections in the Constitution of Russia and, as a consequence, the sufficiency of legal regulation in the field of electoral law in general. The article is aimed at identifying specific problems of the electoral process and proposing possible solutions to them.

Keywords: electoral system, electoral process, electoral law, electoral procedures, voting, elections, single-mandate constituency, electoral district, majority system, proportional system, mixed system.

References

1. Nikitenko A.I. Features of modern electoral systems of Western European countries (on the example of Great Britain, France, Germany) // Central Russian Bulletin of Social Sciences. 2015. Vol. 10. No. 5.p. 51.
2. Savchenko N.M. From the history of the reform of the electoral system of Italy // Proceedings of the Society of Archeology, History and Ethnography at Kazan University. 2020. Vol. 40. No. 4. pp. 139–140.
3. Lola A.A. Comparative analysis of the level of confidence in the electoral system of citizens of the USA and the Russian Federation // In the collection: The fourteenth Baikal socio-humanitarian readings. Materials of the Fourteenth Baikal socio-humanitarian readings. Materials of the All-Russian Political Science Conferences with international participation, Petrovsky philosophical readings: in 2 volumes, Irkutsk, 2021. pp. 266–273.
4. Convention on Standards of Democratic Elections, electoral rights and Freedoms in the member States of the Commonwealth of Independent States (Concluded in Kishenev 07.10.2002) // SPS «Consultant Plus».
5. Borukhina I. Yu. Electoral systems in the member States of the Commonwealth of Independent States and the European Union // Questions of political science. 2013. No. 1 (9).p. 176.
6. Kazanovskaya Yu.A. International standards in the field of human rights in the constitutional legislation of Russia // Legal policy and modernization of statehood: collection of materials of the International Scientific and Practical Conference. Pyatigorsk. Vol. 1. 2012. pp. 92–95.
7. Vorontsov A. L., Vorontsova E.V. Constitutional and legal registration of the foundations of the electoral system in the countries of the Commonwealth of Independent States: Comparative legal research // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Series: History and Law. 2018. Vol. 8. No. 4 (29). pp. 55–62.
8. The Constitution of the United States of America of 17.09.1787. Access mode: – <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnstUS.htm>. Accessed 05.06.2023.
9. The Basic Law of the Federal Republic of Germany. Access mode: – <https://legalns.com/download/books/cons/germany.pdf>. Accessed 05.06.2023.

Национальная платежная система как элемент инфраструктуры национальной безопасности

Чернобровкина Екатерина Борисовна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: kchernobrovkina@yandex.ru

Статья посвящена российской национальной платежной системе. Описывается текущее положение в сегменте безналичных платежей и особенности функционирования национальной платежной системы. В настоящее время особое внимание уделяется обеспечению информационной безопасности в соответствии с требованиями Федерального закона от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе».

Раскрываются проблемы национальной платежной системы, а также ее место и роль в обеспечении национальной безопасности и экономического суверенитета. Обеспечение экономической эффективности и безопасности вопрос государственной важности одна из стратегических задач деятельности Центрального банка. Надежная и эффективная работа национальной платежной системы зависит от тщательной организации надзора, направленного на снижение возможных рисков и предотвращение системных кризисов.

Статья содержит анализ программ, которые в области национальной платежной системы обеспечивают национальную безопасность.

Ключевые слова: национальная безопасность, платежная система, национальная платежная, Банк России, Центральный банк.

По мере того как платежные и расчетные системы становились все более сложными, взаимодействие между их элементами становилось все более сложным. В частности, национальная платежная система приобрела первостепенное значение в обеспечении бесперебойного функционирования экономики. В результате ответственность за сохранение его целостности и надежности была принята как общественная обязанность, что укрепило его статус в качестве правового императива.

Национальная платежная система является сложной совокупностью действий, в составе которой – перевод финансов (включая электронные), участие банковских платежных агентов и субагентов, платежных агентов, федеральных почтовых учреждений, предоставляющих услуги согласно российскому законодательству. Об этом говорится в принятом в 2011 году Федеральном законе от 27 июня 2011 года № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» (3 статья). [1] В соответствии с ним, национальная платежная система является сложной совокупностью действий, в составе которой – перевод финансов (включая электронные), участие банковских платежных агентов и субагентов, платежных агентов, федеральных почтовых учреждений, предоставляющих услуги согласно российскому законодательству.

Национальная платежная система, как она определена в Законе о НПС, представляет собой сложную и многогранную структуру, которая включает в себя различные операции денежных переводов, субъектов и операторов. Соблюдение правил и требований, изложенных в Законе о НПС, имеет первостепенное значение для всех субъектов, участвующих в национальной платежной системе, поскольку обеспечивает целостность, безопасность и надежность системы. Закон о НПС служит нормативно-правовой базой, регулирующей деятельность национальной платежной системы и определяющей роли, обязанности и требования различных вовлеченных субъектов, тем самым способствуя тому, чтобы российская национальная платежная система работала эффективно.

Обозначенное в принятом в 2011 году на федеральном уровне законе под номером 161-ФЗ определение представляет собой комплексный механизм с входящими в него связанными между собой компонентами и процессами, посредством которых между банковскими учреждениями коммерческого типа и центральными банками передаются денежные требования. Комплексный подход в отношении национальной платежной системы, созданный Комитетом по платежным и расчетным системам,

охватывает платежные инструменты, платежную инфраструктуру, финансовые учреждения, рыночные соглашения и правовые нормы.

Помимо институционального аспекта, национальную платежную систему можно рассматривать как многогранную систему с различными функциональными подсистемами. Один из способов концептуализировать это – определить ключевые компоненты, из которых состоит система. Элементами институциональной подсистемы национальной платежной системы являются разные субъекты, участвующие в ней. Речь идет об операторах по денежным переводам, банковских платежных агентах, платежных агентах, поставщиках услуг платежной инфраструктуры, федеральных почтовых организациях, операторах платежных систем.

Другой важной подсистемой является подсистема «продукт», которая охватывает разнообразный набор финансовых инструментов, используемых для денежных переводов. Эти инструменты подчинены нормам, которые объединяют гражданское и публичное право, и находятся под контролем регулирующего органа, ответственного за надзор за национальной платежной системой.

Для российской национальной платежной системы важной также является такая подсистема, как надзорная. Регулирующим и контрольным органом при этом является российский Центральный банк. С его помощью национальная платежная система является стабильной, соблюдаются предписания нормативного характера, контролируются риски^[2].

Мы считаем, что с учетом имеющихся многочисленных понятий национальной платежной системы (НПС) должно быть сформулировано такое определение, которое было бы комплексным.

Под национальной платежной системой понимают установленную на законодательном уровне систему организации безналичных платежей, в которую входят правила и процедуры, связанные с информационным обменом и основанные на финансовой платформе. Она необходима для того, чтобы на российской территории и за ее пределами расчеты можно было производить эффективно и безопасно.

При анализе определения, данного в принятом в 2011 году на федеральном уровне законе под номером 161-ФЗ, можно увидеть, что здесь перечисляются субъекты национальной платежной системы. Затем 3 статья дает по этому поводу разъяснения. Дело в том, что в этом определении не показаны цели и сущность работы национальной платежной системы. При этом необходимым является указание на то, что с ее помощью расчеты производятся эффективно и безопасно. Следовательно, обеспечение безналичных расчетов и платежей физических и юридических лиц осуществляется именно национальной платежной системой.

Важно изучение взаимосвязи всех составляющих национальной платежной системы, чтобы ее работа была эффективной. Если передача платежных ресурсов, которые выделяются для того,

чтобы проводить платежи, осуществляется надежно и своевременно, то это говорит о том, что платежная система работает эффективно. Когда это достигнуто, операционные расходы уменьшаются, улучшается управление ликвидностью.

Появление сомнений относительно осуществления платежей и снижение доверия к платежной системе связаны с тем, что происходят задержки по платежам, сбои разного характера. В итоге риск увеличивается, а субъекты, участвующие в платежной системе, сталкиваются с возникновением увеличенного количества затрат.

Непрерывное производство платежей и расчетов достигается благодаря национальной платежной системе. Итоги деятельности всех составляющих НПС представляют собой ее функции. Методы, способы и инструменты, которые в целом предназначены для того, чтобы платежи осуществлялись безопасно, эффективно и непрерывно, с функциональной точки зрения образуют национальную платежную систему.

Возможно отнесение к определенной системе лишь компонентов, с помощью своей деятельности или непосредственно реализующих деятельность или функции. Функциональный критерий находится в основе создания структуры НПС. Этот факт основан на функциональном назначении НПС и определении, сформулированном на законодательном уровне.

Непрерывность работы системы по расчетам и платежам возможна благодаря функциональному критерию. Он подразумевает, что существует система контроля деятельности, связанной с переводом финансовых средств, а также обеспечивается непрерывность этой деятельности. На каждой из ступеней этого процесса происходит присоединение к нему разных компонентов НПС. Если основываться на функциональном критерии, то возможно группирование этих составляющих в блоки. Все они являются определенными уровнями НПС.

Общий критерий характерен для компонентов структуры всех блоков и находящихся на определенной ступени НПС.

Российский Центральный банк находится в первом блоке. Верхняя ступень НПС РФ – расположение данного банковского учреждения. Благодаря этому банку государственная финансовая система может должным образом осуществлять свою деятельность. При этом важной является работа банка, связанная с защитой и обеспечением того, чтобы рубль был устойчивым, укреплением и развитием системы банков страны, развитием и контролем стабильности российского рынка финансов и НПС.

Элементы, которые объединены в соответствии с критерием оказания услуг по платежам, находятся в составе второго блока компонентов НПС. Это вторая ступень НПС.

НСПК (Национальная система платежных карт) была сформирована российским Центральным банком (2014 г.). Создание СПБ (система быстрых платежей) и карты «Мир» осуществлялось на ее основе. Кроме того, обработка всех платежей вну-

три страны по картам платежных систем других стран производится посредством Национальной системы платежных карт. Сейчас Национальная платежная система развивается таким образом, чтобы аналоги платежных систем из других стран были вытеснены. Благодаря этому население станет чаще применять карты «МИР», наша страна перестанет быть зависимой от условий международного рынка, внутри России платежи будут совершаться стабильнее^[3].

Сделать так, чтобы НПС развивалась, была стабильной – это задачи стратегического характера российского Центрального банка. Что касается «Стратегии развития национальной платежной системы на 2021–2023 годы»^[4], то ее цель – создать благоприятные условия для того, чтобы потребители получали безопасные и доступные услуги по платежам.

Деятельность НПС будет эффективной и надежной, если должным образом будет организован контроль, задача которого – снизить возможные риски и предотвратить системные кризисы. Платежные системы по своей природе подвержены значительным рискам, которые могут иметь далеко идущие последствия, и поэтому необходим строгий надзор.

Банк России осуществляет многогранную деятельность по надзору за национальной платежной системой, которая включает в себя контроль за соблюдением законодательства и нормативных актов, связанных с НПС, в отношении кредитных организаций, платежных системных операторов, тех, кто предоставляет услуги платежной инфраструктуры, а также других субъектов. Расширение сферы надзора российского Центрального банка произошло из-за того, что на законодательном уровне произошли преобразования.

Определенные ключевые функции и обязанности, которые нацелены на то, чтобы платежные системы работали эффективно, безопасно и надежно, входят в состав контроля российским Центральным банком деятельности НПС.

Сюда входят: надзор относительно того, как соблюдаются предписания нормативного характера, оцениваются риски, выполняются нормативные предписания в отношении деятельности тех, кто участвует в платежной системе и предоставляет услуги. В компетенции российского Центрального банка – издание актов нормативного характера, установление пруденциальных условий и наложение запретов за то, что они не выполняются, чтобы национальная платежная система была целостной и стабильной.

Уменьшить риски, с которыми могут сталкиваться платежные системы, – это главная цель контроля российского Центрального банка. Возможно столкновение платежных систем с разными рисками. Речь идет об операционном, кредитном, юридическом, системном, риске ликвидности. Появление кредитного риска связано с тем, что те, кто участвуют в платежной системе, не выполняют свои обязательства. Что касается риска ликвидно-

сти, то наблюдается его связь с присутствием финансов для того, чтобы по платежным операциям можно было производить расчеты. Операционный риск включает в себя риски, связанные с технологиями, процессами и процедурами, используемыми в платежных системах. Юридический риск связан с потенциальными нарушениями законов и правил, регулирующих платежные системы, а системный риск связан с риском нарушения стабильности всей финансовой системы.

Для снижения этих рисков Банк России проводит тщательную оценку рисков и устанавливает пруденциальные требования к участникам платежных систем и операторам инфраструктурных услуг. Эти требования предназначены для обеспечения того, чтобы субъекты платежной системы поддерживали достаточный уровень капитала, ликвидности и возможностей управления рисками. Банк России также устанавливает нормативные акты и руководства по продвижению лучших практик и стандартов в работе платежных систем, включая требования к безопасности, защите данных и планированию обеспечения непрерывности бизнеса.

Помимо снижения рисков, Банк России также обеспечивает соблюдение нормативных требований путем проведения регулярных проверок, аудитов и проверок участников платежных систем и операторов инфраструктурных услуг. Несоблюдение нормативных требований может привести к санкциям, штрафам и другим мерам воздействия со стороны Банка России. Эта надежная система правоприменения помогает гарантировать, что субъекты платежной системы соблюдают нормативные требования, поддерживают высокие операционные шаблоны и делают потенциальные риски для НПС минимальными.

То, что сфера контроля, осуществляемого российским Центральным банком, расширилась благодаря тому, что были добавлены подконтрольные организации, показывает, что нормативно-правовая база меняется, необходима организация комплексного надзора в отношении каждого из субъектов, который является участником платежных систем. Сейчас на уровне кредитных организаций должны контролироваться и такие, о которых говорилось выше, даже с учетом того, что они к кредитным учреждениям не относятся. Дело в том, что их значение для национальной платежной системы довольно велико. Все это дает понять следующее: российский Центральный банк стремится сделать так, чтобы НПС осуществляла свою деятельность эффективно, стабильно и добросовестно.

Безопасность и надежность национальной платежной системы – приоритетные задачи для Банка России. С этой целью данным учреждением реализуются мероприятия, связанные с контролем кредитных организаций, операторов платежных систем и услуг платежной инфраструктуры, участвующих в национальной платежной системе субъектов. Однако, в связи с последними изменениями в законодательстве, Банк России расширил свои

полномочия, получив дополнительные возможности для контроля за организациями, участвующими в национальной платежной системе. Эти учреждения подконтрольны российскому Центральному банку, а также данный банк ведет в их отношении надзор, несмотря на то, что к кредитным организациям они не относятся. Это поможет предотвратить потенциальные риски и кризисные ситуации, способствовать тому, что национальная платежная система будет работать безопасно и эффективно. При этом, Банк России проводит тщательный и долгий анализ потенциальных рисков и влияния на стабильность рубля, банковской системы, национальной платежной системы и финансового ландшафта в целом. Он даже не рассматривает вопрос о прибыльности, пока не убедится в отсутствии каких-либо рисков и негативных последствий для системы в целом [5].

Согласно «Стратегии развития финансового рынка до 2030 года»^[6], российский Центральный банк продолжает развивать национальную платежную инфраструктуру, которая способствует открытому и равному доступу всех, кто является субъектами национальной платежной системы, а также позволяет развивать им собственные платежные продукты и сервисы, которые используют государство, бизнес и население. Необходимо дальше развивать платежную систему российского Центрального банка, систему быстрых платежей, а также систему, посредством которой передаются финансовые сообщения, платежную систему «Мир».

Предполагается расширение поддержки разных методов, позволяющих совершать платежные операции в Системе быстрых платежей. Речь также идет и о таком способе оплаты, как бесконтактный. Важно заниматься развитием схем, с помощью которых торговые предприятия смогут подключаться к системе. Возможность справляться с растущим объемом работы в итоге будет являться особенно ценной. С этой целью нужно и дальше заниматься осуществлением программ, посредством которых возможно объединение СБП и схожих зарубежных систем (в первую очередь подразумеваются государства, которые ходят в ЕАЭС).

Не прекратится деятельность, которая связана с увеличением количества государств и нерезидентов, участвующих в системе по передаче финансовых сообщений. Это будет осуществляться с помощью сервиса «Сервис-бюро». Сотрудничество с такими государствами, которые относятся к дружественным, для того, чтобы платежную карту «МИР» применяли в других странах, будет продолжаться.

Концепции стимулирующей регуляторной политики в национальной платежной системе будут развиваться и дальше. Планируется расширение состава и функционала субъектов НПС. В основном это относится к таким частям платежного рынка, которым свойственна высокая концентрация. При этом формируются условия для того, чтобы восстановить конкурентную среду и уменьшить затраты населения и бизнеса. Введение институ-

та небанковских поставщиков услуг по платежам, в компетенции которых – направление порученных клиентами распоряжений по поводу перевода финансов в разные кредитные учреждения, необходимо осуществить для данных задач. В компетенции института небанковских поставщиков услуг по платежам – осуществление переводов финансов в электронном виде и оказание отдельных видов других услуг по платежам. Применение пропорционального подхода с формированием условий с учетом вида и масштаба деятельности лежит в основе модели регулирования института небанковских поставщиков услуг по платежам. Основываясь на сотрудничестве с ЕАЭС и иными государствами, будет происходить развитие подходов, позволяющих регулировать работу субъектов, которые связаны с деятельностью платежного рынка.

Деятельность, сопряженная с ликвидацией такой зависимости организаций финансового типа и инфраструктуры рынка финансов от зарубежных поставщиков программно-аппаратных средств, будут реализовывать российский Центральный банк и Правительство.

Вопросы, касающиеся экономической безопасности в нашей стране, не выводились на первый план с того времени, как начались рыночные реформы. С наступлением 1996 года произошло принятие Указа Президента от от 29.04.1996 № 608 «О государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации (Основных положениях) экономической безопасности»^[7].

Направления российской национальной безопасности обозначены в принятом в 2021 году Указе Президента от 02.01.2021 № 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации».^[8] В нем говорится о необходимости развивать платежную инфраструктуру, преодолевать зависимость от третьих стран в этой области, производить расчеты в национальных валютах с партнерами из других стран. Неделимая взаимосвязь и взаимозависимость российского социально-экономического развития и национальной безопасности – основа этой стратегии. Представляется, что важным в целях реализации задач определенных в Указе Президента, отметить, в настоящий период особенную актуальность приобретает укрепление экономического суверенитета Российской Федерации – т.е. прежде всего независимости страны, в осуществлении экономической политики, как внутренней так и внешней, чему также должно способствовать совершенствование национальной платежной системы. Экономический суверенитет неразрывно связан с экономической безопасностью именно платежной системы, т.е. защищенность платежной систем от внешних и внутренних угроз, что обеспечивает единство экономического пространства и национальные интересы. Национальные интересы в экономической сфере представляют прежде всего – укрепление финансовой системы, и ее суверенитета, развитие национальной инфраструктуры, финансовых рынков, платежной инфраструктуры, противодействие

незаконным финансовым операциям, что обеспечивает достижение основных стратегических целей.

Система регулирования платежной национальной системы в РФ постоянно совершенствуется и обновляется в соответствии с развитием технологий и изменением потребностей рынка. Банк России активно работает над улучшением законодательной базы и правил, чтобы обеспечить надежность и безопасность всех платежных операций в стране.

Литература

1. Федеральном законе от 27 июня 2011 года № 161-ФЗ «О национальной платежной системе». СЗ РФ. 2011. № 27. ст. 3872.
2. Шулевский Н.Б. Объективность философского знания: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.01. М., 2001. С. 146.
3. Шумихина. А.С. Национальная платежная система Российской Федерации: понятие, особенности функционирования / А.С. Шумихина. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2020. – № 48 (338).
4. «Стратегия развития национальной платежной системы на 2021–2023 годы». Стратегия развития национальной платежной системы на 2021–2023 годы Протокол заседания Совета директоров Банка России N4//Вестник Банка России. 2013. N19.
5. Ефимова Л.Г. Банковское право. Т. 1 Банковская система Российской Федерации. М.: Статут. 2010 С. 139.
6. «Стратегии развития финансового рынка до 2030 года». СЗ РФ.2023. № 1 (ч. Ш). ст. 476.
7. Указ Президента от от 29.04.1996 № 608 «О государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации (Основных положениях) экономической безопасности». Российская газета. 1996. 14 мая.
8. Указ Президента РФ от 2.01.2021 № 400 «О стратегии национальной безопасности

Российской Федерации». СЗ РФ. 2021. № 27. (с.П).

THE NATIONAL PAYMENT SYSTEM AS AN ELEMENT OF THE NATIONAL SECURITY INFRASTRUCTURE

Chernobrovkina E.B.

Moscow state juridical University named after O.E. Kutafin (MSAL)

The article is devoted to the Russian national payment system. It describes the current situation in the segment of non-cash payments and features of the functioning of the national payment system. Currently, special attention is paid to ensuring information security in accordance with the requirements of the Federal Law No. 161-FZ of 27.06.2011 “On the National Payment System”.

The problems of the national payment system, as well as its place and role in ensuring national security and economic sovereignty are revealed. Ensuring economic efficiency and security is a matter of national importance one of the strategic objectives of the Central Bank. The reliable and efficient operation of the national payment system depends on the careful organization of supervision aimed at reducing possible risks and preventing systemic crises.

The article also examines policy documents for ensuring national security in the field of the national payment system.

Keywords: national payment system, national security, central bank, Bank of Russia, payment system.

References

1. Federal Law No. 161-FZ of June 27, 2011 “On the National Payment System”. NW RF. 2011. No. 27. article 3872.
2. Shulevsky N.B. The objectivity of philosophical knowledge: dis. ... Dr. philos. Sciences: 09.00.01. M., 2001. p. 146.
3. Shumikhina. A.S. The national payment system of the Russian Federation: the concept, features of functioning / A.S. Shumikhina. – Text: direct // Young scientist. – 2020. – № 48 (338).
4. “Strategies for the development of the national payment system for 2021–2023”. Development Strategy of the national payment system for 2021–2023 Minutes of the meeting of the Board of Directors of the Bank of Russia No. 4//Bulletin of the Bank of Russia. 2013. N19.
5. Efimova L.G. Banking law. Vol. 1 The banking system of the Russian Federation. M.: Statute. 2010 p. 139.
6. “Strategies for the development of the financial market until 2030”. Federal Law of the Russian Federation. 2023. No. 1 (part W). Article 476.
7. Decree of the President of 29.04.1996 No. 608 “On the State strategy of economic security of the Russian Federation (Basic provisions) of economic security”. Rossiyskaya Gazeta. 1996. May 14.
8. Presidential Decree No. 400 dated 2.01.2021 “On the National Security Strategy of the Russian Federation”. NW RF. 2021. No. 27. (S.P).

Школик Олег Александрович,

кандидат экономических наук, доцент, кафедра социально-экономических дисциплин, Уральский юридический институт МВД России
E-mail: o.shkolik@mail.ru

Статья посвящена исследованию проблемы осуществления правосудия, в рамках рассмотрения арбитражными судами дел об оспаривании ненормативных правовых, вынесенных налоговыми органами. Объектом исследования выступают публичные правоотношения, складывающиеся при защите налогоплательщиками своих прав, нарушенных уполномоченными государственными органами при налогообложении добычи полезных ископаемых. Предметом исследования, выступают судебные ошибки, выражающиеся в нарушении или неправильном применении норм материального права, допускаемые при принятии решений органами правосудия. Центральным элементом исследования, на котором фокусируется внимание автора, является анализ правовых норм налогового законодательства, определяющих объекты налогообложения, порядок расчета налогооблагаемой базы, а также величины налоговых ставок и значения рентных коэффициентов, применимых к концентратам, содержащим драгоценные металлы. На примере нескольких однородных дел, раскрыты и проанализированы конкретные судебные ошибки (нарушения норм материального права), допущенные арбитражными судами при их рассмотрении и вынесении судебных решений по ним. Особое внимание в статье уделяется исследованию правовых категорий «концентраты, содержащие золото», «рентный коэффициент», закрепленной в нормах Налогового кодекса РФ, а также категории «шлиховой концентрат», определяемой в актах профильного законодательства о недрах.

Ключевые слова: НДС; добыча полезных ископаемых; налоговые ставки; рентный коэффициент; налоговые правонарушения; налоговые споры; судебные ошибки.

Современные взгляды исследователей и практиков относительно теории правового государства, несмотря на высокий уровень дискуссионности о постулатах данной теории и сущности категории «правовое государство», в конечном итоге укладывается в несколько фундаментальных тезисов, в соответствии с которыми правовое государство характеризуется как политико-территориальная организация общества, функционирующая на принципах:

1. верховенства права во всех сферах проявления общественной и политической жизнедеятельности;
2. равенства правовых субъектов – участников публичных правоотношений, по объему предоставленных им прав и возложенных на них обязанностей;
3. гарантия и защита прав и свобод субъектов права;
4. взаимная ответственность личности и государства;
5. разделение властей.

В публичных правоотношениях, складывающихся в области финансов, т.е. в бюджетной и налоговой сферах, принципы правового государства воплощаются в нормах конституционного, бюджетного, налогового и арбитражно-процессуального законодательства и не только [1]. В отечественном конституционном законодательстве принципы правового государства, нашли свое выражение прежде всего в статье 57 Конституции РФ, в соответствии с которой каждый обязан платить законно установленные налоги и сборы. В налоговом законодательстве они нашли выражение прежде всего в статье 3 НК РФ, в соответствии с которой во-первых, законодательство о налогах и сборах основывается на признании всеобщности и равенства налогообложения, во-вторых, налоги и сборы не могут иметь дискриминационный характер и различно применяться исходя из социальных, расовых, национальных, религиозных и иных подобных критериев, ну и в-третьих, не допускается устанавливать налоги и сборы, нарушающие единое экономическое пространство РФ и, в частности, прямо или косвенно ограничивающие свободное перемещение в пределах территории РФ товаров (работ, услуг) или финансовых средств, либо иначе ограничивать или создавать препятствия не запрещенной законом экономической деятельности физических лиц и организаций. Помимо этого, принципы правового государства нашли свое выражение в разделе VII НК РФ и главы 24 АПК РФ, регулирующих вопросы гарантий и защиты прав субъектов налоговых правоотношений [2]. В частности, статьей 137 НК РФ закреплено, что каждое лицо

имеет право обжаловать акты налоговых органов ненормативного характера, действия или бездействие их должностных лиц, если, по мнению этого лица, такие акты, действия или бездействие нарушают его права.

В 2020 году государство приступило к серьезному реформированию правового регулирования отношений, складывающихся в области налогообложения недропользователей, точнее той части хозяйствующих субъектов, которые осуществляют предпринимательскую деятельность, связанную с добычей полезных ископаемых, и соответственно, подпадающих под действие главы 26 НК РФ – налог на добычу полезных ископаемых. Главными новациями, внесенными в НК РФ в ходе реформирования, явилось введение различных корректирующих коэффициентов, некоторая часть из которых существенно изменяла объем налогового бремени возлагаемого на недропользователей, занимающихся добычей тех или иных полезных ископаемых [3]. Одной из самых проблемных и спорных новаций оказалось введение рентного коэффициента ($K_{\text{рента}}$), суть которого сводится к тому, что при налогообложении некоторых полезных ископаемых, а также отдельных руд, содержащих металлы, установленная ставка налога корректируется на величину этого коэффициента. При этом, нормы гл. 26 НК РФ предусматривают несколько видов рентного коэффициента (стандартный и исключительный), и естественно, несколько значений (от 0,2 до 7) данного финансового мультипликатора. Например, согласно ст. 342.8 НК РФ, значение стандартного коэффициента $K_{\text{рента}}$ равно 3,5 (трем с половиной), а применительно к отдельным видам руд (фосфоритовых, апатитовых и апатит-нефелиновых) значение рентного коэффициента равно 7 (семи), или например, в отношении полезных ископаемых в виде концентратов и других полупродуктов, содержащих золото или содержащих серебро, рентный коэффициент принимается равным 1 (единице).

Здесь сразу нужно отметить, что в части правовых основ налогообложения добычи полезных ископаемых, указанные новации не внесли абсолютно ничего, поскольку данные нововведения касаются сугубо финансовых вопросов – методики расчета стоимости налогового обязательства (сумы налога), а в конечном итоге величины налогового бремени. Тем не менее правоприменительная практика этих новых положений налогового законодательства продемонстрировала зыбкость и неустойчивость соблюдения принципов правового государства в сфере налогообложения добычи полезных ископаемых. Свободная квалификация новых положений налогового законодательства федеральными органами исполнительной власти, в лице Федеральной налоговой службы и ее территориальных подразделений, привели к нарушению основного принципа правового государства – верховенства права, а дальнейшее развитие ситуации в рамках и арбитражного судопроизводства, продемонстрировавшее единение исполнительной

и судебной ветвей власти в вопросах нарушения прав налогоплательщиков, в некоторой степени поставило под сомнение и последний из указанных выше принципов.

Наиболее широко и конкретно суть данной проблемы раскрывается на примере экономических споров по административным правоотношениям, рассматриваемых арбитражными судами в рамках дела № А60–42662/2022 и дела № А60–43970/2022. Указанные дела касаются налогового спора, возникшего между одними и теми же сторонами, в отношении одного объекта налогообложения, но в отношении разных налоговых периодов, в рамках которых действовали несколько разные нормы, регулирующие применение рентного коэффициента.

Вкратце, суть спора состоит в том, что налогоплательщик и налоговый орган диаметрально противоположно квалифицируют содержание правовых норм при налогообложении добычи драгоценных металлов.

Результатом производственной деятельности налогоплательщика выступает добытое полезное ископаемое – шлиховой концентрат. По сути, шлиховой концентрат – это обогащенная природная масса, содержащая металлы в концентрированном состоянии. Говоря простыми словами, это такой результат добычи и последующего обогащения сырья, добытого из недр, в котором содержание полезных компонентов выше, чем в исходном (первоначально добытом) сырье. При этом нужно понимать, что термин «обогащение» вводит в заблуждение простого обывателя, далекого от технических или геологических наук. Фактически, обогащение представляет собой процесс обеднения сырья на примеси, т.е. процесс частичного очищения сырья от примесей. С точки зрения содержания концентрат, добытый налогоплательщиком, содержит в себе набор драгоценных металлов (золото, платину, иридий, родий и палладий). Однако с точки зрения химических свойств и физического состояния это единая и неделимая масса, из которой драгоценные металлы могут быть выделены только в рамках дальнейшей промышленной переработке на аффинажном комбинате. С точки зрения отраслевых стандартов такой концентрат именуется «платина шлиховая» – гравитационный концентрат минерального сырья, т.е. промежуточный продукт добычной деятельности, получаемых в ходе гравитационного обогащения минерального сырья.

Юридические факты о том, какая деятельность осуществляется налогоплательщиком и какой вид полезного ископаемого им добывается, а также иные фактические обстоятельства дела подтверждаются соответствующей договорной документацией, экспертными заключениями, а также технической документацией, утвержденной профильными государственными органами и уполномоченными государственными учреждениями.

При определении своих налоговых обязательств по данному налогу налогоплательщик ис-

ходит из того, что согласно пп. 13 п. 2 ст. 337 НК РФ, объектами налогообложения, являются полупродукты, содержащие в себе один или несколько драгоценных металлов (золото, серебро, платина, палладий, иридий, родий, рутений, осмий), получаемые по завершении комплекса операций по добыче драгоценных металлов. Согласно информации Министерства финансов РФ, которые оно привело в письме от 27.04.2022 № 03–06–06–01/38684, к таким полупродуктам относится шлиховая платина (шлиховой концентрат), а также ряд других поименованных в указанном письме полупродуктов, содержащих драгоценные металлы.

При этом согласно пп. 5 п. 2 ст. 342 НК РФ, при добыче концентратов и других полупродуктов, содержащих золото налогообложение производится по ставке 6% умноженной на рентный коэффициент, который свою очередь принимается равным 1 (единице) в отношении концентратов и других полупродуктов, содержащих золото, в силу пп. 2 п. 3 ст. 342.8 НК РФ.

В свою очередь, налоговый орган исходил из положений пп. 6 п. 2 ст. 342 НК РФ, при добыче концентратов и других полупродуктов, содержащих драгоценные металлы (за исключением золота) налогообложение производится по ставке 6,5% умноженной на рентный коэффициент, который свою очередь принимается равным 3,5 (три с половиной) в отношении концентратов и других полупродуктов, содержащих золото, в силу п. 1 ст. 342.8 НК РФ. Иными словами, налоговый орган единый продукт – концентрат – условно разделил на две части по стоимостным долям: золото отдельно, платина и металлы платиновой группы отдельно. В части золота он применил рентный коэффициент 1, а в части платины и металлов платиновой группы – повышающий рентный коэффициент размере 3,5. Соответственно, на эту часть единого продукта налоговый орган доначислил сумму НДС и привлек налогоплательщика к ответственности.

Между тем, нужно учитывать, что в своем Письме от 7 декабря 2020 г. № 03–06–06–01/106678, Минфин, по существу, привел разъяснение целей введения в НК РФ повышенного рентного коэффициента в размере 3,5: «Среднемировой уровень изъятия природной (горной ренты) при добыче твердых полезных ископаемых, в том числе многокомпонентных комплексных руд, зарубежными компаниями составляет в среднем 3–4 процента от выручки.

В то же время уровень налога на добычу полезных ископаемых (далее – НДС) в выручке российских компаний, осуществляющих добычу аналогичных видов полезных ископаемых (за исключением драгоценных металлов и камней), составляет порядка 0,6 процента.

При этом по итогам 2019 года уровень НДС в выручке российских компаний, добывающих углеводородное сырье, составляет от 40% до 50% в зависимости от мировых цен на нефть, а в выручке компаний, осуществляющих добычу драгоценных металлов и камней, – 6–8%. Для российских компа-

ний, осуществляющих добычу иного минерального сырья (включая твердые полезные ископаемые, в том числе многокомпонентные комплексные руды), этот показатель не превышает 0,5–0,6%.

В условиях неблагоприятной эпидемиологической и экономической ситуации, связанной с необходимостью преодоления последствий распространения новой коронавирусной инфекции, в целях обеспечения макроэкономической стабильности и сбалансированности федерального бюджета Федеральным законом от 15.10.2020 №342-ФЗ «О внесении изменений в главы 25.4 и 26 части второй Налогового кодекса Российской Федерации» предусмотрено применение рентного коэффициента КРЕНТА в размере 3,5 к налоговым ставкам по НДС в отношении отдельных видов твердых полезных ископаемых...

Применение при добыче отдельных видов твердых полезных ископаемых к налоговой ставке по НДС коэффициента КРЕНТА в размере 3,5 увеличит эффективную ставку НДС до уровня 2–3 процентов, что соответствует уровню взимания горной ренты в мировой практике.»

Таким образом, абсолютно очевидно том, что целью федеральных органов исполнительной власти РФ в сфере финансов и бюджета, по чьей инициативе и при непосредственном участии которых принималось решение о введении в НК РФ рентного коэффициента в размере 3,5, не являлось применение этого коэффициента к тем налогоплательщикам, которые добывают полезные ископаемые, содержащие драгоценные металлы и камни, и для которых ставка НДС составляет от 6 до 8 процентов [4].

В последующем арбитражные суды первой и апелляционной инстанции рассмотрев указанные дела пришли к абсолютно противоположным доводам, однако оставив решения налогового органа в силе.

В частности, суды первой инстанции в своих решениях пришли к выводу, что для целей налогообложения концентрат, содержащий золото и (или) серебро, может быть только золотым, серебряным, золотосеребряным, наличие в таком концентрате металлов платиновой группы исключается, при этом применение рентного коэффициента в размере 1 для золотоплатинового или серебряно-платинового концентратов не предусмотрено, а следовательно в действиях налогового органа нет нарушения прав налогоплательщика.

Суд апелляционной инстанции пришел к несколько иному выводу, что добытый налогоплательщиком концентрат является платиносодержащим, по наименованию основного драгоценного металла, содержание золота в концентрате составляет «незначительную долю», а следовательно, к нему не может применяться пп. 5 п. 2 ст. 342 и пп. 2 п. 3 ст. 342.8 НК РФ. Более того, суд указал, что позиция налогоплательщика основана на буквальном толковании п. 2 ст. 342 и п. 3 статьи 342.8 НК РФ, без учета норм НК РФ о виде добытого

полезного ископаемого, налоговой базе, в связи с чем признается неверной.

Таким образом обе судебные инстанции посчитали, что вместо коэффициента 1 подлежит применению повышающий коэффициент 3,5 концентрат, добываемый Обществом, не является «содержащим золото», поскольку помимо золота там присутствуют металлы платиновой группы (суд первой инстанции), либо не является «содержащим золото», поскольку, хотя золото есть, но его в концентрате «мало» (суд апелляционной инстанции). Однако обе инстанции установили наличие золота в концентрате. Таким образом, судебные инстанции согласились, что можно разделить единый объект налогообложения на две условные части и что каждая должна облагаться НДС по отдельности. Сразу отметим, что данные позиции противоречат судебной практике, которая сформировалась за предшествующие года [5; 6; 7].

Авторская позиция сводится к тому, что в рамках рассмотрения указанных споров судебными инстанциями допущены судебные ошибки, которые выразились в нарушении норм материального права (НК РФ). Данное авторское утверждение основано на ниже приведенных доводах.

Подп. 13 п. 2 ст. 337 НК РФ определяет добытое полезное ископаемое как одно целое – концентрат, содержащий один или несколько драгоценных металлов, а не как отдельные драгоценные металлы, содержащиеся в добытом концентрате. Налоговая база по НДС для концентрата определяется как его стоимость (подп. 1 п. 2 ст. 338 НК РФ). Она рассчитывается исходя из сложившихся у налогоплательщика цен реализации химически чистого металла без учета НДС, уменьшенных на расходы налогоплательщика по его аффинажу и доставке до получателя (п. 5 ст. 340 НК РФ). Таким образом, содержание металлов в концентрате учитывается только при подсчете его общей стоимости (налоговой базы) [8].

В пп. 2 п. 3 ст. 342.8 НК РФ содержится перечень полезных ископаемых, в отношении которых рентный коэффициент принимается равным 1. К ним отнесены концентраты, содержащие золото. Таким образом, спорный правовой вопрос, которые надлежало решить судам, состоит в том, является ли добытое налогоплательщиком полезное ископаемое – «концентратом, содержащим золото». Если является, то ко всей налоговой базе, т.е. полной стоимости всего концентрата, должна применяться соответствующая ставка 6% и рентный коэффициент равный 1. В свою очередь, судами установлено, что добытый концентрат содержит несколько драгоценных металлов, включая золото. Из того, что в концентрате содержатся и другие драгоценные металлы, не следует, что такой концентрат не содержит золото. Такой подход не соответствует определению добытого полезного ископаемого согласно подп. 13 п. 2 ст. 337 НК РФ, который предусматривает содержание в концентрате как одного, так и нескольких драгоценных металлов, включая золото.

Довод суда апелляционной инстанции о том, что позиция налогоплательщика является неверной, т.к. основана на буквальном, а не системном толковании норм НК РФ, является не состоятельной, т.к. не соответствует правовой позиции, отраженной в Постановлении КС РФ от 23.05.2013 № 11-П: «участники налоговых правоотношений должны исходить прежде всего именно из буквального толкования налогового закона, поскольку налоговые правоотношения основаны на властном методе правового регулирования, требующем строгого следования тексту налогового закона, с тем чтобы была обеспечена полнота и своевременность взимания налогов и сборов с обязанных лиц и одновременно – надлежащий правовой характер связанной с изъятием средств налогообложения деятельности уполномоченных органов и должностных лиц». Таким образом, отказ суда апелляционной инстанции применить норму подп. 2 п. 3 ст. 348.2 НК РФ в её буквальном истолковании противоречит указанной правовой позиции КС РФ и правовым нормам, лежащим в ее основе: статье 57 Конституции Российской Федерации и статьям 2 и 3 НК РФ.

Судом первой инстанции неправильно применены нормы материального права: проведена замена терминов, используемых в тексте НК РФ («концентраты и другие полупродукты, содержащие золото»), на термины, которых в НК РФ нет (золотой, серебряный, золотосеребряный концентрат). В результате чего им была допущена ошибка в суждении, что по некому правовому определению, в концентрате, содержащем золото, исключается наличие металлов платиновой группы.

Эту ошибку суда первой инстанции попытался «исправить» суд апелляционной инстанции. Он согласился, что добытым полезным ископаемым являются концентраты, содержащие один или несколько драгоценных металлов, а не химически чистые металлы, получаемые по итогам аффинажа, но указал, что концентрат, добытый Обществом, не может быть признан «концентратом, содержащим золото», поскольку основным драгоценным металлом, содержащимся в концентрате, является платина, а доля золота является «незначительной». Для того, чтобы как-то обосновать правовую значимость своего тезиса о «незначительной доле золота», суд апелляционной инстанции без правовых оснований сослался на нормативно-технический акт, регулирующий иные общественные отношения и не применимый при исчислении налогов: «ГОСТ Р 52793–2007. Национальный стандарт Российской Федерации. Металлы драгоценные. Термины и определения». В примечании к п. 7 ГОСТа указано, что наименования отдельных типов концентратов могут отражать наличие в них основного драгоценного металла, например, «золотосодержащий концентрат». Ссылка на положения этого ГОСТа была приведена судом в своем решении. Однако судом не принято во внимание, что вопрос о пределах применения указанного ГОСТа для целей НДС был рассмотрен в Постановле-

нии Президиума ВАС РФ от 12.11.2013 № 8090/13: «термины и определения, содержащиеся в разделе 2 Национального стандарта Российской Федерации «Металлы драгоценные. Термины и определения», утвержденного приказом Ростехрегулирования от 24.12.2007 № 388-ст, рекомендованы для применения при проведении работ по стандартизации, а глава 26 Налогового кодекса не предусматривает возможность изменения налоговых обязательств в зависимости от [содержания стандарта]». Таким образом, суды без законодательной основы использовали термин «основной драгоценный металл». Нормы главы 26 НК РФ не предусматривают возможность изменения налоговых обязательств в зависимости от того, какой драгоценный металл в добытом концентрате является основным. Следовательно, вывод судов о том, что данное полезное ископаемое не является «концентратом, содержащим золото», в силу его не «основной» роли в концентрате, не соответствует закону и правовой позиции Президиума ВАС РФ о применении вышеуказанного ГОСТа для целей исчисления НДС.

Аналогичная ситуация просматривается и в части утверждения суда апелляционной инстанции о «незначительной» доле золота в добытом концентрате, т.к. оно является субъективным и нормативно не подтвержденным. Напротив, акты технического регулирования золотодобычи в России подтверждают, что имеющегося содержания золота в концентрате, добываемом Обществом, более чем достаточно для признания этого концентрата золотосодержащим. Так, например, Приложением № 18 к распоряжению МПР России от 05.06.2007 № 37-р указано, что, согласно сложившейся отечественной практике, минимальное содержание золота в концентрате составляет 50 грамм на 1 тонну, в то время как из материалов дела следует, что содержание золота в концентрате, добываемом налогоплательщиком, существенно превышает величину, минимально достаточную для признания концентрата золотосодержащим.

Более того, необходимо учесть весьма важный аспект, – если согласиться с доводами и выводами суда первой инстанций, то в этом случае, принятые судебные акты будут противоречить п. 12 ст. 342.8 НК РФ, согласно которому: «В случае, если в отношении добытого полезного ископаемого в соответствии с настоящей статьей рентный коэффициент $K_{\text{рента}}$ может принимать несколько значений, в целях налогообложения налогом такого полезного ископаемого используется наименьшее из таких значений». Таким образом, исходя из положений п. 12 ст. 342.8 НК РФ налоговый орган, а затем и суд первой инстанции, в противоречие собственной позиции о том, что применительно к данному единственному объекту налогообложения рентный коэффициент $K_{\text{рента}}$ может принимать несколько значений (одновременно 3,5 и 1), приняли противоправные решения, и как результат в нарушение ст. 109 НК РФ налогоплательщик был привлечен к административной ответственности.

Литература

1. Алешкова И.А., Власова Т.В. К вопросу о признаках и принципах правового государства // Аграрное и земельное право. 2019. № 12 (180).
2. Аджанова Ж.С. Формирование теории правового государства и основные признаки современной конституционной модели правовой государственности // Социально-экономические явления и процессы. 2017. № 4.
3. Федеральный закон от 15 октября 2020 г. N342-ФЗ «О внесении изменений в главы 25.4 и 26 части второй Налогового кодекса Российской Федерации // Российская газета от 20 октября 2020 г. N236.
4. Крутаков Л. Зачем повышать налоги на сырьевые отрасли // Forbes. [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <https://www.forbes.ru/biznes/410087-zachem-povyshat-nalogi-nasyrevye-otrasli>
5. Митропольский, П.Б. Проблемы формирования налоговой базы НДС при добыче драгоценных металлов // Налоговая политика и практика. – 2014. – № 9(141). – С. 21–25.
6. Постановление Федерального арбитражного суда Дальневосточного округа от 26 февраля 2014 г. N Ф03–6718/13. – [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: https://kad.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/95872d1e-4b1e-4ade-b4fa-cc4e23f86b68/93de0bee-767a-4b9d-8e35-f5b-9695d5c17/A37-704-2013_20140226_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf (дата обращения: 01.06.2023)
7. Решение Арбитражного суда Красноярского края от 21 октября 2014 г. по делу N А33–15595/2014. – [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: https://kad.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/2b97a895-330b-42d1-8cba-f545c57179ac/405efe19-e346-488b-ba34-3d065dd08b42/A33-15595-2014_20141021_Reshenie.pdf (дата обращения: 01.06.2023)
8. Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 17 февраля 2015 г. N03АП-6755/14. – [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: https://kad.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/2b97a895-330b-42d1-8cba-f545c57179ac/eac937e4-60d1-49e1-a919-086ecd750ee/A33-15595-2014_20150217_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf (дата обращения: 01.06.2023)

FEATURES OF ARBITRATION PROCEEDINGS IN TAX DISPUTES FROM THE MET

Shkolik O.A.

Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article is devoted to the study of the problem of the administration of justice, in the framework of consideration by arbitration courts of cases challenging non-normative legal decisions made by tax authorities. The object of the study is public legal relations that develop when taxpayers protect their rights violated by authorized state bodies in the taxation of mineral extraction. The subject of the study is judicial errors, expressed in violation or improper application of the norms of substantive law, allowed when making decisions by

the judicial authorities. The central element of the study, which focuses the author's attention, is the analysis of the legal norms of tax legislation that determine the objects of taxation, the procedure for calculating the tax base, as well as the values of tax rates and rental coefficients applicable to concentrates containing precious metals. Using the example of several homogeneous cases, specific judicial errors (violations of substantive law) committed by arbitration courts during their consideration and adjudication on them are disclosed and analyzed. Special attention is paid in the article to the study of the legal categories "concentrates containing gold", "rent coefficient", fixed in the norms of the Tax Code of the Russian Federation, as well as the category "concentrate concentrate", defined in the acts of the relevant legislation on subsoil.

Keywords: mineral extraction tax; tax rates; rental coefficient; tax offenses; tax disputes; judicial errors.

References

1. Aleshkova I.A., Vlasova T.V. On the question of the signs and principles of the rule of law // Agrarian and land law. 2019. № 12 (180).
2. Atzhanova Zh.S. Formation of the theory of the rule of law and the main features of the modern constitutional model of legal statehood // Socio-economic phenomena and processes. 2017. No.4.
3. Federal Law No. 342-FZ of October 15, 2020 "On Amendments to Chapters 25.4 and 26 of Part Two of the Tax Code of the Russian Federation // Rossiyskaya Gazeta of October 20, 2020 N236.
4. Krutakov L. Why raise taxes on raw materials industries // Forbes. [electronic resource] – Access mode. – URL: <https://www.forbes.ru/biznes/410087-zachem-povyshat-nalogi-nasyrevye-otrasli>
5. Mitropolsky, P.B. Problems of formation of the tax base of the mineral extraction tax in the extraction of precious metals // Tax policy and practice. – 2014. – № 9(141). – Pp. 21–25.
6. Resolution of the Federal Arbitration Court of the Far Eastern District of February 26, 2014 N F03–6718/13. – [electronic resource] – Access mode. – URL: https://kad.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/95872d1e-4b1e-4ade-b4fa-cc4e23f-86b68/93de0bee-767a-4b9d-8e35-f5b9695d5c17/A37-704-2013_20140226_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf (accessed 01.06.2023)
7. The decision of the Arbitration Court of the Krasnoyarsk Territory of October 21, 2014 in the case N A33–15595/2014. – [electronic resource] – Access mode. – URL: https://kad.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/2b97a895-330b-42d1-8cba-f545c57179ac/405efe19-e346-488b-ba34-3d065dd08b42/A33-15595-2014_20141021_Reshenie.pdf (accessed: 06/01/2023)
8. Resolution of the Third Arbitration Court of Appeal of February 17, 2015 N03AP-6755/14. – [electronic resource] – Access mode. – URL: https://kad.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/2b97a895-330b-42d1-8cba-f545c57179ac/eac937e4-60d1-49e1-a919-086ecfd750ee/A33-15595-2014_20150217_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf (accessed 01.06.2023)

Подходы к толкованию термина «недвижимость»: правовые аспекты

Аванов Александр Эдуардович,

аспирант, кафедра фундаментальных юридических и социально-гуманитарных дисциплин, Московского финансово-промышленного университета «Синергия»
E-mail: avanov@mail.ru

Исследование подходов к толкованию термина «недвижимость» является необходимым во многих отраслях экономики и права, в том числе в строительстве, недвижимости, банковском и кредитном секторах, а также для государственных органов и правительств. Первое, что необходимо уточнить, это определение самого термина «недвижимость», что является одной из целей данной статьи. Затем были изучены различные подходы к толкованию термина «недвижимость» с гражданско-правовой точки зрения, которые затрагивают различные отрасли экономики и права. Исследование подходов к толкованию термина «недвижимость» позволило сформировать универсальный подход этого термина в различных отраслях экономики и права, что, в свою очередь, упростит и ускорит решение различных вопросов, связанных с недвижимостью. Поэтому в статье была представлена актуальность исследования недвижимости как объекта гражданских прав в РФ, рассмотрены три подхода к толкованию термина «недвижимость»: подход к толкованию термина «недвижимость», основанный на том, что недвижимость включает в себя земельные участки, здания, сооружения и другие объекты, которые не могут быть перемещены, подход к толкованию термина «недвижимость», связанный с учетом экономической ценности объектов, подход к толкованию термина «недвижимость», связанный с учетом правовой природы объектов, представлен универсальный подход к толкованию термина «недвижимость», вбирающий в себя физические, экономические и правовые характеристики.

Ключевые слова: недвижимость, подход, юридическое толкование, термин, объект гражданских прав РФ, федеральное законодательство, универсальный комплексный подход

Исследование недвижимости как объекта гражданских прав в РФ является актуальным в связи с тем, что недвижимость является одним из наиболее дорогостоящих и значимых объектов имущества. Кроме того, недвижимость может быть использована в качестве залога, обеспечения исполнения обязательств, а также может быть предметом наследования.

Правовое регулирование отношений, связанных с недвижимостью, является сложным и многоуровневым. Особую значимость в толковании термина «недвижимость» играет ГК РФ [1]. На уровне федерального законодательства существует множество норм, регулирующих отношения с недвижимостью, в том числе законодательство об объектах недвижимости [2], об ипотеке [3], об аренде [4], об общей долевой собственности [5].

Однако, на практике возникают множество споров, связанных с правом собственности на недвижимость, правом пользования и распоряжения ею, а также с регистрацией прав на недвижимость. Поэтому, исследование недвижимости как объекта гражданских прав в РФ может помочь в решении практических вопросов, связанных с правовыми отношениями с недвижимостью.

Кроме того, исследование недвижимости может быть полезным для разработки новых правовых норм и усовершенствования существующего законодательства в области недвижимости. Таким образом, актуальность исследования недвижимости как объекта гражданских прав в РФ представляется в современных условиях очевидной.

Одной из проблем исследования недвижимости как объекта гражданских прав является существование многообразия подходов к юридическому толкованию термина «недвижимость». В различных отраслях права термин «недвижимость» может иметь разное юридическое значение и носить различный характер.

Например, в гражданском праве понятие «недвижимость» определяется как объект, который не может быть перемещен без нарушения его целостности, в том числе здания, сооружения, земельные участки и иные объекты. В то же время, в налоговом праве понятие «недвижимости» может включать в себя также движимое имущество, например, транспортные средства, если они используются для осуществления предпринимательской деятельности.

Это может привести к трудностям при определении правового статуса объектов недвижимости,

а также при решении споров, связанных с правом собственности на эти объекты. Кроме того, различные подходы к толкованию термина «недвижимость» могут привести к неоднозначности в правовых нормах и создать юридические пробелы.

Для решения этой проблемы необходимо проводить исследования недвижимости с учетом различных подходов к толкованию термина «недвижимость» в различных отраслях права, но и при этом выработать универсальный подход. Это позволит разработать единые правовые определения понятия «недвижимость» и устранить неоднозначность в правовых нормах, существующую в современных условиях, а также обеспечить правовую защиту прав собственности на объекты недвижимости.

В российском гражданском праве термин «недвижимость» определяется как объект недвижимости, который не может быть перемещен без нарушения его целостности, в том числе здания, сооружения, земельные участки и иные объекты. Однако, в контексте гражданского права существуют различные подходы к толкованию этого термина.

Первый подход к толкованию термина «недвижимость» основывается на традиционном определении объектов недвижимости, которые не могут быть перемещены без нарушения их целостности. Согласно этому подходу, недвижимость включает в себя земельные участки, здания, сооружения и другие объекты, которые не могут быть перемещены.

Подход к толкованию термина «недвижимость», в соответствии с которым недвижимость включает в себя земельные участки, здания, сооружения и другие объекты, которые не могут быть перемещены, является одним из наиболее распространенных в российском гражданском праве.

Согласно этому подходу, недвижимость – это объекты, которые являются неразрывной частью земли или расположены на ней и не могут быть перемещены без нарушения их целостности. К недвижимости относятся земельные участки, здания, сооружения, а также другие объекты, которые по своей природе являются недвижимыми.

Важным аспектом этого подхода является то, что объекты недвижимости считаются частью земли и не могут подвергаться отчуждению от нее. Это означает, что право собственности на объект недвижимости включает в себя право собственности на землю, на которой он расположен.

Также следует отметить, что в соответствии с этим подходом недвижимость может быть как готовым объектом (например, зданием или сооружением), так и незавершенным строительством. В последнем случае недвижимость считается незавершенным строительством до момента завершения строительства и получения соответствующих разрешений.

В целом, подход к толкованию термина «недвижимость», основанный на том, что недвижимость включает в себя земельные участки, здания, сооружения и другие объекты, которые не могут быть перемещены, является наиболее широко исполь-

зуемым и обладающим юридической силой в российском гражданском праве.

Преимущества подхода к толкованию термина «недвижимость», в соответствии с которым недвижимость включает в себя земельные участки, здания, сооружения и другие объекты, которые не могут быть перемещены, заключается в том, что он обеспечивает ясность и определенность в правовом регулировании отношений, связанных с недвижимостью. Кроме того, этот подход обеспечивает защиту прав собственности на недвижимость, поскольку он предусматривает возможность защиты прав на земельные участки и объекты недвижимости, которые находятся на них.

Однако данный подход имеет и некоторые недостатки. Один из главных недостатков заключается в том, что он не учитывает возможность существования недвижимости, которая может быть перемещена без ее ущерба. Например, это может быть оборудование и машины, установленные на земельном участке или внутри здания, которые могут быть легко перемещены без повреждения.

Кроме того, этот подход не всегда учитывает особенности конкретных объектов недвижимости. Например, недвижимость может включать в себя объекты, которые могут быть перемещены, но при этом они не теряют своей ценности и функциональности. В таких случаях правовой статус этих объектов недостаточно определен.

Также следует отметить, что в современных условиях развития технологий и инноваций возникает все больше новых объектов, которые не могут быть отнесены к традиционной недвижимости, но при этом имеют стоимость и функциональное значение. В связи с этим возникает необходимость уточнения и дополнения подхода к толкованию термина «недвижимость» в гражданском праве РФ.

Таким образом, подход к толкованию термина «недвижимость», в соответствии с которым недвижимость включает в себя земельные участки, здания, сооружения и другие объекты, которые не могут быть перемещены, имеет свои преимущества и недостатки. Необходимость уточнения и дополнения этого подхода обусловлена изменениями в социально-экономической сфере и развитием новых технологий, что требует постоянной адаптации правового регулирования к новым условиям.

Второй подход к толкованию термина «недвижимость» связан с учетом экономической ценности объектов. В соответствии с этим подходом, в определении недвижимости учитывается не только физический характер объекта, но и его эффективность в экономическом плане. Так, объекты недвижимости, которые могут быть использованы для коммерческих целей, могут быть признаны недвижимостью, даже если они могут быть перемещены без нарушения их целостности.

Подход к толкованию термина «недвижимость», связанный с учетом экономической ценности объектов, является одним из современных подходов к определению понятия недвижимости в гражданском праве РФ. Согласно этому подходу, недви-

жимость – это объекты, которые имеют экономическую ценность и могут быть использованы для получения прибыли.

Этот подход основывается на том, что недвижимость не только имеет стоимость в силу своих физических характеристик, но и является объектом коммерческой деятельности и может приносить доход. В соответствии с этим подходом, недвижимость может включать в себя не только земельные участки, здания и сооружения, но и другие объекты, такие как промышленное оборудование, технические средства и т.д., которые могут быть использованы для получения прибыли.

Одним из преимуществ такого подхода является возможность учета экономической ценности объектов недвижимости, что позволяет правильно определить их стоимость и использовать их в целях коммерческой деятельности. Кроме того, этот подход способствует развитию инвестиционной деятельности в сфере недвижимости, что может привести к росту экономики и созданию новых рабочих мест.

Однако, данный подход также имеет свои недостатки.

Во-первых, он может привести к неправильному определению статуса объектов недвижимости, которые имеют только потенциальную экономическую ценность, но не используются для коммерческой деятельности в данный момент.

Во-вторых, этот подход может привести к проблемам с определением границ объектов недвижимости, которые могут использоваться для различных целей.

Таким образом, подход к толкованию термина «недвижимость» с учетом экономической ценности объектов имеет свои преимущества и недостатки. Он позволяет правильно определять стоимость объектов недвижимости и использовать их в целях коммерческой деятельности, но может привести к проблемам с определением границ объектов, неправильному определению статуса объектов недвижимости с потенциальной экономической ценностью.

Третий подход к толкованию термина «недвижимость» связан с учетом правовой природы объектов. Согласно этому подходу, объекты недвижимости определяются по их правовой природе, а не по их физическим характеристикам. Так, объекты, которые могут быть перемещены, но имеют правовую защиту как недвижимость, могут быть признаны недвижимостью согласно этому подходу.

Рассматриваемый подход к толкованию термина «недвижимость» связан с учетом правовой природы объектов и является одним из ключевых подходов в гражданском праве РФ. Согласно данному подходу, недвижимость – это объекты, право собственности на которые защищено законом.

Такой подход основывается на том, что право собственности на недвижимость является одним из основных прав в сфере недвижимости и обеспечивает охрану законных интересов владельцев. В данном случае, недвижимость может включать

в себя земельные участки, здания, сооружения и другие объекты, которые могут быть признаны недвижимостью в соответствии с законодательством.

Одним из преимуществ этого подхода является возможность точно определять правовой статус объектов недвижимости и права собственности на них, что обеспечивает защиту интересов владельцев. Кроме того, правовой подход к определению недвижимости является основой для разработки законодательства в сфере недвижимости, что способствует урегулированию правовых отношений.

Однако, данный подход также имеет свои недостатки.

Во-первых, он не учитывает экономическую ценность объектов недвижимости, что может привести к неправильному определению их стоимости.

Во-вторых, правовой подход может привести к проблемам с определением границ объектов недвижимости, которые могут использоваться для различных целей.

Таким образом, подход к толкованию термина «недвижимость» с учетом правовой природы объектов является важным подходом в гражданском праве РФ. Он позволяет точно определять правовой статус объектов недвижимости и обеспечивать защиту интересов владельцев, но может привести к проблемам с определением границ объектов и неправильному определению их стоимости.

Подытоживая, целесообразно отметить, что каждый из обозначенных подходов имеет свои преимущества и недостатки, и выбор подхода зависит от целей исследования (таблица 1). Однако, в целом, в российском гражданском праве термин «недвижимость» традиционно толкуется как объект, который не может быть перемещен без нарушения его целостности.

Универсальный подход к юридическому толкованию термина «недвижимость» может быть сформирован на основе трех подходов:

1. Недвижимость – это объекты, которые не могут быть перемещены и включают в себя земельные участки, здания, сооружения и другие аналогичные объекты.

2. Недвижимость – это объекты, которые имеют экономическую ценность и принадлежат к категории «недвижимости» в соответствии с законодательством страны.

3. Недвижимость – это объекты, право собственности на которые защищено законом и которые могут включать в себя земельные участки, здания, сооружения и другие объекты, которые могут быть признаны недвижимостью в соответствии с законодательством.

При этом, универсальный подход к толкованию термина «недвижимость» должен основываться на комплексном рассмотрении всех трех подходов. При определении недвижимости необходимо учитывать как ее физические характеристики, так и ее экономическую ценность и правовой статус.

Таблица 1. Преимущества и недостатки подходов к юридическому толкованию термина «недвижимость»

Наименование подхода	Преимущества подхода	Недостатки подхода
Подход к толкованию термина «недвижимость», основанный на том, что недвижимость включает в себя земельные участки, здания, сооружения и другие объекты, которые не могут быть перемещены	<ul style="list-style-type: none"> – обеспечивает ясность и определенность в правовом регулировании отношений, связанных с недвижимостью; – обеспечивает защиту прав собственности на недвижимость, поскольку он предусматривает возможность защиты прав на земельные участки и объекты недвижимости, которые находятся на них 	<ul style="list-style-type: none"> – не учитывает возможность существования недвижимости, которая может быть перемещена без ее ущерба; – не всегда учитывает особенности конкретных объектов недвижимости; – имеется необходимость уточнения и дополнения подхода к толкованию термина «недвижимость» в гражданском праве РФ
Подход к толкованию термина «недвижимость», связанный с учетом экономической ценности объектов	<ul style="list-style-type: none"> – возможность учета экономической ценности объектов недвижимости, что позволяет правильно определить их стоимость и использовать их в целях коммерческой деятельности; – способствует развитию инвестиционной деятельности в сфере недвижимости, что может привести к росту экономики и созданию новых рабочих мест 	<ul style="list-style-type: none"> – он может привести к неправильному определению статуса объектов недвижимости, которые имеют только потенциальную экономическую ценность, но не используются для коммерческой деятельности в данный момент; – этот подход может привести к проблемам с определением границ объектов недвижимости, которые могут использоваться для различных целей
Подход к толкованию термина «недвижимость», связанный с учетом правовой природы объектов	<ul style="list-style-type: none"> – возможность точно определять правовой статус объектов недвижимости и права собственности на них, что обеспечивает защиту интересов владельцев; – правовой подход к определению недвижимости является основой для разработки законодательства в сфере недвижимости, что способствует урегулированию правовых отношений 	<ul style="list-style-type: none"> – он не учитывает экономическую ценность объектов недвижимости, что может привести к неправильному определению их стоимости; – правовой подход может привести к проблемам с определением границ объектов недвижимости, которые могут использоваться для различных целей

Источник: составлено автором на основе [6–12]

Такой подход позволит точно определить объекты недвижимости и их стоимость, а также обеспечить защиту законных интересов владельцев. Кроме того, он будет являться основой для разработки законодательства в сфере недвижимости и способствовать урегулированию правовых отношений.

Универсальный подход к толкованию термина «недвижимость», по мнению автора статьи, должен включать следующие ключевые элементы:

1. Физические характеристики: недвижимость – это объекты, которые не могут быть перемещены и включают в себя земельные участки, здания, сооружения и другие аналогичные объекты.

2. Экономическая ценность: недвижимость – это объекты, которые имеют экономическую ценность и принадлежат к категории «недвижимости» в соответствии с законодательством страны.

3. Правовой статус: недвижимость – это объекты, право собственности на которые защищено законом и которые могут включать в себя земельные участки, здания, сооружения и другие объекты, которые могут быть признаны недвижимостью в соответствии с законодательством.

4. Комплексный подход: универсальный подход к толкованию термина «недвижимость» должен основываться на комплексном рассмотрении всех трех подходов, чтобы точно определить объекты недвижимости и их стоимость, а также обеспечить защиту законных интересов владельцев.

5. Законодательство: такой подход является основой для разработки законодательства в сфе-

ре недвижимости и способствует урегулированию правовых отношений.

6. Защита прав: универсальный подход к толкованию термина «недвижимость» должен обеспечивать защиту прав собственников недвижимости и предоставлять инструменты для разрешения правовых споров.

Физические характеристики недвижимости – это ее основные физические свойства, которые определяют ее неизменяемость и неподвижность. К таким свойствам следует отнести в рамках гражданского законодательства:

- географическое расположение;
- площадь;
- форму недвижимости;
- конструкцию и материалы, используемые для создания объекта недвижимости.

Недвижимость имеет экономическую ценность, которая зависит от многих факторов, включая ее географическое местоположение, размер, качество и возможности использования. Поэтому стоимость недвижимости значительно варьируется в зависимости от рыночной ситуации и спроса на данную недвижимость на конкретной территории.

Правовой статус недвижимости определяется законодательством страны включает в себя:

- право собственности на объект недвижимости;
- право пользования;
- право аренды
- право передачи наследнику в соответствии с завещанием.

Каждый объект недвижимости должен обладать собственным уникальным правовым статусом, который определяет его использование и защищает права владельца.

Необходимо обратить внимание, что в рамках универсального подхода правовой статус недвижимости стоит трактовать как совокупность прав и обязанностей, которые связаны с конкретным объектом недвижимости и которые определяются законодательством страны. Он определяет, как можно использовать недвижимость, кто может ею владеть, какие права имеют владельцы, какие обязанности несут, какие ограничения наложены на недвижимость и какие виды сделок возможны.

Например, право собственности на недвижимость дает владельцу право использовать её по своему усмотрению, а также продать, сдать в аренду или передать наследникам. Однако, право собственности может быть ограничено государством, если недвижимость находится в зоне экологической или культурной защиты, или если она является объектом общественного пользования.

Правовой статус недвижимости также определяет право пользования, которое может быть предоставлено владельцу недвижимости. Например, право аренды позволяет арендатору использовать недвижимость на определенный период времени и в соответствии с условиями договора аренды.

Комплексный подход к толкованию термина «недвижимость» должен учитывать все эти аспекты, чтобы точно определить объекты недвижимости и их стоимость, а также обеспечить защиту законных интересов владельцев. Важно помнить, что правовой статус недвижимости может отличаться в разных странах и регионах, поэтому при покупке или продаже недвижимости необходимо учитывать местное законодательство и консультироваться со специалистами в этой области.

Рис. 1. Характеристики комплексного подхода к толкованию термина «недвижимость»

Источник: разработано автором

Комплексный подход к толкованию термина «недвижимость» включает в себя учет различных аспектов, которые характеризуют недвижимость. Он охватывает физические, экономические и правовые характеристики объектов недвижимости (рисунок 1).

Физические характеристики включают в себя такие параметры, как:

- местоположение;
- размер;
- форму;
- материалы, из которых создан объект недвижимости.

Эти характеристики влияют на стоимость объекта и его возможности использования.

Экономические характеристики включают в себя:

- рыночную стоимость объекта;
- спрос на него;
- потенциальную доходность;
- возможности его использования.

Эти факторы влияют на решение о покупке или продаже недвижимости, а также на выбор способа использования объекта.

Правовые характеристики включают в себя:

- права и обязанности владельцев недвижимости;
- правовой статус объекта;
- ограничения на использование и возможности передачи объектов недвижимости.

Эти характеристики определяют законность использования недвижимости, ее стоимость и возможные риски.

Универсальный подход к толкованию термина «недвижимость» позволяет учитывать все эти аспекты и определять объекты недвижимости и их стоимость с учетом всех факторов, которые влияют на них. Он также обеспечивает защиту законных интересов владельцев недвижимости и позволяет предотвращать возможные правовые риски при покупке или продаже объектов недвижимости.

Для того чтобы использовать на практике предлагаемый универсальный подход к толкованию термина «недвижимость», необходимо внести изменения в Гражданский кодекс РФ.

Конкретные изменения, которые следует внести, включают в себя:

1. Уточнение и расширение определения термина «недвижимость» в ст. 130 ГК РФ. Для этого предлагается ввести в ст. 130 ГК РФ полное определение объектов недвижимости, включая указание на их физические, экономические и правовые характеристики, которые перечислены выше.

2. Уточнение и расширение правового статуса объектов недвижимости. В данном случае в ст. 130 ГК РФ следует представить уточнение прав и обязанностей владельцев недвижимости, а также установление дополнительных ограничений на использование объектов недвижимости.

3. Установление единых стандартов оценки объектов недвижимости. В данном случае необходимо установить единые критерии оценки объектов

недвижимости, учета всех факторов, влияющих на стоимость объектов недвижимости и отражённых выше, а также создание единой базы данных по недвижимости.

4. Регулирование отношений между владельцами объектов недвижимости. Для этого целесообразно вести новые гражданские нормы, устанавливающие порядок использования и передачи объектов недвижимости, а также права и обязанности владельцев.

Внесение этих изменений в ГК РФ и другое современное законодательство, а также разработка новых гражданских норм, позволит использовать предлагаемый универсальный подход к толкованию термина «недвижимость» на практике, усовершенствовать существующую гражданскую законодательную базу, обеспечить единые стандарты оценки объектов недвижимости и защиту прав владельцев недвижимости.

Подытоживая вышесказанное, следует отметить, что на сегодняшний момент времени существует разнообразие подходов, позволяющих толковать термин «недвижимость» с разных сторон. Тем не менее, для совершенствования современного гражданского законодательства РФ нужен универсальный комплексный подход, который позволит многосторонне анализировать в судебном порядке вопросы, связанные с объектами недвижимости. Универсальный комплексный подход должен учитывать физические, правовые и экономические характеристики, которые следует закрепить в текущей версии ГК РФ и соответственно изменить федеральное законодательство, регулирующее правовые отношения, возникающие в связи с операциями с недвижимостью.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 54-ФЗ (часть первая) (ред. от 14.04.2023) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 20.05.2023).
2. Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости» от 13.07.2015 N 218-ФЗ (ред. от 14.04.2023) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182661/ (дата обращения: 20.05.2023).
3. Федеральный закон «Об ипотеке (залоге недвижимости)» от 16.07.1998 N 102-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19396/ (дата обращения: 21.05.2023).
4. Федеральный закон от 14.07.2022 N 316-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/documents/2022/07/21/document-zemlya.html> (дата обращения: 21.05.2023).

5. Федеральный закон от 21.12.2021 N 430-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/documents/2021/12/27/pomeshe-nia-dok.html> (дата обращения: 21.05.2023).
6. Кравчук Ю.С. Некоторые особенности юридической терминологии «недвижимость»/«realty» // Терминология: становление, развитие, функционирование. – 2019. – С. 93–113.
7. Коротких О.А. Правовые аспекты раздела недвижимой вещи // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2020. – Т. 10. – № . 3. – С. 19–26.
8. Матвеева М. А., Шаряпова Э.А. К вопросу о современном понимании недвижимого имущества // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № . 4. – С. 66–71.
9. Кисаев Т. А. О понятии термина «недвижимость» // Новое слово в науке: стратегии развития. – 2020. – С. 135–139.
10. Устюгова В. С. К вопросу о редакции п. 1 ст. 222 Гражданского кодекса Российской Федерации // Вопросы российской юстиции. – 2019. – № . 1. – С. 368–376.
11. Беседина А.И. Собственность на недвижимость как социологическая и юридическая категория // Междисциплинарные исследования. Современное состояние и перспективы развития. – 2020. – С. 8.
12. Терещенко Д.С. Недвижимость объекта гражданских правоотношений по Гражданскому кодексу Российской Федерации (опыт теоретического исследования) // Журнал правовых и экономических исследований. – 2020. – № . 2. – С. 82–92.

APPROACHES TO THE INTERPRETATION OF THE TERM «REAL ESTATE»: LEGAL ASPECTS

Avanov A.E.

Moscow Financial and Industrial University «Synergy»

The study of approaches to the interpretation of the term «real estate» is necessary in many sectors of the economy and law, including construction, real estate, banking and credit sectors, as well as for government agencies and governments. The first thing that needs to be clarified is the definition of the term «real estate» itself, which is one of the purposes of this article. Then various approaches to the interpretation of the term «real estate» from a civil legal point of view were studied, which affect various sectors of the economy and law. The study of approaches to the interpretation of the term «real estate» has allowed to form a universal approach to this term in various sectors of the economy and law, which, in turn, will simplify and accelerate the solution of various issues related to real estate. Therefore, the article presented the relevance of the study of real estate as an object of civil rights in the Russian Federation, considered three approaches to the interpretation of the term «real estate»: an approach to the interpretation of the term «real estate» based on the fact that real estate includes land, buildings, structures and other objects that cannot be moved, an approach to interpretation of the term «real estate» related to the economic value of objects, an approach to the interpretation of the term «real estate» related to the legal nature of objects, a universal approach to the interpretation of the term «real estate» is presented, which includes physical, economic and legal characteristics.

Keywords: real estate, approach, legal interpretation, term, object of civil rights of the Russian Federation, federal legislation, universal integrated approach.

References

1. The Civil Code of the Russian Federation of 30.11.1994 No. 54-FZ (part one) (ed. of 14.04.2023) [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (data accessed: 20.05.2023).
2. Federal Law «On State registration of real estate» dated 13.07.2015 N 218-FZ (ed. of 14.04.2023) [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182661/ (data accessed: 20.05.2023).
3. Federal Law «On mortgage (pledge of real estate)» dated 16.07.1998 N 102-FZ [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19396/ (data accessed: 21.05.2023).
4. Federal Law «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» dated 14.07.2022 N 316-FZ [Electronic resource]. – Access mode: <https://rg.ru/documents/2022/07/21/document-zemlya.html> (data accessed: 21.05.2023).
5. Federal Law «On Amendments to Part One of the Civil Code of the Russian Federation» dated 21.12.2021 N 430-FZ [Electronic resource]. – Access mode: <https://rg.ru/documents/2021/12/27/pomeshenia-dok.html> (data accessed: 21.05.2023).
6. Kravchuk Yu.S. Some features of the legal terminology «real estate»/ «realty» // Terminology: formation, development, functioning. – 2019. – P. 93–113.
7. Korotkov O.A. Legal aspects of the division of immovable property // Proceedings of the Southwestern State University. Series: History and Law. – 2020. – Vol. 10. – No. 3. – P. 19–26.
8. Matveeva M. A., Sharyapova E.A. On the question of the modern understanding of real estate // Legal Science: history and modernity. – 2019. – No. 4. – P. 66–71.
9. Kisaev T.A. On the concept of the term “real estate” // New word in science: development strategies. – 2020. – P. 135–139.
10. Ustyugova V.S. On the issue of the revision of paragraph 1 of Article 222 of the Civil Code of the Russian Federation // Issues of Russian justice. – 2019. – No. 1. – P. 368–376.
11. Besedina A.I. Real estate ownership as a sociological and legal category // Interdisciplinary research. The current state and prospects of development. – 2020. – P. 8.
12. Tereshchenko D.S. Real estate of the object of civil legal relations according to the Civil Code of the Russian Federation (experience of theoretical research) // Journal of Legal and Economic research. – 2020. – No. 2. – P. 82–92.

Апоревич Вера Николаевна,

к.ю.н., доцент кафедры «Гражданское, предпринимательское и транспортное право», Дальневосточный государственный университет путей сообщения
E-mail: vera.nika.72@bk.ru

Российская Федерация гарантирует защиту прав субъектов экономической деятельности. Главным способом защиты является судебная защита. Рассмотрение арбитражными судами споров, возникающих в процессе создания организации, ее реорганизации, ликвидации, а также реализации ею своей деятельности, взаимодействия с другими юридическими лицами осуществляется в определенном можно сказать особом порядке, установленном АПК РФ. Общими базовыми признаками правового поля арбитражного процессуального права традиционно считают следующие признаки: объект и предмет регулирования, методы и принципы правового регулирования, источники, субъекты отношений, и конкретный правовой режим. Но исключительными признаками арбитражного процесса является то, что здесь встречается больше (по сравнению с судами общей юрисдикции) и административных споров, т.е. споров, возникающих в процессе управления и руководства организацией, а также важной особенностью арбитражного процесса можно считать, что арбитражные суды в процессе осуществления правосудия разрешают и юридические вопросы, и рассматривают многие вопросы технического, финансово-экономического и организационно-производственного характера для чего применяют технические, экономические, физико-математические нормы и правила. Таким образом арбитражное процессуальное право сегодня это не только одна из важнейших самостоятельных отраслей Российского права, которая обладает целым комплексом присущих только ей особенностей, это один из важнейших гарантов успешного развития экономики России, которая обеспечивает защиту прав и законных интересов всех субъектов экономической деятельности, вне зависимости от формы собственности и формы организации.

Ключевые слова: защита гражданских прав, обращение в суд, арбитражный суд, третейский суд, отрасль права, арбитражное процессуальное право, особенности процедуры разрешения спора, источники арбитражного процессуального права, повышение эффективности арбитражного процессуального регулирования, механизм арбитражного процессуального регулирования.

Российская Федерация гарантирует защиту прав субъектов экономической деятельности, которая предусмотрена Конституцией России. Способы защиты могут быть различные, не запрещенные законом и не нарушающие прав и законных интересов как участников экономических отношений, так и лиц косвенно с ними связанных. Главным способом защиты является судебная защита. Поэтому каждый участник имущественных отношений- хозяйствующий субъект в случае нарушения его имущественных прав имеет право обращаться в суд соответствующей компетенции, предусмотренной действующим законодательством, а также в контрольно- надзорные органы. Причем категория арбитражного суда, т.е. подсудность определяется в зависимости от этапа рассмотрения спора и по правилам, предусмотренным в действующем законодательстве.

Рассмотрение арбитражными судами споров, возникающих в процессе создания организации, ее реорганизации, ликвидации, а также реализации ею своей деятельности, взаимодействия с другими юридическими лицами осуществляется в определенном можно сказать особом порядке, установленном АПК РФ. Причем третейский суд, рассматривая экономические споры руководствуется своими особыми правовыми нормами, регулирующими третейское судопроизводство, т.е. рассмотрение спора третейским судом имеет свой порядок, свои особенности. Причем этот порядок, сам процесс отличается субъектами, сроками, расходами, т.е. обладает своими особыми свойствами.

Иными словами, арбитражный суд – это такая судебная инстанция, которая реализует особую форму судебного разбирательства, судебной защиты имущественных прав предприятий, организаций и учреждений. Указанная особая форма судебного разбирательства существует в виде комплекса норм права, которые объединяются в особую отрасль права арбитражное право. Они отражают и отражают специфические особенности арбитражного процесса, что позволяет отнести эту отрасль права к самостоятельной отрасли. Указанные нормы права образуют арбитражное процессуальное право, которое представляет сложный механизм осуществления судебной власти.

Общими базовыми признаками правового поля арбитражного процессуального права традиционно считают следующие признаки: объект и предмет регулирования, методы и принципы правового регулирования, источники, субъекты отношений, и конкретный правовой режим.

Правовые нормы арбитражного процесса, по мнению Колесникова А.А., имеют определен-

ную связь с конституцией, гражданским процессом и нормами других отраслей права. Но самостоятельное положение в правовой системе Российской Федерации – это особенности правовых норм арбитражного процесса. [7]

Арбитражные суды имеют свою закрытую систему, свой особый механизм взаимодействия, свои особые полномочия и процедуры. Они полностью автономны и независимы и не несут ответственности за свою деятельность перед другими ветвями власти. Что так же выделяет арбитражный процесс в особый вид судебного процесса и говорит о его самостоятельности.

Основная функция арбитражных судов – это правосудие в сфере хозяйственных и связанных с ними административных правоотношений. Эти споры специфичны по своему характеру, содержанию и субъектному составу и существенно отличаются от дел, рассматриваемых в гражданском процессе. Особая категория споров, рассматриваемых арбитражными судами это споры возникающие перед заключением договора и в процессе его реализации, а также в процессе изменения и расторжения. Важной особенностью арбитражного процесса является и то, что здесь встречается больше (по сравнению с судами общей юрисдикции) и административных споров, т.е. споров, возникающих в процессе управления и руководства организацией.

Также важной особенностью арбитражного процесса можно считать, что арбитражные суды в процессе осуществления правосудия разрешают и юридические вопросы, и рассматривают многие вопросы технического, финансово-экономического и организационно-производственного характера для чего применяют технические, экономические, физико-математические нормы и правила.

Высокий уровень сложности рассматриваемых арбитражными судами споров требует от судей не только юридического образования, но глубоких знаний хозяйственного законодательства, потребностей различных отраслей и производственных возможностей, даже часто требуются технические и технологические знания и представления.

В частности, Ламбаев Д.С. считает, что их деятельность менее формальна, чем гражданское судопроизводство. Некоторые процессуальные принципы в арбитражном процессе реализуются иначе, чем в судах общей юрисдикции. [8]

Вышеупомянутое положение отрицает возможность объединения законодательства, которое регулирует арбитражный процесс и устанавливает порядок деятельности судов общей юрисдикции, в одну отрасль права. Можно отметить, что общие, но очень важные отличительные особенности не позволяют рассматривать арбитражный процесс как органическую часть гражданского судопроизводства.

Такое понимание арбитражного процессуального права имеет значение и в научном, и в практическом аспекте. Предпринятая попытка определения места арбитражного процессуального пра-

ва в системе родственных отраслей дает возможность правильно определить правовое место арбитражного процесса в системе отраслей права. Можно сказать, что арбитражное процессуальное право не может быть признано составной частью гражданско-процессуального законодательства вполне обоснованно.

Определение арбитражного права по мнению Соловых С.Ж. как самостоятельной, но пересекающейся области: точка соприкосновения гражданского и арбитражного процессов должна быть найдена не в какой-то одной, а во всех областях. [9]

Особым признаком самостоятельности арбитражного процессуального права является наличие основного самостоятельного источника – Арбитражного процессуального кодекса РФ. Он определяет все этапы арбитражного процесса, их особенности в организации и реализации, т.е. определяет сложный, но логически выверенный временем механизм реализации каждого из них.

Арбитражный процесс постоянно совершенствуется. Например, вопрос о судебных расходах, которые имеют место в связи с участием представителей в судебном процессе включались в сумму судебных издержек. Указанное новшество подтверждается судебной практикой, в которой явно отражено взыскание расходов на участие представителей со стороны участника судопроизводства, при этом, не имеет значения, о какой сумме расходов идет речь. [8] Арбитражное процессуальное право внесло такое понятие как корпоративные споры. Именно арбитражное процессуальное право ввело такое новое понятие как «коллективный иск», который позволяет нескольким участникам сразу защищать свои права в судебном порядке. Все эти новшества, вводимые в арбитражное процессуальное право, позволили отрасли обеспечить свое важное значение как в теории его изучения, так и в практическом применении, путем определения судопроизводства.

На основании анализа законодательства, изучения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации можно сделать следующие выводы.

1. Для повышения эффективности судебного разбирательства в арбитражном суде можно предложить введение в понятийный аппарат арбитражного процессуального права такой категории, как механизм арбитражного процессуального регулирования. Предлагаемая категория должна будет раскрывать не только механизм правосудия, но и взаимодействие всех заинтересованных в его результатах субъектов.

Представляется необходимым дополнительно указать на перспективы исследования арбитражно-процессуального механизма обеспечения субъективных процессуальных прав. Эти исследования позволили бы значительно повысить уровень знаний арбитражного процессуального права, выявить особенности арбитражного процесса как конкретного правового понятия, что может иметь практическое значение.

2. Арбитражное процессуальное законодательство должно не просто осуществлять правосудие в сфере экономических споров между юридическими лицами и государственными образованиями, оно должно защитить и восстановить нарушенные права, и не должно нанести вред экономической деятельности и экономике всего государства, субъекта РФ. Для выполнения такой сложной цели необходимо постоянно совершенствовать механизм осуществления правосудия арбитражными судами. Кроме этого, необходим усовершенствованный механизм привлечения специалистов различных сфер деятельности для объективного профессионального разрешения специальных вопросов в процессе арбитражного судебного разбирательства.

3. Нормы Конституции – это нормы прямого действия. Органическая взаимосвязь нормативных правовых актов и Конституции всегда подчеркивается. Прямое применение Конституции – это частный случай «саморегулирования», случай решения коллизий правовых норм, иерархических коллизий, пробелов в нормативных правовых актах.

Положения о прямом действии конституционных норм требуют тщательного нормативного регулирования общественных отношений действующим законодательством в том числе и в сфере арбитражного процесса.

4. Можно также отметить комплексный характер арбитражного процесса: особенности частного права сочетаются и принципами публичного права, и формой процесса. Этот статус арбитражного разбирательства предполагает, что правовая система опосредует как частные, так и общественные интересы, что установление приоритетов для конкретных интересов в высшей степени фиктивно, и что это не относится к категории эффективности арбитража. На мой взгляд, соотношение между частным и публичным компонентами в юридическом составе арбитражного процесса отражает сложную ситуацию, связанную с сочетанием частных и публичных интересов, и критерии должны быть сбалансированы в каждом случае с точки зрения цели и принципов арбитражного разбирательства.

5. Внесение изменений в процессуальный кодекс и совершенствование процессуального законодательства будет способствовать защите гражданских прав, а также отношений с государственными органами и органами местного самоуправления, а также интересам организаций и граждан.

Таким образом арбитражное процессуальное право сегодня это не только одна из важнейших самостоятельных отраслей Российского права, которая обладает целым комплексом присущих только ей особенностей, это один из важнейших гарантов успешного развития экономики России, которая обеспечивает защиту прав и законных интересов всех субъектов экономической деятельности, вне зависимости от формы собственности и формы организации.

Литература

1. Конституция Российской Федерации [электронный ресурс]: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 //Справочно-правовая система «Консультант Плюс» [Электронный ресурс] / НПП «Консультант». – Последнее обновление 21.11.2023.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: от 24.07.2002 № 95-ФЗ //Справочно-правовая система «Консультант Плюс» [Электронный ресурс] / НПП «Консультант». – Последнее обновление 21.11.2023.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: от 14.11.2002 № 138-ФЗ //Справочно-правовая система «Консультант Плюс» [Электронный ресурс] / НПП «Консультант». – Последнее обновление 21.11.2023.
4. Об арбитражных судах в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер.конст.закон от 28.04.1995 N1-ФКЗ //Справочно-правовая система «Консультант Плюс» [Электронный ресурс] / НПП «Консультант». – Последнее обновление 21.11.2023.
5. Апоревич, В.Н. К вопросу об особенностях изучения арбитражного процессуального права, как отрасли Российского права / Апоревич В.Н. В сборнике: Сборник избранных статей по материалам научных конференций ГНИИ «Нацразвитие». Санкт-Петербург, 2021. С. 82–84.
6. Апоревич, В.Н. К вопросу об особенностях подготовки дела к судебному разбирательству в арбитражном суде / Апоревич В.Н. В сборнике: Мировая и российская наука: области развития и инноваций. Сборник научных статей. Научный редактор Р.Ю. Самхарадзе. Москва, 2020. С. 257–263.
7. Колесникова, А.А. Современные проблемы арбитражного процесса РФ [Электронный ресурс]. Синергия наук. – 2020. – Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_. – Дата обращения: 21.11.2023.
8. Ламбаев, Д.С. Арбитражное процессуальное право российской федерации в современных реалиях [Электронный ресурс]. Актуальные вопросы развития общественных наук и юриспруденции. – 2022. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/> – Дата обращения: 21.11.2023.
9. Соловых, С.Ж. Принципы арбитражного процессуального права как пределы реализации процессуальных прав сторон в арбитражном суде первой инстанции [Электронный ресурс]. Право. Законодательство. Личность. – 2018. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/> – Дата обращения: 21.11.2023.

PROBLEMS OF DETERMINING THE ARBITRATION PROCEDURAL LAW

Aporevich V.N.

Far Eastern State University of Railways

The Russian Federation guarantees the protection of the rights of economic entities. The main method of protection is judicial protection. Consideration by arbitration courts of disputes arising in the process of creating an organization, its reorganization, liquidation, as well as the implementation of its activities, interaction with other legal entities is carried out in a certain special order established by the Agro-Industrial Complex of the Russian Federation. The following features are traditionally considered common basic features of the legal field of arbitration procedural law: the object and subject of regulation, methods and principles of legal regulation, sources, subjects of relations, and a specific legal regime. But the exceptional features of the arbitration process are also the fact that there are more (compared to courts of general jurisdiction) and administrative disputes, i.e. disputes arising in the process of management and management of the organization, as well as an important feature of the arbitration process can be considered that arbitration courts in the in the course of the administration of justice, legal issues are also resolved, and many issues of a technical, financial, economic, organizational and industrial nature are considered, for which technical, economic, physical and mathematical norms and rules are applied. Thus, arbitration procedural law today is not only one of the most important independent branches of Russian law, which has a whole set of features inherent only to it, it is one of the most important guarantors of the successful development of the Russian economy, which protects the rights and legitimate interests of all economic entities, regardless of the form of ownership and form of organization.

Keywords: protection of civil rights, appeal to the court, arbitration court, arbitration court, branch of law, arbitration procedural law, features of dispute resolution procedure, sources of arbitration procedural law, improving the effectiveness of arbitration procedural regulation, mechanism of arbitration procedural regulation.

References

1. The Constitution of the Russian Federation [electronic resource]: adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020 //Legal reference system "Consultant Plus" [Electronic resource] / NPP "Consultant". – Last updated on 11/21/2023.
2. Arbitration Procedural Code of the Russian Federation [Electronic resource]: dated 07/24/2002 No. 95-FZ //Legal reference system "Consultant Plus" [Electronic resource] / NPP "Consultant". – Last updated on 11/21/2023.
3. The Civil Procedure Code of the Russian Federation [Electronic resource]: dated 11/14/2002 No. 138-FZ //Legal reference system "Consultant Plus" [Electronic resource] / NPP "Consultant". – Last updated on 11/21/2023.
4. About arbitration courts in the Russian Federation [Electronic resource]: feder.const.the law of 28.04.1995 N1-FKZ //Legal reference system "Consultant Plus" [Electronic resource] / NPP "Consultant". – Last updated on 11/21/2023.
5. Aporevich, V.N. On the question of the peculiarities of the study of arbitration procedural law as a branch of Russian law / Aporevich V.N. In the collection: A collection of selected articles based on the materials of scientific conferences of the State Research Institute "National Development". St. Petersburg, 2021. pp. 82–84.
6. Aporevich, V.N. On the question of the specifics of preparing a case for trial in an arbitration court / Aporevich V.N. In the collection: World and Russian Science: areas of development and innovation. Collection of scientific articles. Scientific editor R.Y. Samkharadze. Moscow, 2020. pp. 257–263.
7. Kolesnikova, A.A. Modern problems of the arbitration process of the Russian Federation [Electronic resource]. Synergy of Sciences. – 2020. – Access mode: https://elibrary.ru/download/elibrary_. – Date of appeal: 11/21/2023.
8. Lambaev, D.S. Arbitration procedural law of the Russian Federation in modern realities [Electronic resource]. Current issues of the development of social sciences and jurisprudence. – 2022. – Access mode: <https://elibrary.ru/> – Date of application: 11/21/2023.
9. Solovykh, S. Zh. Principles of arbitration procedural law as the limits of the implementation of the procedural rights of the parties in the arbitration court of the first instance [Electronic resource]. Right. Legislation. Personality. – 2018. – Access mode: <https://elibrary.ru/> – Date of application: 11/21/2023.

Волокитин Илья Игоревич,

студент магистратуры федерального государственного научно-исследовательского учреждения «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации»
E-mail: Volokitin.Ilya.L@yandex.ru

В статье рассмотрены вопросы, связанные с исследованием правовой природой личного фонда в соответствии с законодательством РФ. Автор статьи использовал сравнительный метод для обоснования утверждения о том, что организационно-правовая форма личного фонда является «трасто-подобной» формой поскольку содержит функциональные особенности, сравнимые с институтом доверительного управления имуществом. Автор статьи уделяет особое внимание истории появления в РФ фонда как некоммерческой организации, поскольку личный фонд является разновидностью фонда в «широком смысле». Автор статьи установлено, что институт доверительного управления имуществом в силу законодательных ограничений не стал популярным у представителей крупного бизнеса и именно поэтому российский законодатель на протяжении долгого времени находился в поиске оптимальной организационно-правовой формы, напоминающей англо-американский траст.

Ключевые слова: некоммерческие организации, гражданское законодательство, доверительное управление, личный фонд, наследственный фонд.

1 марта 2022 года в российском гражданском законодательстве появилась новая организационно-правовая форма юридического лица – личные фонды. Личный фонд является разновидностью фондов в «широком» смысле этого слова. Разновидностью личного фонда является наследственный фонд, организационно-правовая форма которого появилась в гражданском законодательстве в 2018 году. Для всесторонней характеристики личного фонда как некоммерческой организации важно обратиться к понятию фонда как родовой категории для организационно-правовых форм некоммерческих организаций, осуществляющих свою деятельность в рамках публично-правовых предписаний для фондов.

Российское законодательство знает следующие виды фондов.

- Общественный фонд. Правовой статус общественного фонда регулируется Федеральным законом от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях».
 - Фонд перспективных исследований. Правовой статус фонда перспективных исследований регулируется положениями Федерального закона от 16.10.2012 № 174-ФЗ «О Фонде перспективных исследований».
 - Государственные фонды развития промышленности. Правовой статус регулируется положениями Федерального закона от 31.12.2014 № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации».
 - Специализированная организация управления целевым капиталом. Правовой статус регулируется положениями Федерального закона от 30.12.2006 № 275-ФЗ «О порядке формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций».
 - Личный фонд. Правовой статус регулируется положениями ГК РФ;
 - Наследственный фонд. Правовой статус регулируется положениями ГК РФ;
 - Международный личный фонд. Правовой статус регулируется положениями Федерального закона от 03.08.2018 № 290-ФЗ «О международных компаниях и международных фондах»
- Е.В. Оболонкова отмечает тенденцию существенного увеличения числа видов фондов в последнее время [1].

Существуют также множество фондов, основанных на частной инициативе, направленных на достижение общественно-полезных целей, понимаемых необходимыми учредителями этих фондов.

Автор статьи перечислил основные виды фондов, которые существуют в настоящее время в Российской Федерации. Простое перечисление

видов фондов не создает научную основу для анализа и классификации фондов по их назначению. В связи с этим важно обратить внимание на научную классификацию фондов, которая была дана в комментарии к ГК РФ под редакцией Т.Е. Абовой и А.Ю. Кабалкиной.

Автор статьи полагает, что классификация фондов, данная в указанном комментарии, является универсальной несмотря на то, что в период составления комментария никто не предполагал о возможности создания личных и наследственных фондов.

Так, Кудрявцева Г.А., автор комментария к ГК РФ под редакцией Т.Е. Абовой и А.Ю. Кабалкина, считает, что фонды в зависимости от учредителя фонда можно разделить на следующие виды:

1. «Частные фонды, учрежденные одним или несколькими юридическими лицами – коммерческими или некоммерческими организациями.;

2. Корпоративные фонды, учреждаемые одним или несколькими юридическими лицами – коммерческими и (или) некоммерческими организациями;

3. Общественные фонды, учреждаемые физическими лицами, не являющимися членами одной семьи, и (или) юридическими лицами – общественными объединениями;

4. Государственные фонды, созданные решением представительных органов Российской Федерации или представительных органов субъектов Российской Федерации;

5. Муниципальные фонды, созданные представительным органом местного самоуправления» [2].

Поскольку классификация, предложенная в комментарии к ГК РФ под редакцией Т.Е. Абовой и А.Ю. Кабалкина носит теоретический характер, уместно обратиться к законодательству Республики Казахстан, так как именно в этой постсоветской республике законодательство о некоммерческих организациях имеет обширный перечень видов фондов. В зависимости от состава учредителей фонды подразделяются на следующие виды согласно ст. 13 Закона от 16.01.2001 Республики Казахстан о некоммерческих организациях:

1. Частный, который может учредить одно физическое лицо или физические лица – члены одной семьи;

2. Корпоративный фонд, создаваемые одним или несколькими юридическими лицами;

3. Общественный фонд, создаваемый физическими лицами, не являющимися членами одной семьи, и (или) юридическими лицами – общественными объединениями;

4. Государственный фонд, создаваемый по решению государственных органов.

Законодательное закрепление видов фондов имеет важное значение, поскольку законодатель, создавая конструкцию определенного вида фонда, наделяет его определенными правовыми инструментами, необходимыми для эффективного достижения поставленных фондом целей. В Российской Федерации законодательство о фондах не может

представить нормативно-закрепленную классификацию фондов.

В связи со сказанным уместно обратиться к истории появления фондов в российском гражданском законодательстве.

Категория фонда как юридического лица в российском гражданском законодательстве имеет исторические корни, на которые исследователи данной организационно – правовой формы редко обращают внимание.

Автор работы считает уместным обратиться к истории появления фонда в российском законодательстве, поскольку появление некоммерческих организаций, выполняющих общественно-полезные функции, в российском гражданском законодательстве напрямую связано с уровнем экономического развития государства.

Обратимся к дореволюционному российскому гражданскому законодательству. Так, в России с XVIII столетия возникли независимые от церковной власти богоугодные, учебные заведения и государственные кредитные установления [3].

Свод законов Российской империи также содержал правовое регулирование общественных организаций, отдаленно напоминающих фонд в его классическом понимании.

Д.П. Заикина в исследовании, посвященном гражданско – правовому статусу фонда в Российской Федерации, обращает внимание на то, что «в России с XVIII столетия возникли независимые от церковной власти богоугодные, учебные и ученые заведения и государственные кредитные установления, нашедшие в дальнейшем отражение в Своде законов Российской Империи (ст. 698) и отнесенные к «категории так называемых установлений» ст. (413)» [4].

Проект книги первой Гражданского Уложения с объяснительной запиской 1895 г. раскрывает сущность установлений как юридических лиц, не устанавливающих в качестве цели извлечение прибыли. Комментарий к ст. 71 Гражданского Уложения обращает внимание на то, что общепольное частное установление основано не на частном имуществе, а на имуществе, пожертвованном для деятельности установления.

К сожалению, Гражданское Уложение Российской Империи не вступило в силу в связи с известными историческими событиями, но, несмотря на это, комментарий к Гражданскому Уложению позволяет понять представления дореволюционного законодателя о правовом функционировании юридических лиц, занимающихся социально-полезной деятельностью.

Таким образом, дореволюционное гражданское законодательство Российской Империи содержало нормы, которые регулировали правовое положение юридических лиц, занимающихся социально-полезной деятельностью, не направленной на извлечение прибыли.

Можно предположить, что организационно-правовые формы, существовавшие в Российской империи и выполнявшие общественно-полезные

цели, являлись «прототипом благотворительного фонда», однако наименование «фонд» применительно к ним не использовалось.

Революция 1917 года затронула все сферы общественной жизни российского общества. Изменение экономических отношений не могло не отразиться на развитии гражданского законодательства.

Гражданский Кодекс РСФСР 1922 не выделил фонд в качестве отдельного юридического лица. Идеология новой советской республики не позволяла создавать организации, направленные на достижение общественно-полезных целей, основанные на частной инициативе.

В ст. 15 ГК РСФСР 1922 года указано, что частные учреждения с правами юридических лиц, как-то: больницы, музеи, ученые учреждения, публичные библиотеки и т.д., могут быть учреждаемы только с разрешения соответственных органов власти.

Гражданский кодекс РСФСР 1964 года также не содержал положений, посвященных организационно-правовым формам, хотя бы отдаленно напоминающим общественно-полезные фонды. Руководствуясь нормами социалистической Конституции, Гражданский кодекс РСФСР регулировал общественные отношения, основанные на плановой экономике, и, в связи с этим регулирование фондов являлось излишним.

Распад СССР повлиял не только на политическое устройство общества, но и коренным образом изменил общественные отношения. Рыночная экономика сменила плановую.

После распада СССР государство предоставило гражданам частную инициативу. Частная инициатива, предоставленная новым государством, выражалась не только в свободном участии в рыночных отношениях, но и в праве на создание некоммерческих организаций, преследующих цели, установленные в их учредительных документах. Конституция Российской Федерации 1993 года в ч. 2 ст. 8 установила, что в Российской Федерации признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности.

Фонд, как некоммерческое юридическое лицо в его общеевропейском понимании, появился в гражданском законодательстве в 1994 году с вступлением в законную силу Федерального закона от 30.11.1994 № 52-ФЗ. Новая организационно-правовая форма вызвала неподдельный интерес как со стороны общества, так и со стороны представителей научного сообщества. Так, в комментарии к Гражданскому кодексу РФ под редакцией О.Н. Садикова указано, что в зависимости от целей деятельности возможно создание фондов различных видов, имеющих особенности в правовом статусе. В частности, фонд может рассматриваться как одна из организационно-правовых форм общественных объединений и действовать в соответствии с Законом об общественных объединениях.

Допускается учреждение фондов в качестве благотворительных организаций [5].

Таким образом, декларативные утверждения о равенстве форм собственности нашли свое отражение в основном законе нового государства, предоставив гражданам право на создание юридических лиц, основанных на частной инициативе.

В рамках раздела работы, посвященного социально-экономическому назначению личного фонда, нельзя не обратиться к истории появления в России института доверительного управления имуществом. Институт доверительного управления имуществом является отечественной переработкой института англо-американского траста. В чем выражалась необходимость в столь быстром введении в отечественное законодательство столь несвойственного для континентальной системы права института?

Л.Ю. Михеева выделяет следующие предпосылки появления в российском законодательстве института доверительного управления имуществом:

1. «Необходимость правового оформления новых экономических отношений, стихийно складывающихся под влиянием зарубежного опыта;
2. Необходимость поиска новых эффективных форм управления государственным имуществом;
3. Существование в отечественной правовой традиции устойчивых форм управления государственным имуществом;
4. Наличие определенного опыта в регулировании отношений с участием лица, управляющего имуществом в чужих интересах» [6].

Ю.Ю. Шубкина в работе, посвященной истории становления института доверительного управления имуществом в российском праве, отмечает, что «термины «доверительная собственность», «траст», «доверительное управление», «коммерческое управление», появились в российском законодательстве в начале 90-х годов. Впервые о трасте упомянул Закон РСФСР «О банках и банковской деятельности в РСФСР», так в п. «л» ст. 5 было указано, что банки вправе «привлекать и размещать средства и управлять ценными бумагами по поручению клиентов» [7]. Закон РСФСР «О банках и банковской деятельности» не вводил напрямую институт траста в законодательство. Окончательный распад СССР и появление Российской Федерации нового государства, основанного на рыночной экономике, позволило в 1993 году Б.Н. Ельцину своим указом ввести институт траста в российское законодательство.

Указ Президента РФ № 2296 пунктом 1 вводил в гражданское законодательство институт доверительной собственности (траст). В пункте 3 Указа Президента РФ № 2296 дает правовую характеристику траста. Так, при учреждении траста учредитель передает имущество и имущественные права, принадлежащие ему в силу права собственности, на определенный срок доверительному собственнику, а доверительный собственник обязан осуществлять право собственности на доверенное

ему имущество исключительно в интересах бенефициара.

Таким образом, Указ не только ввел новый правовой институт, но и коренным образом изменил классическую концепцию права собственности.

Очевидно, что появление данного института вызывало проблемы не только теоретического, но и практического характера.

Полагаем, что введение в российское законодательство института траста, обремененного «расщепленной собственностью», было с одной стороны преждевременным, а с другой стороны опасно для молодого государства, делающего «первые шаги» в построении рыночной экономики.

С данным утверждением соглашается С.Г. Колесникова. В статье, посвященной доверительной собственности, автор обращает внимание на то, что «в начале 1990-х годов не пришло время для столь решительных перемен в российском законодательстве, как введение траста. Общество не достигло требуемого уровня стабильности в развитии экономики, уже была разрушена социалистическая система управления, но еще не оформилась система, способная обеспечивать должный контроль над рыночными отношениями» [8].

Очевидно, что столь неоднозначный институт не мог продолжить свое существование в том виде, в котором он представлен в Указе.

Указ утратил свою юридическую силу с вступлением части второй ГК РФ из-за его явного противоречия ст. 209 ГК РФ и п. 1. ст. 1012 ГК РФ.

О соотношении института доверительного управления имуществом, регулируемого положениями главы 53 ГК РФ, и личным фондом будет отдельно упомянуто в разделе 1.2 настоящей работы.

Поскольку личный фонд является разновидностью некоммерческих фондов, то важно обратиться к истории появления фондов России, поскольку данная организационно-правовая форма по-настоящему «раскрыла» себя только после распада СССР с появлением «частной инициативы».

В России в 90-х года XX века действовали организации, которые именовались фондами, но по своей правовой природе ими не являлись, поскольку они были созданы в формах учреждения [9]. Российское гражданское законодательство на протяжении долгого времени не знало такой организационно-правовой формы как фонд, и только благодаря становлению рыночной экономики в российском гражданском законодательстве появилась эта новая организационно-правовая форма некоммерческой организации. В отличие от российского законодательства, в зарубежном законодательстве эта организационно-правовая форма существует длительное время.

Фонд (англ. Foundation, фр. foundation, нем. Stiftung) известен всем основным континентально-европейским юрисдикциям [10].

Европейский правовой порядок допускает создание фонда как для общественно-полезных целей, так и для частных целей, то есть для обеспечения бла-

госостояния определенных частных лиц. Однако многие континентально-европейские юрисдикции отрицательно относятся к идее создания «частных фондов», допуская лишь создание таких фондов, деятельность которых направлена на общественную пользу.

Ограничение целей фонда общественно-полезными целями, а настоящее время свойственно, как правило, правовым порядкам романской группы (Франция, Испания, Португалия), а также многим восточно-европейским правовым порядкам [11].

Полагаем, что столь консервативная позиция по отношению к фонду в правовых порядках романской группы вызвана тем, что стремительное введение трасто-подобных «образований» может не укрепить рыночные отношения, а наоборот дестабилизировать их. Законодатель в европейских странах всегда находится в поиске оптимальных юридических конструкций, отвечающих на запросы представителей бизнеса, но между тем, видит определенные риски в смешении фонда и «траста».

Российский законодатель в настоящее время считает, что организационно-правовая форма фонда наиболее подходящая правовая конструкция, на основе которой можно ввести в российское законодательство «трасто-подобную» юридическую конструкцию.

Появление личного фонда в российском законодательстве открыло новую страницу для российского права, поскольку данная организационно-правовая форма содержит в себе инструменты правового воздействия, не свойственные праву романо-германской правовой семьи.

В рамках настоящей статьи автор пришел к следующим выводам:

1. Установлено, что представители крупного бизнеса на протяжении долгого времени нуждались в организационно-правовой форме, предусматривающей передачу собственности в руки «опытных управленцев»;
2. Доказано, что конструкция фонда как некоммерческой организации появилась в российском законодательстве только в 90-х годах XX века;
3. Доказано, что введение траста в законодательство РФ было преждевременным и вызывало проблемы как теоретического, так и практического характера;
4. Установлено, что институт доверительного управления имуществом в силу законодательных ограничений не стал популярным у представителей крупного бизнеса.

Литература

1. Современное корпоративное право: актуальные проблемы теории и практики: монография / О.А. Беляева, С.А. Бурлаков, М.М. Вильданова и др.; отв. ред. О.В. Гутников. Москва: ИЗиСП, Статут, 2021. С. 169
2. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) /

Т.Е. Абова, А.Л. Алферов, З.С. Беляева и др.; под ред. Т.Е. Абовой, А.Ю. Кабалкина. М.: Юрайт, 2004. С. 161

3. История российских гражданских законов. Ч. 2. Кн. 2: Об имуществвах. Разд. 1: Об имуществвах вообще; Разд. 2: О правах на вещи. – 1857.
4. Заикин Д.П. Гражданско-правовой статус фонда в Российской Федерации: дис. канд. юрид. наук. М., 2021. С. 4
5. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (части первой) (постатейный) / Г.Е. Авилов, В.В. Безбах, М.И. Брагинский и др.; под ред. О.Н. Садикова. М.: КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 1997. XXII, С. 145.
6. Михеева Л.Ю. Доверительное управление имуществом. Комментарий законодательства // СПС КонсультантПлюс. 2001. С. 17
7. Шубкина Ю.Ю. История становления института доверительного управления имуществом в российском праве «История государства и права», 2008, № 6 С. 3.
8. О доверительной собственности (трасте), или 15 лет спустя (С.Г. Колесникова, «Закон», № 10, октябрь 2007 г. С. 1).
9. Наследственное право: постатейный комментарий к статьям 1110–1185, 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации / Р.С. Бевзенко, С.Л. Будылин, Е.В. Кожевина и др.; отв. ред. Е.Ю. Петров. М.: М-Логос, 2018. с. 363.
10. Постановление Правительства РФ от 4 ноября 1993 г. «Об образовании фонда взаимопонимания и примирения» «О российском гуманитарном научном фонде».
11. Заикин Д.П. Гражданско-правовой статус дестинаторов частно-полезного фонда // Вестник гражданского права. 2021. № 5. С. 6

THE LEGAL NATURE OF A PERSONAL FUND IN RUSSIAN LAW

Volokitin I.I.

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

The article deals with issues related to the study of the legal nature of a personal fund in accordance with the legislation of the Russian Federation. The author of the article used a comparative method to substantiate the assertion that the organizational and legal form of a personal fund is a “trust-like” form, since it contains functional features comparable to the institution of trust management of property. The author of the article pays special attention to the history of the foundation in the Russian Federation as a non-profit organization, since a personal foundation is a kind of foundation in the “broad sense”. The author of the article found that the institution of trust management of property, due to legislative restrictions, did not become popular with representatives of large businesses, and that is why the Russian legislator has been looking for an optimal organizational and legal form, reminiscent of an Anglo-American trust, for a long time.

Keywords: non-profit organizations, civil law, trust management, personal fund, hereditary fund.

References

1. Modern corporate law: actual problems of theory and practice: monograph / O.A. Belyaeva, S.A. Burlakov, M.M. Vildanova and others; resp. ed. O.V. Gutnikov. Moscow: IZISP, Statute, 2021, p. 169
2. Commentary on the Civil Code of the Russian Federation, part one (item-by-article) / T.E. Abova, A.L. Alferov, Z.S. Belyaeva and others; ed. THOSE. Abova, A. Yu. Kabalkin. M.: Yurayt, 2004. S. 161
3. History of Russian civil laws. Part 2. Book. 2: About the properties. Sec. 1: About properties in general; Sec. 2: About the rights to things. – 1857.
4. Zaikin D.P. Civil law status of the fund in the Russian Federation: dis. cand. legal Sciences. M., 2021. S. 4
5. Commentary on the Civil Code of the Russian Federation (part one) (item-by-article) / G.E. Avilov, V.V. Bezbakh, M.I. Braginsky and others; ed. HE. Sadikov. M.: KONTRAKT, INFRA-M, 1997. XXII, S. 145.
6. Mikheeva L. Yu. Trust management of property. Legislative commentary // SPS ConsultantPlus. 2001, p. 17
7. Shubkina Yu. Yu. The history of the formation of the institution of trust management of property in Russian law “History of State and Law”, 2008, No. 6 P. 3.
8. On trust property (trust), or 15 years later (S.G. Kolesnikova, “Zakon”, No. 10, October 2007, p. 1).
9. Inheritance law: article-by-article commentary on articles 1110–1185, 1224 of the Civil Code of the Russian Federation / R.S. Bevzenko, S.L. Budylin, E.V. Kogevin and others; resp. ed. E. Yu. Petrov. M.: M-Logos, 2018. p. 363.
10. Decree of the Government of the Russian Federation of November 4, 1993 “On the Formation of a Fund for Mutual Understanding and Reconciliation” “On the Russian Humanitarian Scientific Fund”.
11. Zaikin D.P. Civil law status of destinators of a privately useful fund // Bulletin of Civil Law. 2021. No. 5. P. 6

Воронин Дмитрий Вадимович,

аспирант, кафедры гражданского права и процесса,
Международный юридический институт
E-mail: d@voronin.online

Статья посвящена актуальным вопросам правового положения помощника арбитражного управляющего в Российской Федерации; современному регулированию правового положения помощника арбитражного управляющего; порядку проведения стажировки арбитражного управляющего в саморегулируемой организации в качестве помощника; статусу арбитражного управляющего, его правам и обязанностям в процедуре банкротства; ответственности арбитражного управляющего перед кредиторами и иными лицами, участвующими в деле о банкротстве; проблематике прав, обязанностей и ответственности помощника арбитражного управляющего в условиях недостаточного правового регулирования; вопросам защиты прав и законных интересов кредиторов, должника и иных субъектов при взаимодействии с помощником арбитражного управляющего в процедурах банкротства; отдельным проблемам совершенствования законодательства в сфере банкротства в разрезе полномочий арбитражного управляющего и статуса его помощника.

Ключевые слова: арбитражный управляющий, помощник арбитражного управляющего, правовое положение, права и обязанности помощника арбитражного управляющего, ответственность помощника арбитражного управляющего, банкротство.

В современных реалиях гражданского оборота вопрос о регулировании правового статуса субъектов правоотношений в сфере банкротства связан с одной из актуальных проблем определения правового положения помощника арбитражного управляющего, внимание которому, как представляется, должно уделяться наряду непосредственно с арбитражным управляющим. Специфические вопросы управления в рамках банкротства взаимосвязаны в том числе и со сферой ответственности перед кредиторами должника, что невозможно без четкого определения прав и обязанностей субъектов.

Многозначность понятия «банкротства» отмечена и раскрыта рядом ученых-юристов. Так, в частности, В.Д. Суворов справедливо отмечает, что «банкротство может рассматриваться как управленческая модель» [7].

На наш взгляд представляется, что в рамках современной управленческой модели банкротства, имеющей внутри себя определенный субъектный состав и комплекс взаимосвязей, требуется определенное внимание уделить фигуре помощника арбитражного управляющего.

Безусловно фигура помощника арбитражного управляющего должна рассматриваться в соотношении со статусом самого арбитражного управляющего. Согласно п. 1 ст. 20 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» (далее по тексту – Закон о банкротстве) арбитражным управляющим признается гражданин Российской Федерации, являющийся членом одной из саморегулируемых организаций арбитражных управляющих [8]. Как верно отмечается в юридической литературе, «данное требование связано с тем, что арбитражный управляющий является субъектом профессиональной деятельности и осуществляет профессиональную деятельность в рамках частной практики, которая не является предпринимательской деятельностью» [5]. Проблематика участия в деле о банкротстве арбитражного управляющего широко и многоаспектно анализируется учеными, в том числе в рамках рассмотрения отдельных проблем в сфере банкротства юридического лица [6].

Наличие требования закона к лицу, желающему стать арбитражным управляющим, о том, что он должен пройти стажировку в качестве помощника арбитражного управляющего в деле о банкротстве, и такая стажировка должна продолжаться не менее чем два года, предполагает, как представляется, что проявление себя с профессиональной точки зрения в период такой стажировки должно быть близким к безупречному. В то же время контроль деятельности помощника арбитражного

управляющего в настоящий условиях правового регулирования призван осуществлять лишь непосредственно арбитражный управляющий и косвенно саморегулируемая организация. При этом в деле о банкротстве осуществляется и прямое взаимодействие помощника арбитражного управляющего с кредиторами и иными субъектами. Вопрос защиты их прав и законных интересов несомненно важен с учетом необходимости соблюдения основополагающего принципа соблюдения баланса интересов участников гражданского оборота.

Специфический правовой статус самого арбитражного управляющего всесторонне исследуется в юридической литературе. В частности, например, Е.А. Ефимченко [3] характеризует арбитражного управляющего в качестве специфического субъекта гражданских правоотношений, который в период несостоятельности должника принимает непосредственное участие в осуществлении сделок с имуществом должника, а также в удовлетворении за счет реализации этого имущества требований кредиторов и выполнении ряда организационных мероприятий, связанных с имущественными отношениями и направленными на реализацию процедур банкротства. Отметим, что многие ученые отмечают двойкий, как материально-правовой, так и процессуальный статус арбитражного управляющего. Процедуры банкротства, при этом, не являются единственной сферой, в которой может присутствовать и совершать соответствующие действия арбитражный управляющий.

Арбитражный управляющий как субъект может рассматриваться шире его участия в процедурах банкротства. Важно при этом упомянуть, что фигура арбитражного управляющего, а, следовательно, и фигура помощника арбитражного управляющего может возникать и в рамках реорганизации и ликвидации юридического лица. Эту существенную особенность в своих трудах отмечает, в частности, видный отечественный цивилист Е.В. Богданов, указывая, что в таких случаях «к деятельности арбитражных управляющих юридическим лицом отдельные положения Закона о банкротстве могут применяться лишь по аналогии закона» [1].

Данный аспект в рамках анализа правового положения помощника арбитражного управляющего в свою очередь показывает более широкую область, охватываемую возможностью его участия. Само же правовое положение помощника арбитражного управляющего следует рассматривать комплексно в различных правоотношениях. Проблема с точки зрения правового регулирования, так же, как и в отношении арбитражного управляющего состоит в том числе и в том, что регулирования осуществляется только в рамках норм банкротного права.

Порядок проведения стажировки будущего арбитражного управляющего в качестве помощника регулируется соответствующим Федеральным стандартом, утвержденным Приказом Минэкономразвития № 799 [9]. При этом согласно данному нормативному правовому акту саморегулиру-

емая организация, безусловно не в противоречии с требованиями самого Федерального стандарта, самостоятельно устанавливает перечни документов, которые лицо, желающее пройти в ней стажировку должно предоставить для подтверждения своего соответствия конкретным установленным требованиям. В юридической литературе справедливо ставится вопрос и о повышении квалификационных к требований к арбитражному управляющему. В частности, такой позиции придерживается Е.П. Ехлаков [4].

Весьма важно, что в силу пункта 9 вышеуказанного Федерального стандарта «саморегулируемая организация арбитражных управляющих обеспечивает помощнику арбитражного управляющего возможность получения всех практических навыков» [9]. Представляется, что данное положение стандарта имеет ключевое значение с точки зрения предоставления возможности помощнику арбитражного управляющего участвовать на всех стадиях и во всех процедурах банкротства, и взаимодействовать, в том числе не только в присутствии арбитражного управляющего, но и без такового, с кредиторами должника.

При этом существенно, что помощник арбитражного управляющего, как и сам арбитражный управляющий получает в том числе доступ к конфиденциальной коммерческой информации в рамках осуществления анализа финансового состояния должника, а также определенных результатов финансовой, хозяйственной, инвестиционной деятельности должника. Также элементы коммерческой тайны поступают в доступ помощника арбитражного управляющего в рамках реализации мероприятий, которые предусматриваются соответствующим планом внешнего управления.

Видится не вполне обоснованным положение о том, что помощник арбитражного управляющего имеет право прекратить прохождение стажировки в любое желаемое ему время без каких-либо дополнительных обязательств о неразглашении ставшей ему известной информации и ответственности за ее разглашение. Данный вопрос требует своей разработки на нормативном уровне.

Думается, что отсутствие закрепления в законе непосредственной ответственности помощника арбитражного управляющего перед кредиторами, на данном этапе является определенным недостатком правового регулирования. Так, помощник арбитражного управляющего непосредственно участвует в организации либо организует проведение торгов по продаже предприятия должника, в том числе, когда торги проводятся в электронной форме. Ввиду того, что здесь могут быть затронуты права и законные интересы как должника, так и кредиторов, так и иных субъектов, мы видим насущную необходимость конкретизации прав помощника арбитражного управляющего на уровне закона. Подобная же ситуация складывается и при осуществлении мер по обеспечению сохранности имущества соответствующего должника.

Следует отметить, что обход законом вопроса о конкретных правах, обязанностях и ответственности помощника арбитражного управляющего видится не соответствующим требованиям современного как материального, так и процессуального права. В результате определенной неконкретности можно говорить о недостаточной защищенности прав и законных интересов кредиторов и должника, а также и самого арбитражного управляющего. Кроме того, арбитражный управляющий, не имея всеобъемлющего нормативного инструментария, вынужден осуществлять делегирование полномочий лицу (своему помощнику), который в свою очередь не несет существенных рисков, при этом помощник имеет доступ к крупным пластам информации и имеет в силу закона и федеральных стандартов право осуществлять широкий круг действий. Безусловно, с практической точки зрения контроль со стороны арбитражного управляющего надлежит быть, но его всеобъемлющий характер не всегда возможен.

Так, арбитражный управляющий согласно ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» имеет комплекс прав и обязанностей, неисполнение последних может повлечь соответствующее привлечение в том числе к гражданско-правовой ответственности. Такая ответственность для помощника арбитражного управляющего отсутствует. Говоря о необходимости закрепления гражданско-правовой ответственности помощника арбитражного управляющего за свои действия, следует затронуть вопрос о возможном расширении и конкретизации его прав и обязанностей. Установление его конкретных полномочий, которые ему могут быть делегированы арбитражным управляющим, с наделением его субъектным статусом наряду с арбитражным управляющим, как представляется, отвечает насущным требованиям современной практики их деятельности при банкротстве юридического лица. Такой подход призван привести современное банкротное законодательство в более стройную логику и в должной мере обеспечить права и законные интересы всех участников правоотношений при банкротстве.

Наличие специфического правового статуса арбитражного управляющего, как представляется, не исключает возможности придания субъектности помощнику арбитражного управляющего. С точки зрения действующего законодательства вопрос придания субъектности помощнику арбитражному управляющему является весьма проблемным. В то же время помощник арбитражного управляющего может негативно проявить себя в период работы по трудовому или гражданско-правовому договору с арбитражным управляющим, и своими действиями причинить вред кредиторам юридического лица, находящегося в процедурах банкротства. Тем не менее, каким образом зарекомендовало себя лицо в качестве помощника арбитражного управляющего, лишь косвенно влияет на его возможность стать арбитражным управляющим в будущем. Такая ситуация, не отвечает в полной

мере цели устойчивости гражданского оборота и цели защищенности прав и законных интересов лиц, которые будут привлекать его после приобретения статуса арбитражного управляющего для сопровождения процедур банкротства.

Согласно п. 4 ст. 20.3 Закона о банкротстве при проведении процедур, применяемых в деле о банкротстве, арбитражный управляющий обязан действовать добросовестно и разумно в интересах должника, кредиторов и общества. Общие принципы добросовестности и разумности, безусловно, распространяют свое действие и на его помощника, однако, напрямую сходных обязанностей для помощника арбитражного управляющего в законе не закреплено.

Вопросы некоторой пробельности законодательства в сфере правового положения помощника арбитражного управляющего весьма существенны, прежде всего, с точки зрения обеспечения правовой охраны прав и законных интересов кредиторов в процедурах банкротства.

Возникает вопрос, наделен ли помощник арбитражного управляющего определенными правами. И речь идет о правах не только в рамках отношений с направившей его на стажировку саморегулируемой организацией, что безусловно важно, но не относится в настоящий момент к фокусу нашего внимания. Следует обратить внимание на существование прав помощника арбитражного управляющего по отношению к участникам процедур банкротства. Данная проблема является практически значимой и стыкуется со сферой ответственности за ненадлежащее исполнение своих обязанностей. Ненадлежащее исполнение или полное неисполнение помощником арбитражного управляющего его обязанностей, предусмотренных вышеназванным федеральным стандартом, является лишь основанием для возможного принятия решения саморегулируемой организацией о прекращении стажировки такого лица досрочно.

Видится, что сведение данного вопроса к дисциплинарной сфере регулирования не отвечает требованиям современного имущественного оборота. Можно сделать вывод, что на основании федеральных стандартов все же присутствует определенное нормативное наделение в процедурах банкротства помощника арбитражного управляющего определенными правами при осуществлении действий.

Говоря о правовой категории субъективного права, следует отметить, что оно предполагает субъектность его носителя. Как емко и справедливо отмечал классик отечественной цивилистики В.П. Грибанов: «Всякое субъективное право представляет собой определенную меру возможного поведения управомоченного лица. Осуществление же субъективного права есть реализация этих возможностей. А из этого следует, что различие между содержанием субъективного права и его осуществлением состоит прежде всего в том, что содержание субъективного права включает в себя лишь возможное поведение управомоченного

лица, тогда как осуществление права есть совершение реальных, конкретных действий, связанных с превращением этой возможности в действительность». [2].

Представляется, что конструкция производности прав помощника арбитражного управляющего от прав арбитражного управляющего с практической точки зрения не снимает остроту возникающих вопросов. Если считать помощника арбитражного управляющего только работником арбитражного управляющего либо только лицом, выполняющим свои функции на ином правовом основании, а именно, на основании локального акта саморегулируемой организации, то насущный вопрос его правового положения остается не решенным.

В частности, возникает вопрос о возможности обжалования кредиторами должника и иными заинтересованными лицами действий помощника арбитражного управляющего. Если помощник арбитражного управляющего не наделен законом субъектностью в процедурах банкротства, то возможность обжалования может быть безусловно поставлена под вопрос. Право же обжалования действий арбитражного управляющего законодательством закрепляется.

Несмотря на определенную революционность предлагаемого подхода, видится, что развитие имущественного, в том числе информационного оборота показывает, что необходимость более существенного внимания к правовому положению помощника арбитражного управляющего, детализации его прав и обязанностей назрела. Видится насущная необходимость постановки вопроса о придании субъектности помощнику арбитражного управляющего, наряду с арбитражным управляющим, на нормативном уровне. При этом правовое положение помощника арбитражного управляющего следует рассматривать комплексно в различных правоотношениях.

Литература

1. Богданов Е.В. Правовое положение арбитражного управляющего юридическим лицом. // Гражданское право. М. 2015. № 1.
2. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М. 2000.
3. Ефимченко Е.А. Некоторые аспекты правового положения арбитражного управляющего // Защита прав человека отраслями российского права: Материалы VI межвузовской и IV Всероссийской научно-практической конференции студентов и молодых ученых, Волгоград, 10.12.2013 / отв. ред.: М.С. Мережкина; НОУ ВПО «Институт управления». Волгоград: Вологодский филиал ФГБОУ ВПО «РАНХиГС». 2014.
4. Ехлаков Е.П. Проблемы и перспективы правового регулирования деятельности арбитражного управляющего в рамках осуществления процедур банкротства. // Право и политика. 2022. № 5.
5. Наскин А.А., Новикова А.А. Арбитражный управляющий в системе принятия решений коммерческой организации // Электронный журнал «Концепт». 2017. Т. 4. // <http://e-koncept.ru/2017/770349.htm>. Дата обращения 18.02.2023.
6. Середа И.М., Середа А.Г. Механизм правового регулирования отношений, возникающих в связи с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве. Монография. М. 2020.
7. Суворов Е.Д. К вопросу о понятии банкротства. // Lex russica. 2020. Т. 73. № 11.
8. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26 октября 2002 года N 127-ФЗ // Российская газета. N 209–210. 2002.
9. Приказ Минэкономразвития России от 18.12.2012 N 799 «Об утверждении Федерального стандарта деятельности саморегулируемых организаций арбитражных управляющих «Правила проведения стажировки в качестве помощника арбитражного управляющего» // Российская газета», N 303, 31.12.2012.

TO THE QUESTION OF THE LEGAL STATUS OF THE ASSISTANT TO AN INSOLVENCY PRACTITIONER

Voronin D.V.

International Law Institute

The article is devoted to current issues of the legal status of the assistant to the insolvency practitioner in the Russian Federation; current regulation of the legal status of the assistant to the insolvency practitioner; the procedure for training as an assistant to the insolvency practitioner in the self-regulating organization; the status of the insolvency practitioner, his rights and obligations in bankruptcy proceedings; responsibility of the insolvency practitioner to creditors and other persons participating in the bankruptcy proceedings; the rights, obligations and responsibilities of the insolvency practitioner in the bankruptcy proceedings.

Keywords: insolvency practitioner, assistant insolvency practitioner, legal status, rights and duties of assistant insolvency practitioner, responsibility of assistant insolvency practitioner, bankruptcy.

References

1. Bogdanov E.V. Legal status of the arbitration manager of a legal person. // Civil law. M. 2015. № 1.
2. Griбанov V.P. Implementation and protection of civil rights. M. 2000.
3. Efimchenko E.A. Some aspects of the legal position of the arbitration manager // Protection of human rights by branches of Russian law: Materials of the VI interuniversity and IV All-Russian scientific-practical conference of students and young scientists, Volgograd. 10.12.2013 / author: M.S. Merezhkina; NOU VPO "Institute of Management". Volgograd: Volodga branch of Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education "Russian Academy of National Economy and Public Administration". 2014.
4. Ekhlaков E.P. Problems and prospects of legal regulation of the activities of the arbitration manager in the implementation of bankruptcy procedures. // Law and politics. 2022. № 5.
5. Naskin A.A., Novikova A.A. Arbitration manager in the system of decision-making of the commercial organization // Electronic Journal "Concept". 2017. VOL. 4. // <http://e-koncept.ru/2017/770349.htm>. Date of reference 18.02.2023.
6. Sereda I.M., Sereda A.G. Mechanism of legal regulation of relations arising in connection with bringing the debtor's controlling persons to responsibility in bankruptcy. Monograph. M. 2020.
7. Suvorov E.D. To the question of the concept of bankruptcy. // Lex russica. 2020. T. 73. № 11.

8. On insolvency (bankruptcy): Federal Law of October 26, 2002 N 127-FZ // Rossiyskaya Gazeta. N 209–210. 2002.
9. Order of the Ministry of Economic Development of Russia from 18.12.2012 N 799 "On approving the Federal standard

of self-regulatory organizations of arbitration managers "Rules for training as an assistant arbitration manager" // Rossiyskaya Gazeta, N 303, 31.12.2012.

Особенности правового регулирования трансграничной несостоятельности физических лиц в странах ЕС

Долгих Дмитрий Олегович,

студент очного юридического факультета, Российский государственный университет правосудия
E-mail: ddolgihh@gmail.com

Статья посвящена анализу правового регулирования трансграничной несостоятельности физических лиц в государствах-членах Европейского Союза. В сфере правового регулирования несостоятельности возникают серьезные трудности, когда появляется иностранный элемент. В такой ситуации, важнейшим вопросом является разрешение коллизий между правовыми системами, когда дело о банкротстве связано с разными правовыми порядками, по вопросам юрисдикции, выбора права, признания и исполнения судебных или арбитражных решений. В последние десятилетия были разработаны ряд инициатив, как на национальном, так и на региональном уровнях по решению проблем, связанных с трансграничной несостоятельностью. Они возникают в силу сложности того факта, что такие дела содержат иностранный элемент (т.е. дело о несостоятельности не может быть четко привязано к конкретной стране и ее правовой системе). Различные элементы трансграничных отношений, расположенные в разных местах (государствах), означают, что дело о несостоятельности может быть открыто более чем в одной стране. Законодательство о несостоятельности является своего рода «метазаконом» (отменяющим договорные, имущественные и другие юридические права, существующие вне несостоятельности). В деле о несостоятельности часто участвуют различные группы заинтересованных лиц различной природы с потенциально противоречивыми интересами. Когда это происходит на многонациональном уровне, результатом, безусловно, может стать «юрисдикционный кошмар».

Ключевые слова: трансграничное банкротство физических лиц, ЕС, COMI, domicile, habitual residence.

Для изучения и понимания проблемы юрисдикции персональных банкротств, необходимо проанализировать роль центра основных интересов должника (COMI) с точки зрения его применения по отношению к персональным банкротствам.

В соответствии со ст. 3(1) Регламента 2015/848 (далее – Регламент), «Суды государства-члена ЕС, на территории которого располагается центр основных интересов должника, обладают юрисдикцией в отношении открытия процедуры банкротства («основной процедуры банкротства»)». Положение данной статьи играет ключевую роль, потому что первичный вопрос, который необходимо решать в любом деле о трансграничной несостоятельности, – это именно вопрос юрисдикции. С целью определения юрисдикции, государства исследуют определенные связующие факторы, позволяющие установить наиболее тесную связь между самим делом о трансграничной несостоятельности и государством, которое будет обладать юрисдикцией в отношении такого дела [1]. К таким факторам, как правило, относятся: постоянное место жительства (domicile), обычное место нахождения (место жительства) (habitual residence), место регистрации (seat of incorporation) и др [2].

Согласно ст. 3(1) Регламента, в качестве соответствующего критерия при установлении COMI лиц, осуществляющих самостоятельную предпринимательскую или профессиональную деятельность, выступает место осуществления экономической деятельности гражданина [1]. Такой выбор согласуется с тем фактом, что некоторые страны считают возможным возбуждение производства по делу о трансграничной несостоятельности в отношении индивидуальных предпринимателей, самозанятых и лиц, осуществляющих профессиональную деятельность, независимо от того, связана ли их несостоятельность с их коммерческой или профессиональной деятельностью или с их частной жизнью. Кроме того, такой выбор связан и с тем, что он не противоречит идее о том, что третьи стороны должны иметь возможность установить COMI. В связи с этим, необходимо рассмотреть решение по делу, вынесенное Федеральным судом Германии [3].

Должник, который проживал в Швеции и имел там юридическую контору, получал свой основной доход от деятельности в качестве председателя двух компаний, которые контролировались и управлялись из Пирны в Саксонии (Германия). Суд постановил, что, согласно установленной доктрине, COMI самозанятых лиц, предпринимателей и других специалистов находится по месту

осуществления их коммерческой деятельности. В данном конкретном случае COMI должника находился в Германии, поскольку он получал свой основной доход, исполняя обязанности председателя двух компаний, управление которыми осуществлялось из Пирны. Местонахождение его юридической конторы в Швеции не имело значения, поскольку не было никаких указаний на то, что он вел отсюда какую-либо экономическую деятельность.

Изучим другое дело, рассмотренное Федеральным судом Германии [4]. Должник был нотариусом в Мюнхене. Через несколько дней после того, как он был отстранен от должности нотариуса, кредитор подал заявление об открытии в отношении него производства по делу о несостоятельности в суд первой инстанции Мюнхена, который открыл предварительное производство по делу о несостоятельности. Должник подал апелляцию, утверждая, что суд не обладает юрисдикцией, поскольку он переехал в Лондон. Суд первой инстанции отклонил его апелляцию, поэтому он обратился в Федеральный суд Германии, который также отклонил его заявление. Федеральный суд постановил, что суд Мюнхена обладает юрисдикцией для возбуждения основного производства по делу о несостоятельности в отношении должника в соответствии со ст. 3(1) Регламента 1346. Суд заявил, что в случае с лицами, осуществляющими профессиональную деятельность, COMI находится по месту их деятельности и что тот факт, что должник приступил к работе в Лондоне после заявления об открытии производства по делу о несостоятельности, не имеет значения. Данное решение полностью согласуется с положением ст. 3(1) Регламента в связи с положением о том, что «центром основных интересов гражданина будет подразумеваться место осуществления экономической деятельности гражданина... если место осуществления экономической деятельности гражданина не было перенесено в другое государство-член ЕС в течение периода, равного 3 месяцам, до подачи заявления об открытии процедуры банкротства».

Статья 3(1) Регламента устанавливает, что связующий фактор «основного места деятельности» действует при отсутствии доказательств обратного (то есть существует презумпция). Однако по мнению ряда ученых, если один и тот же должник осуществлял свою деятельность во множестве разных мест, основное место его деятельности носит решающий характер [5].

Согласно ст. 3(1) место обычного проживания физического лица (место жительства гражданина) рассматривается как ключевой фактор при определении COMI физических лиц, не осуществляющих независимую предпринимательскую или профессиональную деятельность. Некоторые национальные законы устанавливают, что в отношении физических лиц, даже не занимающихся предпринимательской или профессиональной деятельностью, может быть начата процедура несостоятельности. Это так называемые потребители с чрезмерной задолженностью. Эти люди ведут частную жизнь,

в связи с этим трудно установить возможность их банкротства, а также – в ряде случаев – и их обычное место проживания. По этой причине в докладе Виргоса-Шмита упоминается «домициль» (постоянное место жительства), даже без его определения [6], а судебные органы в качестве альтернативы называют «обычный домициль» или обычное место жительства [7]. При этом, Регламент сделал выбор в пользу критерия обычного места жительства. Этот вариант представляется разумным, поскольку часто отмечалось, что понятие домичиля определяется разными государствами по-разному, в то время как понятие места жительства является более фактическим и, как таковое, более подходящим для использования. Более того, выбор критерия обычного места проживания соответствует более поздним тенденциям, возникающим на европейском уровне.

Суды, применяющие критерий обычного места жительства на момент действия Регламента 1346, выносили следующие решения. Рассмотрим, например, дело *Mme Y* [8]. Немецкий должник, работающий в ином государстве-члене, не во Франции, пытался открыть производство по делу о несостоятельности во Франции в Эльзас-Мозеле. Апелляционный суд города Кольмар постановил, что в принципе сам факт работы должника в другом государстве-члене не препятствует тому, чтобы его COMI находился во Франции, при условии, что наличие COMI во Франции может быть установлено третьими лицами. Однако в данном конкретном случае апелляционный суд отметил, что должник не представил достаточных доказательств, подтверждающих его реальное намерение создать центр основных интересов во Франции в долгосрочной перспективе, и в связи с этим апелляционный суд счел, что счета должника за коммунальные услуги (газ, электричество и телефон), которые свидетельствуют лишь об очень ограниченном присутствии во Франции, не являются достаточными доказательствами для установления COMI должника-физического лица во Франции. Поэтому суд отказался от своей юрисдикции.

Ст. 3(1) гласит, что связующий фактор «место обычного проживания физического лица (место жительства гражданина)» действует при отсутствии доказательств обратного. В параграфе 30 Преамбулы указываются возможные основания опровержения презумпции нахождения COMI в обычном месте проживания физического лица: «если, например, основная часть имущества должника расположена за пределами государства-члена ЕС, в котором расположен его адрес места проживания, или если будет установлено, что основной причиной для переезда явилось получение возможности инициировать процедуру банкротства в новой юрисдикции, при условии, что такое изменение места открытия процедуры банкротства существенно нарушит интересы кредиторов, чьи отношения с должником возникли до переезда на другое место».

Первая причина для опровержения кажется очевидной, поскольку для кредиторов гораздо удобнее открыть основное производство там, где находится большая часть активов должника. Тем не менее, эту часть параграфа 30 следует рассматривать через призму определения COMI, которое требует, как уже неоднократно подчеркивалось, чтобы место открытия основного производства могло быть установлено третьими лицами (ст. 3(1)). Это означает, что фраза «если основная часть имущества должника расположена за пределами государства-члена ЕС, в котором расположен его адрес места проживания» должна быть истолкована как устанавливающая оговорку, что это место может быть установлено третьими лицами.

Вторая причина для опровержения, безусловно, более соответствует целям Регламента. Эта часть параграфа 30 соответствует определению COMI и параграфу 5, устанавливающему, что «для надлежащего функционирования внутреннего рынка необходимо избежать возможности возникновения побуждающих мотивов для перевода активов или места судебного разбирательства из одного государства-члена ЕС в другое для получения более благоприятного правового положения в ущерб главному органу кредиторов (*forum shopping*)»; и подтверждает позицию Эйденмюллера, который проводит различие между нейтральным «*forum shopping*» и «*forum shopping*», который снижает стоимость активов должника или приносит выгоду должнику за счет его кредиторов или одним кредиторам за счет других [9].

Важным является положение Ст. 3(1), которое гласит: «будет применяться только в том случае, если место жительства гражданина не было перенесено в другое государство-член ЕС в течение периода, равного 6 месяцам, до подачи заявления об открытии процедуры банкротства». Это положение напрямую связано с предотвращением использования концепции «*forum shopping*».

Параграф 9 Преамбулы Регламента ЕС 2015/848 (далее – Регламент) допускает максимально широкое толкование субъектной сферы применения, гарантируя, что Регламент применяется как к физическим, так и к юридическим лицам, а также как к торговым компаниям, так и к индивидуальным хозяйствам. Однако реализация этого широкого толкования зависит от соответствия национальных процедур банкротства, перечисленных в Приложении А Регламента, такой сфере применения. Есть две проблемы, которые необходимо учитывать при анализе того, почему Регламент не имеет такой всеобъемлющей субъектной сферы, как можно было бы предположить, исходя из текста параграфа 9.

Во-первых, не все процедуры банкротства указаны в Приложении А, а если они не указаны в Приложении А, то заинтересованные должники по таким процедурам не подпадают под действие Регламента (к данному выводу пришел Суд ЕС в деле *Ulf Kazimierz Radziejewski v Kronofogdemyndigheten i Stockholm*) [10]. Однако в государствах-членах ЕС

существует широкий спектр банкротных процедур, которые касаются различных ситуаций, в частности, различные процедуры банкротства используются в отношении физических и юридических лиц, а также в отношении предпринимателей и потребителей (то есть физических лиц, не занимающихся коммерческой деятельностью и не являющихся предпринимателями). Некоторые государства вообще не имеют процедур банкротства в отношении физических лиц. В других странах существуют комплексные персональные процедуры банкротства, которые распространяются на самозанятых, индивидуальных предпринимателей и потребителей. Третья группа имеет отдельную процедуру банкротства только для потребителей, а в отношении самозанятых и индивидуальных предпринимателей в таких государствах применяется процедура банкротства компаний. Последняя группа имеет отдельные процедуры банкротства для потребителей, самозанятых и индивидуальных предпринимателей [11]. Это разнообразие отражает различные правовые концепции, свойственные различным государствам-членам, некоторые из которых могут быть не лучшим образом реализованы в рамках системы Регламента. Например, хотя во Франции существует специальная процедура, касающаяся чрезмерной задолженности потребителей, французское правительство намеренно воздержалось от включения его в Приложение А [1].

Кроме того, сохраняются политические споры относительно того, где именно должны находиться границы субъектной сферы действия Регламента. В консультации Европейской Комиссии (далее – Комиссия) по реформе, 49% респондентов согласились с тем, что Регламент должен применяться к частным лицам, 34% не согласились, в то время как оставшиеся выступали за исключение из сферы применения только потребителей [11]. Кроме того, по смыслу разъяснения Комиссии, Регламент в его новой форме ориентирован на предпринимательскую деятельность и касается «модернизации правил ЕС о несостоятельности в целях содействия выживанию предприятий и предоставления предпринимателям второго шанса», «предоставления предпринимателям второго шанса на возобновление жизнеспособных предприятий и гарантирования занятости» и «необходимости создания более благоприятных условий для предпринимательской деятельности» [11].

Это далее отражено в параграфе 4 Преамбулы Регламента, который начинается словами: «Деятельность предприятий имеет все более возрастающую долю трансграничных последствий...». С учетом этих целей и сосредоточения внимания на субъектах предпринимательской деятельности, ограничение субъектной сферы применения Регламента исключительно лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность, может рассматриваться как возможное. Вместе с тем следует еще раз подчеркнуть, что основное внимание в Регламенте уделяется гибкости и уважительно-му отношению к системам государств-членов ЕС.

Некоторые европейские системы ориентированы на деловые круги, в то время как другие имеют более широкую сферу охвата, и Регламент позволяет каждому государству приносить в европейскую систему выбранные ими субъектные рамки. Например, в бельгийском законодательстве проводится различие между предпринимателями и потребителями, но конкретные процедуры банкротства в отношении потребителей (процедура коллективного списания долгов) все же перечислены в Приложении А [1]. В принципе, хотя открытие процедур банкротства в отношении потребителей на практике происходит гораздо реже, нежели чем в отношении компаний, индивидуальных предпринимателей и самозанятых, в случае открытия таких процедур потребители несут такую же ответственность, как и другие субъекты. Таким образом, можно привести веские аргументы в пользу того, что Регламент должен обеспечивать включение потребителей в его субъектную сферу применения. Однако однозначное включение потребителей в перечень субъектов, на которых распространяется действие Регламента, противоречило бы идее, лежащей в его основе – идее сохранения многообразия подходов, характерных для банкротного законодательства государств-членов.

К числу других вопросов субъектной сферы применения Регламента относятся: положение государственных органов, которые часто имеют свои собственные нормативные акты, положение корпоративных групп, в связи с которым возникает ряд особых вопросов, и исключения, изложенные в статье 1(2) Регламента: некоторые страховые организации, кредитные учреждения, инвестиционные фирмы и другие фирмы, учреждения и предприятия в той мере, в какой они подпадают под действие Директивы Европейского парламента и Совета Европейского Союза 2001/24/ЕС от 4 апреля 2001 г. О реорганизации и прекращении деятельности кредитных организаций, а также предприятия коллективного инвестирования.

Актуальность вопроса субъектной сферы применения Регламента для практиков может быть ограниченной: споры о материальных рамках, безусловно, породили больше прецедентного права. Поскольку в статье 7(2)(а) Регламента предусматривается, что законодательство государства, в котором было открыто производство, определяет, против каких должников может быть инициирована процедура банкротства, специалисты-практики в этих государствах могут просто обратиться к своему собственному законодательству для правильного решения вопроса субъектной сферы применения Регламента. Однако практикующим специалистам, возможно, придется уделить более пристальное внимание данному вопросу, если рассматриваемое дело касается признания иностранного производства по делу о несостоятельности в соответствии с Главой II Регламента. Хотя Франция, как отмечалось выше, не включила производство по делу о несостоятельности потребителей в Приложение А, французские суды, тем

не менее, должны признавать производства по делам о несостоятельности потребителей, которые открыты в Германии, поскольку Германия включила такое производство в Приложение А. Поэтому практикующие специалисты должны помнить о различиях в национальных субъектных сферах и не должны исходить из того, что практика в их собственной стране идентична практике в других государствах-членах ЕС.

В последние годы значительно возросло количество производств по делам о несостоятельности в отношении физических лиц (при этом численность процедур банкротства в отношении юридических лиц остается на прежнем уровне) [11]. На данный момент только три государства – члена ЕС (Болгария, Венгрия и Румыния) напрямую не занимаются вопросами несостоятельности физических лиц [1]. Однако даже в этих государствах-членах физические лица, которые считаются предпринимателями, подпадают под действие общих процедур законодательства о несостоятельности, применимых к юридическим лицам [1]. Такова была позиция национальных систем банкротного законодательства по умолчанию до последних двух десятилетий: предприниматели привлекались к участию в процедурах банкротства (либо таким же образом, как компании, либо в рамках специально предусмотренного в их отношении производства), в то время как лица, не являющиеся предпринимателями – нет. Это различие традиционно основывалось на идее о том, что только предприниматели подвержены «пассивной» чрезмерной задолженности, то есть обанкротившийся предприниматель с большей вероятностью стал жертвой неудачного стечения обстоятельств, от него не зависящих, в то время как потребитель, скорее всего, обанкротился из-за своей собственной расточительности [12]. Даже в Великобритании (ныне не являющейся государством-членом ЕС), где в отношении потребителей инициирование процедуры банкротства было законодательно разрешено на сравнительно ранней стадии, встречалось подобное различие между предпринимателями и потребителями. В девятнадцатом веке во время дебатов, касающихся либерализации законодательства, сторонники этого различия утверждали, что потребитель «почти обязательно понес свои долги из-за собственной легкомысленности и расточительности» [12].

Эта критическая точка зрения зачастую связывалась с часто упоминаемым принципом права *acta sunt servanda*. Этот принцип устанавливает важность соблюдения контрактов, что явно сопряжено с риском при любой коллективной процедуре несостоятельности, в ходе которой индивидуальные иски, возникающие из нарушения договоров, обычно отклоняются. Сохраняющаяся сила этого принципа, по-видимому, до недавнего времени препятствовала распространению процедур банкротства на потребителей. Министр юстиции Нидерландов представил голландскую реформу банкротства потребителей, заявив, что «отправной точкой в нашей правовой системе является то, что должник

должен выполнять свои обязательства. Настоящая законодательная инициатива не призвана предоставить легкое решение проблем людям, которые ведут разгульный образ жизни и безответственно нагромождают один долг на другой» [12]. По всей видимости, с конца 1980-х годов произошел сдвиг, вызванный ростом личной чрезмерной задолженности вследствие наступления усугубившего ситуацию экономического кризиса. Поскольку все большее число отдельных лиц, не являющихся участниками торговли, оказались неспособными расплатиться со своими кредиторами по независящим от них обстоятельствам, беспокойство из-за последствий разрешения инициирования процедур банкротства в отношении обычных физических лиц переросло в потребность предоставления такого разрешения. Тем не менее, различные системы банкротства физических лиц характеризуются разной степенью снисхождения: в Англии период освобождения от ответственности составляет всего один год, а в Германии – шесть лет, что также зависит от наличия доказательств «хорошего поведения» в течение этих шести лет [1].

Однако это относительно недавняя тенденция, что означает, что многие из этих процедур не включены в Приложение А, даже если они соответствуют критериям статьи 1(1) Регламента. Если процедуры не включены в Приложение А, то они не подпадают под действие Регламента [10], таким образом, расширение субъектной сферы в национальных правовых системах не привело к равному расширению субъектной сферы в отношении Регламента.

«Всеобъемлющие» системы несостоятельности, то есть системы, в которых не проводится различий между юридическими и физическими лицами, по крайней мере, как указано в Приложении А, существуют в Германии [13], Эстонии [14], Португалии [15], Испании [16], Словении [17] и Словакии [18]. Некоторые из этих систем содержат дополнительные положения на случай банкротства потребителей, но сама процедура банкротства остается единой. В Нидерландах [19], Финляндии и Швеции комплексные системы применяются только в отношении «окончательного» банкротства (без возможности оздоровления). Что касается реструктуризации, то в Нидерландах имеются конкретные процедуры, касающиеся физических лиц (проводящие различие между предпринимателями и другими физическими лицами), в то время как в Финляндии и Швеции процедуры реструктуризации ограничиваются деятельностью компаний. В Латвии действует комплексная система в отношении «процедур правовой защиты», но существуют различные системы производства по делам о несостоятельности для физических и юридических лиц.

К тем системам в приложении А, в которых сохраняется четкое разграничение между процессуальными действиями в отношении юридических и физических лиц, хотя и исключается какая-либо внутренняя дифференциация между предпринимателями, самозанятыми и потребителями, относятся Ирландия и Кипр (к таким системам также относится Великобри-

тания, перечень процедур банкротства которой все еще содержится в Приложении А, хотя Великобритания более не является государством-членом ЕС и на нее не распространяется действие Регламента).

Таким образом, остается большое количество систем, в которых существенное значение имеет либо понятие «предприниматель», либо понятие «потребитель». Они функционируют двумя возможными способами: производство, касающееся предпринимателей, может быть включено в производство, касающееся юридических лиц, при этом все лица, не являющиеся предпринимателями, исключаются, или может существовать исключительная процедура банкротства потребителей, изолированная от общей процедуры несостоятельности, которая касается юридических лиц и предпринимателей. Также могут существовать специальные процедуры для предпринимателей, отличные от процедур, доступных для юридических лиц и потребителей, а также несколько систем, в которых понятие «предприниматель» отличается от понятия «самозанятое лицо».

Литература

1. External Evaluation of Regulation No. 1346/2000/EC on Insolvency Proceedings. JUST/2011/JCIV/PR/0049/A4. URL: https://www.mpi.lu/uploads/media/evaluation_insolvency_en.pdf, p. 360. (дата обращения – 02 июня 2023)
2. Clarkson and Hill, *The Conflict of Laws* (Oxford: Oxford University Press, 2011), p. 33, and Kropholler, *Internationales Privatrecht—einschließlich der Grundbegriffe des Internationalen Zivilverfahrensrechts* (Tübingen: Mohr-Siebeck, 2006), pp. 136–8
3. BGH, 13.6.2006–IX ZA 8/06. URL: <http://juris.bundesgerichtshof.de/cgi-bin/rechtsprechung/document.py?Gericht=bgh&Art=en&nr=36858&pos=0&anz=1> (дата обращения – 02 июня 2023)
4. BGH, 17.9.2009–IX ZB81/09. URL: <https://juris.bundesgerichtshof.de/cgi-bin/rechtsprechung/document.py?Gericht=bgh&Art=en&Datum=2009-9-17&anz=50&pos=30> (дата обращения – 02 июня 2023)
5. Mankowski, 'Grenzüberschreitender Umzug', p. 368, and Wessels, *Current Topics of International Insolvency Law* (Deventer: Kluwer, 2004), p. 164
6. Virgós M, Schmidt E "Report on the Convention of Insolvency Proceedings", EC Council Document 6500/96, Brussels, 3 May 1996
7. Carstens, *Die internationale Zuständigkeit der europäischen Insolvenzrecht* (Cologne: Heymanns, 2005), pp. 57
8. Mme Y, Cour d'Appel de Colmar, 20.06.2006, R.G. No. 06–01576–[2006] EIRCR(A)
9. Eidenmüller in de la Feria and Vogenauer (eds.), *Prohibition of Abuse of Law: A New General Principle of EU Law?* (Oxford: Hart Publishing, 2011)
10. Дело N C-461/11 «Ulf Kazimierz Radziejewski v. Kronofogdemyndigheten i Stockholm» (2012)

См: <http://curia.europa.eu>. (дата обращения – 05 июня 2023)

11. COMMISSION STAFF WORKING DOCUMENT. Revision of Regulation (EC) No 1346/2000 on insolvency proceedings. URL: <http://insreg.mpi.lu/Impact%20assessment.pdf> (дата обращения – 07 июня 2023)
12. Ramsey, 'Between Neo-Liberalism and the Social Market: Approaches to Debt Adjustment and Consumer Insolvency in the EU', in European University Institute, working paper Law 2011/09, 'Consumer Bankruptcy in Europe', pp. 5, 13.
13. Статут о банкротстве Германии от 5 октября 1994 года. Режим доступа (на английском языке): https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_inso/englisch_inso.html (дата обращения – 07 июня 2023)
14. Закон о банкротстве Эстонии от 01.01.2004 года. Режим доступа (на английском языке): <https://www.riigiteataja.ee/en/eli/ee/511072014018/consolidate/current> (дата обращения – 07 июня 2023)
15. Кодекс Португалии о несостоятельности и восстановлении компаний. Режим доступа (на португальском языке): <https://dre.pt/dre/legislacao-consolidada/decreto-lei/2004-34529075> (дата обращения – 07 июня 2023)
16. Закон Испании о банкротстве от 01.09.2004. Режим доступа (на испанском языке): https://noticias.juridicas.com/base_datos/Privado/I22-2003.t1.html#a1 (дата обращения – 07 июня 2023)
17. Закон Словении о финансовых операциях, производстве по делам о несостоятельности и о ликвидации от 15.01.2008. Режим доступа (на английском языке): https://www.justiz.nrw.de/WebPortal_en/projects/ieei/documents/public_papers/slovenia_financial_operations.pdf (дата обращения – 07 июня 2023)
18. Закон о банкротстве и реструктуризации от 09.12.2004 года. Режим доступа (на словацком языке): <https://www.zakonypreludi.sk/zz/2005-7> (дата обращения – 07 июня 2023)
19. Закон о банкротстве Нидерландов. Режим доступа (на английском): <http://www.dutchcivil-law.com/bankruptcyact.htm>. (дата обращения – 07 июня 2023)

FEATURES OF LEGAL REGULATION OF CROSS-BORDER INSOLVENCY OF INDIVIDUALS IN EU COUNTRIES

Dolgikh D.O.

Russian State University of Justice

The article is devoted to the analysis of the legal regulation of cross-border insolvency of individuals in the Member States of the European Union. In insolvency law, serious difficulties arise when a foreign element appears. In such a situation, the most important issue is the resolution of conflicts between legal systems, when a bankruptcy case is associated with different legal orders, on issues of jurisdiction, choice of law, recognition and enforcement of judicial or arbitral decisions. In recent decades, a number of initiatives have been developed, both at the national and regional levels, to address the problems associated with cross-border insolvency. They arise from the complexity of the fact that such cases contain a foreign element (i.e. an insolvency case cannot be clearly tied to a particular country

and its legal system). Different elements of a cross-border relationship located in different locations (states) mean that an insolvency case can be opened in more than one country. Insolvency law is a kind of "meta-law" (abolishing contractual, property and other legal rights that exist outside of insolvency). An insolvency case often involves different groups of stakeholders of different natures with potentially conflicting interests. When this happens at the multinational level, the result can certainly be a "jurisdictional nightmare".

Keywords: cross-border insolvency of individuals, EU, COMI, domicile, habitual residence.

References

1. External Evaluation of Regulation No. 1346/2000/EC on Insolvency Proceedings. JUST/2011/JCIV/PR/0049/A4. URL: https://www.mpi.lu/uploads/media/evaluation_insolvency_en.pdf, p. 360. (accessed 02 June 2023)
2. Clarkson and Hill, *The Conflict of Laws* (Oxford: Oxford University Press, 2011), p. 33, and Kropholler, *Internationales Privatrecht – einschließlich der Grundbegriffe des Internationalen Zivilverfahrensrechts* (Tübingen: Mohr-Siebeck, 2006), pp. 136–8
3. BGH, 13.6.2006–IX ZA 8/06. URL: <http://juris.bundesgerichtshof.de/cgi-bin/rechtsprechung/document.py?Gericht=bgh&Art=en&nr=36858&pos=0&anz=1> (accessed 02 June 2023)
4. BGH, 17.9.2009–IX ZB81/09. URL: <https://juris.bundesgerichtshof.de/cgi-bin/rechtsprechung/document.py?Gericht=bgh&Art=en&Datum=2009-9-17&anz=50&pos=30> (accessed 02 June 2023)
5. Mankowski, 'Grenzüberschreitender Umzug', p. 368, and Wessels, *Current Topics of International Insolvency Law* (Deventer: Kluwer, 2004), p. 164
6. Virgós M, Schmidt E "Report on the Convention of Insolvency Proceedings", EC Council Document 6500/96, Brussels, 3 May 1996
7. Carstens, *Die internationale Zuständigkeit im europäischen Insolvenzrecht* (Cologne: Heymanns, 2005), pp. 57
8. Mme Y, Cour d'Appel de Colmar, 06/20/2006, R.G. no. 06-01576-[2006] EIRCR(A)
9. Eidenmüller in de la Feria and Vogenauer (eds.), *Prohibition of Abuse of Law: A New General Principle of EU Law?* (Oxford: Hart Publishing, 2011)
10. Case no. C-461/11, Ulf Kazimierz Radziejewski v. Kronofogdemyndigheten i Stockholm (2012) See: <http://curia.europa.eu>. (Accessed 05 June 2023)
11. COMMISSION STAFF WORKING DOCUMENT. Revision of Regulation (EC) No 1346/2000 on insolvency proceedings. URL: <http://insreg.mpi.lu/Impact%20assessment.pdf> (Accessed 07 June 2023)
12. Ramsey, 'Between Neo-Liberalism and the Social Market: Approaches to Debt Adjustment and Consumer Insolvency in the EU', in European University Institute, working paper Law 2011/09, 'Consumer Bankruptcy in Europe', pp. 5, 13.
13. German Bankruptcy Statute of October 5, 1994. Access mode (in English): https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_inso/englisch_inso.html (Accessed 07 June 2023)
14. Estonian Bankruptcy Law of 01.01.2004. Access mode (in English): <https://www.riigiteataja.ee/en/eli/ee/511072014018/consolidate/current> (Accessed 07 June 2023)
15. Code of Portugal on the insolvency and recovery of companies. Mode of access (in Portuguese): <https://dre.pt/dre/legislacao-consolidada/decreto-lei/2004-34529075> (Accessed 07 June 2023)
16. Law of Spain on bankruptcy of 09/01/2004. Mode of access (in Spanish): https://noticias.juridicas.com/base_datos/Privado/I22-2003.t1.html#a1 (Accessed 07 June 2023)
17. Law of Slovenia on financial transactions, insolvency and liquidation proceedings of 15.01.2008. Access mode (in English): https://www.justiz.nrw.de/WebPortal_en/projects/ieei/documents/public_papers/slovenia_financial_operations.pdf (Accessed 07 June 2023)
18. Law on bankruptcy and restructuring of 09.12.2004. Access mode (in Slovak): <https://www.zakonypreludi.sk/zz/2005-7> (accessed 07 June 2023)
19. Bankruptcy Law of the Netherlands. Mode of access (in English): <http://www.dutchcivil-law.com/bankruptcyact.htm>. (Accessed 07 June 2023)

Структура гражданско-правового механизма заключения публичного контракта по итогам открытого электронного аукциона

Зиманов Герман Владимирович,

аспирант кафедры государственно-правовых дисциплин и цифрового права, НОЧУ ВО «Московский финансово-промышленный университет «Синергия»
E-mail: zimanovger@mail.ru

Гриб Владимир Григорьевич,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин и цифрового права, НОЧУ ВО «Московский финансово-промышленный университет «Синергия»
E-mail: vg-profesor@yandex.ru.

В статье рассмотрен критический анализ основных этапов гражданско-правового механизма заключения публичного контракта на поставку товаров по итогам открытого электронного аукциона. При этом заключение публичного контракта по итогам открытого электронного аукциона имеет свои особенности и требует специального механизма гражданско-правового регулирования. Затрагиваются вопросы, связанные с обеспечением юридически значимых электронных документов, конфиденциальности информации, передаваемой участниками аукциона, а также защиты от незаконного вмешательства в процесс проведения аукциона и т.п. От правильной структуры гражданско-правового механизма заключения контракта зависит не только эффективность и прозрачность проведения аукциона, но и возможность оспаривания решений заказчика и участников аукциона в суде, а также его исполнение и реализация государственных и муниципальных программ и проектов. Все эти вопросы требуют особого внимания и исследования со стороны специалистов в области гражданского и административного права.

Ключевые слова: механизм, электронный аукцион, контракт, эффективность, прозрачность, процесс, закупка.

Публичный контракт по итогам открытого электронного аукциона является одним из основных инструментов государственной закупочной деятельности, который используется для заключения договоров между государственными органами и поставщиками товаров, работ и услуг. В рамках гражданского права заключение публичного контракта регулируется правовыми нормами, которые определяют порядок его заключения, условия договора и ответственность сторон за неисполнение его условий [1].

Необходимо отметить также и новизну темы исследования в современной правовой практике. В связи с развитием цифровых технологий и переходом на электронный формат проведения аукционов, возникает необходимость в разработке новых правовых механизмов, которые бы обеспечили защиту прав участников процесса и эффективное заключение публичных контрактов. Кроме того, часть 1 статьи 59 Федерального закона от 05.04.2013 № 44 «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Федеральный закон № 44-ФЗ) не содержит универсальной и расширенной дефиниции термина «открытый электронный аукцион», вследствие чего могут возникать проблемы в правоприменительной практике [2].

Ранее заключение публичных контрактов осуществлялось по традиционным формам, таким как тендеры и конкурсы, которые предполагали применение классических гражданско-правовых инструментов. Сегодня, проведение открытых электронных аукционов является более эффективным и прозрачным способом выбора поставщика для заключения публичного контракта, вследствие чего возникает необходимость в разработки специальных гражданско-правовых механизмов, которые бы учитывали специфику проведения открытых электронных аукционов и гарантировали эффективность и прозрачность процесса. По нашему мнению, разработка таких механизмов потребует использования новых юридических инструментов, таких как электронные подписи и защита информации от кибератак.

Стратегия развития конкуренции и антимонопольного регулирования в Российской Федерации на период 2013–2024 гг. содержит информацию о необходимости реализации электронных аукционов в расширенном формате [3].

До настоящего времени не проводились комплексных исследований, посвященных заключению публичных контрактов по итогам откры-

того электронного аукциона как конкурентного организационно-правового способа нахождения исполнителя публичного контракта при участии оператора электронной торговой площадки (далее – ЭП). Действующий правовой механизм заключения публичных контрактов по итогам открытого электронного аукциона, основанный на Федеральном законе № 44-ФЗ и правилах электронных площадок, имеет свои особенности, которые не исследованы учеными и специалистами в достаточной степени.

Напомним, что правовой механизм регулирования открытого электронного аукциона является правовой моделью, объединяющей последовательные действия участников аукциона и используемые ими гражданско-правовые средства, чтобы заключить публичный контракт между публичным заказчиком и победителем торгов, который предложил наименьшую цену, в форме единого электронного документа. Однако данный механизм не дает возможности принудить победителя аукциона заключить контракт с заказчиком. Имеются различные взгляды на определение понятия «механизм правового регулирования общественных отношений». При этом, не существует единства в отношении не только самого механизма, но и отдельных его элементов. Обычно, под механизмом правового регулирования общественных отношений понимается «система правовых средств, которые обеспечивают упорядочивание общественных отношений в соответствии с целями и задачами правового государства» [4].

Гражданско-правовое регулирование организации и проведения электронного аукциона, а также последующее заключение публичного контракта при посредничестве оператора электронной торговой площадки, содержит около шести основных составляющих. Рассмотрим их:

а) публичный заказчик – это юридическое лицо, которое закупает товары, работы и услуги для удовлетворения государственных и муниципальных нужд, а также для обеспечения выполнения государственных функций и задач. Обычно ими являются государственные органы, муниципальные учреждения, государственные и муниципальные предприятия, государственные корпорации и т.п. При этом, публичный заказчик обязан соблюдать процедуры закупок, в соответствии с действующим законодательством, проводить открытый конкурс или аукцион для выбора поставщика, а также обеспечивать прозрачность и обоснованность всех процедур закупок. Кроме того, он должен ориентироваться на целесообразность и экономическую эффективность закупаемых товаров, работ и услуг;

б) оператор ЭП – специализированная организация, предоставляющая технические и информационные услуги для проведения открытых электронных аукционов. Предоставляет доступ к онлайн-платформе, на которой могут проводиться закупки, а также обеспечивает техническую поддержку всем участникам процесса закупки. При этом он

не является участником закупки и не имеет права участвовать в аукционе или торгах в качестве поставщика. Его задача – обеспечить прозрачность и открытость процесса закупки, а также обеспечить защиту интересов всех участников процесса. Он обычно работает в соответствии с требованиями законодательства и должен иметь соответствующую лицензию на предоставление таких услуг. Он также может оказывать консультационную поддержку участникам процесса закупки в технических вопросах или в вопросах, связанных с правилами проведения закупок на данной ЭП;

в) участники электронных аукционов – юридические и физические лица, зарегистрированные на ЭП и участвующие в торгах;

г) победитель электронного аукциона – участник, предложивший наименьшую цену на товары, работы и услуги и признанный победителем электронного аукциона;

д) публичный контракт – договор между публичным заказчиком и победителем электронного аукциона, который определяет условия поставки товаров, выполнения работ или оказания услуг;

е) электронный документ – электронный файл, содержащий информацию о процедуре открытого электронного аукциона и публичном контракте.

Названные составляющие являются фундаментальной основой института электронного аукциона, позволяющей реализовывать куплю-продажу движимого и недвижимого имущества, что в конечном счете способствует развитию экономики государства в целом.

Основными критериями, отличающими открытый электронный аукцион от открытого запроса котировок в электронной форме, являются:

1) Предмет закупки: при открытом запросе котировок предмет закупки может быть определен точно, в то время как при открытом электронном аукционе предмет закупки определяется значительно шире;

2) Принципы формирования цены: при открытом запросе котировок участники предлагают свои цены без возможности конкурировать с другими участниками. При этом, открытый электронный аукцион подразумевает возможность участников учитывать ценовое предложение конкурентов и создавать новые более выгодные предложения;

3) Условия проведения: открытый электронный аукцион проводится в форме последовательных раундов, на каждом из которых участники могут подавать новые предложения, тогда как открытый запрос котировок проводится в один этап;

4) Установление победителя: в открытом запросе котировок контракт заключается с участником, предложившим наилучшее соотношение цены и качества, в то время как на открытом электронном аукционе контракт заключается с участником, предложившим наименьшую цену.

Соответственно реализация открытого электронного аукциона представляется более совершенной моделью проведения торгов в сравнении с запросом котировок. Перед тем, как заключить

публичный контракт на поставку товаров для государственных нужд, публичный заказчик и участники аукциона должны выполнить ряд организационных действий, включая обоснование плана закупок и определение объема финансирования [5].

Если происходит выбор поставщика путем запроса котировок или предложений, либо в случае закупки у единственного поставщика, то проведение аукциона не требуется [6]. Проблемы, связанные с заключением публичного контракта по итогам открытого электронного аукциона, могут возникать либо в результате неправильной организации самого аукциона, либо в результате недостаточной подготовки документов и требований к участникам, а также нарушения правил его проведения. Также может возникнуть проблема с победителем аукциона, который отказывается от заключения контракта.

Для решения указанных проблем можно применять следующие действия:

1) Улучшение правовой базы и регламентов проведения открытых электронных аукционов, а также совершенствование системы мониторинга и контроля за их проведением;

2) Повышение квалификации специалистов, ответственных за организацию и проведение аукциона, а также участников аукциона. Данное действие является важным фактором для эффективного и безопасного заключения публичных контрактов по итогам открытого электронного аукциона. Специалисты, ответственные за организацию и проведение аукциона, должны обладать достаточными знаниями и компетенциями в области государственных закупок, а также иметь опыт работы с ЭП. Необходимо, чтобы специалисты понимали правовые и технические аспекты проведения аукциона, умели работать с программным обеспечением электронных площадок и обеспечивали конкурентную борьбу между участниками аукциона. Участники аукциона, в свою очередь, также должны обладать достаточными знаниями и опытом работы с ЭП, чтобы эффективно участвовать в аукционе и защищать свои права и интересы. Они должны понимать правовые требования к оформлению заявок и подготовке конкурсной документации, предусмотренной статьей 448 ГК РФ, а также уметь работать с программным обеспечением ЭП. Для повышения квалификации специалистов и участников аукциона могут использоваться различные формы обучения, такие как курсы повышения квалификации, семинары, тренинги и другие формы профессионального развития. Кроме того, важно постоянно отслеживать изменения в законодательстве и в технологиях проведения аукционов и обновлять свои знания и навыки соответственно;

3) Разработка более четких и прозрачных процедур в части заключения публичного контракта и подготовки документов, в том числе разъяснения требований к участникам аукциона. Стоит отметить, что разработка более четких и прозрачных процедур по заключению публичного контракта и подготовке документов является важным ус-

ловием для обеспечения защиты прав участников процесса и эффективного заключения контракта. Для этого необходимо разработать подробные инструкции по подготовке документов и выполнению всех этапов процедуры. Одним из ключевых элементов разработки прозрачных процедур является разъяснение требований к участникам аукциона. Это означает, что участникам должны быть ясны все требования, предъявляемые к ним при участии в аукционе. Для этого можно использовать различные методы, такие как проведение информационных встреч, выкладывание информации на сайтах ЭП, размещение соответствующей информации в документации на проведение аукциона. Для обеспечения более четкой и прозрачной процедуры заключения публичного контракта необходимо установить точные сроки и этапы выполнения всех действий, включая сроки подачи заявок, открытие конвертов с заявками, определение победителя, заключение контракта и др. Важно также обеспечить возможность участникам аукциона обратиться с жалобами в случае нарушения их прав или недостаточной прозрачности процедуры. Для этого необходимо разработать механизмы рассмотрения жалоб и обеспечить их доступность и прозрачность. Разработка более четких и прозрачных процедур по заключению публичного контракта и подготовке документов позволит обеспечить более эффективное и безопасное заключение контракта, а также повысить доверие участников процесса к системе государственных закупок;

4) Введение механизмов, позволяющих принимать более быстрые и эффективные меры по принуждению победителя аукциона к заключению контракта или возможности привлечения других участников аукциона в случае отказа победителя. Подобные механизмы являются необходимым условием для обеспечения эффективного функционирования системы государственных закупок. В случае, если победитель аукциона отказывается заключать контракт, это может привести к задержкам в реализации проекта и ущербу для бюджета и участников аукциона. Для решения этой проблемы необходимо ввести механизмы, позволяющие быстро и эффективно принимать меры по принуждению победителя к заключению контракта или возможности привлечения других участников аукциона. Одним из таких механизмов может быть применение штрафных санкций за отказ от заключения контракта или невыполнение его условий. Это может стать мощным стимулом для победителя аукциона в части заключения контракта и выполнения его условий в соответствии с сроками. Также можно предусмотреть возможность признания контракта недействительным в случае, если победитель аукциона не соблюдает условия заключенного контракта. В этом случае возможно привлечение других участников аукциона для заключения контракта. Введение эффективных механизмов по принуждению победителя аукциона к заключению контракта или привлечению других участников аукциона в случае отказа победителя

является важным шагом в развитии системы государственных закупок, что позволит обеспечить более эффективную и безопасную процедуру заключения контракта;

5) Разработка и внедрение инструментов альтернативного разрешения споров и конфликтов между участниками аукциона и публичным заказчиком, например, использование медиации или арбитражных процедур.

Необходимо отметить, что указанные действия минимизируют количество проблем, связанных с заключением публичного контракта по итогам открытого электронного аукциона. Отличительным критерием открытого электронного аукциона от других ЭП является цена контракта. В соответствии с ч. 5 ст. 24 Федерального закона № 44-ФЗ участник, предложивший наименьшую цену контракта или наименьшую сумму цен единиц товаров контракта, становится победителем. Кроме цены на повышение или понижение, публичный заказчик предъявляет дополнительные требования к участникам в аукционной документации и протоколах. Аукционная документация и протокол порождают права участников открытого электронного аукциона и могут лишать такого права какого-либо из участников. Стороны должны согласовать цену контракта в ходе рассмотрения заявок и предложений участников аукциона, соглашение по цене является обязательным условием публичного контракта. Чтобы достигнуть соглашения по цене, начальная цена должна постепенно снижаться по заявлению участника аукциона в соответствии с ч. 6 ст. 68 Федерального закона № 44-ФЗ.

В заключение отметим, что в статье рассмотрены лишь некоторые основные этапы гражданско-правового механизма заключения публичного контракта на поставку товаров, по итогам открытого электронного аукциона. В дальнейшем, по нашему мнению, необходимо: продолжить изучение практического опыта проведения открытых электронных аукционов на различных уровнях, в том числе на региональном и муниципальном; уделить внимание вопросам их правового регулирования, возникающих споров между участниками аукциона и публичным заказчиком; существует ряд разрозненных законодательных актов, назрела необходимость в принятии Федерального закона, касающегося напрямую на создание новых гражданско-правовых механизмов, учитывающих специфику проведения открытых *электронных аукционов* и обеспечивающих максимальную эффективность и прозрачность процесса осуществления публичных контрактов и т.п.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – 5 декабря. – № 32. – Ст. 3301.
2. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О контрактной системе в сфере

закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Российская газета. 2013. 12 апр. (№ 80).

3. КонсультантПлюс «Стратегия развития конкуренции и антимонопольного регулирования в Российской Федерации на период 2013–2024 гг.» (утв. Президиумом ФАС России 03.07.2013) https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149768/ (дата обращения: 08.04.2023).
4. Тарасов Н.Н. Механизм правового регулирования: становление понятия // Российский юридический журнал. 2020. № 5. С. 111.
5. Гандилов Т. М. К вопросу о публичных закупках для обеспечения государственных нужд // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 2. С. 25.
6. Кирпичев А.Е. Закупки для нужд публичного сектора и система обязательственного права: терминология и выбор применимых норм // Закон. 2021. № 8. С. 57.

THE STRUCTURE OF THE CIVIL LAW MECHANISM FOR CONCLUDING A PUBLIC CONTRACT BASED ON THE RESULTS OF AN OPEN ELECTRONIC AUCTION

Zimanov G.V., Grib V.G.

Moscow Financial and Industrial University «Synergy»

The article considers a critical analysis of the main stages of the civil law mechanism of a public contract for the supply of goods based on the results of an open electronic auction. The conclusion of a public contract on the results of an open electronic auction has its own characteristics and requires a special mechanism of civil-law regulation. The issues related to ensuring legally significant electronic documents, confidentiality of information transmitted by the participants of the auction, as well as protection of the issues related to ensuring of legally significant electronic documents, confidentiality of the information transmitted by the participants of the auction and protection against illegal interference in the auction process, etc. are touched upon. Not only the efficiency and transparency of the auction, but also the possibility to challenge the decisions of the customer and the auction participants in court, as well as its execution and implementation of state and municipal programs and projects depend on the correct structure of the civil-legal mechanism of the contract. All these issues require special attention and research on the part of specialists in the field of civil and administrative law.

Keywords: mechanism, electronic auction, contract, efficiency, transparency, process, procurement.

References

1. The Civil Code of the Russian Federation (part one) of November 30, 1994 No. 51-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1994. – December 5. – No. 32. – Article 3301.
2. Federal Law of 05.04.2013 № 44-FZ (ed. from 02.07.2021) “On the contractual system in the procurement of goods, works and services for state and municipal needs” // Rossiyskaya Gazeta. 2013. 12 apr. (No. 80).
3. ConsultantPlus “Strategy for the Development of Competition and Antimonopoly Regulation in the Russian Federation for the period 2013–2024”. (approved by the Presidium of the FAS of Russia on 03.07.2013) https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LA_149768/ (access date: 08.04.2023).
4. Tarasov N.N. Mechanism of legal regulation: the formation of the concept // Russian Law Journal. 2020. № 5. С. 111.
5. Gandilov T.M. On the issue of public procurement to meet state needs // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 2. С. 25.
6. Kirpichev A.E. Procurement for the needs of the public sector and the system of mandatory law: terminology and the choice of applicable norms // Law. 2021. № 8. С. 57.

Использование программ искусственного интеллекта в процессе собеседования: российский и зарубежный опыт

Коркин Максим Сергеевич,

студент, Дальневосточный федеральный университет
E-mail: korkin.ms@students.dvfu.ru

Рубан Полина Олеговна,

студент, Дальневосточный федеральный университет
E-mail: ruban.po@students.dvfu.ru

Зайцева Елизавета Андреевна.

студент, Дальневосточный федеральный университет
E-mail: zaitseva.eandre@students.dvfu.ru

Статья посвящена использованию программ искусственного интеллекта в процессе подбора персонала и его влиянию на сферу трудовых отношений. В контексте национальных целей развития России автоматизация процесса подбора персонала стала одним из направлений цифровой трансформации общества в области трудового права, ввиду чего авторами проводится анализ российских и зарубежных современных разработок в этой области, таких как услуги от американского стартапа Yobs, компании HireVue и отечественный робот-рекрутер Вера. Авторы обсуждают преимущества и недостатки использования искусственного интеллекта в процессе подбора персонала, а также возможные риски, связанные с дискриминацией. Статья также подчеркивает необходимость разработки соответствующих правовых норм и механизмов для защиты прав работников в условиях цифровой трансформации общества. В целом, авторы подчеркивают, что данные программы искусственного интеллекта являются не объектом труда, а инструментом человека.

Ключевые слова: трудовое право; искусственный интеллект; рекрутинг; трудоустройство; цифровизация.

Введение

Искусственный интеллект – это технология, которой с каждым годом (особенно с бумом распространения различных форм упрощенных чатов с нейросетью на основе Chat-GPT) уделяется все больше внимания. Такие самообучающиеся программы используются в самых различных сферах: при разработке программного обеспечения, при подготовке докладов, написания стихотворений и так далее. Конечно, искусственный интеллект все ещё далёк от когнитивных способностей человека, но многие из программ по-настоящему могут обучаться и принимать трудные решения, основываясь на своих внутренних искусственных убеждениях.

С момента появления термина «искусственный интеллект» в середине 1950-х годов и до наших дней, исследователи продолжают проявлять интерес к данной области. В рамках развития искусственного интеллекта выделены четыре основные формы интеллекта, необходимых для достижения полной замены человека на рабочем месте: механический, аналитический, интуитивный и эмпатический [1]. Автоматизация следует прогрессии, начиная с замены механических задач, затем аналитических, интуитивных и, наконец, эмпатических. Однако, полная замена человека на автоматизированные системы не является единственным возможным исходом развития искусственного интеллекта. Вместо этого, люди могут работать вместе с машинами, повышая их эффективность и свою. Например, в контексте кадровых задач, искусственный интеллект уже заменил многие из них, освободив время для сотрудников отдела кадров для выполнения иных более творческих задач, которые еще нельзя автоматизировать или их автоматизация является нецелесообразной. Кадровые задачи зачастую состоят из разного рода прогнозирований, в котором искусственный интеллект особенно силён, поскольку способен анализировать огромные объемы данных, что позволяет делать выводы, которые большинству людей недоступны. То есть, использование искусственного интеллекта для автоматизации или расширения различного рода задач, связанных с персоналом, является выгодным для компаний.

Вообще, начиная с 2017 года, большинство доктринальной литературы в сфере цифровой трансформации общества, технологий и прочего было посвящено роли искусственного интеллекта, немаловажную часть из которой занимала тема, связанная с подбором персонала. Дискуссии о возможных применениях искусственного интеллекта

та в подборе персонала стали своего рода бурей, захлестнувшей многочисленные научные конференции, а сейчас перед российским законодателем стоит сложная задача, с одной стороны, принимая во внимание Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» одной из национальных целей развития России выступает цифровая трансформация общества, то есть требуется обеспечить условия практического применения новейших научных разработок, в том числе в сфере трудовых отношений. С другой стороны, нельзя допустить дискриминацию соискателей и работников при использовании таких разработок, обесценивания роли норм морали и нравственности как социальных регуляторов трудовых отношений [2].

Применение искусственного интеллекта в процессе собеседования является одним из направлений цифровой трансформации общества в области трудового права. Так, российские работодатели в последнее время все чаще прибегают к автоматизации процесса подбора персонала [3]. Ранее, при проведении собеседований, живой рекрутер оценивал профессиональные и социальные навыки кандидата. В настоящее время же соискатель может записать на видео ответы на вопросы работодателя, используя для этого смартфон или ноутбук, в то время как искусственный интеллект анализирует выражение лица, голосовые изменения, грамматические конструкции и другую информацию, предоставляемую в ответах на вопросы. Такого рода услуги предлагают американский стартап Yobs и компания HireVue. Сторонники данной трансформации утверждают, что искусственный интеллект уменьшает предвзятость, помогает в поиске квалифицированных кандидатов и освобождает время сотрудников отдела кадров для других задач, в то время как противники опасаются, что тот допустит неравенство на рабочем месте и приведет к ликвидации рабочих мест [4].

Среди российских разработок можно выделить сервис «робот-рекрутер Вера». С помощью современных технологий робот Вера может за несколько минут сделать выборку из 5 рабочих сайтов, соответствующих требованиям рекрутера. Кроме того, Вера может осуществлять звонки кандидатам, распознавать их речь, отправлять описание вакансии на почту и проводить с ними видео-собеседование. После выполнения работы робот предоставляет отчет с выборкой заинтересованных кандидатов, которые соответствуют формальным требованиям. Использование такого инструмента может существенно сократить время, затрачиваемое рекрутером на подбор кандидатов и позволит ему работать уже с заинтересованными кандидатами. Так, весной 2017 года «М. Видео» стала применять Веру для отбора резюме для первичного телефонного интервью по ключевым словам, географии, возрасту, опыту и должности. В этом же году сети пришлось в короткие сроки искать более тысячи специалистов по кредитованию для новой ус-

луги в магазинах, и Вера с блеском справилась с поставленной перед ней задачей [5]. В перспективе же, задачей программы не будет являться только проведение собеседований и формирования отчетов, разработчики работают над тем, чтобы у Веры было понимание насколько подходит индивидуально-определенный сотрудник для конкретного руководителя, подходит ли он вообще для данной компании, и способен ли он интегрироваться в текущий коллектив.

Безусловно, как ранее было сказано, применение таких программных технологий имеет как преимущества, так и свои недостатки. С одной стороны, они способствуют автоматизации стандартизированных задач, сокращению временных затрат и устранению пространственных барьеров между работодателем и потенциальным сотрудником, что благоприятно для формирования дистанционных форм взаимоотношений в процессе трудоустройства у определенного работодателя [6]. С другой стороны, возникает проблема адекватной оценки искусственным интеллектом навыков соискателя, а также вопрос о том, на каких данных основывается принимаемое решение и соблюдает ли искусственный интеллект установленные трудовым законодательством запреты и гарантии в процессе выбора кандидата, ведь ч. 2 ст. 64 ТК РФ запрещает прямое или косвенное ограничение прав или установление прямых или косвенных преимуществ при заключении трудового договора. Это может порождать ситуации, когда искусственный интеллект (обученный данными, которые «вкачало» в него предприятие) отдаёт предпочтение тем кандидатам, чьи характеристики аналогичны или более схожи с характеристиками уже работающих в предприятии людей. Как пример, на предприятии 1/5 от персонала – это беременные женщины, работодатель внёс в базу данных искусственного интеллекта сведения об этих беременных женщинах с целью его обучения и компетентного отбора кандидатов на основе уже имеющихся работников, однако не учёл, что искусственный интеллект таким образом создал процесс отбора, благоприятствующий только кандидатам-беременным женщинам. Безусловно, ничего плохого в благоприятствовании беременным женщинам нет, но ситуация кардинально меняется, если работодатель внесёт в базу данных сведения о белых мужчинах, установив тем самым дискриминацию.

В процессе исследования было отмечено, что в России внедрение ИИ-рекрутинга происходит достаточно медленно, что в доктринальной литературе связывают со следующими причинами:

1. Невысокая доступность ввиду отсутствия интерфейса на русском языке (кроме Веры) и адекватной цены. Для решения такого рода задач предлагается поощрять российских разработчиков с целью создания ими качественных программ искусственного интеллекта и широкого выбора ассортимента.
2. Отсутствие навыков работы с новыми технологиями. Эта причина во многом зависит от рас-

пространённости программ искусственного интеллекта, то есть, по факту, круг здесь замыкается.

3. Необходимость совместной работы с искусственным интеллектом. Безусловно, искусственный интеллект не умеет (пока что) функционировать без внешнего воздействия, следовательно внедрение такого рода программ требует дополнительных затрат, во-первых, на поиск квалифицированного работника, который будет обеспечивать их работоспособность и прочее, во-вторых, на оплату ему труда, что является негативным фактором для небольших компаний.

Говоря о причинах медленного внедрения технологий ИИ-рекрутинга, стоит обратиться к зарубежному опыту, где работодатели столкнулись с проблемой дискриминации в процессе использования программ. В частности, компания Amazon в 2018 году отказалась от использования рекрутингового алгоритма, из-за результатов мониторинга использования искусственного интеллекта, которые свидетельствовали о факте дискриминации соискателей-женщин [7]. Для предотвращения обесценивания интересов человека необходимо разработать адекватное правовое регулирование внедрения цифровых технологий. Принципы и правила правового регулирования внедрения цифровых технологий уже обсуждаются на законодательном и доктринальном уровнях, например, по мнению П.П. Баранова, главным принципом правового регулирования искусственного интеллекта необходимо установить приоритет прав человека и защиты этих прав в данной сфере [8].

В России же на данный момент отсутствует правовое регулирование использования программ искусственного интеллекта при трудоустройстве, а вопрос о внедрении цифровых технологий в трудовые отношения почти в полной мере отдан на усмотрение работодателей. При этом, решения, принимаемые программами искусственного интеллекта, не подвергаются проверке и оценке в рамках обеспечения прав граждан на защиту от дискриминации при приеме на работу. Работодатели не обязаны информировать соискателей о том, что используют программы искусственного интеллекта, о критериях, по которым принимаются решения, а также о том, какие действия могут способствовать успешному прохождению собеседования. В одном из интервью основатель HR-сервиса VCV Арик Ахвердян советует соискателям оставаться самим собой, не стараться угодить, не выдумывать и не преувеличивать информацию о себе.

Совершенно иначе обстоят дела в США и странах ЕС, где уже начались первые шаги в направлении правового регулирования разработки программ искусственного интеллекта. Нормы, регулирующие эту область на территории Европейского Союза, на данный момент имеют рекомендательный характер и применяются только в тестовом режиме, а на территории США они действуют толь-

ко в отдельных штатах. В Европейском Союзе уже несколько лет активно ведется работа над разработкой общих правил и критериев для внедрения цифровых технологий. В июне 2018 года Европейская комиссия создала группу независимых высококвалифицированных экспертов в области искусственного интеллекта. В апреле 2019 года этот коллектив представил документ «Принципы этики для надежного искусственного интеллекта», а в июле 2020 года он разработал список показателей для оценки надежности искусственного интеллекта (ALTAI), который признает, что любой искусственный интеллект может потенциально дискриминировать человека [9].

ALTAI содержит семь ключевых требований, которыми должны соответствовать компании, занимающиеся разработкой программ искусственного интеллекта, для того, чтобы такие программы считались надежными. Среди этих требований можно выделить следующие:

1. надзор со стороны людей;
2. техническая безопасность;
3. конфиденциальность и безопасность данных;
4. разнообразие, справедливость и недискриминация;
5. социальное и экологическое благополучие;
6. подотчетность;
7. прозрачность.

Последнее требование закреплено в определенных штатах США. Так, с начала 2020 года в штате Иллинойс вступил в силу закон, обязывающий работодателя уведомлять работника о применении программ искусственного интеллекта при собеседовании, предоставлять информацию о принципах работы данной программы и критериях, по которым будет оцениваться кандидат. Для соблюдения требований ALTAI, компании-разработчики программ искусственного интеллекта должны включать в качестве исходного правила разнообразие способностей и потребностей людей. Для оценки риска возможной дискриминации и несправедливости, разработчикам необходимо поддерживать постоянную обратную связь с пользователями.

Заключение

Несмотря на то, что искусственный интеллект уже сейчас анализирует практически все возможные сферы жизнедеятельности, рекрутеры все еще несколько боятся применять технологии искусственного интеллекта. Некоторые из них не уверены, что «машины» достаточно хороши для этой работы. Другие боятся, что искусственный интеллект вовсе заменит их. Более того, последние в какой-то степени правы, поскольку искусственный интеллект уже продемонстрировал лучшие способности, выполняя определенные виды работ. На наш взгляд, нет никакой опасности в том, что технологии заменяют человека, ведь это уже происходило раньше, например, в годы промышленных революций функции человека заменила автоматизация производства. В любом случае, искусственный интеллект на дан-

ном этапе его развития не способен заменить человека полностью, так как есть огромный перечень задач, которые тот не способен выполнять самостоятельно. В доктринальной литературе имеется информация, о проведенном анализе 2000 рабочих задач в 800 различных профессиях по всему миру, где авторы пришли к выводу, что менее 5% профессий могут быть полностью автоматизированы [10]. Другими словами, в большинстве случаев искусственный интеллект является инструментом труда, а не его субъектом. По мере того, как искусственный интеллект входит в сферу человеческой деятельности, люди постепенно обнаруживают, что искусственный интеллект неспособен решать уникальные задачи, а преимущество людей заключается в понимании уникальности и рациональном использовании инструмента. Таким образом возникает взаимная работа биологического и синтетического организма. Так, Компания Unilever рассмотрела более 250 000 заявок с использованием искусственного интеллекта и сократила процесс найма с 4 месяцев до 4 недель, что сэкономило ей 50 000 часов рабочего времени.

Литература

1. Хуан, Минг-Хуэй; Раст, Роланд Т – Искусственный интеллект на службе // Журнал исследований сферы услуг. 2018. № 21 (2)
2. ЩербакOVA О. В. – Влияние моральных норм и нравственных принципов на правовое регулирование трудовых отношений: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2017.
3. ЩербакOVA О. В. – Использование программ искусственного интеллекта при найме работников // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2021. № 3.
4. Wikipedia. Artificial intelligence in hiring [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://en.wikipedia.org/wiki/Artificial_intelligence_in_hiring (дата обращения: 16.06.2023).
5. Сувалова Т. В., Ашурбеков Р.А. – Перспективы применения искусственного интеллекта в отечественных и зарубежных рекрутинговых компаниях // УПИРР. 2018. № 6.
6. Серова А. В. – Внедрение цифровых технологий в практику взаимодействия субъектов отношений по трудоустройству у данного работодателя // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2019. № 5.
7. Хабибрахимов А. – Amazon разработала ИИ для поиска сотрудников и отказалась от него из-за дискриминации женщин // Vc.ru. Карьера. 2018.
8. Баранов П. П. – Правовое регулирование робототехники и искусственного интеллекта в России: некоторые подходы к решению проблемы // Северо-Кавказский юридический вестник. 2018. № 1.

9. The Assessment List for Trustworthy Artificial Intelligence (ALTAI) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/assessment-list-trustworthy-artificial-intelligence-altai-self-assessment> (дата обращения: 16.06.2023).
10. Manyika, J., Chui, M., Miremadi, M., Bughin, J., George, K., Willmott, P., & Dewhurst, M. – A future that works: Automation, employment, and productivity. McKinsey Global Institute. (2017).

THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE PROGRAMS IN THE INTERVIEW PROCESS: RUSSIAN AND FOREIGN EXPERIENCE

Korkin M.S., Ruban P.O., Zaitseva E.A.
Far Eastern Federal University

The article is devoted to the use of artificial intelligence programs in the recruitment process and its impact on the sphere of labor relations. In the context of Russia's national development goals, automation of the recruitment process has become one of the directions of digital transformation of society in the field of labor law, which is why the authors analyze Russian and foreign modern developments in this area, such as services from the American startup Yobs, HireVue and the domestic recruiter robot Vera. The authors discuss the advantages and disadvantages of using artificial intelligence in the recruitment process, as well as possible risks associated with discrimination. The article also emphasizes the need to develop appropriate legal norms and mechanisms to protect the rights of employees in the context of the digital transformation of society. In general, the authors emphasize that these artificial intelligence programs are not an object of labor, but a human tool.

Keywords: labor law; artificial intelligence; recruiting; employment; digitalization.

References

1. Huang, Ming-Hui; Rast, Roland T – Artificial intelligence in service // Journal of Research in the service sector. 2018. No. 21 (2)
2. Shcherbakova O. V. – The influence of moral norms and moral principles on the legal regulation of labor relations: dis. ... cand. jurid. sciences. Yekaterinburg, 2017.
3. Shcherbakova O. V. – The use of artificial intelligence programs in hiring employees // Electronic appendix to the "Russian Law Journal". 2021. № 3.
4. Wikipedia. Artificial intelligence when applying for a job [Electronic resource]. – Access mode: https://en.wikipedia.org/wiki/Artificial_intelligence_in_hiring (accessed: 06/16/2023).
5. Suvalova T. V., Ashurbekov R.A. – Prospects for the use of artificial intelligence in domestic and foreign recruiting companies // UPIRR. 2018. No.6.
6. Serova A.V. – Introduction of digital technologies into the practice of interaction of subjects of employment relations with this employer // Electronic supplement to the "Russian Law Journal". 2019. № 5.
7. Khabibrakhimov A. – Amazon also worked to find colleagues and refused anything because of discrimination against women // Vc.ru. Career. 2018.
8. Baranov P. P. – Legal regulation of robotics and artificial intelligence in Russia: some approaches to solving the problem // North Caucasian Legal Bulletin. 2018. № 1.
9. Evaluation sheet for trustworthy artificial intelligence (ALTAI) [Electronic resource] – Access mode: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/assessment-list-trustworthy-artificial-intelligence-altai-self-assessment> (accessed: 06/16/2023).
10. Manjika J., Chui M., Miremadi M., Bugin J., George K., Willmott P. and Dewhurst M. – A future that works: automation, employment and productivity. McKinsey Global Institute. (2017).

Корпоративный договор как средство регламентации корпоративных отношений в России

Панова Дарья Анатольевна,
студент-магистрант, Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова
E-mail: panowa.dash@yandex.ru

В настоящее время корпоративные договоры имеют большое значение для регулирования отношений между участниками акционерных обществ. Статья посвящена исследованию развития и особенностей законодательного закрепления института корпоративных договоров в России. Отмечается, что первые корпоративные договоры в России были адаптацией зарубежного shareholder's agreement. Автор сравнивает возможности регулирования корпоративных отношений уставом общества и корпоративным договором, подчеркивая важность согласования этих двух инструментов для обеспечения эффективного управления и защиты интересов участников корпорации. Особое внимание в статье уделяется концепции deed of adherence и ее возможном применении в российском праве. Наконец, в статье рассматривается вопрос о том, кто может быть стороной корпоративного договора, и обсуждаются возможные последствия включения или исключения определенных сторон.

Ключевые слова: корпоративный договор, свобода договора, акционерное соглашение, договор присоединения, стороны корпоративного договора, устав общества.

С появлением корпоративных договоров в практике российского бизнеса в 1990-х годах открылись новые возможности для согласования интересов акционеров и обеспечения стабильности и предсказуемости в управлении компаниями.

В это время первые корпоративные договоры представляли собой перенос конструкции shareholder's agreement, широко распространенного в зарубежных практиках, на российские реалии. Они основывались на принципе свободы договора, позволяя сторонам определить собственные правила и условия, в соответствии с которыми они желали осуществлять свои корпоративные отношения. Эти ранние корпоративные договоры отражали особенности переходного периода в экономической и правовой системе России. В условиях быстро меняющейся законодательной базы и неопределенности в правовой практике, они позволяли акционерам приспособиться к новым условиям и обеспечить некоторую стабильность внутри компании [1, с. 144].

Начальный этап развития института корпоративного договора в российском праве связан с тем, что в этот период специальное нормативное регулирование самой возможности для акционеров заключать внутренние соглашения отсутствовало, и большая роль отводилась практике судов. В этом контексте знаковыми стали дела ЗАО «Русский Стандарт Страхование» и ОАО «МегаФон». В них предметом спора стала, фактически, сама возможность заключения и существования корпоративных соглашений в российском правовом порядке [2; 3].

В деле ЗАО «Русский Стандарт Страхование» судом исследовалась природа корпоративного соглашения. Суд пришел к выводу, что корпоративный договор является учредительным документом корпорации, а значит, его предмет, стороны и содержание не могут быть произвольными. В деле ОАО «Мегафон» суд, напротив, отказался рассматривать конкретные положения корпоративного договора, сославшись на отсутствие в законе какого-либо регулирования для рассматриваемого соглашения. Такая практика, если бы она получила развитие, поставила бы под угрозу саму возможность заключения корпоративных соглашений в российском правовом порядке.

Следует заметить, что классический немецкий вариант корпоративного договора предполагает существование обязательно-правового соглашения, которое позволяет регулировать отношения между конкретными участниками общества, не затрагивая вопросов, которые будут иметь влияние на остальных участников корпорации. Как от-

мечает Д.В. Степанов, по общему правилу такие соглашения не вторгаются в сферу корпоративного права, однако могут иметь то или иное значение для корпорации и её участников [4, с. 10].

Американская традиция корпоративных соглашений, напротив, основана на других принципах. Из-за особенностей развития корпоративного права в США акционеры почти полностью отстранены от принятия каких-либо оперативных решений по корпоративным вопросам. Поэтому для данного правопорядка основной целью стало расширение возможностей акционеров по управлению корпорацией. Это обусловило упор на корпоративный (управленческий) элемент в корпоративных соглашениях, подчинённых праву США [5, с. 104].

Спорным является вопрос о том, какую модель корпоративного договора избрал российский правопорядок. Так, Е.А. Суханов критически отнёсся к стремлению Совета по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства привести в корпоративный договор элементы, присущие англо-американской модели соглашений. Вместе с тем из анализа норм Гражданского кодекса Российской Федерации ясно, что в российском праве корпоративный договор не ограничен только обязательственным элементом. Российская модель корпоративного договора является смешением англо-американского и немецкого подхода, что и обуславливает существование различных возможностей его использования. Одновременно в соглашении могут существовать как положения о порядке голосования (аналог «voting agreement» из американского права), так и положения о порядке отчуждения долей (аналогичны немецким корпоративным договорам между участниками по поводу распоряжения их долями) и др. Представляется, что можно рассматривать корпоративный договор как договор, имеющий одновременно корпоративно-правовую и обязательственно-правовую природу [6, с. 24; 7, с. 39].

Статья 67.2 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) содержит норму, в которой описывается предмет корпоративного договора. Из анализа данной статьи можно сделать вывод, какой круг вопросов предложен законодателем для регулирования в корпоративном договоре: совместное осуществление или воздержание от осуществления корпоративных прав, при котором стороны договора преследуют единую цель; осуществление или воздержание от осуществления корпоративных прав, воздержание от отчуждения долей (акций) до наступления определенных обстоятельств, при котором стороны договора преследуют различные цели, приобретение или отчуждение доли в его уставном капитале (акций) по определенной цене или при наступлении определенных обстоятельств. Данный список, однако, отнюдь не исчерпывающий. [8; 9, с. 71].

В корпоративный договор можно включить любые иные положения, которые имеют значение для акционеров: порядок принятия важных внутренних документов (бизнес-план, годовые бюджеты), по-

рядок принятия решений по вопросам исключительной компетенции, расширение информационных прав акционеров, условия о финансировании общества и многое другое.

Вопрос сторон корпоративного договора был и остаётся одним из самых дискуссионных и сложных. Именно эта проблема наиболее ярко показывает различное понимание структуры корпоративных договоров в российском и зарубежном правопорядках. Наибольшее внимание в дискуссии о сторонах корпоративного договора отдаётся возможности общества быть его стороной. Например, в английском правопорядке признаётся возможность общества стать одной из сторон акционерного соглашения. В.В. Долинская пришла к выводу, что такая конструкция существует для выполнения нескольких задач. В частности, они связывают компанию обязательствами, которые могли бы быть включены в устав компании, но предпочтительно закрепляются в акционерном соглашении. Также они налагают обязательства на компанию по признанию и исполнению прав акционера-бенефициара и установлению определенных правил голосования. Дополнительно, акционерные соглашения могут обязывать директоров компании исполнять соглашение при осуществлении своих полномочий, особенно если директор не является акционером. И наконец, они могут требовать от компании обязательства по осуществлению контроля над дочерними предприятиями. В целом, акционерные соглашения способствуют установлению четких обязательств и прав, обеспечивая эффективное управление и защиту интересов всех сторон [10, с. 34; 11, с. 76].

В континентальном праве превалирует иной подход. В большинстве правопорядков общество не может быть стороной корпоративного договора. Так, в немецком правопорядке общество также не может быть стороной корпоративного договора: это обусловлено природой корпоративного договора в немецком праве: он порождает обязательственные отношения между сторонами, его заключившими. Включение общества в данную конструкцию лишено смысла, так как будет противоречить модели немецкого корпоративного договора [12, с. 152; 4, с. 29].

Анализ российского законодательства даёт основания исключить общество из возможных сторон корпоративного договора. В ст. 67.2 ГК РФ общество прямо не включается в перечень возможных участников корпоративного договора. Следуя этой логике, к сторонам корпоративного договора можно отнести акционеров (участников), кредиторов общества, кредиторов его участников и иных третьих лиц в целях защиты охраняемых законом интересов таких лиц (в данном случае имеются в виду, например, держатели опционов). В соответствии со ст. 422 ГК РФ договор не может противоречить этим императивным нормам [13, с. 95].

Сильным аргументом, подтверждающим невозможность отнесения общества к одной из сторон корпоративного договора, является процедура уве-

домления общества о заключении такого договора его участниками. Это свидетельствует о том, что в соответствии с российским правом общество не может быть стороной корпоративного договора. Однако данный аргумент вызывает вопросы. Является ли обязанность уведомления общества существенным ограничением? Представляется, что нет. Стороной корпоративного договора можно стать и после его заключения в порядке присоединения, а значит общество может стать стороной корпоративного договора уже после осуществления необходимой процедуры, что нивелирует данный аргумент.

В доктрине доминирующей является точка зрения, включающая корпорацию в качестве одной из сторон корпоративного соглашения. Например, В.Г. Бородин выступает за включение общества в список потенциальных сторон корпоративного договора. Он связывает это с необходимостью возложить на общество обязанность по контролю за соблюдением корпоративного договора. Однако какие еще задачи поможет решить корпоративный договор, стороной которого является общество? Например, это ограничит возможность заключения исполнительным органом общества сделок в нарушение корпоративного договора. Стороны соглашения получают возможность признать сделку недействительной в связи с её противоречием корпоративному договору. Кроме того, это позволит возлагать различные обязанности на общество, которые будут гарантировать дополнительный контроль как со стороны акционеров (например, расширение информационных прав), так и дополнительный контроль со стороны общества (соблюдение условий корпоративного договора) [14, с. 135].

Отметим, что некоторые из выше указанных задач возможно решить без привлечения общества в качестве стороны корпоративного договора. Например, обязанность предоставления участникам общества дополнительной отчётной информации возможна и без привлечения общества в качестве стороны корпоративного договора. Данная обязанность обеспечивается через солидарное возложение на участников общества такой обязанности, что уже устоялось в судебной практике [15].

Таким образом, вопрос участия общества в субъектном составе корпоративного договора остаётся открытым. Включение общества позволит упростить регламентацию корпоративных отношений, что вполне ясно показывает зарубежная судебная практика.

Одной из серьезных задач, решение которой имеет существенное значение для исследования особенностей субъектного состава корпоративного договора стал поиск аналога английской конструкции *deed of adherence* в российском праве.

Конструкция *deed of adherence* (досл. «акт присоединения») предоставляет возможность лицу, приобретающему акции в компании, где уже действует акционерное соглашение, присоединиться к этому соглашению на условиях, которые были предложены и согласованы между существующи-

ми участниками при заключении корпоративного договора. Суть данной конструкции заключается в том, что новый акционер вступает в существующее акционерное соглашение и принимает его условия без необходимости пересматривать или переговаривать эти условия. Таким образом, он становится стороной существующего соглашения и обязуется соблюдать его положения в той же мере, что и другие участники. *Deed of adherence* обычно содержит информацию о новом акционере, количество и тип приобретаемых им акций, а также подтверждение его намерения присоединиться к акционерному соглашению и соблюдать его условия. Этот документ обычно подписывается как самим новым акционером, так и существующими участниками соглашения. *Deed of adherence* позволяет обеспечить непрерывность и стабильность внутрикорпоративных отношений, даже при вступлении новых акционеров. Она облегчает процесс присоединения к корпоративному договору и предотвращает необходимость дополнительных переговоров при каждом новом приобретении акций каким бы то ни было лицом – новым акционером [10, с. 65].

В отличие от *shareholders' agreement* (досл. «акционерное соглашение»), который в английском праве имеет схожую природу, что и *articles of association* (досл. «устав ассоциации»), последний распространяет своё действие на всех участников автоматически. Для присоединения к акционерному соглашению, участниками которого являются все акционеры общества, существует конструкция *deed of adherence*.

В российской практике нет единого взгляда на реализацию этой конструкции. Так, Е.В. Глухов предлагает использовать модель передачи договора, предусмотренную ГК РФ. В таком случае при передаче всех прав и обязанностей по договору будут применяться правила об уступке требования и переводе долга [13, с. 548].

На практике для оформления замены участника в корпоративном договоре, можно использовать дополнительное соглашение о замене участника. Это соглашение предусматривает, что новый участник принимает на себя все права и обязанности предыдущего участника, а остальные участники выражают свое согласие на такую замену. Однако следует отметить, что данная конструкция не обеспечивает полную защиту от возможности нового участника избежать своего участия в корпоративном договоре или от неисполнения своих обязанностей по этому договору. Поэтому при использовании дополнительного соглашения о замене участника необходимо учесть несколько важных аспектов. Прежде всего, важно получить явное и безусловное согласие всех остальных участников на замену участника. Это можно достичь путем подписания дополнительного соглашения или проведения голосования, чтобы убедиться, что все участники одобряют замену. Дополнительное соглашение должно ясно определить, какие права и обязанности переходят на нового участника.

Необходимо убедиться, что новый участник полностью осознает свои обязательства и готов их исполнить. Важным аспектом является также определение процедуры замены участника. При составлении дополнительного соглашения следует учесть возможные ограничения и оговорки, например, запрет на передачу доли третьим лицам или требования по квалификации нового участника. Вместе с тем, несмотря на использование дополнительного соглашения о замене участника, важно понимать, что оно не может гарантировать полную защиту от возможных рисков и проблем, связанных с заменой участника в корпоративном договоре. Поэтому для обеспечения юридической гарантии и защиты интересов участников рекомендуется обратиться к компетентному юристу или юридической фирме, специализирующейся на корпоративном праве.

В таком случае предпочтительнее включить в корпоративный договор обязательство продавца обеспечить присоединение покупателя к корпоративному договору на аналогичных условиях содержащихся в настоящем соглашении участников. Формат соглашения о перемене лица в обязательстве должен предусматриваться непосредственно в корпоративном договоре. Таким образом можно обезопасить участников корпоративного договора при выходе одной из сторон из соглашения в связи с продажей доли, что является особенно актуальной проблемой в случае заключения договора между всеми участниками общества.

При регламентации корпоративных отношений не стоит забывать, что главный документ, регламентирующий корпоративные отношения – это устав общества. Следует выяснить, как соотносятся два главных инструмента регламентации корпоративных отношений: устав общества и корпоративный договор. Наиболее важной проблемой в этом контексте является недействительность корпоративного договора в случае его противоречия уставу. В п. 7 ст. 67.2 ГК РФ содержится норма, согласно которой стороны корпоративного договора не вправе ссылаться на его недействительность в связи с его противоречием положениям устава хозяйственного общества. Данная норма неочевидна: значит ли это, что мы можем заведомо включать в корпоративный договор положения, противоречащие уставу общества?

Как отмечает Д.О. Бирюков, данная норма не даёт оснований включать в корпоративный договор положения, противоречащие уставу. Однако такой договор в определённых случаях будет действителен в той части, в которой он противоречит уставу общества [16, с. 16; 17].

Каковы эти условия?

Строго говоря, корпоративное соглашение не может порождать новых прав (потому и не является источником корпоративного права), а лишь закрепляет порядок распоряжения уже существующими в уставе и законе правами и обязанностями. Права и обязанности участников (акционеров) общества, сведения о порядке принятия органами

общества решений закрепляются непосредственно в уставе, являясь основой для их дальнейшего распоряжения в корпоративном договоре [18, с. 14–16].

Таким образом, ссылка на корпоративный договор, противоречащий уставу, будет действительна в следующих случаях: если на лицо отсутствие нарушения императивных запретов, корпоративный договор заключен всеми участниками или отсутствует ущемление прав и законных интересов других участников общества. Такое соглашение будет иметь судебную защиту в случае попытки его оспаривания одной из сторон общества, на что непосредственно и указывает норма ГК РФ. Однако третьи лица смогут оспорить данное соглашение в рамках общеправового запрета злоупотребления правом, с чем согласился Верховный Суд Российской Федерации (см.п. 37 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25) [17].

Другой важной доктринальной проблемой является регулирование корпоративным договором вопросов, которые могут включаться одновременно как в корпоративное соглашение, так и в устав. В каких случаях лучше использовать корпоративный договор? Например, когда один из акционеров желает дать права другому акционеру в личном порядке, а не каждому акционеру с соответствующим объёмом участия в капитале. Это позволяет защитить как миноритарных, так и мажоритарных акционеров, которые не хотят перехода непропорциональных прав к новому владельцу пакета акций. Однако это будет выполнимо только при условии отсутствия в уставе соответствующих запретов, иначе обратное будет влечь недействительность корпоративного договора в данной части. Кроме того, у корпоративного договора между всеми участниками общества есть важное преимущество – конфиденциальность. Соглашение позволит сохранить договорённости в тайне (это невозможно при использовании устава в силу принципа публичности). В отличие от устава, раскрытие условий корпоративного договора предполагается только в установленных законом случаях.

Однако у данного преимущества для сторон корпоративного договора есть и сторона медали. Контрагенты просто не будут иметь доступа к информации о том, как на самом деле распределены права и обязанности участников общества. Каким образом будут защищаться их права?

В 2020 году появилась возможность предоставить в ЕГРЮЛ сведения о заключении корпоративного договора, как того требует ст. 66 ГК РФ. Согласно законодательным положениям, это должно происходить в случае изменения объема правомочий участников непубличного хозяйственного общества. В отношении публичных обществ правило раскрытия информации об изменении правомочий участников предусматривалось и ранее через законодательство о ценных бумагах [19; 20].

Литература

1. Костырко А.Б. Акционерные соглашения: проблемы и перспективы // Закон. 2007. № 12. С. 143–149.
2. Решение Арбитражного суда города Москвы от 26.12.2006 по делу № А40–62048/06–81–343 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Постановление Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 31.03.2006 по делу № Ф04–2109/2005(14105-А75–11), № Ф04–2109/2005(15210-А75–11), № Ф04–2109(15015-А75–11), № Ф04–2109/2005(14744-А75–11) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. Степанов Д.И., Фогель В.А. Корпоративный договор: подходы российского и немецкого права к отдельным вопросам регулирования // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – М.: Закон. 2012. № 10. С. 22–69.
5. LeRoy H. Redfern. Corporations-Shareholders' Voting Agreements: Drafting Precautions // University of Michigan Law School. 1947. № 2. pp. 98–112.
6. Суханов Е.А. Уставный капитал хозяйственного общества в современном корпоративном праве // Вестник гражданского права. 2012. № 2. С. 23–28.
7. Шиткина И.С. Соглашения акционеров (договоры об осуществлении прав участников) как источник регламентации корпоративных отношений // Хозяйство и право. 2011. № 2. С. 36–47.
8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу 14.04.2023 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
9. Бородкин В.Г. Гражданско-правовое регулирование корпоративного договора в российском праве. – М.: Юстицинформ, 2017. – 224 с.
10. Thomas, K.R. The law and practice of shareholders' agreements / K.R. Thomas, C. Ryan. – London: Butterworths, 1999. – 358 p.
11. Акционерное право: основные положения и тенденции. Монография / Долинская В.В. – М.: Волтерс Клувер, 2006.
12. Ода Х. Акционерные соглашения: осторожный шаг вперед // Вестник гражданского права. 2010. № 1. С. 132–161.
13. Глухов Е.В. Корпоративный договор: подготовка и согласование при создании совместного предприятия / Е.В. Глухов. – М.: Статут, 2017. – 670 с.
14. Гражданско-правовое регулирование корпоративного договора в российском праве. Монография / Бородкин В.Г. – М.: Юстицинформ, 2017.
15. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 24 июля 2012 г. № 3627/12 по делу № А70–1717/2011 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

16. Бирюков Д.О. Корпоративный договор как механизм регулирования корпоративных отношений // Хозяйство и право. 2016. № 11. С. 17–30.
17. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 8.
18. Ломакин Д.В. Договоры об осуществлении прав участников хозяйственных обществ как новелла корпоративного законодательства // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2009. № 8. С. 6–26.
19. Приказ Федеральной антимонопольной службы России от 31.08.2020 № ЕД-7–14/617@ (ред. от 06.11.2020) «Об утверждении форм и требований к оформлению документов, представляемых в регистрирующий орган при государственной регистрации юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и крестьянских (фермерских) хозяйств» (Зарегистрировано в Минюсте России 15.09.2020 г. № 59872) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
20. Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» от 22.04.1996 г. № 39-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу 19.12.2022 г.) // СЗ РФ. 1996. № 17. Ст. 1918.

CORPORATE AGREEMENT AS A MEANS OF REGULATING CORPORATE RELATIONSHIPS IN RUSSIA

Panova D.A.

Moscow State University named after M.V. Lomonosov

Currently, corporate agreements are of great importance for regulating relations between participants in joint-stock companies. The article is dedicated to the study of the development and peculiarities of the legislative consolidation of the institution of corporate contracts in Russia. It is noted that the first corporate agreements in Russia were adaptations of a foreign shareholder's agreement. The author compares the possibilities of regulating corporate relations by a company charter and a corporate agreement, emphasizing the importance of coordinating these tools to ensure effective management and protection of the interests of the corporation's participants. The article pays special attention to the concept of deed of adherence and its possible application in Russian law. Finally, the article examines the question of what subjects can be a party to a corporate agreement and discusses the possible consequences of including or excluding certain subjects.

Keywords: corporate agreement, freedom of contract, shareholders' agreement, deed of adherence, accession agreement, parties to a corporate agreement, company charter.

References

1. Kostyrko A.B. Shareholder agreements: problems and prospects // Law. 2007. No. 12. S. 143–149.
2. Decision of the Arbitration Court of the city of Moscow dated December 26, 2006 in case No. A40–62048 / 06–81–343 // Access from the ConsultantPlus ATP.
3. Ruling of the Federal Arbitration Court of the West Siberian District dated March 31, 2006 in case No. F04–2109/2005(14105-A75–11), No. F04–2109/2005(15210-A75–11), No. F04–2109(15015 -A75–11), No. Ф04–2109/2005(14744-А75–11) // Access from ConsultantPlus ATP.
4. Stepanov D.I., Vogel V.A. Corporate agreement: approaches of Russian and German law to certain issues of regulation // Bul-

- letin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. – M.: Law. 2012. No. 10. S. 22–69.
5. LeRoy H. Redfern. Corporations-Shareholders' Voting Agreements: Drafting Precautions // University of Michigan Law School. 1947. No. 2. pp. 98–112.
 6. Sukhanov E.A. The authorized capital of a business entity in modern corporate law // Bulletin of Civil Law. 2012. No. 2. S. 23–28.
 7. Shitkina I.S. Agreements of shareholders (contracts on the exercise of the rights of participants) as a source of regulation of corporate relations // Economy and law. 2011. No. 2. S. 36–47.
 8. Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended and supplemented, entered into force on April 14, 2023) // SZ RF. 1994. No. 32. Art. 3301.
 9. Borodkin V.G. Civil law regulation of a corporate agreement in Russian law. – M.: Yustitsinform, 2017. – 224 p.
 10. Thomas, K.R. The law and practice of shareholders' agreements / K.R. Thomas, C. Ryan. – London: Butterworths, 1999. – 358 p.
 11. Joint stock law: main provisions and trends. Monograph / Dolinskaya V.V. – M.: Wolters Kluwer, 2006.
 12. Oda H. Shareholder agreements: a cautious step forward // Bulletin of Civil Law. 2010. No. 1. S. 132–161.
 13. Glukhov E.V. Corporate agreement: preparation and approval when creating a joint venture / E.V. Glukhov. – M.: Statute, 2017. – 670 p.
 14. Civil law regulation of a corporate agreement in Russian law. Monograph / Borodkin V.G. – M.: Yustitsinform, 2017.
 15. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated July 24, 2012 No. 3627/12 in case No. A70–1717/2011 // Access from the ConsultantPlus ATP.
 16. Biryukov D.O. Corporate agreement as a mechanism for regulating corporate relations // Economy and law. 2016. No. 11. pp. 17–30.
 17. Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 23, 2015 No. 25 “On the application by the courts of certain provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation” // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2015. No. 8.
 18. Lomakin D.V. Agreements on the implementation of the rights of participants in business entities as a novelty of corporate legislation // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2009. No. 8. S. 6–26.
 19. Order of the Federal Antimonopoly Service of Russia dated August 31, 2020 No. ED-7–14/617@ (as amended on November 6, 2020) “On approval of forms and requirements for the execution of documents submitted to the registration authority during state registration of legal entities, individual entrepreneurs and peasant (farm) households” (Registered with the Ministry of Justice of Russia on September 15, 2020, No. 59872) // Access from the ConsultantPlus ATP.
 20. Federal Law “On the Securities Market” dated April 22, 1996 No. 39-FZ (as amended and supplemented, entered into force on December 19, 2022) // SZ RF. 1996. No. 17. Art. 1918.

Слизков Даниил Андреевич,

студент Юридической школы, Дальневосточный федеральный университет

E-mail: slizkov.da@students.dvfu.ru

Соловьева Александра Евгеньевна,

студент Юридической школы, Дальневосточный федеральный университет

E-mail: soloveva.ae@dvfu.ru

В современных реалиях интернет-аккаунты являются удобным способом предложения и сбыта товаров, что обуславливает их коммерческую ценность. В связи с чем возникает необходимость закрепления на законодательном уровне унифицированного понятия интернет-аккаунта и единых правил правового регулирования данного объекта гражданских прав. В данной статье авторами исследована правовая природа и возможность признания интернет-аккаунта объектом гражданских прав, а также рассмотрены теоретические и практические вопросы наследования интернет-аккаунтов. Сформулирован вывод об отсутствии на данный момент единого научного мнения о правовой природе интернет-аккаунта, наличии пробелов в правовом регулировании этого явления, и рассматриваются возникающие в связи с этим противоречия в вопросе наследования интернет-аккаунтов.

Ключевые слова: интернет-аккаунт, социальные сети, наследование, имущественная ценность, объект гражданских прав, цифровые права, результаты интеллектуальной деятельности.

В последние десятилетия мировая общественность по совершенно объективным и последовательным причинам стала невольным свидетелем бурного роста информационных технологий, свидетельствующего о скорейшем окончательном становлении информационного общества. На сегодняшний день в качестве одного из результатов вышеупомянутых процессов выступает цифровизация сети «Интернет», предопределившая возрастающую роль виртуальных объектов гражданских прав, их коммерциализацию и все большее вовлечение в хозяйственный оборот. Подобных нетрадиционных для гражданского права объектов уже сейчас огромное множество и в ближайшем будущем нам предстоит огромная работа по установлению их правовой природы. Однако часть из них, характеризующая отсутствием специального назначения и потому большей распространенностью, уже сейчас создает проблемы для юридической науки и практики, что предопределяет их первоочередное изучение, к таким объектам в том числе относится интернет-аккаунт.

Объекты гражданского права – материальные и нематериальные блага, по поводу которых возникают общественные отношения, входящие в предмет гражданского права, и на которые направлены субъективные права и юридические обязанности участников гражданских правоотношений [1]. Ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) определяет примерный их перечень, при этом оставляя его открытым, что является абсолютно верным, дальновидным законодательным решением. Сложно поспорить, что общественные отношения, составляющие предмет гражданско-правового регулирования, находятся в вечном движении и в большей мере подвержены динамике. Именно поэтому нормативный критерий определения объектов, находящихся в сфере действия гражданского права, не может быть доминирующим, куда важнее факт реальной возможности потенциального объекта стать тем, по поводу чего складываются конкретные правоотношения, иметь истинно гражданско-правовое значение, которое выражается в ряде общих сущностных характеристик, не зависящих от индивидуального правового режима каждого отдельного вида объектов:

1. Дискретность объекта – качественная или количественная определенность, особенность объекта, которая делает возможным его отделение от остального мира;
2. Полезность объекта – его способность удовлетворять частные интересы субъектов гражданских прав;
3. Охраноспособность объекта гражданско-правовыми механизмами;

4. Способность участия в гражданско-правовых отношениях [2].

Выделяют и иные признаки, определяющие сущность объектов гражданского права, например, профессор В.А. Лапач в число их универсальных свойств также включает юридическую привязку, которую предлагает понимать как нормативное установление правообъектности того или иного блага, то есть признания его объектом гражданского права по закону, а также признак системности, который выражает некую системную взаимосвязь с иными объектами гражданского права. Полностью признавая справедливость выделения настоящих свойств, мы все же намеренно их как бы отделили от представленных выше пунктов. Дело в том, что их действие активируется лишь в случае фактического признания потенциального объекта системой действующего гражданского права, до тех пор для выявления потенциала у соответствующего объекта быть объектом гражданского права необходимо и достаточно его соотнесения только с первыми четырьмя чертами.

Очевидно, что интернет-аккаунт вполне соответствует всему перечисленному и, соответственно, может выступать объектом гражданского права, однако возникает вполне последовательный вопрос: к какому виду объектов, поименованных ст. 128 ГК РФ, он относится, и, если ни к какому, можно ли признать его природу уникальной и до сих пор неизвестной действующему гражданскому законодательству?

В настоящее время в доктрине не сложилось единообразного подхода по данному вопросу. Существует несколько точек зрения по поводу правовой природы интернет-аккаунта.

Прежде всего, надо сказать, сам вопрос и причины трудности ответа на него обусловлены тем фактом, что, несмотря на реальную распространенность интернет-аккаунтов в современном мире, легальное определение, которое бы вносило ясность в понимание столь специфического явления, в российском гражданском законодательстве до сих пор отсутствует.

В некотором смысле восполняют этот пробел подзаконное нормотворчество и правовые позиции высших судебных инстанций. Так, например, в приказе Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации (далее – ВС РФ) «Об утверждении Временного порядка организации работы по созданию аккаунтов...» «интернет-аккаунт рассматривается как учетная запись (профиль), зарегистрированная на информационном ресурсе в сети «Интернет» (в социальной сети), которая содержит набор сведений о пользователе и позволяет администрировать страницу в социальной сети, осуществлять действия по ее информационному наполнению, а также совершать иные действия, предусмотренные правилами информационного ресурса в сети «Интернет» [3]. Из предложенного определения Судебным департаментом ВС РФ можно вывести следующие признаки интернет-аккаунта:

1. В первую очередь, это учетная запись, существующая в рамках определенного информационного ресурса – некоторой информационной системы (социальной сети, маркетплейсе, сервиса по оказанию услуг и др.);
2. Представляет собой совокупность данных о пользователе, которые он обязательно или опционально сообщает этой информационной системе;
3. Наличие правообъектности – способность быть тем, по поводу чего совершаются определенные действия, возникают правоотношения;
4. Подчиненность правилам той информационной системы, в рамках которой он существует.

Подробное расчленение понятия интернет-аккаунта дает почти прозрачный ответ на вопрос о его правовой природе и отношении к конкретному виду объектов из числа перечисленных ст. 128 ГК РФ. Выделенные свойства крайне созвучны с понятием цифровых прав, которые, в соответствии со ст. 141.1 ГК РФ определяются как названные в таком качестве в законе обязательные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы. Цифровые права по своей сути – это любые имущественные права, известные гражданскому праву, фиксируемые в цифровой форме и существующие только в рамках информационной системы. И несмотря на то, что в соответствии с действующим гражданским законодательством, цифровые права существуют только в виде утилитарных цифровых прав и цифровых финансовых активов, к коим интернет-аккаунт не может быть отнесен, все же стоит признать, что суть его природы кроется именно в цифровом характере.

Аналогичной позиции придерживается А.И. Овчинников, который относит цифровой аккаунт к цифровым активам, охраняемым гражданским законодательством [4].

В то же время ряд авторов высказывает мнение о возможности отнесения интернет-аккаунта к объектам интеллектуальной собственности. Возможность отнесения аккаунта к результату интеллектуальной деятельности будет зависеть от содержания страницы.

Так, по мнению Е.С. Гринь аккаунты в социальных сетях можно рассматривать как «мультимедийные продукты (ст. 1240 ГК РФ), если они соответствуют признакам данных сложных объектов, либо как интернет-сайты (составные произведения, ст. 1260 ГК РФ)» [5].

В первом случае интернет-аккаунт в социальной сети может быть признан результатом интеллектуальной деятельности как сложный объект в соответствии с п. 1 ст. 1240 ГК РФ, в том случае, если материалы интернет-аккаунта являются самостоятельными объектами авторских прав.

В рамках сложного объекта интернет-аккаунт следует рассматривать как мультимедийный продукт, под которым Е.С. Гринь предлагает понимать «выраженный в электронной (цифровой)

форме объект авторских прав, который включает несколько охраняемых результатов интеллектуальной деятельности (таких, как программа для ЭВМ, произведения изобразительного искусства, музыкальные произведения и др.) и с помощью компьютерных устройств функционирует в процессе взаимодействия с пользователем» [6].

Также интернет-аккаунт в социальной сети можно рассматривать как составное произведение согласно пп. 2 п. 2 ст. 1259 Гражданского кодекса РФ, так как, по сути, на страничке аккаунта в социальных сетях, есть подбор и расположение результатов творческого труда, и, как правило, однородных, которые образуют единое произведение.

Рассмотрев существующие в доктрине точки зрения по поводу правовой природы интернет-аккаунта, следует перейти к вопросу о возможности его наследования.

Согласно ст. 1112 ГК РФ в состав наследства входят принадлежавшие наследодателю на день открытия наследства вещи, иное имущество, в том числе имущественные права и обязанности, кроме прав и обязанностей, которые непосредственно связаны с личностью наследодателя.

Вопрос о наследовании интернет-аккаунта будет решаться по-разному в зависимости от того, к какому виду объектов гражданских прав относить аккаунт в социальной сети.

В том случае, если мы признаем аккаунт результатом интеллектуальной деятельности (составным произведением или сложным произведением), то права на аккаунт наследуются как права на объект авторского права.

Если же мы признаем аккаунт в качестве объекта цифровых прав, то объектом гражданских прав является не сам аккаунт в социальной сети, а цифровое право лица пользоваться таким аккаунтом, которое вытекает из пользовательского соглашения между наследодателем и социальной сетью. Так, согласно ч. 1 ст. 141.1 ГК РФ цифровыми правами являются обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Таким образом, объектом гражданских прав будет цифровое право на получение доступа к аккаунту, которое признается объектом гражданских прав, согласно ст. 128 ГК РФ. Цифровое право является элементом наследственной массы и может переходить по наследству в порядке универсального правопреемства.

Данная позиция нашла свое отражение в нотариальной практике, согласно которой аккаунты рассматриваются как цифровые активы, которые включают в себя результаты интеллектуальной деятельности.

Аналогичного подхода к решению вопроса о наследовании аккаунта в социальной сети придерживается Верховный суд Германии (далее – ВС Германии). В своем решении суд указывает, что в случае смерти пользователя Facebook у социальной сети сохраняются договорные обязательства

по непрерывной передаче данных, а также по обеспечению технической возможности непрерывного доступа к сохранённым на сервере данным умершего пользователя.

ВС Германии считает, что предоставление доступа к коммуникационным услугам не нарушает принцип тайны телекоммуникации. В случае смерти первоначальной стороны договора наследник становится новым участником договора на основе существующей технической возможности непрерывного доступа к сохранённым на сервере данным. В связи с чем ВС Германии отклонил довод Facebook о защите тайны коммуникации умершего пользователя по договору, так как участником такой коммуникации, нуждающимся в защите, является пользователь при жизни [7].

При этом в настоящее время вопрос о возможности наследования интернет-аккаунта отдан на усмотрение операторам социальных сетей.

Например, правила политики социальной сети Instagram предусматривают возможность присвоить аккаунту умершего владельца статус «памятного аккаунта», но доступ к нему не предоставляется. Разработчики по просьбе родственников могут только удалить такой аккаунт.

Сходные положения содержатся также и в правилах таких социальных сетей, как Facebook и ВКонтакте.

Таким образом, отсутствие единого подхода к правовой природе интернет-аккаунта в совокупности с отсутствием законодательного регулирования в данной области создает достаточно серьезные проблемы на практике, в том числе в вопросах наследования интернет-аккаунтов. В связи с чем представляется необходимым введение специальных правил о регулировании наследования цифровой собственности.

Литература

1. Шорников, Д.В. Еще раз о признаках объектов гражданских прав / Д.В. Шорников // Сибирский юридический вестник. 2007. № 1(36). С. 40–44.
2. Ахмадуллина, А.Ф. Гражданско-правовое значение аккаунтов в социальных сетях / А.Ф. Ахмадуллина // Lex Russica. 2022. Том 75 № 12(193). С. 130–134.
3. Об утверждении Временного порядка организации работы по созданию аккаунтов, созданию и ведению официальных страниц в социальной сети в социальной сети федеральных судов общей юрисдикции, федеральных арбитражных судов, мировых судей, Судебного департамента при Верховном Суде РФ и управлений Судебного департамента в субъектах РФ: Приказ Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 25 ноября 2022 г. № 216 – Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронные ресурсы]. – Режим доступа – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=1w>

M6wfTG0ulffzLT1&cacheid=59BD-3098822F278818718A29B7205385&mode=splus&rnd=V9H6wfTqQMKA6Qvr&base=LAW&n=434881#fgnNAgTg9sBsbOuK1 (Дата обращения: 04.06.2023).

4. Овчинников, А.И., Фатхи, В.И. Цифровые права как объекты гражданских прав / А.И. Овчинников // *Философия права*. 2019. № 3 (90). С. 104–112.
5. Гринь, Е.С. Наследование аккаунтов в социальных сетях: российский и зарубежный опыт / Е.С. Гринь // *Актуальные проблемы российского права*. 2022. Т. 17. № 2. С. 128–134.
6. Гринь, Е.С. Авторские права на мультимедийный продукт: монография / Е.С. Гринь // Изд-во: Проспект, 2015. 128 с.
7. Амбарцумов, Р.А. Аккаунты социальных сетей как объекты наследственных правоотношений / Р.А. Амбарцумов // *Вопросы российской юстиции*. 2019. № 1. С. 132–138.

LEGAL REGULATION OF INHERITANCE OF AN INTERNET ACCOUNT

Slizkov D.A., Solovyova A.E.

Far Eastern Federal University

In modern realities Internet accounts are a convenient way to offer and sell goods, which determine their commercial value. There is a need to consolidate at the legislative a unified concept of an Internet account and uniform rules for the legal regulation of this object of civil law. The article researches the legal nature and possibility of recognizing an internet account as an object of civil law as well as theoretical and practical issues of its inheritance. It is concluded that there is currently no single scientific opinion on the legal nature of the internet account, the presence of gaps in the legal regulation

of this phenomenon, and the resulting contradictions in the issue of internet account inheritance are considered.

Keyword: internet account, social networks, inheritance, property value, object of civil law, digital rights, results of intellectual activity.

References

1. Shornikov, D.V. Once again about the signs of objects of civil rights / D.V. Shornikov // *Siberian Legal Bulletin*. 2007. No. 1 (36). pp. 40–44.
2. Akhmadullina, A.F. Civil legal significance of accounts in social networks / A.F. Akhmadullina // *Lex Russica*. 2022. Volume 75 No. 12(193). pp. 130–134.
3. On approval of the Temporary procedure for organizing work on creating accounts, creating and maintaining official pages on a social network in the social network of federal courts of general jurisdiction, federal arbitration courts, justices of the peace, the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation and departments of the Judicial Department in the constituent entities of the Russian Federation: Order of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation dated November 25, 2022 No. 216 – Reference and legal system “Consultant Plus”: [Electronic resources]. – Access mode – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=1wM6wfTG0ulffzLT1&cacheid=59BD3098822F278818718A29B7205385&mode=splus&rnd=V9H6wfTqQMKA6Qvr&base=LAW&n=434881#fgnNAgTg9sBsbOuK1> (Date of access: 06/04/2023).
4. Ovchinnikov, A.I., Fatkhi, V.I. Digital rights as objects of civil rights / A.I. Ovchinnikov // *Philosophy of Law*. 2019. No. 3 (90). pp. 104–112.
5. Grin, E.S. Inheritance of accounts in social networks: Russian and foreign experience / E.S. Grin // *Actual problems of Russian law*. 2022. V. 17. No. 2. S. 128–134.
6. Grin, E.S. Copyright for multimedia product: monograph / E.S. Grin // Publishing House: Prospekt, 2015. 128 p.
7. Ambartsumov, R.A. Accounts of social networks as objects of hereditary legal relations / R.A. Ambartsumov // *Questions of Russian justice*. 2019. No. 1. pp. 132–138.

Законодательное закрепление критериев правомерности кооптации в российском корпоративном праве

Тиханова Евгения Михайловна,

бакалавр факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
E-mail t_evgenia05@mail.ru

Статья посвящена такому правовому явлению в российском корпоративном праве как кооптация. Автором проанализированы вопросы определения понятия кооптации, существования кооптации в российском корпоративном праве, правомерности такого явления как кооптация в целом. Далее автором предложено собственное определение понятия кооптации, делаются выводы о наличии противоположных мнений относительно правомерности кооптации в российском праве. Также автор приходит к выводу о необходимости законодательного закрепления критериев правомерности кооптации и формирует свою систему подобных критериев. В качестве критериев правомерности автор предлагает рассматривать следующие положения: ненарушение императивных норм, наличие объективных оснований для кооптации, соблюдение соотношения кооптированных и «выбывших» членов, соблюдение процедур как сопутствующих кооптированию членов, так и следующих за кооптацией.

Ключевые слова: кооптация, органы юридического лица, формирование органов юридического лица, избрание органом своих членов, доизбрание.

Одним из приоритетных направлений развития Российской Федерации названо совершенствование корпоративного законодательства [12]. При этом, к числу задач относится гармонизация законодательства, совершенствование механизмов регулирования деятельности корпораций, снижение административной нагрузки на организации. В связи с этим, особенно актуальным выглядит освещение в правовом поле такого механизма как процедура кооптации. Парадоксально, но данный механизм одновременно является крайне неразработанным в законодательстве и довольно часто применимым на практике. Стоит сказать, что чаще всего кооптация используется в деятельности некоммерческих организаций. В рамках анализа вопроса автору удалось найти уставы и локальные акты различных некоммерческих организаций, использующих этот правовой механизм [13]. Итак, данная работа будет посвящена правовому анализу кооптации в российском корпоративном праве.

Стоит еще раз обратить внимание, что такое правовое явление как кооптация является мало разработанным в российском корпоративном праве: оно не упоминается в законодательстве, а в правоприменительной практике встречаются различные подходы к пониманию и правомерности такого явления. Так, в Методических рекомендациях Министерства Юстиции кооптация в члены постоянно действующего руководящего органа отнесена к неправомерным действиям [1]. Тогда как, напротив, кооптация как правомерная и даже желательная процедура упоминается в Распоряжении Министерства просвещения [3]. В связи с подобной правовой неопределенностью возникает сразу несколько проблемных вопросов: что подразумевается под кооптацией? Правомерна ли эта процедура? И если да, то в каких случаях?

Обращаясь к определению кооптации в российском корпоративном праве, стоит, в первую очередь, отметить, что легального определения кооптации нет. Понятие кооптации сформировано лишь на ненормативном уровне – в Методических рекомендациях Министерства просвещения, где под данной процедурой понимают включение управляющим советом в свой состав новых членов [3]. Однако, на наш взгляд, данное определение не отражает всех характерных признаков явления, его сущности, поэтому не может быть взято за основу изучения явления кооптации. Проведя анализ судебной практики, также можно сделать вывод об отсутствии какого-либо сформированного правоприменительного определения кооптации. Такое правовое явление в судебных актах лишь упоми-

нается. При чем, подобное упоминание связано не с правовой оценкой такой процедуры, а лишь с декларированием ее существования в практике (кооптация упоминается, например, в Решении Верховного Суда РФ от 28.01.2015 № АКПИ14–1212, Постановлении Арбитражного суда Московского округа от 25.06.2019 № Ф05–7176/2019 по делу № А40–233539/2018). Итак, проведя анализ законодательства, подзаконных актов и правоприменительной практики можно декларировать отсутствие какого-либо сформированного определения такого явления как кооптация. При этом, тот факт, что упоминание кооптации как явления встречается и в подзаконных актах, и в правоприменительной практике, говорит если не о распространенности, то совершенно точно о существовании кооптации в российском корпоративном праве.

Итак, что понимается под кооптацией и какими отличительными признаками это явление обладает? Такое явление как кооптация было известно еще в римском праве. Тогда под кооптацией понималась процедура, согласно которой понтифики самостоятельно пополняли свои ряды [8, с. 19]. Уже в толковом словаре Д.Н. Ушакова под кооптацией понимается самостоятельное пополнение какой-нибудь организацией своего состава без обращения к органу, установившему ее первоначальный состав [11, с. 427]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что сущность такого явления как кооптация не изменилось с течением времени, под кооптацией в правовом поле все еще понимается процесс формирования какого-либо органа управления без обращения к обычно уполномоченному на такое формирование органу. Из этого определения можно выделить несколько отличительных признаков кооптации. Во-первых, это процедура формирования какого-либо органа юридического лица. Во-вторых, подобная процедура осуществляется некомпетентным на то органом. В-третьих, процедура предполагает самостоятельное избрание органом своих членов.

Итак, после того как нами был исследован вопрос о сущности и отличительных особенностях такого правового явления как кооптация, следует обратиться к правомерности подобного явления в российском корпоративном праве. Как уже было сказано ранее, законодательство не дает ответа о правомерности подобного процесса, а акты рекомендательного характера отражают противоположные точки зрения. Однако, по нашему мнению, чтобы оценить правомерность кооптации, нужно понять причины и возможные цели для осуществления подобной процедуры.

В качестве возможных причин, когда кооптация может быть оправдана, во-первых, предлагается рассмотреть ситуацию выбытия ряда членов какого-либо органа юридического лица (в силу объективных причин, таких как смерть или болезнь) и, в связи с этим, затруднительность осуществления деятельности такого органа. В подобной ситуации, когда из семи членов выбыло, например, четыре, а до заседания компетентного на избрание

новых членов органа еще несколько лет очевидна необходимость «локального замещения» выбывших членов. При этом даже с учетом возможности созыва внеочередного собрания компетентного для избрания новых членов органа, по мнению автора, механизм кооптации может быть более предпочтительным, поскольку влечет гораздо меньшие и временные, и финансовые издержки.

Еще одной возможной причиной эффективности кооптации может рассматриваться обеспечение подбора лиц, способных качественно взаимодействовать. На данную причину обращает внимание М.А. Кокотова при анализе способов подбора наиболее подходящих членов общественных палат (советов) России [9, с. 54]. По ее мнению, в рамках деятельности некоммерческих организаций кооптация представляет собой наиболее эффективный механизм для комплектации органов управления лицами, способными на длительное сотрудничество. По нашему мнению, данная причина для проведения процедуры кооптации может быть принята как обоснованная. В ситуации, когда члены органов управления избираются один раз в несколько лет, процедура кооптации может помочь сократить случаи избрания «кота в мешке». Также, по мнению автора, особенно актуальным данный вопрос может оказаться в деятельности некоммерческих организаций, поскольку именно деятельность некоммерческих организаций предполагает наиболее тесное взаимодействие членов, следование целям деятельности некоммерческих организаций (которые могут быть совершенно разнообразны, в отличие от единой для коммерческих организации целей по извлечению прибыли).

По мнению автора, после анализа сущности и возможных целей кооптации можно сделать вывод о потенциальной возможности существования такого явления в российском правовом поле, поскольку в соответствии с признаками кооптации является законным механизмом, не противоречащим закону и праву в целом, а диспозитивные начала корпоративного права позволяют юридическим лицам применять данный механизм.

Также можно констатировать возможность существования сразу нескольких ситуаций, при которых кооптация может быть необходима. Однако обоснованность данных оснований так или иначе всегда является оценочной категорией, что на практике может вести к различным злоупотреблениям, тем более что подобное «нелегитимное» избрание может быть легко использовано для захвата корпоративного контроля или неправомерного решения какого-либо корпоративного конфликта. Таким образом, очевидно, что для правомерности кооптации должны быть существенные основания. Таким образом, наравне с необходимостью признания кооптации на законодательном уровне так же очевидна необходимость выработки и закрепления критериев для правомерности подобной процедуры.

В качестве одного из таких критериев легитимности предлагается рассматривать законодатель-

ное разрешение кооптации только в тех случаях, когда компетенция по избранию членов в данный орган является диспозитивной. В пользу этой позиции говорит и мнение Министерства юстиции, выраженное в Методических рекомендациях. Так, Министерство юстиции указывает, что в любом случае неправомерно предоставление прав «кооптации» в члены постоянно действующего руководящего органа общественного объединения, поскольку это нарушает общую концепцию законодательства по формированию руководящих органов и исключительную компетенцию высших руководящих органов общественного объединения [1]. Подобное же мнение выражено и в Методических рекомендациях Торгово-промышленной палаты [2]. К подобному выводу приходил и Верховный Суд РФ в решении № АКПИ14–1212 от 28.01.2015: «вопросы образования исполнительных органов некоммерческой организации в силу указанной нормы закона отнесены к исключительной компетенции высшего органа управления. Однако пункт 7.10 Устава Общества содержит положение о кооптации членов его правления самим правлением» [7]. Представляется, что с данной позицией следует согласиться. Исключительная компетенция определяется С.Д. Могилевским как совокупность полномочий, которые не могут быть переданы никакому другому органу управления общества – ни совету директоров, ни исполнительному органу [10, с. 92]. Подобный императивный механизм создан законодателем в целях поддержания стабильности функционирования институтов, недопущения перегибов в области управления юридическим лицом. Нарушение исключительной компетенции недопустимо, поскольку в любом случае (даже при наличии обоснованных для кооптации оснований) приведет к существенному нарушению внутренней структуры органов управления, создаст предпосылки для появления корпоративных конфликтов и недобросовестных действий. Итак, по нашему мнению, первым критерием для признания кооптации правомерной предлагается считать критерий не нарушения императивных норм законодательства.

В качестве второго критерия предлагается рассматривать объективность причин кооптации. Как уже отмечалось ранее, обоснованность кооптации в любом случае является оценочной категорией, поэтому не может в полной мере регулироваться законодателем. Однако, по мнению автора, на сегодняшний день в российском корпоративном праве уже существует ряд механизмов эффективной оценки субъективных категорий. В качестве примера подобного механизма можно привести механизм оценки уважительности причин для неявки участника на общее собрание. Постановлением Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» выработан подход, согласно которому уважительность причин неучастия в общем собрании оценивается через добросовестность участника (так называемое «добросовестное неучастие») [5]. При этом,

добросовестность участника в данном случае следует понимать через общегражданское понимание добросовестности, изложенное в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». Верховный Суд определил добросовестное поведение как поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации [6]. Таким образом, оценка обоснованности кооптации, по нашему мнению, может быть произведена через критерий добросовестности поведения членов органа управления юридического лица. В качестве обоснованных причин для проведения кооптации членов могут быть признаны смерть, недееспособность, изменение места проживания «бывших» членов органа управления. Подобный перечень, конечно, не является закрытым.

Еще одним критерием для признания кооптации правомерной, по нашему мнению, является соблюдение соотношения кооптированных и «выбывших» членов. Иначе говоря, по мнению автора, не должна допускаться кооптация, при которой произвольно увеличивается количество членов того или иного органа юридического лица. Количество кооптированных членов должно в полной мере соответствовать количеству выбывших. В противном же случае, существенно повышается вероятность злоупотреблений и захвата корпоративного контроля, в том числе путем «размывания» голосов членов органов управления.

В качестве последнего критерия для признания кооптации правомерной предлагается использовать соблюдение как процедур непосредственно при кооптации, так и последующих процедур. Среди непосредственно сопутствующих кооптации процедур можно выделить принятие решение о кооптации исключительно на заседании органа при соблюдении кворума, кооптирование кандидатов исключительно при положительных результатах голосования, оформление протокола по результатам голосования. Данные сопутствующие процедуры являются общими для принятия тех или иных решений органами управления, однако именно их соблюдение призвано обеспечивать легитимность решений органов юридического лица.

В качестве следующих после кооптации процедур предлагается рассматривать, в первую очередь, последующее одобрение решения о кооптации органом, в чью компетенцию входит избрание членов. Подобное последующее одобрение призвано окончательно легитимизировать решение об избрании новых членов. Также последующее одобрение кооптации компетентным органом, по мнению автора, будет эффективным механизмом для оценки обоснованности решения о кооптации, соблюдения процедуры проведения кооптирования, добросовестности поведения членов того или иного органа при принятии решения о ко-

оптации. Другими словами, признание подобного решения компетентным органом будет выполнять контрольные функции и обеспечивать правомерность проведенной процедуры.

Итак, по нашему мнению, под кооптацией предлагается понимать процесс формирования какого-либо органа управления без обращения к обычно уполномоченному на такое формирование органу. В качестве возможных причин применения механизма кооптации автором рассмотрены затруднительность деятельности органа в связи с выбытием ряда членов, а также необходимость эффективного подбора членов органов управления. В качестве критериев для признания правомерности кооптации автором предлагается использовать следующие критерии:

Во-первых, законодательное разрешение кооптации только в тех случаях, когда компетенция по избранию членов в данный орган является диспозитивной. После анализа правоприменительной практики следует признать невозможность проведения кооптации членов тех органов, избрание которых отнесено законодателем к исключительной компетенции органа управления.

Во-вторых, наличие объективных оснований для кооптации. При этом, объективность оснований предлагается оценивать, в том числе через критерий добросовестности поведения членов органа управления юридического лица.

В-третьих, соблюдение соотношения кооптированных и «выбывших» членов. Данный критерий создаст правовой барьер для искусственного недобросовестного увеличения численности органа юридического лица.

В-четвертых, соблюдение процедур как сопутствующих кооптированию членов, так и следующих за кооптацией. В качестве важнейшего элемента такого критерия предлагается рассматривать последующее одобрение решения о кооптации тем органом, в компетенцию которого входит избрание членов.

Также в заключение необходимо сказать, что, по мнению автора, кооптация в ряде случаев может быть эффективным механизмом в корпоративном праве. Однако до тех пор, пока законодательством не выработаны критерии правомерности подобной процедуры, ее проведение с большой долей вероятности может быть связано с недобросовестным поведением членов организации и злоупотреблением правом.

Литература

1. Методические рекомендации о применении некоторых положений ФЗ «Об общественных объединениях» в связи с вступлением в действие ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц», утвержденные Министерством Юстиции РФ от 18 июля 2003 № 02/7340-ЕС.
2. Методические рекомендации по приведению уставов торгово-промышленных палат в соот-

ветствие с Уставом Торгово-промышленной палаты Российской Федерации (утверждены Торгово-промышленной палаты Российской Федерации).

3. Распоряжение Министерства просвещения России от 27.12.2019 № Р-154 «Об утверждении методических рекомендаций по механизмам вовлечения общественно-деловых объединений и участия представителей работодателей в принятии решений по вопросам управления развитием образовательной организации, в том числе в обновлении образовательных программ».
4. Методические рекомендации по формированию и развитию Управляющих советов в образовательных организациях Российской Федерации (разработаны ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет» совместно с Национальной Ассоциацией взаимодействия Управляющих советов образовательных организаций, направлены письмом Министерства просвещения России от 03.03.2023 № 03–322).
5. Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица».
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».
7. Решение Верховного Суда Российской Федерации по делу № АКПИ14–1212 от 28.01.2015 года.
8. Боровков П.С. От кооптации к выборам: реформирование способа избрания понтификов в Римской республике в III–II вв. до н.э. (Политико-правовой аспект) / П.С. Боровков // Вестник древней истории. 2011. № 2(277).
9. Кокотова М.А. Способы подбора наиболее подходящих членов общественных палат (советов) России и экономических, социальных и экологических советов Франции // Российский юридический журнал. 2020. № 3. С. 53–58.
10. Могилевский С.Д. Акционерные общества – Москва: Акад. нар. хоз-ва при Правительстве РФ: Дело, 1998.
11. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь русского языка: современная редакция Москва: Дом Славянской кн., 2008.
12. Совершенствование корпоративного законодательства и привлечение инвестиций // [Электронный ресурс] URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/investicionnaya_deyatelnost/sovershenstvovanie_korporativnogo_zakonodatelstva_i_privlechenie_investicij/?ysclid=lj4ef5opdx697771678 (дата обращения: 20.06.2023).
13. Устав государственного бюджетного образовательного учреждения дополнительно-

го образования Республики Адыгея «Центр дополнительного образования детей Республики Адыгея» от 15.12.2020 // [Электронный ресурс] URL: <https://rcdod.ru/upload/iblock/d5e/17jg7ztn78k5xyudp3isbhcccfattg9t.pdf?ysclid=lj4ewk1s9d104472520> (дата обращения: 20.06.2023).

LEGISLATIVE CONSOLIDATION OF THE CRITERIA FOR THE LEGITIMACY OF CO-OPTATION IN RUSSIAN CORPORATE LAW

Tikhanova E.M.

National Research University "Higher School of Economics"

The article is devoted to such a legal phenomenon in Russian corporate law as cooptation. The author analyzes the issues of defining the concept of co-optation, the existence of cooptation in Russian corporate law, the legality of such a phenomenon as cooptation in general. Further, the author offers his own definition of the concept of cooptation, conclusions are drawn about the existence of opposing opinions regarding the legality of co-optation in Russian law. The author also comes to the conclusion that it is necessary to legislate the criteria for the legality of cooptation and forms his own system of such criteria. As criteria of legitimacy, the author suggests considering the following provisions: non-violation of mandatory norms, the presence of objective grounds for cooptation, compliance with the ratio of co-opted and "retired" members, compliance with procedures both accompanying the co-opting of members and following cooptation.

Keywords: cooptation, bodies of a legal entity, formation of bodies of a legal entity, election of its members by the body, re-election.

References

1. Methodological recommendations on the application of certain provisions of the Federal Law "On Public Associations" in connection with the entry into force of the Federal Law "On State Registration of Legal Entities", approved by the Ministry of Justice of the Russian Federation dated July 18, 2003 № 02/7340-EC.
2. Methodological recommendations on bringing the charters of Chambers of Commerce and Industry in line with the Charter of the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation (approved by the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation).

3. Order of the Ministry of Education of the Russian Federation № R-154 dated December 27, 2019 "On approval of methodological recommendations on mechanisms for involving public and business associations and participation of representatives of employers in decision-making on issues of managing the development of an educational organization, including updating educational programs".
4. Methodological recommendations on the formation and development of Governing Councils in educational organizations of the Russian Federation (developed by the Moscow Pedagogical State University in cooperation with the National Association of Interaction of Governing Councils of Educational Organizations, sent by letter of the Ministry of Education of Russia dated 03.03.2023 № 03–322).
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 30.07.2013 № 62 "On some issues compensation of losses by persons who are part of the bodies of a legal entity".
6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 23.06.2015 № 25 "On the Application by Courts of Certain Provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation".
7. The decision of the Supreme Court of the Russian Federation in case № АКПИ14–1212 dated 28.01.2015.
8. Borovkov P.S. From co-optation to elections: reforming the method of electing pontiffs in the Roman Republic in the III–II centuries BC (Political and legal aspect) / P.S. Borovkov // Bulletin of Ancient History. 2011. № 2(277).
9. Kokotova M.A. Methods of selecting the most suitable members of the public chambers (councils) of Russia and the economic, social and environmental councils of France // Russian Law Journal. 2020. № 3. pp. 53–58.
10. Mogilevsky S.D. Joint-stock companies – Moscow: Academy of Agricultural Sciences under the Government of the Russian Federation: Delo, 1998.
11. Ushakov D.N. Big explanatory dictionary of the Russian language: modern edition Moscow: House of Slavyanskaya kn., 2008.
12. Improvement of corporate legislation and attraction of investments // [Electronic resource] URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/investicionnaya_deyatelnost/sovershenstvovanie_korporativnogo_zakonodatelstva_i_privlechenie_investitsiy/?ysclid=lj4ef5opdx697771678 (accessed 20/06/2023).
13. Charter of the state budgetary educational institution of Additional education of the Republic of Adygea "Center for Additional Education of Children of the Republic of Adygea" dated 15.12.2020 // [Electronic resource] URL: <https://rcdod.ru/upload/iblock/d5e/17jg7ztn78k5xyudp3isbhcccfattg9t.pdf?ysclid=lj4ewk1s9d104472520> (accessed 06/20/2023).

Холмова Ольга Яковлевна,

студент ИПИ им. П.П. Ершова (филиал) ТюмГУ
E-mail: holmovaolga@yandex.ru

Широкова Алена Андреевна,

студент ИПИ им. П.П. Ершова (филиал) ТюмГУ
E-mail: alena.shirokova2001@mail.ru

Штейнфельд Кристина Владимировна,

студент ИПИ им. П.П. Ершова (филиал) ТюмГУ
E-mail: kristin04k.a@yandex.ru

В статье исследуются нормы права, регулирующие трудовые правоотношения между несовершеннолетним работником и работодателем, поясняется правовой статус несовершеннолетнего работника, посредством выявления всех прав и обязанностей работника, не достигшего 18 лет. Также в статье поясняются различия в правовом статусе несовершеннолетнего работника и работников старше восемнадцатилетнего возраста. Выявляются особенности трудоустройства лиц, не достигших восемнадцати лет, а также запреты, установленные законодателем в целях осуществления их полноценного нравственного и физического развития. Помимо этого, приводится историческая справка процесса становления российского трудового законодательства в области регулирования трудовых правоотношений с несовершеннолетними работниками, раскрывающая эволюцию данного явления на примере положений и законов дореволюционной России, а также Кодексов законов о труде советского периода.

Ключевые слова: трудовой договор, работник, работодатель, несовершеннолетние, трудовое законодательство, правовой статус.

Прежде чем изучать тему правового регулирования трудовых правоотношений с несовершеннолетними, стоит заглянуть практически на 180 лет в историю становления этих правоотношений, чтобы лучше понимать, какие этапы прошло Российское законодательство в этой области, прежде чем стало таким, каким мы знаем его сейчас. И в первую очередь стоит обратиться к Положению от 7 августа 1845 г., в котором фабрикантам строго воспрещалось назначать на ночные работы детей, не достигших двенадцатилетнего возраста, и которое стало первой заметной попыткой регулирования трудовых правоотношений в отношении несовершеннолетних. [10] Но данное положение не предполагало какого-либо наказания за нарушение запрета, а потому приобретало лишь рекомендательный характер.

Следующая существенная попытка регулирования была предпринята в Российской Империи уже при Александре III, когда было принято около девяти законов, сформировавших в своей совокупности фабрично-трудовое законодательство. Данный процесс продолжился и в годы правления Николая II, вплоть до 1903 года.

В первую очередь правительство озаботилось разработкой правил по охране труда работников в возрасте 12–15 лет и установлением минимального возрастного порога для вступления в трудовые правоотношения – 12 лет. [4] Не менее важным вопросом стало образование несовершеннолетних, которые были вынуждены работать в ущерб учебе. А потому был издан указ, согласно которому рекомендовалось открывать специальные школы при фабриках, использующих детский труд. Помимо этого, владельцы фабрик были обязаны предоставить своим несовершеннолетним рабочим возможность поступления в народные училища. [2] Совмещение трудовой и учебной деятельности регулировалось через соглашение директоров училищ и представителей фабричной инспекции.

Что касается охраны труда, то здесь был введен запрет на привлечение лиц, не достигших 17-летнего возраста, к работе в ночное время на текстильном производстве. [3] Однако, в 1890 году этот запрет был несколько изменен, возвращая фабрикантам часть полномочий.

Но не смотря на все сложности и углы, именно в этот период государство всерьез взяло на себя обязательство по надзору и регулированию труда несовершеннолетних, закрепив это в Законе «О малолетних работающих на заводах, фабриках и мануфактурах» 1882 года. [1]

Особым этапом в регулировании трудовых правоотношений несовершеннолетних можно назвать Советский период, так как именно в это время

происходит кодификация данной отрасли права (Кодексы 1918 г., 1922 г. и 1971 г.). Именно здесь происходит модернизация и систематизация трудового законодательства, а также пересмотр норм о труде несовершеннолетних.

Происходит повышение минимально допустимого возраста для приема на работу – теперь это 15 лет. [6] Также делается акцент на том, что работать несовершеннолетние могут лишь в свободное от учебы время. Допускался прием на работу и 14-летних – но не младше – при условии, что родители или законные представители этого лица дают свое согласие на его труд.

Наиболее существенным отличием от дореволюционного законодательства становится забота о нравственном развитии несовершеннолетних, исходя из чего лицам, не достигшим 18 лет, запрещалось работать в игорных предприятиях, алкогольном и табачном производстве, а также увеселительных заведениях. [7] Помимо перечисленного данный запрет распространялся на ночную и сверхурочную работу, работу в выходные и праздничные дни, а также работу на предприятиях с тяжелыми условиями труда, способными причинить вред здоровью ребенка или же создать угрозу для его жизни.

Еще одним нововведением стал ежегодный обязательный медицинский осмотр: все лица младше 18 лет в обязательном порядке должны были каждый год проходить медицинский осмотр. Помимо этого, при приеме на работу граждан, не достигших 21 года, также требовалось наличие медицинского заключения. [8]

Таким образом, к 2001 году, когда был принят действующий в настоящее время Трудовой Кодекс Российской Федерации, в правовой системе уже сложилась немалая часть привычных нам норм трудового права.

Одной из особенностей современной системы регулирования трудовых отношений является заключение с лицами, не достигшими совершеннолетия, трудового договора, который порождает возникновение трудовых правоотношений посредством волеизъявления гражданина получить работу, а работодателя предоставить её.

По общему правилу данный вид договора возможно заключить с гражданами шестнадцатилетнего возраста. Однако существует ряд исключений. Так субъектами трудовых правоотношений могут быть лица [12]:

1. Не достигшие четырнадцати лет при условии, что трудовую деятельность они осуществляют в театрах, цирках, кинематографии концертных организациях, и она допускается только с согласия одного из родителей и органов опеки и попечительства, которые в свою очередь устанавливают продолжительность ежедневной работы, а законные представители от имени работника подписывают трудовой договор.

2. Достигшие четырнадцати лет несовершеннолетние могут устроиться на работу с согласия одного из родителей и органов опеки и попечительства

при условии, что они будут выполнять легкий труд, который не причинит вред их здоровью и не будет мешать усвоению образовательной программы.

3. Достигшие возраста пятнадцати лет и получающие или получившие общее образование могут заключить трудовой договор на выполнение легкого труда, который не причинит вред их здоровью.

Таким образом, самостоятельно вести трудовые правоотношения могут несовершеннолетние достигшие 15 лет, а в более раннем возрасте необходимо согласие одного из родителей и органов опеки и попечительства.

При приеме на работу и при дальнейшей реализации трудовых функций лицом, не достигшим возраста 18 лет, возможно после прохождения им медицинского осмотра. Помимо данных положений законодатель устанавливает особые условия для несовершеннолетних. Так, применение их труда, связанного с опасными, вредными, подземными работами, а также с выполнением деятельности, которая может причинить вред духовному развитию несовершеннолетнего, запрещена. [13] Данные меры направлены в первую очередь на охрану нравственного и физического здоровья работника. В то же время, по настоящему законодательству запрещен прием лиц в религиозные организации, что обусловлено формированием личности подростка и возможным идеологическим влиянием на его мировоззрение. А учитывая интеллектуальное развитие лиц, не достигших совершеннолетия, законодатель также запрещает заключение с ними договоров о полной материальной ответственности. Однако на работников может возлагаться ответственность по возмещению ущерба работодателю. В соответствии со ст. 242 ТК РФ, несовершеннолетние несут материальную ответственность за [12]:

А) за умышленное причинение ущерба;

Б) за ущерб, причиненный в результате совершения преступления;

В) за ущерб, причиненный в результате наркотического, алкогольного и иного опьянения.

Обязательным при этом является проведение служебного расследования по факту причинения вреда. До принятия данного решения работодатель должен провести проверку по выявлению обстоятельств, размера ущерба и круга виновных лиц. От работника могут быть истребованы объяснения случившегося. Несовершеннолетний, в свою очередь, имеет право на ознакомление с материалами проверки, а также обжалованием действий работодателя. В данном вопросе законодательством не предусмотрено участие в данном разбирательстве органов опеки и попечительства, что, на наш взгляд, является упущением, так как правовая неурегулированность данного вопроса позволяет работодателю злоупотреблять своим положением.

Помимо выше перечисленного, российское законодательство устанавливает запрет на работу по совместительству и работу вахтовым методом. Так, работа по совместительству предполагает вы-

полнение несовершеннолетним дополнительной работы, которая будет считаться избыточной, что уже нарушает российское законодательство. Запрет, установленный на привлечение данных работников к видам работ, осуществляемых вахтовым методом, обусловлен тяжестью условий труда, психологическими проблемами, большой нагрузкой и ограничением времени на отдых. В то же время, законодатель устанавливает запрет на привлечение к работам несовершеннолетних в ночное время, а также выходные, праздничные дни. [15] Однако, в данном положении существует ряд исключений для работников, которые осуществляют трудовую деятельность в:

1. Организациях кинематографии;
2. Театрах;
3. Средствах массовой информации;
4. Концертных организациях и др.

Важно отметить, что при приеме на работу для лиц моложе восемнадцати лет испытательный срок не устанавливается. Даже если работодатель назначил испытание, то его приказ считается незаконным, а следовательно, не может повлиять на трудовую деятельность работника. [15] В то же время, для лиц, не достигших совершеннолетия, осуществляющих трудовую деятельность устанавливается ежегодный оплачиваемый отпуск не менее 31 дня в удобное для них время. [11] Помимо этого, законодательством РФ предусмотрено квотирование рабочих мест для несовершеннолетних. Под квотой понимается минимальное количество рабочих мест, которые должен предоставить работодатель для трудоустройства лиц, не достигших 18-летнего возраста, также сюда входят уже работающие граждане данной категории. Органы исполнительной власти занимаются распределением квот, в зависимости от численности работников либо осуществляют закрепление определённого количества мест за организацией. При этом отказ в приеме несовершеннолетних на работу в рамках установленных квот, запрещён. Однако, предприятия, создающие специальные рабочие места, получают налоговые льготы.

Правовой статус несовершеннолетнего в Российской Федерации в сфере трудовых отношений напрямую связан с одним из важных элементов свободы человека – свободой на труд. Именно свобода труда позволяет несовершеннолетним гражданам на основании гражданско-правового договора применить свои способности к трудовой деятельности. Свобода труда может проявляться как при заключении трудового договора с конкретным работодателем, так и при осуществлении своей трудовой деятельности на основании гражданско-контракта. Защита интересов несовершеннолетних работников предполагает совместную работу государственных органов, общественных организаций и родителей подростка. Законодательство гарантирует запрет принудительного труда в соответствии с ч. 2 ст. 37 Конституции РФ и ст. 4 ТК РФ, что отчетливо показывает заботу о подрастающем

поколении, в том числе и в осуществлении его трудовых прав.

Трудовое законодательство закрепляет основные права работников, включая несовершеннолетних, в ч. 1 ст. 21 ТК РФ. Для них предусмотрены особые нормы, регулирующие труд в целях охраны здоровья, умственного и нравственного развития. Вот некоторые из них [13]:

1. Право на заключение, изменение и прекращение трудового договора (гл. 11,12,13 ТК РФ), при этом в законах субъектов могут быть установлены более льготные условия как для несовершеннолетних, как и для других работников.

2. Право на предоставление работы по конкретной специальности и должности, определенной трудовым договором (гл. 42 ТК РФ).

3. Право на здоровые и безопасные условия труда (гл. 33,34,35,36 ТК РФ).

4. Право на сокращенную продолжительность рабочего времени (ст. 92 ТК РФ), выходные и праздничные дни (ч. 5 ст. 37). [1]

5. Право на вступление в профессиональные союзы для защиты своих прав и свобод, а также свободный выход профсоюзов. [14]

Перечень прав несовершеннолетних на этом не заканчивается, в трудовом законодательстве данному вопросу уделено большое внимание. Так рассматриваемой проблеме посвящена гл. 42 «Особенности регулирования труда в возрасте до восемнадцати лет», кроме того, трудовой кодекс имеет целый ряд статей, которые так или иначе регламентируют вопросы труда несовершеннолетних.

Вступая в трудовые правоотношения, несовершеннолетний как работник приобретает наряду с правами и трудовые обязанности, которые закреплены в ст. 21 ТК РФ в разделе «Трудовой распорядок. Дисциплина труда» [13]:

1. Добросовестно исполнять свои трудовые обязанности, предписанные трудовым договором.

2. Соблюдать нормы внутреннего трудового распорядка организации.

3. Соблюдать трудовую дисциплину.

4. Выполнять установленные нормы труда.

5. Соблюдать требования по охране труда и обеспечению безопасности труда.

6. Бережно относиться к имуществу работодателя и других работников.

7. Незамедлительно сообщить работодателю либо непосредственному руководителю о возникновении ситуации, представляющей угрозу жизни и здоровью людей, сохранности имущества работодателя.

Для стимулирования работников, трудовое законодательство предусматривает систему мер поощрения и взыскания. В ст. 191 ТК РФ за добросовестное исполнения трудовых обязанностей применяются следующие виды поощрения: благодарность, премия, ценный подарок, почетная грамота, предоставление к званию лучшего по профессии, за особые трудовые заслуги могут быть предоставлены государственные награды. [13]

Наряду с мерами поощрения предусматриваются также меры дисциплинарных взысканий. В соответствии со ст. 192 ТК РФ работодатель имеет право наложить следующие виды взысканий: замечание, выговор, увольнение по соответствующим основаниям. [13]

Таким образом, несовершеннолетние работники наряду с правами имеют и трудовые обязанности, которые приравниваются к общим трудовым обязанностям работников. В качестве стимулирования предусмотрена система мер поощрения и наказания, что обязывает работников добросовестно относиться к исполнению своих трудовых обязанностей.

Заключение трудового договора с несовершеннолетними практически ничем не отличается от подписания договора с обычными работниками. Так, работодатель должен исключить пункты из договора, которые ухудшают их здоровье. В то же время он должен ознакомить несовершеннолетнего с локальными нормативно-правовыми актами, среди которых обязательными являются положение об оплате труда, о защите персональных данных, правила внутреннего распорядка, должностной инструкции и инструкцией по охране труда и пожарной безопасности. Следует отметить, что помимо выше перечисленных обязанностей, к которым относится запрет на испытательный срок, на трудовую деятельность в ночное время или в праздничные и выходные дни, наложение материальной ответственности, обязательный медицинский отпуск, работодатель должен предусмотреть в трудовом договоре сокращение рабочей недели и рабочего дня. Так, для работников в возрасте до шестнадцати лет рабочая неделя не должна превышать 24 часа, а для лиц от шестнадцати и до восемнадцати лет – 35 часов.

Расторжения трудового договора с несовершеннолетними по инициативе работодателя, за исключением случаев, предусмотренных в статье 81 ТК РФ, осуществляется только с согласия государственной инспекции труда и комиссии по делам несовершеннолетних. [12] Несоблюдение данного правила является основанием для восстановления на работе несовершеннолетнего.

Таким образом, возникновение трудовых правоотношений с работниками, не достигшими восемнадцати лет, возникают на основе их интеллектуального, нравственного и физического развития. В связи с этим законодатель устанавливает щадящий режим, то есть закрепляет сокращение рабочего времени и, наоборот, увеличивает время на отдых, а также устанавливает ряд запретов для работодателя при приеме на работу несовершеннолетнего.

Подводя итог, мы можем сделать вывод о том, что, пройдя долгий и непростой путь становления системы регулирования трудовых правоотношений с несовершеннолетними, российское трудовое законодательство выработало четкую, хотя и не во всем законченную концепцию правового регулирования труда несовершеннолетних. Обладая пра-

вовым статусом, равным правовому статусу обычного работника, и имея некоторые льготные категории, несовершеннолетний работник может осуществлять трудовую деятельность, не наносящую вред его физическому и ментальному здоровью, а также нравственному развитию и получению образования.

Литература

1. Закон от 1 июня 1882 г. «О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах» – URL: <http://www.hist.msu.ru/Labour/Law/1882.pdf> (дата обращения 02.04.2023).
2. Закон от 12 июня 1884 г. «О школьном обучении малолетних, работающих на фабриках, заводах и мануфактурах» – URL: http://www.Nolr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения 04.04.2023).
3. Закон от 3 июня 1885 г. «О воспрещении ночной работы несовершеннолетним и женщинам на фабриках, заводах и мануфактурах» (временный на 3 года) – URL: http://www.Nolr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения 04.04.2023).
4. Закон от 24 июля 1890 г. «Об изменении постановления о работе малолетних, подростков и женщин на фабриках, заводах и мануфактурах и о распространении правил о работе и обучении малолетних на ремесленные заведения» – URL: http://www.Nolr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения 06.04.2023).
5. Иванкина Т. В., Маврин С.П. Трудовое право России. СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2019.
6. Кодекс законов о труде от 1918 г. – URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/2_kodex_1918 (дата обращения 08.04.2023)
7. Кодекс законов о труде от 1922 г. – URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/kodekstr_22 (дата обращения 08.04.2023)
8. Кодекс законов о труде от 09.12.1971 – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1035/ (дата обращения 08.04.2023)
9. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) – URL: <https://epp.genproc.gov.ru/documents/3672956/3673093/Конституция+Российской+Федерации.pdf/fe77e6da-af38-8527-1461-77bf0a1303be?t=1557332889648> (дата обращения: 08.05.2023)
10. Положение Мануфактурного совета Департамента мануфактур и внутренней торговли Министерства финансов России от 7 августа 1845 г. О воспрещении фабрикантам назначать в ночные работы малолетних менее 12-летнего возраста: – URL: http://www.Nolr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения 04.04.2023).

11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.01.2014 N1 «О применении законодательства, регулирующего труд женщин, лиц с семейными обязанностями и несовершеннолетних» – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_158272/ (дата обращения: 19.01.2023)
12. Солопов О.В. Правовой статус несовершеннолетних в системе регулирования трудовых отношений в современной России. 2020. С. 70–88 – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42811994> (дата обращения: 25.12.2023)
13. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N197-ФЗ (ред. от 19.12.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.01.2023) – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_34683/ (дата обращения: 19.01.2023)
14. Федеральный закон от 12.01.1996 № 10-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 3 – Ст. 148 – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8840/ (дата обращения: 08.05.2023)
15. Щебляков Е.С. Некоторые особенности регулирования труда несовершеннолетних работников. 2019. С. 48–53 – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-osobennosti-regulirovaniya-truda-nesovershennoletnih-rabotnikov> (дата обращения: 18.01.2023)

REGULATION OF LABOR RELATIONS WITH MINORS

Kholmova O. Ya., Shirokova A.A., Steinfeld K.V.
P.P. Ershov IPI (branch) TSU

The article examines the norms of law governing labor relations between a minor employee and an employer, explains the legal status of a minor employee by identifying all the rights and obligations of an employee under the age of 18. The article also explains the differences in the legal status of a minor employee and employees over the age of eighteen. The features of the employment of persons under the age of eighteen are revealed, as well as the prohibitions established by the legislator in order to implement their full moral and physical development. In addition, the historical background of the process of formation of Russian labor legislation in the field of regulation of labor relations with minor employees is given, revealing the evolution of this phenomenon on the example of the provisions and laws of pre-revolutionary Russia, as well as the Codes of Labor laws of the Soviet period.

Keywords: employment contract, employee, employer, minors, labor legislation, legal status.

References

1. The Law of June 1, 1882 “On minors working in factories, factories and manufactories” – URL: <http://www.hist.msu.ru/Labour/Law/1882.pdf> (accessed 02.04.2023).
2. The Law of June 12, 1884 “On school education of minors working in factories, factories and manufactories” – URL: http://www.Nolr.ru/e-res/law_r/search.php (accessed 04.04.2023).
3. The Law of June 3, 1885 “On the prohibition of night work for minors and women in factories, factories and manufactories” (temporary for 3 years) – URL: http://www.Nolr.ru/e-res/law_r/search.php (accessed 04.04.2023).
4. The Law of July 24, 1890 “On the amendment of the decree on the work of minors, adolescents and women in factories, factories and manufactories and on the extension of the rules on the work and training of minors to handicraft establishments” – URL: http://www.Nolr.ru/e-res/law_r/search.php (accessed 06.04.2023).
5. Ivankina T. V., Mavrin S.P. Labor law of Russia St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 2019.
6. Labor Code of 1918 – URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/2_kodex_1918 (accessed 08.04.2023)
7. Labor Code of 1922 – URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/kodekstr_22 (accessed 08.04.2023)
8. Labor Code of 09.12.1971 – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1035/ (accessed 08.04.2023)
9. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) (subject to amendments made by the Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation dated 30.12.2008 No. 6-FKZ, dated 30.12.2008 No. 7-FKZ, dated 05.02.2014 No. 2-FKZ, dated 21.07.2014 No. 11-FKZ) – URL: <https://epp.genproc.gov.ru/documents/3672956/3673093/Конституция+Russian+Federation.pdf/fe77e6da-af38-8527-1461-77bf0a1303be?t=1557332889648> (accessed 08.05.2023)
10. Regulations of the Manufacturing Council of the Department of Manufactures and Internal Trade of the Ministry of Finance of Russia dated August 7, 1845. About the prohibition of manufacturers to assign minors under 12 years of age to night work: – URL: http://www.Nolr.ru/e-res/law_r/search.php (date of appeal 04.04.2023).
11. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 28.01.2014 No. 1 “On the application of legislation regulating the work of women, persons with family responsibilities and minors” – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_158272/ (date of request: 19.01.2023)
12. Solopov O.V. The legal status of minors in the system of regulation of labor relations in modern Russia. 2020. pp. 70–88 – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42811994> (date of appeal: 12/25/2023)
13. Labor Code of the Russian Federation of 12/30/2001 N197-FZ (ed. of 12/19/2022) (with amendments and additions, intro. effective from 11.01.2023) – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_34683/ (accessed: 19.01.2023)
14. Federal Law No. 10-FZ of 12.01.1996 (as amended on 03.07.2016) “On Trade unions, their rights and guarantees of activity” // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 3 – St. 148 – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8840/ (date of application: 08.05.2023)
15. Shcheblyakov E.S. Some features of labor regulation of underage workers. 2019. pp. 48–53 – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-osobennosti-regulirovaniya-trudanesovershennoletnih-rabotnikov> (accessed: 18.01.2023)

Процедура соединения и разъединения требований в цивилистическом процессе

Чеклинова Валерия Владимировна,

аспирант, кафедра гражданского процессуального и предпринимательского права, ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева»
E-mail: Cheklinova@bk.ru

Статья посвящена процедуре соединения и разъединения требований в цивилистическом процессе. В ней детально описываются этапы данной процедуры, такие как подача заявления на соединение или разъединение требований, рассмотрение заявления судом, вынесение определения и возможность его обжалования. Автор также рассматривает процессуальное оформление процедуры соединения и разъединения требований, включая правила подачи документов и доказательств. В статье автор анализирует судебную практику по данной процедуре и выявляет критерии, которые учитываются судами при принятии решений по соединению и разъединению требований. Отсутствие противоречий между требованиями, общность фактических и правовых вопросов, а также экономия времени и ресурсов, имеют важное значение для процесса принятия решения судом.

Ключевые слова: соединение требований, выделение требований, цивилистический процесс, объединение дел, раздельное рассмотрение требований.

Введение

Процедура соединения и разъединения требований является неотъемлемым инструментом в цивилистическом процессе. С ее помощью истец может соединить или разъединить свои требования в рамках производства в суде первой инстанции, что способствует эффективному и экономичному разрешению спора.

Актуальность темы обусловлена тем, что соединение и разъединение требований является часто используемой процедурой при разрешении конфликтов в суде. Тем не менее, исследуемый правовой институт требует детального знания процессуальных норм.

Цель исследования заключается в описании этапов процедуры соединения и разъединения требований, анализе процессуального оформления и ролей субъектов в процессе ее применения. Кроме того, в работе будет проанализирована судебная практика.

В соответствии с законодательством РФ, истец имеет право соединить свои иски в одном деле в соответствии с частью 1 статьи 151 ГПК и частью 1 статьи 130 АПК. Таким образом исковое заявление может стать формой для нескольких связанных между собой требований – исков [11, с. 554]. В рамках своих полномочий суд первой инстанции вправе объединить несколько дел в одно производство для совместного рассмотрения и разрешения, согласно части 4 статьи 151 ГПК и части 2 статьи 130 АПК. Также суд первой инстанции имеет право выделить одно или несколько соединенных требований в отдельное производство, в соответствии с частью 3 статьи 151 ГПК и частью 3 статьи 130 АПК [1, 2].

В соответствии с правилами соединения и разъединения исковых требований, установленных в нормах цивилистического процесса, проявляются два принципа: диспозитивность и процессуальная экономия.

По мнению Гурвича М.А., предназначением подачи искового заявления является защита прав, принадлежащих истцу, или юридического положения, в котором истец имеет личный интерес [13, с. 55–56].

Истец вправе выбирать, подать ли одно искивое заявление, в котором будут предъявлены несколько требований к ответчику или несколько отдельных исковых требований. Таким образом, истец осуществляет свой выбор на основе своего собственного волеизъявления, что является проявлением принципа диспозитивности.

Долотин Р.Р. определяет под принципом процессуальной экономии, основополагающее положение цивилистического процесса, выраженное в совокупности правовых норм, направленных на оптимизацию процедур гражданского судопроизводства, установление рациональных средств защиты права, обеспечение справедливости, эффективности и доступности правосудия по гражданским делам [14, с. 17].

Соединение требований в рамках одного иска или объединение дел в одно производство является эффективным инструментом для одновременного разрешения нескольких требований, что позволяет сократить затраты на время и судебные расходы, необходимые для участия в судебном процессе. Также использование указанных правовых механизмов уменьшает нагрузку на судебную систему и исключает вынесение противоречивых судебных актов.

Субъекты процедуры соединения и разъединения требований

По мнению Осокиной Г. Л., право на соединение исков в одном исковом заявлении принадлежит лишь только истцу (соистцам). Если субъектом права на соединение является суд, то речь должна идти об объединении нескольких исковых заявлений в одном производстве, а не о соединении исков в одном исковом заявлении. Таким образом исковое заявление может выступать в качестве формы для нескольких требований, когда субъектом права на соединение является заинтересованное лицо – истец или соистцы [11, с. 554].

Исковые требования, которые имеют основания возникновения или доказательства, связанные между собой, могут быть соединены в одном заявлении истцом. Это же право на объединение требований также принадлежит ответчику, третьим лицам, заявителям по делам неискового производства, прокурору, государственным органам, органам местного самоуправления.

Иски, подлежащие соединению, характеризуются тем, что требования о защите субъективных прав или законных интересов вытекают из одного и того же материального правоотношения. Они имеют одинаковый состав сторон и удовлетворение одного из них является необходимой предпосылкой для удовлетворения другого иска [17, с. 82–83].

Этапы процедуры соединения и разъединения требований

В настоящее время действующее законодательство предусматривает несколько способов для соединения исковых требований в одном процессе:

- на стадии возбуждения гражданского судопроизводства по делу или при предъявлении иска в арбитражный суд истец имеет право соединить несколько требований для их совместного рассмотрения. Этот процесс называется

объективным соединением исков и позволяет значительно сократить время и затраты на рассмотрение различных требований в отдельности. Также следует отметить, что объективное соединение исков не является обязательным и истец имеет право подавать отдельные иски по каждому требованию.

Пункт 28 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 декабря 2021 г. N46 приводит примеры, когда возможно соединение требований в соответствии с положениями статьи 130 АПК, даже если истец не подал отдельное исковое заявление (например, о применении мер ответственности (взыскании неустойки, процентов, предусмотренных статьей 395 ГК), о взыскании процентов за пользование денежными средствами (статья 317 1, 809 ГК) в дополнение к ранее заявленному требованию о взыскании основного долга и так далее). Соблюдение данных требований не должно нарушать законные права и интересы всех лиц, имеющих отношение к данному делу [4].

- лица, участвующие в судебном процессе, для совместного рассмотрения с первоначальным иском могут предъявлять материально-правовые требования, так ответчик может заявить встречный иск.

И.М. Пятилетов в своей работе высказывал мнение о возможности совместного рассмотрения встречных требований истца и ответчика в рамках единого судебного процесса [19, с. 17].

В свою очередь Н.И. Клейн справедливо отмечает, что объединение первоначального и встречного иска в одном процессе значительно экономит процессуальные ресурсы и время участников дела [15, с. 30–31].

- в производстве одного судебного органа могут рассматриваться несколько параллельных гражданских дел, которые были инициированы в разное время одними и теми же участниками. Если одна из сторон судебного процесса обнаружит наличие других судебных дел, в которых участвуют идентичные лица, то она имеет право подать ходатайство об объединении этих дел в одно судебное производство.

Примером может послужить Решение Прикубанского районного суда г. Краснодара Краснодарского края от 07 июня 2022 г. по делу N2–1551/2022, в котором находит свое отражение возможность объединения нескольких однородных дел в одно производство для совместного рассмотрения и разрешения [9].

Так, согласно материалам дела ИП Федоренко Е.Л. обратилась в суд с иском к Скорикову Д.И. о взыскании денежных средств в виде: суммы основного долга, процентов за пользование чужими денежными средствами, расходов по оплате госпошлины.

Требования мотивированы тем, что между ИП Федоренко Е.Л. и Скориковым Д.И. заключен договор подряда, согласно которому ИП Федоренко Е.Л. обязуется на основании задания Скорикова Д.И. выполнить работы на объекте Скорико-

ва Д.И., а Скориков Д.И. обязуется принять от ИП Федоренко Е.Л. результаты выполненных работ и оплатить обусловленную Договором цену. Также условиями договора предусмотрено выполнение дополнительных работ. Сумма дополнительных работ оплачена Скориковым Д.И. 05.09.2018 г., иных оплат не поступало.

Скориков Д.И. обратился в суд с иском к ИП Федоренко Е.Л. о взыскании неустойки за нарушение срока выполнения работ по Договору подряда, неустойки за нарушение срока удовлетворения отдельных требований потребителя, ежедневном взыскании неустойки за нарушение срока удовлетворения отдельных требований потребителя, компенсации морального вреда, почтовых расходов по отправке досудебной претензии. Указанные требования рассматривались в рамках гражданского дела № 2–10523/2021.

Согласно ч. 4 ст. 151 ГПК, судья, установив, что в производстве данного суда имеется два однородных дела, в которых участвуют одни и те же стороны, объединил дела № 2–1551/2022 и № 2–10523/2021 в одно производство для совместного рассмотрения и разрешения, признав, что такое объединение будет способствовать правильному и своевременному рассмотрению и разрешению дела.

Независимо от того, какой способ соединения требований был выбран, окончательное решение о реализации процедуры принимается юрисдикционным органом.

Процессуальное оформление процедуры

Ходатайство об объединении дел в одно производство или о выделении исковых требований в отдельное производство может быть представлено в свободной форме, однако оно должно содержать сведения о наименовании суда, заявителя и оппоненте, номере дела, обстоятельствах на которые ссылается заявитель, доказательствах, являющихся подтверждением указанных обстоятельств, а также перечень прилагаемых документов к ходатайству.

В ходатайстве об объединении заявитель конкретизирует номера судебных дел, которые, по его мнению, должны быть объединены для совместного рассмотрения.

Заинтересованная сторона процесса вправе подать ходатайство о выделении части исковых требований в отдельное производство, указав в просительной части исковое требование, которое требует выделения, а также номер судебного дела, из которого это требование следует выделить.

Заявление должно быть подписано заявителем или его уполномоченным представителем и заверено печатью организации, если заявитель является юридическим лицом. Для подтверждения права на подачу ходатайства требуется соответствующая доверенность представителя.

После рассмотрения ходатайства судья выносит определение об удовлетворении или отказе обра-

щения стороны, с указанием мотивов, которыми он руководствовался в принятии такого определения.

В арбитражных судах и судах общей юрисдикции имеется возможность объединения дел, которая может быть инициирована как лицами, участвующими в деле, так и судом.

В исследовании Гришина И.П. и Гришиной И.И. было высказано мнение о том, что судья должен выяснить, существуют ли у истца другие требования, связанные между собой и направленные к тому же или к другим ответчикам [12]. Однако, после анализа законодательной базы и мнений других авторов, таких как Осокина Г.Л., которая считает, что разрешение вопросов о соединении и разъединении требований является факультативным подготовительным действием [16, с. 27], мы пришли к выводу, что судья вправе, но не обязан выяснять подобные обстоятельства. Отсутствие закреплённой меры ответственности за несоблюдение указанной обязанности судьёй также является дополнительным подтверждением данного тезиса.

В рамках рассмотрения дела судья вправе самостоятельно вынести на обсуждение вопрос о возможности соединения нескольких дел в одно судебное производство. После заслушивания мнения сторон, судья принимает решение о целесообразности объединения. Такой подход позволяет более эффективно использовать ресурсы суда и ускорить процесс рассмотрения дел. Однако, решение о объединении дел принимается на основе конкретных обстоятельств каждого случая и учитывает интересы всех участников судебного процесса.

Судебный процесс становится довольно сложным, когда исковые требования соединены в одном заявлении. Но в соответствии с законом, суд может вынести определение о выделении требований в отдельное производство, если это поможет более справедливому и оперативному рассмотрению дела. Одними из существенных критериев являются обеспечение процессуальной экономии и предотвращение затягивания рассмотрения дела. Так, например, суд может выделить наименее сложные требования для их рассмотрения в отдельном производстве, если они не связаны между собой. Такое решение может быть принято как в случае, когда требования были соединены истцом, так и в случае, когда они были объединены для совместного рассмотрения судом.

В некоторых ситуациях на суд возложена обязанность разделения исковых требований. Например, если в одном иске заявлено требование о расторжении брака и взыскании алиментов на детей, но одна из сторон возражает против вопроса об отцовстве (или материнстве), суд должен вынести эти требования в отдельное производство, согласно пункту 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 ноября 1998 года [5].

Мы считаем правильным в рамках настоящего исследования обратить внимание на изменение законодательства, внесенное Федеральным законом от 19 июля 2009 г. N205-ФЗ «О внесении из-

менений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Так согласно указанному акту в части 3 статьи 130 АПК слова «если признает целесообразным раздельное рассмотрение требований» были заменены законодателем словами «если признает раздельное рассмотрение требований соответствующим целям эффективного правосудия» [3].

Учитывая внесенные изменения в часть 3 статьи 130 АПК, можно заключить, что раздельное рассмотрение требований должно соответствовать целям обеспечения эффективного правосудия. Следовательно, судьи должны принимать решение о раздельном рассмотрении требований только в тех случаях, когда это поможет достичь наилучшего результата с максимальной экономией времени и усилий.

В соответствии со статьями 224 ГПК и 184 АПК, определения, вынесенные в рамках судебных процессов, представляют собой отдельный документ, который принимается в совещательной комнате. Существует различие между протокольным определением и определением в виде отдельного судебного акта: протокольное определение может быть принято судом без предварительных обсуждений в совещательной комнате и занесено в протокол. Каждое определение подлежит немедленно оглашению судьей в судебном заседании.

Учитывая изложенное, в случае отсутствия у суда прямой обязанности удаления в совещательную комнату, возможно возникновение неблагоприятных условий для осуществления детального рассмотрения ходатайства о соединении или разъединении требований.

Наше мнение заключается в том, что решение такого сложного вопроса должно быть основано на тщательном и детальном изучении всех обстоятельств материалов дела, а также проверке представленных фактов сторонами. Это связано с тем, что допущенная ошибка судьей может привести к принятию окончательного решения, в котором будет отражено неправильное определение обстоятельств. Кроме того, ошибка, допущенная судом в начале судебного разбирательства, может подвергнуть сомнению целесообразность проведения дальнейших слушаний.

Из анализа статьи 227 ГПК следует, что суд общей юрисдикции не обязан направлять определение участникам судебного разбирательства. Таким образом, заявитель не может быть проинформирован о судьбе своего ходатайства своевременно, если он не присутствовал на судебном заседании лично.

По нашему мнению, такая норма гражданского процессуального законодательства оказывает негативное влияние на процессуальное положение заявителя.

Нельзя забывать, что составление и организация материалов дела необходимы не только для их исследования и анализа, а также и для контроля движения судебного разбирательства.

При исследовании института соединения и разъединения исковых требований стоит обратить свое внимание и на судебные расходы в виде государственной пошлины.

Анализ процессуальных норм является ключевым для понимания того, что уплаченная истцом сумма государственной пошлины при соединении нескольких требований не подлежит возврату, а выделенные в отдельное производство требования считаются оплаченными государственной пошлиной. При возрастании общей суммы требований, необходимо учесть, что недостающая сумма пошлины должна быть доплачена в соответствии со статьями 92 ГПК и 102 АПК.

При соединении исковых требований каждое из них сохраняет свою самостоятельность, а суд обязан детально исследовать и дать исчерпывающий ответ на каждое из требований в окончательном решении.

В случае объединения гражданских дел, им присваивается единый судебный номер, соответствующий номеру первого дела, принятого на рассмотрение этим же судом. Объединенное дело передается на рассмотрение тому судье, который первый принял исковое требование [3].

Согласно пункту 3 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25 декабря 2013 года № 99 «О процессуальных сроках», при объединении дел в одно производство арбитражным судом, срок рассмотрения нового дела начинается со дня поступления искового заявления по последнему из объединенных дел. При этом, продолжительность судебного разбирательства исчисляется с учетом периода времени, который прошел до объединения дел, с целью определения разумного срока судопроизводства в соответствии со статьей 6.1 АПК [6].

Арбитражный суд, как и суд общей юрисдикции, обладает правом на приостановление производства по делу, если в производстве другого суда рассматривается аналогичное дело, и, если такое решение может привести к принятию противоречивых судебных актов. Это соответствует пункту 9 статьи 215 ГПК и пункту 130 статьи АПК.

Однако, перед тем как принять решение о приостановлении дела, необходимо провести тщательный анализ. Не исключено, что рассматриваемые дела могут отличаться как по существу, так и по правовым нормам. В таком случае, приостановление рассмотрения дела становится недопустимым и может привести к дополнительным затратам времени и ресурсов для сторон.

Таким образом согласно установленной норме, производство по делу может быть приостановлено не исключительно в случае наличия взаимосвязанных дел в процессе рассмотрения, а при наличии обстоятельств, когда суд лишен возможности рассмотреть спор до вынесения решения по другому взаимосвязанному делу.

Например, Арбитражный суд Северо-Кавказского округа Постановлением от 6 октября 2022 г. N Ф08-11319/22 по делу N А32-59378/2021

согласился с позициями Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда и Арбитражного суда Краснодарского края, согласно которым было приостановлено производство по делу N А32–59378/2021 до вступления в законную силу решения Арбитражного суда Краснодарского края по делу N А32–17572/2022 в связи с тем, что что предмет доказывания по делу N А32–59378/2021 и делу N А32–17572/2021 пересекается [8].

После объединения нескольких судебных дел в одно производство, судебное разбирательство начинается заново. Судья назначает новую дату предварительного судебного заседания по объединенному делу, а затем проводятся новые судебные заседания. При этом, все остальные действия суда, совершенные до объединения дел, не подлежат повторению. Таким образом, суд не будет направлять повторно судебные запросы, допрашивать уже допрошенных свидетелей или запрашивать те же документы, которые уже есть в материалах объединенных дел.

Когда стороны и другие участники процесса выступают в суде первой инстанции по объединенному судебному делу, они должны представить свои исковые требования, а также возражения против исков, заявленных другими сторонами. Кроме того, они должны представить доказательства, подтверждающие их позицию по делу. Если в судебном процессе были приобщены материалы из других судебных дел, то на них также можно ссылаться.

Обжалование определения и решения при применении процедуры соединения и разъединения требований

По мере изучения всех представленных доказательств, судья принимает единственное судебное решение, которое полностью разрешает все исковые требования. Несогласная сторона может обратиться с апелляционной или кассационной жалобой в судебную инстанцию, где дело будет рассмотрено в соответствии со стандартными процедурами судопроизводства. Примером принятия апелляционной жалобы на решение объединенных судебных дел может служить Определение № А03–1946/2022 от 03 мая 2023 года Седьмого арбитражного апелляционного суда, при вынесении которого судья руководствовался статьями 260, 261 АПК. Согласно определению, суд принял к рассмотрению апелляционную жалобу ООО «Кредмаш-Сервис» на решение Арбитражного суда Алтайского края от 15.03.2023 года по делу № А03–1946/2022, которое в свою очередь было объединено со делом № А03–1646/2022 при рассмотрении спора в суде первой инстанции [7].

Судебное определение о соединении или разъединении исковых требований не подлежит обжалованию, поскольку оно не затрудняет движение гражданского дела. В соответствии со статьей 151 ГПК, такие определения не могут быть оспорены. Вынесенное определение в процессе предвари-

тельного или основного заседания суда первой инстанции может быть оспорено исключительно в рамках обжалования судебного решения.

АПК содержит иной подход к регулированию данного вопроса, предоставляя заявителю возможность обжаловать отказ суда в удовлетворении ходатайства об объединении дел в одно производство, о выделении требований в отдельное производство в течение 10 дней со дня вынесения определения в арбитражный суд апелляционной инстанции, ссылаясь на часть 7 статьи 130 АПК.

Отсутствие нормативного закрепления в ГПК возможности обжалования определения суда об отказе в удовлетворении ходатайства, по нашему мнению, является пробелом в правовом регулировании отношений.

Апелляционные жалобы должны быть поданы в арбитражный суд апелляционной инстанции, где и рассматриваются в соответствии с правилами подачи и рассмотрения апелляционных жалоб на решения первой инстанции. Однако, есть некоторые особенности, на которые следует обратить внимание.

В частности, стоит отметить специальный срок рассмотрения. Если рассматривать апелляционные жалобы на определения арбитражного суда первой инстанции о возвращении искового заявления или другие препятствующие дальнейшему движению дела определения, предусмотренные статьей 130 АПК, то арбитражный суд апелляционной инстанции должен рассмотреть такую жалобу в течение 15 дней со дня ее поступления [10, с. 335].

Профессиональное юридическое сообщество обращает свое внимание на нерешенность законодателем еще одной практической проблемы, связанной с объединением дел.

Так, Юдин А.В. указывает, что недобросовестное лицо, злоупотребляя своим правом, может инициировать несколько судебных процессов. Стоит иметь в виду, что закон не предписывает суду проверять наличие взаимосвязанных дел, а участники процесса не обязаны сообщать о взаимосвязанных делах [20].

Как упоминалось ранее соединение и разъединение требований исключительно является правом стороны процесса, за которое не предусмотрена ответственность. Данный пробел в процессуальном законодательстве создаёт дополнительные трудности в рассмотрении дел.

В своем исследовании Попова Н.И. предлагает закрепить требование о раскрытии информации о конкурирующих делах (решениях) и поиска информации о таких делах (решениях) в качестве процессуальной обязанности, соответственно, для лиц, участвующих в деле и суда [18, с. 23].

Стоит предположить, что закрепление в статьях 131 ГПК, 150 АПК обязанности заявителя указывать в исковом заявлении сведения о наличии производства в отношении однородных дел будет способствовать принятию судом законного решения по делу.

В заключении статьи можно сделать вывод о том, что процедура объединения и разъединения исковых требований является важным элементом процессуального права. Неправильное применение норм процессуального права является основанием отмены решения суда. Поэтому видится необходимым законодательно закреплённая обязанность суда в принятии определения об объединении дел в одно производство, выделении требований в отдельное производство или об отказе в этом в совещательной комнате.

АПК и ГПК – ключевые нормативные акты, регулирующие судебный процесс в России. Однако, несмотря на их системность, только АПК устанавливает порядок действий при неправильном объединении или разъединении требований на стадии рассмотрения дела в суде первой инстанции.

Для обеспечения единообразного подхода и предотвращения негативных последствий, необходимо внести изменения в законодательство и предусмотреть единый алгоритм действий сторон.

Так, мы предлагаем, по аналогии с АПК, дополнить ст. 131 ГПК, закрепив право заявителя на обжалование определения суда об отказе в удовлетворении ходатайства об объединении дел в одно производство, о выделении требований в отдельное производство до вынесения решения судом.

Также уместным нам видится предложение о наделении обязанностью судов общей юрисдикции в направлении сторонам по делу определения об удовлетворении или отказе ходатайства об объединении дел либо разъединении нескольких требований.

Мы признаем необходимость детализации процедуры соединения и разъединения исковых требований в процессуальном праве. При внесении изменений в соответствующие статьи гражданского процессуального законодательства, эффективность исследуемого института значительно возрастет и правосудие станет более эффективным для всех заинтересованных сторон.

Литература

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N95-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Парламентская газета. N140–141. 27.07.2002.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 14.11.2002 г. N138-ФЗ (с послед. изм. и доп.). – Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
3. Федеральный закон от 19.07.2009 г. N205-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»// КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Официальный сайт]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.05.2023).
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2021 г. N46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции»// КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Официальный сайт]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.05.2023).
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.11.1998 г. N15 (ред. от 06.02.2007) «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» «// КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Официальный сайт]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.05.2023).
6. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25.12.2013 г. N99 «О процессуальных сроках»// КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Официальный сайт]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.05.2023).
7. Определение Седьмого арбитражного апелляционного суда от 03.05.2023 г. по делу № А03–1946/2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/6e710423-1ae9-4636-b5e0-c687cfec6bf0/bb0d2012-5922-4dcf-b45b-ec5087a0e9d0/A03-1946-2022_20230503_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 01.05.2023).
8. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 6 октября 2022 г. N Ф08–11319/22 по делу N А32–59378/2021 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/201c0974-8c0f-49b4-adc6-34c566e89e34/85cdb8fe-6c3a-4191-90ad-16a3efd6fc0a/A32-59378-2021_20221006_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 01.04.2023).
9. Решение Прикубанского районного суда г. Краснодара Краснодарского края от 07.06.2022 г. по делу N2–1551/2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://arbitr.garant.ru/#/document/328514407/paragraph/1:0> (дата обращения: 01.04.2023).
10. Арбитражный процесс: Учебник / А.В. Абсалямов, Д.Б. Абушенко, К.Л. Брановицкий и др.; отв. ред. В.В. Ярков. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2017. – 752 с.
11. Гражданский процесс. Общая часть: учебник / Г. Я. Осокина. – 3-е изд., перераб. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. – 704 с.
12. Гришин И.П., Гришина И.И. Гражданский процесс: Вопросы и ответы / Под ред. д.ю.н. проф. М.К. Треушниковой. – М.: Юриспруденция, 2000. – 224 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://oprave.ru/?p=29658> (дата обращения: 01.04.2023).
13. Гурвич М.А. Право на иск. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – 216 с.
14. Долотин Р.Р. Принцип процессуальной экономики в современном гражданском судопроизводстве: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: – Казань, 2023. – 23 с.

15. Клейн Н.И. Встречный иск в суде и арбитраже. – М.: Статут, 2017. – 368 с.
16. Осокина Г.Л. Гражданский процесс. Особенная часть. – М.: Норма, 2007. – 960 с.
17. Осокина Г.Л. Иск (теория и практика). – М.: Городец, 2000. – 192 с.
18. Попова Н.И. Преодоление риска принятия противоречащих друг другу судебных актов: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: Саратов, 2019. – 25с.
19. Пятилетов И.М. Защита интересов ответчика в советском гражданском процессе. – М.: ВЮЗИ, 1990. – 85 с.
20. Юдин А.В. Проблемы взаимосвязанности гражданских дел //Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2013. № 8. – с. 46–56.

THE PROCEDURE FOR CONNECTING AND DISCONNECTING REQUIREMENTS IN THE CIVIL PROCESS

Cheklinova V.V.

Samara National Research University

The article focuses on the procedure for joinder and separation of claims in civil law proceedings. The author describes in detail the stages of the procedure such as filing an application for joinder or separation of claims, consideration of the application by the court, rendering of a judgment and the possibility to appeal against the court's decision. The author also discusses the procedural formalization of the joinder and separation procedure, including the rules for filing documents and evidence.

In the article the author analyzes the judicial practice on this procedure and identifies the criteria that are taken into account by the courts in making decisions on the joining and separation of claims. The absence of conflicting claims, the commonality of factual and legal issues, and the savings in time and resources are essential to the court's decision-making process.

Keywords: Joining of claims, separation of claims, civil procedure, joinder of cases, separate consideration of claims.

References

1. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation of July 24, 2002 N95-FZ (as amended on December 29, 2022) // Parliamentary newspaper. N140–141. 07/27/2002.
2. Civil Procedure Code of the Russian Federation [Electronic resource]: Federal Law No. 138-FZ of November 14, 2002 (with the latest amendments and additions). – Access from the legal reference system "Consultant Plus".
3. Federal Law of July 19, 2009 N205-FZ 'About amendments to some legislative acts of Russian Federation'// Rossiyskaya gazeta [Russian Newspaper]. 2009. 22 July.
4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 23, 2021 N46 " About the application of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation in case review in court of first instance" // Rossiyskaya Gazeta [Russian Newspaper], 2022, January 14, N7.
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 05, 1998, N15 (rev. from 06.02.2007) "About the application by the courts of the legislation at consideration of affairs on dissolution of marriage" // ConsultantPlus: legal reference system [Official site]. URL: <http://www.consultant.ru/> (date of application: 01.05.2023).
6. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of December 25, 2013 N99 " About procedural terms" // ConsultantPlus: legal reference system [Official site]. URL: <http://www.consultant.ru/> (date of application: 01.05.2023).
7. Definition of the Seventh Arbitration Court of Appeal of May 03, 2023 in case № A03–1946/2022 [Electronic resource]. – Access mode: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/6e710423-1ae9-4636-b5e0-c687cfec6bf0/bb0d2012-5922-4dcf-b45b-ec5087a0e9d0/A03-1946-2022_20230503_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True/. – Access date: 05/01/2023.
8. Definition of the Arbitration Court of the North Caucasus district of October 06, 2022 N F08–11319/22 on the case A32–59378/2021 [Electronic resource]. – Access mode: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/201c0974-8c0f-49b4-adc6-34c566e89e34/85cdb8fe-6c3a-4191-90ad-16a3efd6fc0a/A32-59378-2021_20221006_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True/. – Access date: 04/01/2023.
9. Judgment of the Prikubanskogo district court of Krasnodar Krai from June 07, 2022 in case N2–1551/2022 [Electronic resource]. – Access mode: <https://arbitr.garant.ru/#/document/328514407/paragraph/1:0/>. – Access date: 04/01/2023.
10. Arbitration process: Textbook / A.V. Absalyamov, D.B. Abushenko, K.L. Branovitsky et al. Yarkov. 7th ed., revised and supplemented – Moscow: Statute, 2017. – 752 p.
11. Civil procedure. General part: textbook / G.L. Osokina. – 3rd ed., revised. – Moscow: Norma: I N F R A M, 2013. – 704 p.
12. Grishin I.P., Grishina I.I. Civil Procedure: Questions and Answers / Edited by Prof. M.K. Treushnikov. – Moscow: Jurisprudence, 2000. – 224 p. [Electronic resource]. – Access mode: <http://oprave.ru/?p=29658/>. – Access date: 04/01/2023.
13. Gurvich M.A. Right of action. – M., L: Publishing house of AS USSR, 1949. – 216 p.
14. Dolotin R.R. Principle of procedural economy in modern civil legal proceedings: Abstract of the thesis. dis. ... cand. legal Sciences. – Kazan, 2023. – 23 p.
15. Klein N.I. Counterclaim in court and arbitration. – Moscow: Statut, 2017. – 368 p.
16. Osokina G.L. Civil process. Especial part. – Moscow: Norma, 2007. – 960 p.
17. Osokina G.L. Lawsuit (theory and practice). – Moscow: Gorodets, 2000. – 192 p.
18. Popova N.I. Overcoming the risk of adopting contradictory judicial acts: Abstract of the thesis. dis. ... cand. legal Sciences. – Saratov, 2019. – 25 p.
19. Pyatiletov I.M. Protection of Defendant's Interests in Soviet Civil Procedure. – Moscow: VYUZI, 1990. – 85 p.
20. Yudin A.V. Problems of interconnection of civil cases // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2013. № 8. – p. 46–56.

Шитов Иван Алексеевич,

аспирант, кафедры государственно-правовых дисциплин и цифрового права, НОЧУ ВО «Московский финансово-промышленный университет «Синергия»
E-mail: ivansit9@yandex.ru

Статья посвящена анализу проблем, связанных с текущим уровнем гражданско-правового регулирования некоторых объектов авторских прав в России, а также выявлению способов для их решения. Отмечается, что недостаточность правового регулирования научных произведений, видеоигр, саммари и дипфейков влечет нарушение прав авторов и представляет угрозу безопасности для физических и юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и государства в целом. От грамотного механизма реализации гражданско-правового регулирования объектов авторских прав напрямую зависит благосостояние, уровень и перспективы развития общества и государства. В этой связи предлагается определить правовой статус упомянутых объектов авторских прав, расширить перечень объектов авторских прав, а также своевременно дополнять его новыми объектами в целях предупреждения противоправных действий, связанных с нарушением прав авторов, а также отдельных физических лиц, юридических лиц и индивидуальных предпринимателей.

Ключевые слова: авторское право, объекты авторских прав, производные произведения, интеллектуальная собственность, правовое регулирование.

Научно-технический прогресс и активный переход к информационному обществу повлекли за собой возникновение новых объектов авторских прав. В связи с малой эластичностью гражданского законодательства России новые объекты авторских прав долгое время остаются без правового регулирования и защиты. А это, в свою очередь, чревато наступлением неблагоприятных последствий, в числе которых систематические нарушения прав физических и юридических лиц, индивидуальных предпринимателей, авторов, возникновение упущенной выгоды, проблемы в правоприменительной практике, замедление темпов развития экономики и науки, прогрессирующее технологическое отставание государства. Кроме того, в дополнительной систематизации и уточнении нуждаются также те объекты авторского права, которые уже обеспечены правовым регулированием, однако, в силу своего развития или трансформации, не соответствуют положениям гражданского законодательства России. Соответственно, в целях минимализации негативных последствий недостаточности гражданско-правового регулирования отдельных объектов авторских прав, перечень объектов авторских прав нуждается в дополнительной систематизации и расширении.

Наиболее ярким примером, демонстрирующим давно назревшую потребность в дополнительной систематизации перечня объектов авторских прав, являются произведения науки. Пунктом 1 статьи 1259 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1]. фактически утверждается однородность произведений науки, произведений литературы и произведений искусства. Однако проведение дифференциации между перечисленными объектами авторского права необходимо, ввиду наличия особого отличительного признака произведения науки – научности [2, с. 99]. Научное произведение является результатом анализа объективных законов действительности и направлено на открытие новых научных знаний и на их практическое применение. Таким образом, отождествление произведений литературы и искусства с произведениями науки представляется недопустимым и требует правовой корректировки.

Кроме того, не смотря на большое значение произведений науки, универсальное и легальное определение данного понятия так и не было сформировано. Не закреплено оно и в положениях главы 70 ГК РФ, посвященной авторскому праву.

Необходимо дополнительно отметить, что выделение произведений науки в качестве самостоятельного объекта авторских прав отвечает целям и основным задачам Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации

(далее соответственно – Стратегия, РФ), утвержденной Указом Президента РФ от 1 декабря 2016 г. № 642. В частности, Стратегией предусмотрено в качестве основной цели обеспечение независимости и конкурентоспособности страны за счет увеличения интеллектуального потенциала нации, а одной из основных задач является организация создания условий, соответствующих лучшим мировым практикам, в целях проведения научных исследований.

В части необходимости расширения перечня объектов авторских прав показательным примером служит недостаточный уровень правового регулирования в области видеоигр. Вместе с тем, потребительский спрос на видеоигры ежегодно растет. Как следствие, увеличивается количество компаний и команд разработчиков, а также доля отечественных разработок на мировом рынке, что обуславливает потребность в гражданско-правовом регулировании видеоигр как отдельного объекта авторского права.

ГК РФ предусмотрен особый объект авторского права – программы для ЭВМ. Вместе с тем, видеоигра состоит из множества неоднородных элементов, таких как литературное произведение (сценарий), музыкальные произведения, фотографические модели, различные графические модели, географические карты, программы для ЭВМ и др. В совокупности они образуют единую систему, в которой программы для ЭВМ выступают в роли лишь одной из ее составных частей. Из этого следует, что видеоигра – это синтез творческого труда сценаристов, композиторов, фотографов, программистов и др., то есть сложный продукт, который не может классифицироваться исключительно как программа для ЭВМ.

В некоторых научных работах используется термин «компьютерная игра» [3, с. 46], дефиниция которого также не содержится в гражданском законодательстве России. Однако содержание понятия «видеоигра», как мультимедийного продукта, гораздо шире содержания понятия «компьютерная игра», поскольку последнее предполагает возможность запуска игры исключительно на персональном компьютере, в то время как видеоигры рассчитаны на взаимодействие с различными устройствами, такими как игровые приставки, мобильные телефоны, планшеты, портативные консоли и др.

В свою очередь, из-за недостаточного уровня правового регулирования в сфере видеоигр происходят систематические нарушения прав авторов – компаний и команд разработчиков видеоигр, увеличивается доля пиратского контента и, как следствие, не обременяющихся налогами теневых доходов, что приводит к возникновению упущенной выгоды у авторов. Эти недостатки особенно заметны в условиях современного развития данной индустрии в России и появления отечественных проектов мирового уровня.

Соответственно, утверждение правового режима и выделение видеоигр в качестве отдельного объекта авторского права позволит обеспечить ав-

торам защиту произведения, а также будет способствовать дальнейшему развитию данной отрасли.

В отдельном рассмотрении нуждаются и некоторые производные произведения, положения о которых содержатся в статье 1260 ГК РФ, а также нюансы их гражданско-правового регулирования. В отличие от обычных произведений, производные представляют собой результат переработки оригинального произведения, либо его адаптации [4, с. 38]. Однако действующее гражданское законодательство России в недостаточной степени регламентирует правоотношения в части новых производных произведений, поскольку, как отмечалось ранее, изменения в законодательстве имеют догоняющий характер. Это, в свою очередь, представляет опасность для общества и государства ввиду стремительности и высокой значимости экономических и политических изменений в мире.

Так, в связи с санкционным давлением в отношении России и последовавшими за ним отказами некоторых иностранных литературных издательств и авторов произведений литературы от заключения новых и продления срока действия ранее заключенных лицензионных договоров о предоставлении права использования произведения отечественные лицензиаты столкнулись с проблемой избытка спроса на иностранные произведения литературы и нехваткой соответствующего предложения. В этой связи начинают приобретать популярность «саммари» – краткое изложение литературного произведения. Кроме того, возникли прецеденты издания саммари иностранных произведений российскими издательствами в качестве самостоятельных произведений, то есть без заключения издательского лицензионного договора с иностранным правообладателем.

При этом вопросы определения правового статуса саммари как производного произведения или как отдельного объекта авторского права, а также особенностей его гражданско-правового регулирования до сих пор не решены.

С одной стороны, в соответствии с подпунктом 9 пункта 2 статьи 1270 ГК РФ переработка произведения, вследствие которой возникает производное произведение, является использованием произведения. Вместе с тем исходя из пункта 1 статьи 1270 ГК РФ именно автор произведения обладает исключительным правом на его использование. Таким образом, переработка оригинального произведения в качестве его пересказа с сохранением персонажей и художественных образов возможна лишь с согласия обладателя исключительным правом на данное произведение.

С другой стороны, в соответствии с пунктом 5 статьи 1259 ГК РФ авторские права не распространяются на идеи и концепции. Следовательно, в случае, если автор саммари заимствует лишь общую идею оригинального произведения, его концепцию или основную тему, при этом не применяя иные элементы оригинального произведения, саммари является самостоятельным произведением [5, с. 81]. Соответственно, согласие автора оригиналь-

ного произведения при производстве саммари не требуется.

Таким образом, при определенных условиях саммари является самостоятельным объектом авторского права. Учитывая изложенное, представляется целесообразным утверждение правового режима саммари, а также корреспондирующее расширение перечня объектов авторских прав.

Еще одним сравнительно новым явлением в области права и серьезным вызовом для законодателя является результат применения технологии, основанной на искусственном интеллекте – дипфейк.

Дипфейк представляет собой поддельный фото, видео или аудио материал, имеющий сложную технологию производства. Искусственный интеллект, обладающий развитой системой алгоритмов, синтезирует первоначальный фото или видео материал с иным фото или видео материалом. Стоит отметить, что подобная технология обладает способностью к обучению и учитывает прошлый опыт в целях недопущения прежних ошибок [6, с. 130], что позволяет ей в точности копировать черты лица и мимику человека таким образом, что дипфейк не просто отличить от оригинала. С аудиоматериалами происходит иная манипуляция: технология запоминает тембр голоса и речевые особенности человека, что позволяет создать иллюзию оригинальной речи и подделать ее содержание.

При условии правомерного осуществления подобное явление имеет целый ряд достоинств, которые могут проявиться в ближайшем будущем. К примеру, использование дипфейков выдающихся политических и научных деятелей, деятелей искусства и культуры в рамках реализации основных и дополнительных образовательных программ способствует повышению уровня вовлеченности обучающихся в образовательный процесс, облегчению освоения учебного материала, расширению мировоззрения за счет применения наглядных образов. Использование дипфейков умерших деятелей киноиндустрии в процессе создания современных аудиовизуальных произведений, с учетом соблюдения положения пункта 1 статьи 152.1 ГК РФ, позволит вызвать интерес детей и молодежи к отечественным кинолентам, ставшим классикой. Дополнительно необходимо обратить внимание, что легитимная замена ныне живущих актеров их дипфейками приведет к оптимизации процесса кинопроизводства и, в некоторых случаях, к снижению временных и финансовых затрат.

Вместе с тем следует учитывать, что текущая недостаточность гражданско-правового регулирования дипфейков представляет угрозу безопасности физических и юридических лиц, индивидуальных предпринимателей, государства в целом. Зачастую дипфейки применяются при совершении противоправных действий, таких как мошенничество, вымогательство денежных средств, шантаж, в том числе поддельными фото или видео материалами интимного характера [7, с. 115].

Кроме того, использование дипфейков политических деятелей может представлять угрозу национальной безопасности государства.[8, с. 61].

Правовое регулирование дипфейков действующим законодательством России напрямую не предусмотрено. Также в правовом поле отсутствует и легальное определение термина «дипфейк».

По своей сути дипфейк является производным произведением, поскольку представляет собой переработку оригинального фото, видео или аудио материала. Однако в целях полноценного правового регулирования данного явления необходима разработка и принятие отдельного федерального закона, регулирующего порядок и условия использования цифрового образа человека, включающего фото, видео и аудио материалы, физическими лицами, юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями в коммерческих целях. Учитывая то, что одним из основных принципов развития и использования технологий искусственного интеллекта, в соответствии с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 г., утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490, является недопустимость использования искусственного интеллекта в целях умышленного причинения вреда гражданам и юридическим лицам, необходимость появления указанного федерального закона не вызывает сомнений.

В этой связи необходимо отметить, что дипфейки имеют перспективу развития и внедрения в различные сферы жизни граждан при условии их правомерного применения. Однако без высокого уровня правового регулирования добиться этого будет невозможно.

Таким образом, гражданско-правовое регулирование объектов авторских прав в России имеет целый ряд проблем. Среди них выделяется недостаточность понятийного аппарата, отсутствие единого и своевременно дополняющегося перечня объектов авторских прав, медленная трансформация законодательства, и, как следствие, проблемы правового регулирования новых объектов авторских прав. Вместе с тем, от темпов адаптации гражданского законодательства к текущим динамично изменяющимся экономическим, технологическим и политическим условиям зависит в том числе благополучие каждого гражданина. Обозначенные проблемы и предложенные способы их решения позволят сократить законодательное отставание и нормализовать правовое регулирование отдельных объектов авторских прав.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 05.12.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.05.2023) // Собрание законодательства РФ. 2006, № 52 (1 ч.). Ст. 5496.
2. Агибалова Е. Н., Наумов Н.А. Произведения науки как объект авторского права // Юрические

ский вестник Дагестанского государственного университета. – 2021. – Т. 39. – № 3. – С. 94–102.

3. Овчаров Д.В. Сравнительно-правовой анализ терминов «видеоигра» и «компьютерная игра» // Юридическая наука. – 2021. – № 12. – С. 44–48.
4. Шаблова Е.Г. Право интеллектуальной собственности: учебное наглядное пособие / Е.Г. Шаблова, О.В. Жевняк, А.В. Соснин; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2020–159 с. – ISBN978–5–7996–3042–3.
5. Копылов А.Ю. Охраняемые и неохранные элементы произведения // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – Т. 16. – № 2. – С. 76–87.
6. Алиев Т.Т. Правовое регулирование искусственного интеллекта и роботизации: концепции и перспективы // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2021. – № 41. – С. 128–135.
7. Добробаба М.Б. Дипфейки как угроза правам человека // Lex russica. – 2022. – Т. 75. – № 11. – С. 112–119.
8. Киселев А. С. О необходимости правового регулирования в сфере искусственного интеллекта: дипфейк как угроза национальной безопасности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. – 2021. – № 3. – С. 54–64.

CIVIL LAW REGULATION OF OBJECTS OF COPYRIGHT IN RUSSIA

Shitov I.A.

Moscow Financial and Industrial University "Synergy"

The article analyzes the problems associated with the current level of civil law regulation of some copyright objects in Russia, as well as identifying ways to solve them. It is noted that the insufficiency of legal regulation of scientific works, video games, sammary and dipfakes entails violation of the rights of authors and poses a security threat to individuals and legal entities, individual entrepreneurs and the state as a whole. The well-being, level and prospects of development of society and the state directly depend on a competent mechanism for the implementation of civil law regulation of copyright objects. In this regard, it is proposed to determine the legal status of the mentioned copyright objects, expand the list of copyright objects, as well as timely supplement it with new objects in order to prevent illegal actions related to the violation of the rights of authors, as well as individual individuals, legal entities and individual entrepreneurs.

Keywords: copyright, copyright objects, derivative copyright, intellectual property, regulation.

References

1. The Civil Code of the Russian Federation (Part Four) of 18.12.2006 No. 230-FZ (ed. of 05.12.2022) (with amendments and additions, intro. effective from 29.05.2023) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006, No. 52 (1 part). Article 5496.
2. Agibalova E. N., Naumov N.A. Works of science as an object of copyright // Legal Bulletin of Dagestan State University. – 2021. – Vol. 39. – No. 3. – pp. 94–102.
3. Ovcharov D.V. Comparative legal analysis of the terms «video game» and «computer game» // Legal science. – 2021. – No. 12. – pp. 44–48.
4. Shablova E.G. Intellectual Property law: educational visual aid / E.G. Shablova, O.V. Zhevnyak, A.V. Sosnin; Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin. – Yekaterinburg: Ural University Publishing House, 2020–159 p. – ISBN978–5–7996–3042–3.
5. Kopylov A. Yu. Protected and unguarded elements of the work // Actual problems of Russian law. – 2021. – Vol. 16. – No. 2. – pp. 76–87.
6. Aliyev T.T. Legal regulation of artificial intelligence and robotics: concepts and prospects // Bulletin of Tomsk State University. Pravo. – 2021. – No. 41. – pp. 128–135.
7. Dobrobaba M.B. Deepfakes as a threat to human rights // Lex russica. – 2022. – Vol. 75. – No. 11. – pp. 112–119.
8. Kiselev A.S. On the need for legal regulation in the field of artificial intelligence: deepfake as a threat to national security // Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence. – 2021. – No. 3. – pp. 54–64.

Совершенствование правового регулирования процессуального порядка допроса подозреваемого

Барабанова Анастасия Александровна,
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических
и научных кадров Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя
E-mail: abar1295@gmail.com

Статья посвящена совершенствованию элементов процессуального порядка допроса подозреваемого на стадии предварительного расследования. Автор рассматривает ряд проблемных вопросов, возникающих в деятельности следователя и дознавателя при обеспечении права подозреваемого на защиту. Так как право на защиту является безусловным правом предусмотренным уголовно-процессуальным законодательством, от процессуального порядка его обеспечения со стороны органов предварительного расследования при проведении допроса зависит качество обеспечения правосудия по уголовному делу. В статье приводятся предусмотренные законом случаи и правовые последствия отказа подозреваемого от конкретного защитника или от защитника вообще в ходе проведения допроса. В ходе исследования комментируются проблемные ситуации, возникающие в практике применения норм уголовно-процессуального закона связанные с обязательным участием защитника при проведении допроса, обосновываются предложения по их разрешению.

Ключевые слова: процессуальный порядок, подозреваемый, защитник, следователь, дознаватель, допрос.

Законодатель обязывает должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство разъяснять участникам следственного действия процессуальный порядок его производства (ч. 5 ст. 164 УПК РФ). Данное законодательное требование направлено, прежде всего, на обеспечение прав участников следственного действия. Понимание и уяснение процедуры проведения следственного действия создает условия для реализации каждым из его участников прав и законных интересов. В процессе производства следственного действия и после его окончания каждый участник посредством сравнения достигнутого результата с объявленной процедурой следственного действия получает возможность судить о соблюдении или несоблюдении своих прав и законных интересов со стороны следователя. Без понимания процессуального порядка следственного действия такая возможность превращается в простую формальность. В связи с этим представляется важным, чтобы процессуальный порядок производства любого следственного действия был наиболее четко прописан в законе, с тем чтобы у правоприменителей не оставалось сомнений в тех действиях, которые они должны выполнить, соблюдая права участников.

Допрос как следственное действие признан важным и необходимым действием правоохранительной деятельности во всех правовых системах. Однако показания, полученные в ходе допроса, в ряде случаев порождают вопросы относительно законности их получения. Особенно актуален данный аспект применительно к показаниям подозреваемого, тем более если показания признательные. Соблюдение должностным лицом процессуального порядка производства допроса подозреваемого становится наиболее важным моментом с точки зрения дальнейшего использования полученных показаний в качестве доказательств. Уяснение и строгое следование субъектом расследования алгоритма действий, установленных законодателем при регулировании процессуальной процедуры допроса, может иметь ключевое значение.

Следует считать бесспорным утверждение о том, что признательные показания подозреваемого могут быть приняты в качестве доказательства. Свободное и добровольное признание, отраженное в явке с повинной или полученное в ходе первого допроса подозреваемого, заслуживает

высшей ценности, потому что предполагается, что оно вытекает из сильнейшего чувства вины за совершенное преступление. Однако, признание, полученное, например, в результате неправомерных действий со стороны должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, ведет к негативным правовым последствиям – к потере юридической силы признательных показаний как доказательств.

Что бы избежать каких либо нарушений при получении доказательств в ходе допроса, а также реализуя общепризнанные стандарты состязательного процесса, законодатель предусмотрел обязательное участие защитника (адвоката) в ряде случаев, предусмотренных ст. 51 УПК РФ. Однако, закрепляя право на получение квалифицированной юридической помощи, уголовно-процессуальный закон также гарантирует подозреваемому право защищаться иными средствами и способами, не запрещенными уголовно-процессуальным кодексом. Например, подозреваемый может самостоятельно осуществлять свою защиту. Хотелось бы отметить, что принцип закрепленный в ст. 16 УПК РФ, базируется не только на российском конституционном праве, но и на общепризнанных нормах международного права, в соответствии с которыми каждый при рассмотрении любого предъявленного ему уголовного обвинения вправе защищать себя *лично* или посредством выбранного им самим защитника.

Анализируя указанную норму закона мы делаем вывод, что подозреваемый в любой момент производства по уголовному делу (в том числе и при производстве следственных действий, например, в ходе допроса) может отказаться от конкретного защитника или отказаться от защитника вообще. Если в первом случае у субъекта расследования не возникает сомнений, какие действия необходимо предпринять, чтобы право на защиту подозреваемому было реализовано, то во втором случае (когда подозреваемый отказывается реализовать свое право на участие адвоката-защитника), положения, закрепленные в ст. 16 УПК РФ, вступают в противоречия с иными нормами уголовно-процессуального законодательства.

Сложившаяся следственная практика свидетельствует о том, что при реализации своего права на самостоятельную защиту подозреваемые сталкиваются с неудовлетворением их ходатайств об отказе от **любого** защитника. Проанализируем: почему так происходит?

В соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ к недопустимым доказательствам законодатель относит показания подозреваемого, данные им в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника, включая случаи отказа от защитника, и не подтвержденные в суде. Учитывая правовое регулирование данного фрагмента процессуальной деятельности, субъекты расследования, в случаях, когда подозреваемый желает дать признательные показания, не принимают во внимание отказ от участия защитника в уголовном деле и предпринимают меры к участию адвоката

(по назначению) в допросе подозреваемого. Тактический прием действий следователя в подобной ситуации заключается в том, что только таким образом можно «застраховать» показания подозреваемого сохранив их в статусе доказательств, исключив основания для признания его недопустимым в дальнейшем, в случае, если в суде подозреваемый откажется от своих первичных показаний. Буквальное толкование закона приводит к тезису о том, что по мнению законодателя, именно присутствие защитника в ходе допроса при получении признательных (и не только) показаний подозреваемого может обеспечить достоверность, полученных данных при допросе. Судебные органы обязаны расценивать присутствие защитника на допросе подозреваемого как некую гарантию законности производства следственного действия. С точки зрения правоприменителя анализируемое положение закона (п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ) звучит абсурдно, однако, следует признать, что правоприменительная практика складывается именно таким образом [3].

Безусловно, с одной стороны, присутствие защитника на допросе подозреваемого является важной гарантией защиты прав подозреваемого, обеспечивая соблюдение его прав как участника процесса со стороны защиты от уголовного преследования. С другой стороны, нельзя не согласиться с мнением отдельных авторов, которые обращают внимание на крайнее выражение со стороны законодателя заботы о комфорте подозреваемого, попирающее здравый смысл, возврат к теории формальных доказательств, настаивая на ее исключении из закона [2, с. 143]. Полагаем, что нынешнее содержание п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ фактически ставит под сомнение презумпцию порядочности следователя (дознателя), поскольку прямо предполагает, что при отсутствии защитника на допросе, показания подозреваемого могут быть получены с нарушением закона. Если гипотетически продолжить рассуждения в подобном направлении, то неизбежно придем к выводу о необходимости присутствия защитника при всех действиях, совершаемых следователем, для обеспечения законности его деятельности.

Заметим, что при этом, не ставится вопрос о выяснении причин, по которым подозреваемый (обвиняемый) решил не подтверждать свои показания в ходе судебного разбирательства. На наш взгляд, это было бы полезно устанавливать, в том числе и с точки зрения обеспечения прав самого подсудимого, в том смысле, чтобы исключить случаи негативного воздействия со стороны защитника на своего доверителя и склонение его к отказу (по разным причинам) от своих показаний, данных в ходе досудебного производства. Следует констатировать, что с этой точки зрения на рассматриваемую ситуацию законодатель не обратил свой взгляд.

У правоприменителя возникает вопрос: зачем надо было предоставлять подозреваемому право защищаться самостоятельно, и соответственно

предусматривать возможность проведения следственного действия (допроса) без участия защитника, если обеспечение этого права влечет столько рисков при рассмотрении уголовного дела на судебной стадии, порождает проблемы с точки зрения использования в качестве допустимого доказательств показания подозреваемого? Каким образом надо поступать, чтобы обеспечить право подозреваемого на защитника, и в то же время, не утратить ценность полученных доказательств?

Для разрешения проблемы, связанной с участием защитника, особенно в тех случаях когда подозреваемый готов дать признательные показания в ходе допроса, целесообразно включить в процессуальный порядок данного следственного действия следующие обязательные элементы, а именно:

1. В соответствии с УПК РФ следователь/дознатель **обязан** разъяснить перед допросом права подозреваемому (ч. 5 ст. 164 УПК РФ). Словарь русского языка определяет, что понятие “разъяснить” несет в себе следующие значения – растолковать, сделать ясным, понятным [4]. Исходя из данного определения мы можем сделать вывод, что обязанность следователя/дознателя по разъяснению прав подозреваемому не будет выполнена до тех пор, пока подозреваемому не станет понятным содержание каждого из прав, а так же, каким образом ими можно воспользоваться, как отказаться от их реализации (например, отказ от помощи участия защитника в уголовном деле), и какие последствия могут наступить в случае отказа от использования подозреваемым своего права.

Относительно процессуального порядка разъяснения прав подозреваемому перед допросом можно отметить следующее. Анализ правоприменительной практики позволяет констатировать, что сотрудники подразделений предварительного расследования до начала проведения первого допроса разъясняют права подозреваемому, составляя при этом самостоятельный протокол разъяснения прав, который приобщается к материалам уголовного дела, хотя законодатель не требует составления подобного документа. В этой связи может возникнуть вопрос: нарушают ли субъекты расследования, установленный законом процессуальный порядок или изменяют его? Полагаем, что следует отрицательно ответить на поставленный вопрос. Порядок, установленный законодателем, может изменить только сам законодатель. Другое дело, что в отдельных случаях правоприменители дополняют процессуальный порядок какими то отдельными элементами, которые не обязательны с точки зрения закона, но целесообразны с точки зрения правоприменения. По нашему мнению, составляя отдельный протокол разъяснения прав подозреваемому пред допросом следователь/дознатель в очередной раз подкрепляет законность совершения им последующего следственного действия и подчеркивает строгое соблюдение прав подозреваемого, предусмотренного уголовно-процессуальным законом.

В юридической литературе идут споры относительно целесообразности вынесения постановления о привлечении лица в качестве подозреваемого [1, с. 15]. Мы разделяем мнение тех авторов, которые высказываются за необходимость составления данного процессуального документа. Во-первых, наличие подобного постановления устанавливает четкое разграничение между процессуальными статусами подозреваемого и обвиняемого, подозреваемого и свидетеля. Во-вторых, подобный документ содержал бы в себе перечень основных прав подозреваемого и отметку лица о том, что ему эти права разъяснены, а главное – понятны.

В пользу необходимости вынесения подобного документа следует привести тот очевидный факт, что в подобном протоколе следует отражать не только разъяснение прав подозреваемому, но также отмечать его волеизъявление по некоторым из них, что может оказаться очень необходимым для субъекта расследования. Например, при разъяснении права на защиту следует не только зафиксировать разъяснение этого права, но также необходимо отметить каким образом подозреваемый желает его реализовать. Следователю важно знать: если подозреваемый хочет иметь адвоката-защитника, то интерес представляет решение вопроса о том кто конкретно будет обеспечивать подобное участие в уголовном деле (сам подозреваемый, кто-то из родственников? контакты родственника.); согласен ли подозреваемый на участие адвоката по назначению или у него уже имеется конкретный адвокат, который будет его защищать по уголовному делу и иные вопросы. Изучение материалов уголовных дел позволяет сделать вывод о том, что в большинстве случаев в следственных подразделениях протокол разъяснения прав подозреваемому выносится как отдельный процессуальный документ. То есть данный элемент процессуального порядка допроса подозреваемого имеет самостоятельную фиксацию в уголовном деле. Таким образом очевидно, что целесообразность составления подобного протокола подтверждена правоприменительной практикой.

Исходя из вышеизложенного, считаем необходимым дополнить ст. 46 УПК РФ, положением о том, что перед проведением первого допроса подозреваемого следователь/дознатель, разъясняет ему права, предусмотренные УПК РФ, о чем составляется отдельный протокол, который должен быть оформлен в соответствии с требованиями ст. 166 УПК РФ.

2. В целях более полного соблюдения требований уголовно-процессуального закона и обеспечения гарантий прав и свобод лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, необходимо дополнить ч. 1 ст. 51 УПК РФ положением о том, что участие защитника в уголовном судопроизводстве является обязательным, если подозреваемый, обвиняемый готов дать в ходе проведения следственного действия (допроса) признательные показания. В случае, если

данное положение найдет свое отражение в норме уголовно-процессуального закона, это станет не только гарантией использования полученных показаний как доказательств в уголовном деле, но и одним из обязательных элементов процессуального порядка проведения следственного действия (а именно допроса), и приобретет со стороны правоприменителя не просто вид тактического приема, а станет требованием законодателя.

Полагаем, что любое нововведение в текст закона, и правоприменительную деятельность следует оценивать комплексно, прежде всего с учетом тех последствий которые они повлекут. Однако, реализация высказанных предложений на законодательном уровне позволит более полно регламентировать процессуальный порядок допроса, а также избежать тех проблем, которые могут возникнуть впоследствии на стадии судебного разбирательства.

Литература

1. Арабули Д.Т. Правила производства допроса подозреваемого и их детализация // Вестник Южно-Уральского государственного университета, 2009. № 19. Стр. 14–17.
2. Быков В.М., Ситникова Т.Ю. Основания и процессуальный порядок признания доказательств недопустимыми по УПК РФ // Правоведение. 2004. N 5. С. 143–144.
3. Пономарева В.Н. «Участие адвоката-защитника в следственных действиях». – магистерская диссертация. – Томск. – 2017. – Режим доступа: <https://ui.tsu.ru/wp-content/uploads/2017/06/Пономарёва-Вера-Николаевна1.pdf>. (дата обращения: 20.05.2023)
4. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999; Толковый словарь русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова (1935–1940);

(электронная версия): Фундаментальная электронная библиотека // <https://kartaslov.ru>. (дата обращения: 20.05.2023)

IMPROVEMENT OF LEGAL REGULATION OF THE PROCEDURAL ORDER OF INTERROGATION OF THE SUSPECT

Barabanova A.A.

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot

The article is devoted to improving the elements of procedural order of interrogation of the suspect at the stage of the preliminary investigation. The author considers a number of problematic issues arising in the activities of the investigator and interrogator in ensuring the right of the suspect to a defense. Since the right to defense is an unconditional right provided by criminal procedural legislation, the quality of justice in a criminal case depends on the procedural order of its provision by the preliminary investigation during the interrogation. The article presents the cases stipulated by the law and legal consequences of a suspect's refusal from a specific counsel or from a counsel in general during the interrogation. The study comments on problem situations arising in practice of application of norms of criminal procedural law related to compulsory participation of counsel during interrogation and substantiates proposals for their resolution.

Keywords: procedural order, suspect, protector, investigator, interrogation.

References

1. Arabuli D.T. Rules of interrogation of the suspect and their detailing // Bulletin of the South Ural State University, 2009. № 19. Pages. 14–17.
2. Bykov V.M., Sitnikova T.Y. Grounds and procedural order of recognition of evidences inadmissible according to CPC of RF // Jurisprudence. 2004. N 5. С. 143–144.
3. Ponomareva V.N. "Participation of the lawyer-defender in investigative actions". – Master's thesis. – Tomsk. – 2017. – Mode of access: <https://ui.tsu.ru/wp-content/uploads/2017/06/Пономарёва-Вера-Николаевна1.pdf>. (date of access: 20.05.2023)
4. Dictionary of the Russian language: In 4 vols. / RAS, Institute of Linguistic Research; Ed. by A.P. Evgenieva. 4-th ed. M.: Russ. yaz.; Poligrafresursy, 1999; The Explanatory Dictionary of the Russian Language, edited by D.N. Ushakov (1935–1940); (electronic version): Fundamental Electronic Library // <https://kartaslov.ru>. (date of access: 20.05.2023)

Нормативное закрепление уточнения квалификации половых преступлений в отношении несовершеннолетних

Богунова Галина Вальерьевна,

старший преподаватель кафедры общих и специальных юридических дисциплин, Юридический институт, Тихоокеанский государственный университет
E-mail: 008968@pnu.edu.ru

В статье рассматривается актуальный вопрос, связанный с квалификацией половых преступлений в отношении несовершеннолетних лиц. Автор особо отмечает, что преступления против половой свободы и неприкосновенности несовершеннолетних лиц представляют довольно высокий социальный риск, поскольку они нарушают их нормальное психофизиологическое развитие. В данной статье приводится определение таких терминов, как «половая свобода» и «половая неприкосновенность», а помимо этого раскрываются понятия «мужеложство», «лесбиянство» и «иные действия сексуального характера». Также в статье раскрываются специфические особенности классификации полового преступного деяния, которое предусмотрено действующей статьей 134 Уголовного Кодекса Российской Федерации и выявляются существующие недостатки в формулировках некоторых норм. В завершении автором вносятся соответствующие предложения об изменении норм статьи 134 Уголовного Кодекса Российской Федерации и приводятся статистические данные по исследуемой категории преступных деяний за последние несколько лет. Автор приходит к выводу, что деяния, в которых имеет место сексуальный контакт, в обязательном порядке должны классифицироваться более строго, с учетом специфики подобных преступных действий, которые совершаются в отношении потерпевших данной категории.

Ключевые слова: мужеложство, лесбиянство, действия сексуального характера, половое сношение, несовершеннолетние, половая неприкосновенность, права несовершеннолетних, возраст полового согласия.

Преступления против половой свободы и неприкосновенности несовершеннолетних представляют собой высокий социальный риск, поскольку они нарушают нормальное психофизиологическое развитие несовершеннолетних. В результате жестокого обращения с детьми у потерпевших могут произойти значительные изменения личности вследствие серьезных посттравматических травм и реакций, а также формирование серьезных деструктивных психических расстройств, таких как диссоциация, психотические симптомы, физиологические и психосоматические аутоиммунные расстройства.

По ст. 131 и ст. 132 УК РФ [1] признается виновное лицо, которое достигло возраста 14 лет. При этом согласно ст. 131 закреплено, что это должен быть субъект именно мужского пола. Если же рассматривать статью 134 УК РФ, то в качестве исполнителя рассматриваемого преступления признается лицо, которое достигло совершеннолетия. Подчеркивается, что при особо отягчающих обстоятельствах состава противоправного деяния рассматриваемое законодательство уделяет особое внимание субъекту, то есть лицу, которое имеет судимость за ранее совершенное преступление, которое определяется гл. 18 УК РФ.

Обратимся к терминологии исследуемых видов деяний, т.е. к следующим терминам:

1) половая свобода – это свобода человека в сексуальной сфере. Иными словами, это законное право каждого человека принимать соответствующее решение в выборе своих половых партнеров и отношений с ними самостоятельно [3, с. 93];

2) половая неприкосновенность – это запрет, установленный на законодательном уровне, в отношении вступления в сексуальные отношения с тем лицом, которое не достигло возраста 16 лет. В данном случае не имеет никакого значения, являются ли исследуемые отношения добровольными или вынужденными [9, с. 62–66].

Отмечается, что в ст. 134 УК РФ закреплена уголовная ответственность за сексуальные отношения между взрослыми людьми и лицами, которые не достигли возраста 16 лет. Иными словами, она не содержит прямого запрета на выбор партнеров и способов удовлетворения с ними желаний в сексуальной сфере теми лицами, которые достигли 16 лет. При этом ст. 131–133 УК РФ различают и закрепляют соответствующую ответственность в непосредственной зависимости от возраста потерпевшего лица [7, с. 49].

К несовершеннолетним, относятся граждане, которые не достигли возраста 18 лет. Жертвы ис-

следуемых противоправных деяний рассматриваются в УК РФ как отдельная категория жертв, вне зависимости от их пола, поскольку положения о возрасте лица и его половой зрелости могут применяться к любому гражданину, обладающему следующими признаками виктимизации.

Частью 1 ст. 134 УК РФ законодатель предусматривает акт вступления в половое сношение (далее – ПС) как добровольное. Иными словами, вступление в половой акт (далее – ПА) по согласию всех сторон данных отношений. В отличие от изнасилования, в качестве инициатора добровольного ПА может выступать, как женщина, так и мужчина, который достиг совершеннолетия.

В УК РФ ч. 2 ст. 134 закрепляет совершение исключительно таких действий, как мужеложство и лесбиянство. Иные формы сексуального поведения, такие как действия сексуального характера (далее – ДСХ) не затрагиваются, однако закреплены в названии рассматриваемой статьи. Вышеуказанные ДСХ рассматриваются в ст. 132 УК РФ по причине того, что такие формы поведения непосредственно закреплены в самом тексте статьи.

Анализируя ст. 132 и 134 УК РФ как действия, обязаны учесть то обстоятельство, что ответственность за ПС с лицом, которое не достигло возраста 16 лет, наступает за мужеложство и лесбиянство. Рассматривая разграничения преступных деяний, предусмотренных ст. 132 и ст. 134 УК РФ стоит отметить, что соответствующая ответственность по ст. 134 УК РФ наступает при ПС с лицом, которое не достигло возраста 16 лет в таких способах, как мужеложство и лесбиянство, когда жертва в полной мере создала характер и степень совершаемых в отношении нее действий, а помимо этого, вышеуказанные действия происходили без применения физической силы или угрозы применения упомянутой силы [8, с. 19]. При этом такие же деяния, совершаемые по ст. 132 УК РФ наличествуют таким обязательным условием как сила или угроза применения в отношении жертвы физической силы.

Невзирая на тот аспект, что законодатель признает исследуемое преступное деяние как формальное, наказание по ст. 134 УК РФ происходит вне зависимости от наличия или отсутствия сексуальной активности, которое совершено с жертвой единожды или совершалось последовательно. Подчеркивается, что понятие «не достигшее возраста 16 лет» законодатель определяет следующим образом: виновный заранее был осведомлен о том, что возраст потерпевшего лица явно не подходит для вступления с ним в отношения сексуального характера. В рассматриваемое понятие входят: явные внешние признаки того, что жертва не достигла 16 лет; ранее знакомство, позволяющее знать возраст жертвы; заявление потерпевшего о своем возрасте [4, с. 18].

Основываясь на анализе состава преступного деяния, которое предусмотрено ст. 134 УК РФ, представляется возможным сделать вывод о том, что одним из существенных недостатков сокрытия

этого преступного деяния выступает то, что оглавление исследуемой статьи значительно обширнее содержания ее норм. Круг общественно значимых для законодателя отношений, которые поставлены под защиту данной конструкции, сводится в большинстве своем к защите лица, которое не достигло 16 лет, от ПС и иных ДСХ, что не получило достаточно грамотного толкования и создает некоторые пробелы в конструкции формулировки статьи и влияет на квалификацию. Рассматриваемая статья, которая является предметом анализа, содержит серьезные неточности, допущенные законодателем при формулировании нормы.

Так, название статьи – «ПС и иные ДСХ с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста» – значительно шире фактического положения, закрепленного в ч. 1 и 2 статьи. Согласно этой формулировке, другие ДСХ могли бы рассматриваться в одном ряду с ч. 1, но на практике они классифицируются исключительно как мужеложство и лесбиянство, что расходится с фактами. Иные ДСХ, кроме тех, которые упомянуты в законе, происходящие между вышеуказанными возрастными группами, никаким образом не подпадают под действие данного Кодекса. К сожалению, среди некоторых экспертов нет четкой формулировки степени общественной опасности добровольных ПС, мужеложства или лесбиянства, иных ДСХ, которые предусмотрены ст. 134 УК РФ [5, с. 23].

Под мужеложством понимается насильственное удовлетворение половой страсти посредством ПС между мужчинами. Подобные действия не влекут за собой уголовной ответственности, в случае если применение насилия в отношении жертвы отсутствовало (исключение – совершение данных действий совершеннолетним лицом в отношении потерпевшего, который не достиг 16 лет) [10, с. 124]. Под лесбиянством понимается насильственное удовлетворение половой страсти путем общения между женщинами, соответствующего воздействия на эрогенную зону тела иного человека женского пола, имитации между партнерами ПА.

Стоит отметить, что иные ДСХ определяются как любые способы удовлетворения желания в сексуальной сфере между мужчинами или между мужчинами и женщинами (исключение – естественный ПА и мужеложство). Этот акт также включает естественные формы ПА между мужчиной и женщиной, если со стороны второй имеет место принуждение.

Постановлением ВС РФ от 04.12.2014 № 16 разъяснена ответственность за квалификацию в результате действий, которые связаны с иными ДСХ с лицом, которое достигло 12 лет, но еще не достигло 16 лет, что регулируется ст. 134 УК РФ [2].

По мнению автора, для устранения имеющегося пробела, предлагается внести в статью 134 УК РФ, следующие изменения, а именно: ч. 1 – «за ПС, не достигшем шестнадцатилетнего возраста, лицом достигшем восемнадцатилетнего возраста», оставить без изменения, а ч. 2 после слов «лесбиянство» дополнить новой редакцией: «иные дей-

ствия сексуального характера». Предложенные изменения позволят устранить все существующие пробелы в рассматриваемой норме и дадут возможность точной квалификации и правильного принятия решения по преступным ДСХ, совершенных в отношении лица, не достигшего совершеннолетия.

Сегодня количество преступных деяний против половой неприкосновенности личности и половой свободы несовершеннолетних на территории России с каждым годом растет. Так, в 2021 году было зафиксировано 16 800 подобных преступных деяний. Для сравнения, в 2020 и 2019 годах было зафиксировано 15 800 и 14 700 случаев. «По данной категории дел отмечается и рост числа потерпевших несовершеннолетних: в 2021 году – 12, 3 тыс. (+7, 9% к 2019 г.), в 2020 году – 11, 3 тыс., 2019 году – 11, 4 тыс. человек» – говорится в докладе Марии Алексеевны Львовой из Комиссии при Президенте РФ по правам ребенка [6].

Все эти преступные деяния в 2021 году совершили 7 687 россиян. Из них 3 700 совершили ПС или иные ДСХ с лицом, которое не достигло 16 лет (ст. 134 УК РФ); 2 317 совершили насильственные ДСХ в отношении детей (ст. 132 УК РФ); 864 изнасиловали несовершеннолетнюю (ст. 131 УК РФ) и 806 совершили развратные действия в отношении детей (ст. 135 УК РФ).

Таким образом, преступные деяния сексуального характера, которые задевают физиологию несовершеннолетних и причиняющие вред их здоровью, а помимо этого влекущие физические, моральные и иные последствия, хотя и не носят насилья, но представляют общественную опасность. По этой причине деяния, в которых имеет место сексуальный контакт, должны классифицироваться более строго, с учетом специфики подобных преступных действий, которые совершаются в отношении потерпевших данной категории.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 08.12.2022) // Собрание Законодательства РФ. –1996. – № . 25. Ст. 2954; –2022. – № 51. Ст. 9343.
2. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 04.12.2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Бюллетень Верховного суда РФ. – 2015. – № 1.
3. Бимбинов А.А. Ненасильственные половые преступления: дис. канд. юрид. наук: 12.00.08. – М., 2015. – С. –227.
4. Есаков Г. Осознание возраста потерпевшего лица в половых преступлениях: позиция судебной практики // Уголовное право. – 2016. – № 6. – С. 15–20.
5. Изотова М.А. Проблемы применения законодательства об ответственности за ненасильственные сексуальные посягательства на несовершеннолетних // Уголовное право. – 2013. – № 4. – С. 19–26.
6. Львова-Белова М.А. Доклад о деятельности Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка за 2021 год от 23.08.2022 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://deti.gov.ru/documents/doklad> (дата обращения: 05.06.2023).
7. Милюков С.В. Актуальные проблемы квалификации половых преступлений: пределы судебного толкования // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 4 (5). – С. 46–51.
8. Островецкая Ю.А. Ненасильственные сексуальные посягательства в отношении несовершеннолетних: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. канд. юрид. наук: 12.00.08. – Екатеринбург, 2017. – 30 с.
9. Руденко А.С. Характеристика личности осужденного по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности // Вестник Самарского юридического института. – 2021. – № 5(46). – С. 62–66.
10. Степанова О.Ю. Уголовная ответственность за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних: совершенствование законодательной регламентации и правоприменения: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2018. – 286 с.

NORMATIVE CONSOLIDATION OF THE CLARIFICATION OF THE QUALIFICATION OF SEXUAL CRIMES IN RELATION TO MINORS

Bogunova G.V.

Pacific State University

This article deals with the topical issue related to the qualification of sexual crimes against minors. The author emphasizes that crimes against sexual freedom and inviolability of minors pose a rather high social risk, since they violate their normal psychophysiological development. This article provides a definition of such terms as “sexual freedom” and “sexual inviolability”, and in addition, the concepts of “sodomy”, “lesbianism” and “other acts of a sexual nature” are revealed. Also, the article reveals the specific features of the classification of a sexual criminal act, which is provided for by the current article 134 of the Criminal Code of the Russian Federation, and identifies the existing shortcomings in the wording of some norms. In conclusion, the author makes appropriate proposals to change the norms of Article 134 of the Criminal Code of the Russian Federation and provides statistical data on the category of criminal acts under study over the past few years. The author comes to the conclusion that acts in which sexual contact takes place must necessarily be classified more strictly, taking into account the specifics of such criminal acts that are committed against victims of this category.

Keywords: sodomy, lesbianism, sexual acts, sexual intercourse, minors, sexual inviolability, rights of minors, age of sexual consent.

References

1. The Criminal Code of the Russian Federation dated 06/13/1996 No. 63-FZ (as amended on 12/08/2022) // Collection of Legislation of the Russian Federation. –1996. – No. 25. Art. 2954; –2022. – No. 51. Art. 9343.
2. Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 4, 2014 No. 16 “On judicial practice in cases of crimes against sexual integrity and sexual freedom of the individual” // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2015. – No. 1.

3. Bimbinov A.A. Non-violent sexual crimes: dis. cand. legal Sciences: 12.00.08. – M., 2015. – S. –227.
4. Esakov G. Awareness of the age of the victim in sexual crimes: the position of judicial practice // Criminal law. – 2016. – No. 6. – P. 15–20.
5. Izotova M.A. Problems of application of legislation on responsibility for non-violent sexual assaults on minors // Criminal law. – 2013. – No. 4. – S. 19–26.
6. Lvova-Belova M.A. Report on the activities of the Commissioner for the Rights of the Child under the President of the Russian Federation for 2021 dated 23.08.2022 [Electronic resource]. – Access mode: <http://deti.gov.ru/documents/doklad> (date of application: 05.06.2023).
7. Milyukov S.V. Actual problems of qualification of sexual crimes: the limits of judicial interpretation // Russian Journal of Legal Research. – 2015. – No. 4 (5). – S. 46–51.
8. Ostrovetskaya Yu.A. Non-violent sexual assaults against minors: criminal law and criminological aspects: dis. cand. legal Sciences: 12.00.08. – Yekaterinburg, 2017. – 30 p.
9. Rudenko A.S. Characteristics of the personality of a convict in cases of crimes against sexual integrity and sexual freedom of the individual // Bulletin of the Samara Law Institute. – 2021. – No. 5(46). – S. 62–66.
10. Stepanova O. Yu. Criminal liability for crimes against sexual inviolability and sexual freedom of minors: improvement of legislative regulation and law enforcement: dis. ...cand. legal Sciences. – M., 2018. – 286 p.

Проблемы определения объекта преступлений в сфере закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд

Гусак Михаил Юрьевич,

заместитель руководителя финансово-экономического отдела
Главного следственного управления Следственного комитета
Российской Федерации по Санкт-Петербургу
E-mail: fin13.money@mail.ru

Автором статьи исследуются проблемы определения объекта преступлений в сфере государственных и муниципальных закупок ответственность за которые, предусмотрены статьями 200⁴–200⁶, 201¹–201³, 285⁴–286⁶ УК РФ. Проанализированы родовая и видовая объекты указанных видов преступлений, приведены уголовно-правовые взгляды ученых в вопросе правильного размещения рассматриваемых норм и их место в уголовном законодательстве относительно характера общественной опасности и наносимыми ими вреда. На основании проведенного исследования, приводится авторское определение видового объекта преступлений, ответственность за которые предусмотрены статьями 200⁴–200⁶, 201¹–201³, 285⁴–286⁶ УК РФ. Дана характеристика дополнительного объекта и предмета преступлений в сфере государственных и муниципальных закупок. Делается вывод о необходимости перемещения статей 200⁴–200⁵ УК РФ из гл. 22 УК РФ, в гл. 30 УК РФ.

Ключевые слова: объект, родовый объект, видовой объект, предмет, дополнительный объект преступлений в сфере государственных и муниципальных закупок.

В настоящее время, в России, большое значение уделяется вопросу развития современной рыночной экономики, малому и среднему предпринимательству и поддержанию в этой связи «здоровой» конкурентной среды, что должно обеспечиваться посредством проведения государственных и муниципальных торгов. В этой связи, совершенствование сферы закупок, повышение её стабильности и результативности, является одной из приоритетных задач стоящих перед государством.

При этом приходится констатировать, что сфера государственных и муниципальных закупок подвержена противоправным преступным посягательствам со стороны лиц, участвующим в процессе регулирования и проведения торгов, как участников, представляющих интересы заказчика, так и исполнителей в рамках государственного или муниципального контракта. Для этого, сравнительно недавно, для обеспечения охраны данных видов отношений, законодатель ввёл в уголовное законодательство нормы, предусматривающие ужесточение ответственности в данной сфере, путем дополнения УК РФ статьями 200⁴–200⁶, 201¹–201³, 285⁴–286⁶.

Как известно, для верной и точной квалификации действий виновного лица, первостепенной задачей для правоприменителя является правильное определение объекта посягательства.

Под объектом любого преступления, включая сферу государственных и муниципальных закупок, понимается совокупность общественных отношений состоящих под охраной уголовно-правовых норм при воздействии на которые, со стороны субъекта преступления может причиняться вред [6].

Еще А.И. Трайнин писал: «Каждое преступление, выражается ли оно в действии или бездействии, всегда есть посягательство на определенный объект. Преступление, которое ни на что не посягает, в природе не существует» [11].

Верное установление объекта преступления, определяющего конструкцию состава преступления и его признаки, во многом способствует правильной квалификации содеянного. Точное определение содержания объекта преступления, место размещения уголовно-правовых норм в структуре УК РФ остается одним из дискуссионным в отечественной уголовно-правовой доктрине, определяя его направленность и характер общественной опасности [12]. Соответственно, вопрос о понятии и сущности объекта преступлений является фундаментальным при определении состава преступления.

Под родовым объектом преступлений, предусматривающих ответственность по статьям 200⁴–200⁶ УК РФ, понимаются общественные отношения в сфере экономики.

По мнению Н.А. Лопашенко, свобода экономических отношений построенных на догмах справедливой, свободной и добросовестной конкуренции, недопустимости преступных посягательств на общественные отношения подпадающих под защиту гл. 22 УК РФ, рассматриваются в качестве видового объекта [9].

Под видовым объектом преступлений в сфере экономической деятельности В.В. Загайнов понимал систему общественных связей, реализующихся в процессе экономической деятельности, направленной на совершенствование экономики в целом [5].

Видовым объектом преступлений, ответственность за которые предусмотрены гл. 22 УК РФ выступают общественные отношения по поводу распределения и потребления материальных благ, что само по себе подпадает под понятие экономики [8].

Рассмотрев мнение уважаемых автором, учитывая место расположения статей 200⁴–200⁶ УК РФ в гл. 22 УК РФ, можно предположить, что видовым объектом указанных преступлений является система общественных отношений в экономической сфере направленная на регулирование порядка организации закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд.

Однако на практике, учитывая «бланкетность» рассматриваемых норм, имеющих отсыл к федеральному закону от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [2] необходимо указать, что при осуществлении полномочий лицами, выступающими в роли заказчиков при организации государственных и муниципальных торгов их действия в первую очередь нацелены на обеспечение государственных и муниципальных нужд в результате организации публичных закупок, для обеспечения их гласности и прозрачности, а уже во вторую, затрагивают отношения, регулируемые гл. 22 УК РФ.

В этом случае, учитывая степень и характер общественной опасности преступлений стоит согласиться с В.Н. Борковым, который с недоверием относится к правильности места расположения статей 200⁴–200⁵ УК РФ в гл. 22 УК РФ, субъектами которой, в большинстве случаев, выступают лица, руководствующиеся корыстными интересами и осуществляющие незаконную предпринимательскую деятельность, тогда как ориентиром Закона о контрактной системе выступают посягательства сотрудниками государственных органов и ведомств, а также лиц, покушающихся на естественное функционирование государства [3]. В этом связи, решение законодателя о размещении статей 200⁴–200⁵ в указанной главе уголовного законодательства не является логичным и требует перемещения в гл. 30 УК РФ «Преступления против государственной власти, интересов государствен-

ной службы и службы в органах местного самоуправления».

Родовой объект норм, предусматривающих ответственность за преступления по статьям 201¹–201³ УК РФ и статьям 200⁴–200⁶ УК РФ, совпадает.

В качестве основного, непосредственного объекта преступлений, предусмотренных статьями 201¹–201³ УК, со ссылкой на федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе» [1], выступают общественные отношения, обеспечивающие нормальную управленческую деятельность коммерческих и иных организаций при реализации государственного оборонного заказа (далее – гособоронзаказ).

Государственную власть законодатель определяет как родовый признак объекта преступлений, предусмотренных статьями 285⁴–285⁶ УК РФ, при этом вопрос нахождения видового объекта преступлений, входящих в гл. 30 УК РФ предусмотренных гл. 30 УК РФ однозначно не решен.

Б.В. Волженкин отмечал, что «видовым объектом для преступлений, включенных в гл. 30 УК РФ являются государственная власть, интересы государственной службы и службы в органах местного самоуправления или, иначе говоря, нормальная деятельность публичного аппарата управления в лице государственных органов законодательной, исполнительной и судебной власти, органов местного самоуправления, а также аппарата управления в Вооруженных Силах, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации по выполнению стоящих перед ними задач» [4].

Можно предположить, что видовым объектом преступлений, предусмотренных статьями 285⁴–285⁶ УК РФ понимается совокупность общественных отношений, регулируемых действующим законодательством Российской Федерации в сфере функционирования государственных органов, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных внебюджетных фондах, государственных корпорациях, государственных компаниях, публично-правовых компаниях, на государственных и муниципальных унитарных предприятиях, в хозяйственных обществах, в высшем органе управления которых Российская Федерация, субъект Российской Федерации или муниципальное образование имеет право прямо или косвенно (через подконтрольных им лиц) распоряжаться более чем пятьюдесятью процентами голосов либо в которых Российская Федерация, субъект Российской Федерации или муниципальное образование имеет право назначать (избирать) единоличный исполнительный орган и (или) более пятидесяти процентов состава коллегиального органа управления, в акционерных обществах, в отношении которых используется специальное право на участие Российской Федерации, субъектов Российской Федерации или муниципальных образований в управлении такими акционерными обществами («золотая акция»), а также в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях

ях Российской Федерации в процессе организации гособоронзаказа.

Не менее важным выступает определение дополнительного объекта преступлений в сфере государственных и муниципальных закупок. Н.И. Коржанский указывает, что «под дополнительным объектом преступления рассматриваются общественные отношения, которые, не составляя основы преступления, нарушают при этом иные сферы общественных отношений» [7].

Дополнительный объект преступлений, предусмотренных статьями 200⁴–200⁵ УК РФ, могут выступать право на честную и транспарентную конкуренцию. Неправомерные действия эксперта, заключающиеся в даче заведомо ложного экспертного заключения в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, зачастую могут нести риски угрозы жизни и здоровью конечного потребителя. Причинение ущерба от поставки некачественного вооружения и военной техники в Вооруженные Силы Российской Федерации, невозможность в этой связи использования их для решения боевых и оперативно-служебных задач в условиях военного времени создавая угрозу национальной безопасности и обороноспособности государства, составляют в совокупности дополнительный объект преступлений, предусмотренных статьями 201¹–201³, 285⁴–285⁶ УК РФ.

Одним из признаков, характеризующим объект преступления выступает предмет. В.Я. Таций приходит к выводу, что «предмет преступления имеет тесную связь с его объектом, поскольку находится под охраной УК РФ» [10].

Учитывая, что денежные средства выделяемые на организацию и обеспечение деятельности государственных и муниципальных образований согласно утвержденной сметы доходов и расходов, которыми они могут распоряжаться при закупке товаров, выполнении работ, оказании услуг в соответствии с условиями контракта, при воздействии на которые со стороны поставщика, либо заказчика причиняется вред и они становятся преступниками, является предметом преступлений в сфере государственных и муниципальных закупок.

В качестве выводов, можно констатировать, что определение объекта преступления в сфере государственных и муниципальных закупок, является основополагающим в вопросе уголовно-правовой оценки общественно-опасных деяний рассматриваемых видов преступлений, в этой связи, правоприменитель должен верно квалифицировать указанные нормы, а для этого, точно определить родовой, видовой, непосредственный и дополнительные объекты, а также предмет рассматриваемых видов преступлений.

Литература

1. О государственном оборонном заказе: Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ // Российская газета № 303, 31.12.2012 г.

2. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ // Российская газета, № 80, 12.04.2013 г.
3. Борков, В.Н. Злоупотребление в сфере закупок (ст. 200.4 УК РФ): место нормы в системе уголовного закона понизило ее предупредительный потенциал / В.Н. Борков // Актуальные проблемы уголовной и уголовно-процессуальной политики Российской Федерации: Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Омск, 11 мая 2018 года. – Омск: Омская юридическая академия, 2018. – С. 21–25.
4. Волженкин, Б.В. Служебные преступления. – М.: Юристъ, 2000. – 368 с.
5. Загайнов, В.В. К вопросу об объекте изготовления или сбыта поддельных денег или ценных бумаг / В.В. Загайнов // Российский следователь. – 2008. – № 13. – С. 6–10.
6. Карабанова, Е.Н. Понятие объекта преступления в современном уголовном праве / Е.Н. Карабанова // Журнал российского права. – 2018. – № 6(258). – С. 69–77.
7. Коржанский, Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М.: Изд-во Акад. МВД СССР, 1980. – 248 с.
8. Кубанцев, С.П. Уголовно-правовая характеристика объекта преступлений в сфере банкротства / С.П. Кубанцев // Журнал российского права. – 2015. – № 7(223). – С. 86–96.
9. Лопашенко, Н.А. Вопросы квалификации преступлений в сфере экономической деятельности. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1997. – 179 с.
10. Таций, В.Я. Объект и предмет преступления в советском уголовном праве / Таций В.Я. – Харьков: Вища шк. Изд-во при Харьк. ун-те, 1988. – 198 с.
11. Трайнин, А.И. Состав преступления по советскому уголовному праву. М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1951. – 388 с.
12. Филиппова, Е.О. Теоретические основы и значение состава преступления / Е.О. Филиппова // Российский следователь. – 2022. – № 1. С. 51–54.

PROBLEMS OF DETERMINING THE OBJECT OF CRIMES IN THE FIELD OF PROCUREMENT TO ENSURE STATE AND MUNICIPAL NEEDS

Gusak M. Yu.

Investigative Committee of the Russian Federation in St. Petersburg

The author of the article explores the problems of determining the object of crimes in the field of state and municipal procurement, responsibility for which is provided for in articles 200⁴–200⁶, 201¹–201³, 285⁴–286⁶ of the Criminal Code of the Russian Federation. The generic and specific objects of these types of crimes are analyzed, the criminal legal views of scientists on the issue of the correct placement of the norms in question and their place in criminal law regarding the nature of public danger and harm caused by them are given. On the basis of the study, the author's definition of the specific object of crimes is given, the responsibility for which is provided for by articles 200⁴–200⁶, 201¹–201³, 285⁴–286⁶ of the Criminal

Code of the Russian Federation. The characteristics of the additional object and subject of crimes in the field of state and municipal procurement are given. It is concluded that it is necessary to move articles 200⁴–200⁵ of the Criminal Code of the Russian Federation from Ch. 22 of the Criminal Code of the Russian Federation, in Ch. 30 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: object, generic object, specific object, subject, additional object of crimes in the field of state and municipal procurement.

References

1. On the State Defense Order: Federal Law No. 275-FZ of December 29, 2012 // Rossiyskaya Gazeta No. 303, 31.12.2012.
2. On the contract system in the field of procurement of goods, works, services for State and municipal Needs: Federal Law No. 44-FZ of April 5, 2013 // Rossiyskaya Gazeta, No. 80, 12.04.2013.
3. Borkov, V.N. Abuse in the field of procurement (Article 200.4 of the Criminal Code of the Russian Federation): the place of the norm in the criminal law system lowered its preventive potential / V.N. Borkov // Actual problems of criminal and criminal procedure policy of the Russian Federation: Materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation, Omsk, May 11 2018. – Omsk: Omsk Law Academy, 2018. – pp. 21–25.
4. Volzhenkin, B.V. Official crimes. – Moscow: Jurist, 2000. – 368 p.
5. Zagainov, V.V. On the issue of the object of manufacture or sale of counterfeit money or securities / V.V. Zagainov // Russian investigator. – 2008. – No. 13. – pp. 6–10.
6. Karabanova, E.N. The concept of the object of crime in modern criminal law / E.N. Karabanova // Journal of Russian Law. – 2018. – № 6(258). – Pp. 69–77.
7. Korzhansky, N.I. Object and subject of criminal law protection. M.: Publishing House of the Academy. Ministry OF Internal Affairs OF THE USSR, 1980. – 248 p.
8. Kubantsev, S.P. Criminal-legal characteristics of the object of crimes in the field of bankruptcy / S.P. Kubantsev // Journal of Russian Law. – 2015. – № 7(223). – Pp. 86–96.
9. Lopashenko, N.A. Questions of qualification of crimes in the sphere of economic activity. Saratov: Publishing House of Saratov University, 1997. – 179 p.
10. Tatsiy, V. Ya. The object and subject of a crime in Soviet criminal law / Tatsiy V. Ya. – Kharkiv: Vishcha shk. Publishing house at Kharkiv. un-te, 1988. – 198 p.
11. Trainin, A.I. The composition of a crime under Soviet criminal law. Moscow: State Publishing House of Jurid. lit-ry, 1951. – 388 p.
12. Filippova, E.O. Theoretical foundations and the meaning of the corpus delicti / E.O. Filippova // A Russian investigator. – 2022. – No. 1. pp. 51–54.

Суррогатное материнство в контексте уголовно-правового запрета торговли людьми

Гриб Владимир Григорьевич,

д.ю.н., профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор института экономики, управления и права ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет».

E-mail: vg-profesor@yandex.ru

Василец Владимир Евгеньевич,

аспирант кафедры государственно-правовых дисциплин и цифрового права, НОЧУ ВО «Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

E-mail: antikvarii@yandex.ru.

Жданова Екатерина Николаевна,

студент гражданско-правового профиля юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

E-mail: ekaterinazhdanova722@gmail.com

В статье рассмотрены вопросы, касающиеся понятия суррогатного материнства, и некоторые вопросы правового характера и морали. Что же такое «суррогатное материнство»: торговля человеком или медицинская операция, помогающая преодолеть бесплодие? Чтобы решить данный вопрос авторы попытались разобраться в природе этого явления и в действующих нормативных актах, которые регулируют данную процедуру на территории России. Уделено внимание контракту (договору) о суррогатном материнстве на оказание услуг. Выводы и рекомендации могут быть использованы для дальнейшего совершенствования законодательства, в работе правоохранительными, надзорными, и иными органами при реализации практических мер, направленных на противодействие нарушениям права в сфере суррогатного материнства, а также в учебном процессе.

Ключевые слова: суррогатное материнство, родители, конвенция, контракт, кандидат, гестационный курьер.

В современном мире возникло неоднозначное отношение к суррогатному материнству. И это обусловлено не только моральным, но и правовым аспектом.

С крайне правой точки зрения, суррогатное материнство – это банальная торговля людьми (возвращение в средние века). По нашему мнению, это суждение не лишено, под собой основания. Сторонники данной точки зрения считают, что в этом процессе живой человек представляется товаром, а его жизнь имеет денежный эквивалент. В конечном итоге, данной точки зрения, вынашивание и рождение живого человека – это всего лишь услуга, юридически описанная в гражданском контракте, и, как и любая услуга имеет свою оценку. Естественно, что такой подход к оценке человеческой жизни, изначально её обесценивает, открывается поле деятельности для различного рода правонарушений и злоупотреблений в этой сфере.

В прошедших годах проблема углубилась из-за пандемии COVID-19. Ранее отдельные иностранные граждане пользовались данной услугой в нашей стране, но пандемия закрыла границы между странами и иностранцы не смогли забрать своих детей по вышеуказанным причинам.

Но здесь не все так однозначно. Что же такое суррогатное материнство: торговля человеком или медицинская операция, помогающая преодолеть бесплодие?

По нашему мнению, решая данный вопрос, необходимо разобраться в самой природе суррогатного материнства, а также рассмотреть законодательную базу, которая регулирует данную процедуру и сложившуюся судебную практику.

Если взглянуть за рубеж, то можно увидеть абсолютно те же вопросы к суррогатному материнству, которые также многогранны и противоречивы.

Например, во Франции, Германии, Австрии, Норвегии, Швеции и ряде штатов США (Аризона, Мичиган, Нью-Джерси) суррогатное материнство приравнено к торговле людьми и полностью запрещено. В Канаде, Израиле, Австралии, Великобритании, Дании разрешено – некоммерческое. В России, Украине, Казахстане и Индии суррогатное материнство осуществляется на коммерческой основе. Существуют и другие страны, в которых данная процедура полностью не урегулирована законом, но она имеет место быть [1, с. 5].

На международно-правовом уровне, действует ряд актов, носящих рекомендательный характер. В которых напрямую о суррогатном материнстве не говорится, но в них содержатся нормы, имею-

щие большое значение в данной сфере. Так, в Европейской конвенции по правам человека, в положениях о запрете рабства, прописано право на уважение частной и семейной жизни (ст. 8, 14) [2]. Это было вызвано тем, что на фоне наличия пробелов в законодательной базе некоторых стран, суррогатное материнство дало простор на эксплуатацию женщины, в качестве живого инкубатора (вынашивание и рождение ребенка), с целью дальнейшей продаж этого ребенка. В Конвенции о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) содержатся нормы, запрещающие дискриминацию ребенка – «независимо от расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений» [3].

В 2001 году Всемирная Организация Здравоохранения (ВОЗ) обратила внимание, что репродуктивные технологии активно развиваются ведущими мировыми специалистами. Вследствие чего объявила, что суррогатная мать – это «гестационный курьер», то есть женщина, вынашивающая беременность по заключенному сторонами договору или контракту. Родителями рожденного ребенка будет один или оба человека, чьи «гаметы использовались для оплодотворения» [4].

Выше нами отмечено, что данная процедура в России разрешена, однако нет единого закона и правовые вопросы, возникающие в процессе данной процедуры, содержатся в нескольких нормативных актах, в числе которых: Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. N323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»; Федеральный закон от 15 ноября 1997 г. «Об актах гражданского состояния»; Семейный кодекс Российской Федерации.

Определение термина «суррогатное материнство» дано в ч. 9 ст. 55, новой редакции от 29.05.2019, ФЗ от 21.11.2011 N323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»: «Суррогатное материнство – вынашивание и рождение ребенка по контракту, заключаемому между суррогатной матерью и потенциальными родителями, чьи половые клетки использовались для оплодотворения, либо одинокой женщиной, для которой вынашивание и рождение ребенка по медицинским показаниям невозможно» [5].

К сожалению, в этих нормативно-правовых актах имеется пробел, он выражен в отсутствии возможности прибегнуть к суррогатному материнству одиноким мужчинам, что влечет отказы в регистрации рожденного ребенка. Одиноким отцам приходится добиваться регистрации через судебные инстанции.

Из анализа практики российского судопроизводства, видно, что на данное время в Российской Федерации вынесено более двухсот решений по подобным делам. Все эти судебные решения признали возможность иметь детей одинокими мужчинами, прибегнув к помощи института суррогатного материнства. Причем суды ссылались на то, что в законодательстве нет запрета на вы-

шеуказанное действие. При этом применение вышеуказанной медицинской процедуры обеспечивается как материнство, так и отцовство.

Существенное дополнение внесено приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации № 803н от 31.07.2020 года «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению». В данном приказе предусмотрен перечень медицинских показаний для родителей. Определен и расписан перечень причин, который допускает заинтересованных лиц к обращению к медицинской процедуре суррогатного материнства, а также на терапию бесплодия. Этот перечень является закрытым и направлен на охрану здоровья, медпомощь и на терапию бесплодия [6].

В действующем законодательстве определены требования к поведению не только будущих родителей, но и самих суррогатных матерей. Они изложены в статье 10 Федерального закона № 323-ФЗ от 21 ноября 2011 года, где обоснованы этические и биологические причины. Так, у кандидатки должен быть минимум один ребенок, тем самым подразумевается, что у женщины есть опыт по вынашиванию и родам ребенка; она осознает и понимает, на что идет и учитывает все негативные моменты, связанные с вынашиванием и родами плода. Она уже может ответить для себя на вопрос: сможет ли она передать ребенка, его биологическим родителям-матери и отцу. Тем самым Российское законодательство обеспечивает правовую защиту суррогатной матери. В Семейном Кодексе Российской Федерации прописано, что только суррогатная мать может дать согласие на запись в свидетельстве о рождении супругов-заказчиков в качестве отца и матери [7].

Федеральный Закон «Об актах гражданского состояния» оговаривает, что при регистрации рождения ребенка, необходимо, чтобы генетические отец и мать представили не только факт рождения ребенка, но и справку из медицинской организации о добровольном согласии суррогатной матери на запись биологических родителей в свидетельстве о рождении.

Проанализировав вышеуказанное, необходимо отметить, что возникает вопрос о соблюдении принципа защиты интересов самого ребенка на фоне приоритета суррогатной матери [8]. Исходя из правовой природы контракта (договора) о суррогатном материнстве, возникают правовые коллизии. Они имеют место быть, потому что человек рассматривается в качестве предмета контракта (договора), а это, в свою очередь, обесценивает жизнь человека (точнее назначает ему цену), превращая ребенка в товар.

В России контракт (договор) о суррогатном материнстве может исполняться как на возмездной, так и на безвозмездной основе. Стороны контракта (договора): суррогатная мать, потенциальные родители / одинокая женщина. У данного контракта (договора) есть и третья сторона – медицинское учреждение, которое проводит медицинское

вмешательство в организм человека [9]. По своей форме контракт (договор) далеко не совершенен и это может привести к ряду нарушений и злоупотреблений (включая и взяточничество). Нередко в таких контрактах нарушаются конституционные права граждан, а именно ограничивается свобода передвижения суррогатной матери. Данное условие прописывается по желанию биологических родителей для того, чтобы они могли контролировать вынашивание и рождение ребенка. Большое количество контрактов (договоров) обязывают суррогатную мать дать согласие на фиксацию супругов-заказчиков в свидетельстве о рождении ребенка, и тем самым принуждают ее к отказу от ребенка, что противоречит ряду норм законодательных актов, и, следовательно, противозаконно.

Чтобы обезопасить стороны контракта (договора), а именно, ребенка, суррогатную мать и биологических родителей, по нашему мнению требуется: а) дополнить законодательство в данной сфере путем принятия отдельного Закона о суррогатном материнстве; б) убрать ссылки на суррогатное материнство из всех других законодательных актов.

Следует отметить, что вопрос о реформе суррогатного материнства на законодательном уровне является наиболее острым и дискуссионным на протяжении последних лет. В 2017 и в 2018 годах уже вносились предложения принятия Закона о суррогатном материнстве в Государственную Думу. Эти попытки не увенчались успехом. Наиболее интересен проект Федерального Закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования опросов суррогатного материнства». Данный законопроект рассматривался в Думе в начале 2021 года [10], но не был принят, так как ряд положений имели весьма спорный характер. В частности, предлагалось ввести запрет на суррогатное материнство: а) для иностранных граждан. Это связано с недопущением торговли детьми, в том числе для трансплантации органов; б) на суррогатное материнство одиноким гражданам, что нарушает Конституцию Российской Федерации (часть 2 статьи 7) [11].

Но на ряду с отрицательными аспектами предложенного законопроекта есть и положительные – весьма логичные аспекты. Особенно он актуален на фоне преступлений недавних лет. Напомним, что с конца 2019 по начало 2021 года был возбужден ряд уголовных дел, касавшихся торговли новорожденными детьми. Здесь затрагивается тонкая грань между суррогатным материнством на коммерческой основе и торговлей детьми [12].

Рассмотрим некоторые из возбужденных уголовных дел. В Одинцовском районе Московской области, в частной квартире было обнаружено 4 младенца, один из которых был мертв. По данным следствия младенцы были выношены и рождены женщинами для заказчиков из-за рубежа (Филиппины). Младенцы ждали приезда в Россию своих биологических родителей [13].

В настоящее время ГСУ СК РФ расследуется очередное уголовное дело, возбужденное в соответствии с пунктами «а», «в» части 3 статьи 127.1 УК РФ (Торговля людьми). Арестованы врачи 2 клиник: «К+31 Покровские ворота» и Next Generation Clinic (7- находятся под стражей, 1 – под домашним арестом), они обвиняются в преступлениях (11 эпизодов связанных с рождением младенцев для продажи иностранцам (Таиланд и Филиппины).

Более того, в конце декабря 2020 года раскрыты 48 случаев предоставления услуг суррогатного материнства иностранцам без жен. Причем у данных одиноких мужчин не проверялось наличие каких-либо медицинских показаний. Возбуждено уголовное дело по 5 эпизодам оказания услуги незаконного суррогатного материнства.

Также в Красноярском крае женщины выносили, родили и решили продать своих детей иностранцам. Данное преступление предусматривается п.п. «а», «з» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ «Продажа двух и более лиц, находящихся в беспомощном состоянии». В ходе следствия было арестовано 4 человека и изъято 14 детей, которые были помещены в дом малютки.

На сегодняшний день также расследуются и раскрываются преступления, в которых активное участие принимают должностные лица. Например, в Центре суррогатного материнства г. Красноярска была организована преступная схема, в результате которой в преступления вовлекались женщины для суррогатного материнства. Должностные лица организовывали проведение медицинских услуг, в результате которых у женщин наступала беременность. Далее оформлялись документы, позволяющие забирать новорожденных из роддомов для последующей продажи за рубеж (в частности, одиноким отцам в Китае). Суррогатным матерям обещали вознаграждение за то, что они выносят и рожают детей [14].

Необходимо ответить на вопрос, что же незаконного в оказании услуг суррогатного материнства? С точки зрения медицины, при гестационном суррогатном материнстве женщине подсаживают уже оплодотворенную яйцеклетку другой женщины. А по законодательству Российской Федерации, если женщина выносила и родила ребенка – она уже является биологической матерью ребенка. Далее эта мать отдает ребенка за денежное вознаграждение, что по своей природе является торговлей людьми (ст. 127.1 УК РФ) [15]. Таким образом, при квалификации необходимо учитывать, где находится эта черта между торговлей людьми и легальным суррогатным материнством. Объективная сторона данного преступления: купля-продажа либо вербовка человека, перевозка, передача, укрывательство или получение в целях эксплуатации. Купля-продажа ребенка – выполнение неправомерного договора между продавцом и покупателем о приеме-передаче за определенную сумму в денежном или другом эквиваленте человека как вещи.

В заключение можно сделать следующие выводы: а) существует ряд разрозненных законодательных актов, касающихся суррогатного материнства, которое на территории Российской Федерации легально; б) назрела необходимость в принятии Федерального закона, касающегося напрямую суррогатного материнства, в котором необходимо предусмотреть следующие аспекты: установить шаблонные условия с небольшим диапазоном отклонений; вести ряд жестких ограничений для суррогатной матери (не только по медицинским показаниям). Также необходимо ввести ограничения по социальным признакам (например, женщина лишалась родительских прав, имела судимости и так далее); определить права и обязанности генетических родителей; создать условия для защиты всех сторон договора; возможность обязательного учета родившихся таким образом детей и т.п.

Литература

1. Вершинина Е.В., Кабатова Е.В., Яшматова М.О. Материнство в России и зарубежных странах сравнительно-правовой анализ // Семейное и жилищное право. М.: Юрист.2011. № 1. стр.3–6.
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Рим 04.11.1950) // «Бюллетень международных договоров», N3, 2001 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://pravo.gov.ru> (дата обращения 10.05.2023).
3. «Конвенция о правах ребенка» (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) // «Сборник международных договоров СССР», выпуск XLVI, 1993 [Электронный ресурс] Режим доступа: https://vkr.pspu.ru/uploads/3383/Obuhova_vkr.pdf (дата обращения 14.05.2023).
4. Рекомендации ВОЗ: терминология ВРТ1 [Электронный ресурс] / Проблемы репродукции. – 2006. – № 4 [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.mediasphera.ru/journals/reproduction/detail_289/437s (дата обращения 16.05.2023).
5. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2021): Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. N323-ФЗ (ред. от 22.12.2020) // СЗ РФ. 2011. N48. Ст. 24. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 18.04.2023).
6. Приказ Минздрава России от 31.07.2020 N803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказания и ограничениях к их применению» [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 12.05.2023).
7. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N223-ФЗ (ред. от 06.02.2020) // СЗ РФ. 1996. N1. Ст. 16 [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 08.05.2023).
8. Федеральный закон от 28 ноября 1997 г. N143-ФЗ «Об актах гражданского состояния». Ст. 16 // «СЗ РФ», 24.11.1997, N47 [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 12.04.2023).
9. Козловская А.Э. Правовые аспекты суррогатного материнства // Гражданское право. 2006. N2. С. 28 [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://lawlibrary.ru/article1211189.html> (дата обращения 20.05.2023).
10. Екатерина Тягай. Неестественный отбор: почему изменения в законодательстве о суррогатном материнстве не похожи на защиту семьи. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.forbes.ru/forbeswoman/419043-neestestvennyu-otbor> (дата обращения 05.05.2023).
11. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) ч. 2 ст. 7 [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 20.05.2023).
12. European Court of Human Rights [Electronic resource] [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://hudoc.echr.coe.int/eng> (дата обращения 25.05.2023).
13. В Одинцово возбуждено уголовное дело по факту торговли новорожденными [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.bfm.ru/news/45455fbclidf4KA> (дата обращения 23.04.2023).
14. Громкое уголовное дело о продаже детей гражданам КНР в Красноярске [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://ngs24.ru/criminal/2021> (дата обращения 24.04.2023).
15. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. N63-ФЗ (ред. от 24.02.2021) // «СЗ РФ», 17.06.1996, N25, ст. 29, ст. 127.1.

SURROGACY IN THE CONTEXT OF THE CRIMINAL LAW PROHIBITION OF TRAFFICKING IN HUMAN BEINGS

Grib V.G., Vasilets V.E., Zhdanova E.N.

Moscow City Pedagogical University; Moscow Financial and Industrial University "Synergy"; Lomonosov Moscow State University

The article deals with issues related to the concept of surrogate motherhood and some issues of a legal nature and morality. What is "surrogacy": human trafficking or medical surgery to help overcome infertility? To solve this issue, the authors tried to understand the nature of this phenomenon and the current regulations that regulate this procedure in Russia. Attention is paid to the contract (agreement) on surrogacy for the provision of services. The conclusions and recommendations can be used to further improve the legislation, in the work of law enforcement, supervisory, and other bodies in the implementation of practical measures aimed at countering violations of the law in the field of surrogacy, as well as in the educational process.

Keywords: surrogacy, parents, convention, contract, candidate, gestational courier.

References

1. Vershinina E.V., Kabatova E.V., Yashmatova M.O. Motherhood in Russia and foreign countries, comparative legal analysis// Family and housing law. M.: Lawyer. 2011. No. 1. pp. 3–6.

2. Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (Concluded in Rome on November 4, 1950) // Bulletin of International Treaties, N3, 2001 [Electronic resource] Access mode: <https://pravo.gov.ru> (date appeals 05/10/2023).
3. "Convention on the Rights of the Child" (approved by the UN General Assembly on November 20, 1989) // "Collection of International Treaties of the USSR", issue XLVI, 1993 [Electronic resource] Access mode: https://vkr.pspu.ru/uploads/3383/Obuhova_vkr.pdf (Accessed 05/14/2023).
4. WHO recommendations: BPT1 terminology [Electronic resource] / Problems of reproduction. – 2006. – No. 4 [Electronic resource] Access mode: <http://www.mediasphera.ru/journals/reproduction/detail/289/437s> (accessed 05/16/2023).
5. On the basics of protecting the health of citizens in the Russian Federation (as amended and supplemented, entered into force on 01/01/2021): Federal Law of November 21, 2011 N323-FZ (as amended on December 22, 2020) // SZ RF. 2011. N48. Art. 24. [Electronic resource] Access mode: <http://www.pravo.gov.ru> (accessed 18.04.2023).
6. Order of the Ministry of Health of Russia dated July 31, 2020 N803n "On the procedure for the use of assisted reproductive technologies, contraindications and restrictions on their use" [Electronic resource] Access mode: <http://www.pravo.gov.ru> (accessed 12.05.2023).
7. Family Code of the Russian Federation of December 29, 1995 N223-FZ (as amended on February 6, 2020) // SZ RF. 1996. N1. Art. 16 [Electronic resource] Access mode: <http://www.pravo.gov.ru> (accessed 08.05.2023).
8. Federal Law of November 28, 1997 N143-FZ "On acts of civil status". Art. 16 // "SZ RF", 24.11.1997, N47 [Electronic resource] Access mode: <http://www.pravo.gov.ru> (accessed 12.04.2023).
9. Kozlovskaya A.E. Legal aspects of surrogate motherhood // Civil Law. 2006. N2. P. 28 [Electronic resource] Access mode: <http://lawlibrary.ru/article1211189.html> (accessed 20.05.2023).
10. Ekaterina Tyagay. Unnatural Selection: Why Changes in Surrogacy Law Don't Look Like Protecting the Family. [Electronic resource] Access mode: <https://www.forbes.ru/forbeswoman/419043-neestestvennyy-otbor> (accessed 05.05.2023).
11. "The Constitution of the Russian Federation" (adopted by popular vote on 12/12/1993 with amendments approved during the nationwide vote on 07/01/2020) Part 2 of Art. 7 [Electronic resource] Access mode: <http://www.pravo.gov.ru> (accessed 20.05.2023).
12. European Court of Human Rights [Electronic resource] Access mode: <https://hudoc.echr.coe.int/eng> (Accessed 25.05.2023).
13. A criminal case was initiated in Odintsovo on the fact of trafficking in newborns [Electronic resource] Access mode: <https://www.bfm.ru/news/45455fbclidf4KA> (accessed 04/23/2023).
14. High-profile criminal case on the sale of children to Chinese citizens in Krasnoyarsk [Electronic resource] Access mode: <https://ngs24.ru/criminal/2021> (accessed 04/24/2023).
15. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 N63-FZ (as amended on February 24, 2021) // SZ RF, 06/17/1996, N25, art. 29, Art. 127.1 [Electronic resource] Access mode: <http://www.pravo.gov.ru> (accessed 24.04.2023).

Актуальные вопросы о соразмерности уголовной ответственности и безопасности предпринимательства

Зацепин Михаил Николаевич,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, аналитик управления научных исследований и международного сотрудничества УрГЮУ, профессор
E-mail: mnz-1958@mail.ru

Зацепин Александр Михайлович,

доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права УрГЮУ, член Российской криминологической ассоциации, старший прокурор отдела по надзору за оперативно-розыскной деятельностью прокуратуры Свердловской области
E-mail: tp0507@ya.ru

Глушкова Елена Михайловна,

кандидат юридических наук, доцент, член Российской криминологической ассоциации, нотариус
E-mail: elena.zatsepina@mail.ru

Со времени принятия «нового» УК РФ получают распространение новые для большинства научных и практических работников юридические термины и понятия. В «прежнем» уголовном законодательстве отсутствовали нормы, предусматривающие возможность освобождения от уголовной ответственности за преступления «экономической» направленности и устанавливающие основания такого освобождения, а в уголовно-процессуальном законодательстве, освобождение от уголовной ответственности предусматривалось лишь в качестве смягчающего наказания обстоятельства. Правоохранительная и судебная практика в этом на протяжении многих лет не стабильна, в главе 22 УК – «Преступления в сфере экономической деятельности» – к категории небольшой тяжести относятся более 60 составов преступлений, одним из которых является незаконное предпринимательство небольшой и средней тяжести (ч. 1 и 2 ст. 171 УК РФ), а изменений и дополнений уже и трудно подсчитать.[7]

Правоохранительные и судебные органы, реализуя свои задачи и функции по обеспечению безопасности предпринимательства, приходится настойчиво совершенствовать и повышать профессиональный уровень, инициативу и ответственность работников, своевременно выявлять и пресекать факты сращивания сотрудников правоохранительных и судебных органов с преступными элементами из числа «недобросовестных» предпринимателей, бороться с коррупцией в органах власти и управления, правоохранительной системе. И эта борьба правоохранительных и судебных органов с этими явлениями внесла существенный вклад в формирование «здоровых» рыночных отношений, способствовала и авторитету предпринимательства, изменению социально-психологического отношения к бизнесу и, следовательно, укреплению жизнеспособности общества и государства.[14]

Ключевые слова: судебные и правоохранительные органы, предприниматели, жизнеспособность общества, гражданское и уголовное право.

Следственная и судебная практика каждый день вырабатывают принципы регулирования соотношения уголовного и гражданского права к предпринимательству. Продолжается процесс «закрепления» баланса всех форм собственности, частного-правового и публично-правового методов регулирования и необходимо особо подчеркнуть, что обеспечение безопасности предпринимательства, защиты всех форм собственности осуществляется на должном уровне, об этом свидетельствует практика правоохранительных и судебных органов, в которой «определен» комплекс мер, направленных на повышение эффективности деятельности в деле укрепления законности и правопорядка.[22]

Начиная проведение радикальной экономической реформы, процессы разгосударствления, демонополизации и приватизации привели к серьезному противостоянию в обществе при обновлении всей хозяйственной деятельности, при появлении таких ее новых направлений, как предпринимательство, а также и как следствие появление новых проблем, связанных со становлением, формированием и обеспечением безопасности функционирования частного бизнеса. С принятием «новой» Конституции в ст. 34 было закреплено: 1. Каждый имеет право на освобождение использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности; 2. Не допускается экономическая деятельность, направленная на монополизацию и недобросовестную конкуренцию. Отказ от принципов жесткого централизованного планирования в экономике и переход к рыночным отношениям требовали и пересмотра роли уголовного закона применительно к его воздействию на экономику. В рыночной экономике спекуляция уже не признается преступлением и стала являться формой коммерческой деятельности. В тех условиях дефицита любых товаров «декриминализовать» спекуляцию было не опасно, учитывая отношение общества к спекулянтам. В связи с этим, учитывая эти обстоятельства, внесены «радикальные» изменения, в действующее уголовное и административное законодательство, предусматривающее ответственность за правонарушения в сфере торговли.[2]

Современное российское законодательство стало рассматривать предпринимательскую деятельность как самостоятельную, осуществляемую на свой риск, деятельность, направленную на систематическое получение прибыли: от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения

работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке. Профессиональная предпринимательская деятельность стала характеризоваться рядом признаков, отличающих ее от иной хозяйственной деятельности, прежде всего это появление цели – извлечение прибыли. К другим признакам предпринимательства стали относиться его осуществление субъектом предпринимательской деятельности (предпринимателем): а) от своего имени, б) на свой риск, в) под свою имущественную ответственность. Эти признаки стали свидетельствовать о том, что предпринимателем может быть признан только осуществляющий хозяйственную деятельность субъект права, действующий от своего имени, то есть физическое или юридическое лицо.

Известно, что в бывшем СССР социалистическая (государственная и общественная) собственность признавалась основной формой хозяйствования. Теперь в России закреплено юридическое равенство всех форм собственности, включая частную, где каждый предприниматель, коллективный или индивидуальный, вправе вести «любую» хозяйственную деятельность, если она не запрещена законом. Более того, стали создаваться благоприятные условия для развития частной собственности в связи с приватизацией государственного имущества. Далее с развитием предпринимательства главной целью хозяйственной деятельности становится только извлечение прибыли, что не имело определяющего значения в плановой экономике административно-командного государства.[17]

Безопасность предпринимательства (бизнеса), действующего и в общественных интересах государственного существования является предметом нашего в статье исследования и предпринимательские (коммерческие) отношения в сфере экономической деятельности в аспекте обеспечения их безопасности. Обязательный субъект этих отношений – предприниматель, а метод правового регулирования учитывает связи между физическими и юридическими лицами, преследующими цель извлечения прибыли. Эти связи, отношения между предпринимателями, как индивидуальными, так и коллективными (предприятиями), складываются при поставках, купле-продаже, аренде, предоставлении кредитов, перевозках, проектирование, строительстве, использовании средств связи, вычислительной техники и многих других видов хозяйственной деятельности с целью извлечения прибыли. Для этого естественно стала необходима совокупность правоохранительных субъектов, участие которых обеспечивает безопасность предпринимателей (бизнеса), правосудие которое образуют органы, выполняющие властную уголовно-процессуальную деятельность, а также устанавливаются и определяются их формы взаимодействия для реализации защитных мер, т.к. государство обязалось защищать предпринимателей и за пределами уголовного процесса.[13]

При дифференцированном подходе к исследованию предпринимательства (бизнеса) как социального явления позволяет определить наличие реальных теневых сторон бизнеса, причины явлений, угрожающих безопасности экономической деятельности, возможности использования законов, ее обеспечивающих, и т.п. Бесспорно, многие возможные негативные последствия становления и развития предпринимательской деятельности трудно предугадать, однако это не уменьшает актуальности проблем предпринимательства и его безопасности, в изучении достаточно сложного и нового для нашей страны явления – предпринимательства (частного бизнеса).[5]

Цель обеспечения безопасности предпринимательства – предотвращение и устранение угроз жизни и здоровью предпринимателей (а также их близких и сотрудников, когда угроза связана с деятельностью предпринимателя), имуществу и другим материальным ценностям, используемым в бизнесе, самому содержанию отношений предпринимательства и свободе их осуществления в соответствии с действующим законом. Где средствами регулирования отношений, складывающихся в сфере безопасности предпринимательства, выступают юридические, технические и организационные нормы, охраняющие безопасную предпринимательскую деятельность. Например, очень многие обвиняемые предприниматели, первый раз попавшие в орбиту уголовного судопроизводства, в ходе судебного заседания меняют свои показания и отказываются от того, что говорили на следствии. Это зачастую происходит потому, что когда они давали показания на следствии, то просто не знали элементарных методов защиты своих прав и по сути дела сами «навешивали» на себя то или иное преступление. Потом же, когда такой человек пытается (как ему кажется) исправить свое положение, изменив свои показания на суде, суд, как правило, не воспринимает всерьез его слова, а даже наоборот, рассматривает изменение подсудимым своих показаний в суде как попытку избежать ответственности и еще суровее наказывает его.[10]

Когда зарождалось предпринимательство (бизнес), деятельность по обеспечению безопасности предпринимательства классифицировалась по «различным» основаниям. По масштабу она подразделяется на международную, государственную, региональную, местную по отношению к деятельности данного предпринимателя (его предприятия) – на внешнюю, внутреннюю, а по характеру мер и области их применения – на экономическую, экологическую, личную и другие виды. По источникам возникновения: действия или бездействия людей, юридических лиц, источников повышенной опасности и т.д. По охраняемым объектам: жизнь и здоровье предпринимателей, материальные ценности, отношения, складывающиеся между физическими и юридическими лицами, и т.п. Можно также выделить индивидуальную, групповую, локаль-

ную безопасность, а также безопасность объектов. [6]

Часть статей УК РФ о преступлениях предпринимателя предусматривает ужесточение наказания за неоднократное преступление, в совершенном деянии и подтверждается конкретными его действиями. Государственные и правоохранительные органы, уважая предпринимателей и предпринимательство, как сотрудничество людей, объединенных какой-либо идеей, интересом, работающих не только на себя и ради близких им людей, организуют конференции и семинары для помощи организации бизнеса без нарушений действующего законодательства. Стремясь получить личный доход и прибыль, действуя самостоятельно, от своего имени (своей фирмы), под имущественную ответственность, они пребывают в сложной постоянно меняющейся ситуации с правовыми нормами при использовании объектов, представляющих повышенную опасность для общества, или при наступлении особых условий в связи со стихийными бедствиями и другими чрезвычайными обстоятельствами, когда постоянно взаимодействуют с компетентными государственными органами, не допускают незапланированных убытков. Выявляемые нарушения их решений, а также различные уровни принятия решений и нормативных актов по регионам обусловлено отсутствием в большинстве случаев квалифицированных юридических услуг на местах. [1]

Происходящее дальнейшее реформирование практически всех сфер социальной жизни приводит к постоянной экономической изменчивости: появление безработицы к уменьшению или увеличению, усилилось расслоение населения по уровню доходов, изменению в отношениях учредителей собственности, появление кризиса на одном из уровней власти, распространение коррупции в чиновничьем аппарате и т.п. Этими и другими факторами объясняются темпы роста или снижения преступности в сфере экономической деятельности в последние годы. И в частности участвовавшими случаями асоциального поведения предпринимателей, нередко сопровождающихся тяжкими последствиями (убийствами, телесными повреждениями, поджогами, уничтожением имущества, неповиновением органам власти и др.). К числу внутренних источников угроз безопасности, то есть проистекающих из самой предпринимательской деятельности, необходимо отнести следующие: криминализация, монополизация части предпринимательского корпуса, политизация организованной преступности и рост коррумпированности властных структур, а также рост политического насилия и экстремизма, особенно следует подчеркнуть возросший профессиональный уровень террористов и факт полулегального существования многочисленных вооруженных формирований. Сложившаяся реальность по всей видимости должна устраняться уже не только «волей» предпринимателей (бизнеса), правоохранительных органов, судебной властью, но и в первую очередь

«законодателем», опирающимся на алгоритм действий в уголовной политике. Но и в этом, необходимы криминологические исследования для «баланса» уголовного законодательства, афоризм прошлого как раз к месту – «Слишком строгие законы напоминают чересчур натянутые струны, на которых еще можно играть. Слишком мягкие законы напоминают вконец распущенные струны, из которых уже невозможно извлечь звук». [21]

Защита прав собственности лежит в основе и концепции безопасности предпринимательства со стороны государственных органов. Суть которой состоит в том, что каждый собственник вправе принимать необходимые и достаточные меры для сбережения собственности от нерационального использования, пожаров, порчи, других потерь, защиты ее от противоправных посягательств. В этих целях в рамках, предоставленных ему законом прав собственник должен иметь возможность приобретать и устанавливать нужные ему средства защиты, организовывать пропускной режим, создавать специализированные подразделения безопасности предприятия (организации, фирмы и т.п.), своего дела независимо от форм собственности и предпринимательства, заключая договоры с органами внутренних дел, негосударственными структурами, либо частными лицами, осуществляющими детективную и охранную деятельность. Он вправе обращаться за защитой в компетентные органы, а последние обязаны осуществлять ее и по своей инициативе. [4]

Для предпринимательства очень важно, что безопасность предпринимательства должна осуществляться в рамках концепции правового государства, начиная с выработки единого юридического определения понятия этого сложного феномена. Не менее важно постоянное исследование основных принципов соответствующих действий – разработке классификационных источников нарушения безопасности предпринимательства и складывающихся при этом отношений, как мер противодействия преступным посягательствам, в рамках требования изучения механизма регулирования безопасности бизнеса, на постоянной основе систематизировать правовые нормы и нормативные акты в указанной сфере. Очевидно, что только этим путем возможно будет повысить уровень организационно-управленческой и их непосредственной деятельности конкретных субъектов по обеспечению безопасности предпринимательства.

УК РФ изобилует бланкетными нормами и фактически многие статьи заранее обрекли на бездействие, ибо они не подкреплены необходимой правовой базой. Не всегда конкретизируется характер тех норм, нарушение которых признается преступным. В одних случаях говорится о нарушении законного порядка, в других – нарушение правил и о нарушении регламента и т.п. [16]

В событиях, когда предприниматель, признавший свою вину, включая тяжкие и особо тяжкие преступления, в случаях, предусмотренных УК РФ,

деятельность предпринимателя включает в себя и смягчающие вину обстоятельства, (в исключительных случаях это может являться в качестве дополнительного) соблюдения баланса интересов предпринимателей и общества. В процессе допроса предпринимателя, помимо обстоятельств совершенного преступления не всегда следует в обязательном порядке выяснение целого ряда специфических вопросов, а именно: конкретные действия, подпадающие под данную статью УК РФ и не имело ли не цели, а неосторожность причинить какой-либо вред общественным отношениям, отвечая на вопросы следователя.[8]

В заключительной части допроса, когда следователь предлагает предпринимателю ответить на его вопросы очень трудно заранее спрогнозировать, поэтому в этом своего рода поединке между следователем и обвиняемым используют следующее. Если затрудняются ответить на поставленный вопрос, тянут время – уточняют, что следователь имеет в виду, просят время на то, чтобы «вспомнить» какой-то эпизод и т.п. Если следователь ведет себя некорректно – кричит или грубит, этот повод необходимо использовать для того, чтобы обратиться с жалобой или перестать отвечать на вопросы, «некоторые» для того, чтобы отвечать тем же, а не комментировать поставленные вопросы в негативном духе. У кого-то нет желания отвечать или считают, что этот вопрос затрагивает какие-то интимные стороны жизни, многие просто отказываются отвечать на этот вопрос без объяснения причин. «Опытные» ссылаются на то, что не помнят какого-то эпизода или обстоятельства, плохая память не наказуема. После вопросов и ответов, следователь, как правило, применяет «тяжелую артиллерию» в виде каких-то доказательств (письменных материалов, документов, фотографий и т.д.), которые он представляет и предлагает дать объяснение по поводу них. В таких случаях опираться против очевидных вещей, например, заявлять, что что-то написано не вами, хотя на самом деле это не так (существует элементарная почерковедческая экспертиза), бессмысленно. Но если есть хоть какой-то элемент спорности или факта события лучше бороться до конца и не признавать невыгодные для себя обстоятельства в последующем. Если следователь пересказывает показания других, обвиняемых по делу, которые якобы утверждают факты, невыгодные для предпринимателя, не рекомендуем «брать это в голову» до проведения очной ставки.[23]

Соразмерность уголовной ответственности и безопасности предпринимательства не «присутствует», когда следователи применяют этот прием, чтобы деморализовать обвиняемого и добиться нужных признаний. О каждом допросе обвиняемого составляется протокол, помимо анкетных данных и необходимых формальностей туда заносятся показания, обвиняемому предлагается прочесть протокол его допроса, неточности и замечания подлежат внесению в протокол. Далее обвиняемый подписывает протокол (каждую его стра-

ницу), при этом может участвовать его защитник, причем не только присутствовать, но и с разрешения допрашивающего должен обязательно занести его в протокол (ст. 51 УПК РФ).[10]

Без принятия дополнительных мер, направленных на повышение активности подразделений органов внутренних дел, по работе с организованной преступностью для пресечения коррупции в органах власти и управления, мошенничества, деятельности лидеров уголовно-преступной среды, ограничении их влияния на преступные формирования, «квалифицированного» вымогательства, в том числе в отношении предпринимателей, а также в борьбе с преступными группами, связанными с контрабандой, криминальным банкротством, колебания «успехов» останется на прежнем уровне. Осуществление целенаправленных и эффективных мер по активизации борьбы со взяточничеством и другими корыстными преступлениями в процессе чиновничьей деятельности (приватизацией, земельными отношениями), в сфере кредитования, финансирования, лицензирования и квотирования (аттестацией) хозяйственной деятельности, в частности с хищениями, противоправным вывозом из страны стратегических ресурсов и готовой продукции, незаконными валютными и финансовыми операциями. Создание «надежных» на законных основаниях оперативных источников в банковских и финансовых организациях, государственных органах, осуществляющих регулирование хозяйственной и торговой деятельности, контроль по делам учета о преступлениях в этих структурах, организация на постоянной основе взаимодействия оперативных аппаратов с налоговыми, таможенными и другими органами. Федеральной службой по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг), другими контролирующими органами для выявления и раскрытия наиболее опасных преступлений в сфере экономики. Осуществление комплекса мер по усилению борьбы с незаконным предпринимательством и нарушением правил торговли, противоправным повышением цен, обманом потребителей и другими злоупотреблениями.[3]

Для осуществления перечисленных выше мероприятий необходимо овладеть концепцией созданной на основе криминологических исследований и алгоритмом организации, планирования и программирования мер, направленных на защиту предпринимателей от преступных посягательств, в том числе методикой анализа, оценки, прогноза ситуации (ее взаимосвязей со смежными явлениями), разрешения проблем, возникающих в процессе применения уголовно-правовых и иных правовых мер, взаимодействия с другими государственными органами. Необходима при этом оптимизация всей правоохранительной деятельности с учетом возможностей каждого подразделения или службы правоохранительных органов и при строгом соблюдении законности. Основопологающим в вопросах о соразмерности уголовной ответственности и безопасности предпринимательства будет при этом являться требование обеспечить

верховенство закона, создать условия формирования предпринимательства, а также механизм предупреждения преступных посягательств в отношении последнего путем повышения правовой грамотности и профессионального уровня сотрудников правоохранительных и следственных, судебных органов. В связи с этим, подлинность каждого из обстоятельств совершенного, бесспорно, подлежит тщательному исследованию и доказыванию. Дача же предпринимателем пояснений и о намерении своими конкретными действиями содействовать раскрытию расследованию преступления, заглаживанию причиненный вред – является неременным условием.[12]

Таким образом безопасность предпринимательства является основной, но не единственной задачей, при обращении их в правоохранительные, следственные, судебные органы. Нарботанная практика это один из наиболее эффективных способов совершенствования законодательства в этой сфере. Например, в части показания по существу предъявленного обвинения следователь предлагает обвиняемому предпринимателю изложить известные ему обстоятельство дела и имеющихся доказательств, по существу, это главная часть допроса для обвиняемого, поскольку ему предоставляется возможность изложить свою версию совершения преступления и здесь существует несколько общих советов. Подготовить этот рассказ заранее (желательно, конечно, с адвокатом), может быть, даже есть смысл проговорить его вслух, особенно обратив внимание на ключевые моменты, проверить заранее нет ли в рассказе, при даче показаний предпринимателя противоречий в объясняемом событии. Не готовить «шпаргалок» – во время допроса не стоит ими пользоваться, говорить только по существу дела, не нужно вдаваться в общие рассуждения относительно чего бы то ни было, избегать выпадов (пусть даже и справедливых) в адрес следствия этим только настраивают против себя следователя. Помните: задача – максимально защитить себя от уголовной ответственности, если не было умысла на совершение преступления.[11]

Насколько здесь «все средства хороши» – решает каждый сам исходя из своих морально-этических установок. Привлечь к ответственности даже за откровенную ложь нельзя, однако советуем не заниматься оговором заведомо невиновных лиц, чтобы выгородить себя – это уже уголовно наказуемо. Стараться использовать смягчающие вину обстоятельства – состояние здоровья, семейное положение, только в случаях, когда не было умысла на совершение правонарушения. В экономическом преступлении объективно ссылаются на свои искренние заблуждения в правовой сущности происходящего. И хотя, как известно незнание закона не освобождает от ответственности, тем не менее, это помогает придать даже совершенному в действительности правонарушению несколько иную окраску. Не следует допускать фраз типа «я вас отблагодарю», «помогите», потом сочтемся» и т.п.,

от «этого» рукой подать до покушения на дачу взятки должностному лицу. Тем более не предлагайте следователю деньги или что-нибудь в этом роде (к счастью, сделать такое прямо в кабинете у следователя мало кому может прийти в голову).[9]

Когда происходит первый допрос обвиняемого предпринимателя, т.е. предъявление обвинения, по сути, совпадает с допросом, был ли перед этим уже допрос в качестве подозреваемого или свидетеля, а опрос в качестве обвиняемого – качественно иное мероприятие.[20]

В рамках темы настоящей статьи важно подчеркнуть необходимость разграничения гражданской и уголовной ответственности. Сложившаяся криминологическая реальность в том, что стабилизировалась практика применения уголовно-правовых норм за конкретные виды преступлений, за последние годы выяснилось, где не хватает уголовной репрессии, а где она применяется излишне, например, в сфере экономических преступлений. Сформулированы новые нормы об ответственности за те деяния, которых раньше просто не было, возникла также необходимость большей дифференциации мер уголовной ответственности. Значительно большее применение будет иметь штраф, лишение свободы будет применяться наряду с арестом, для предпринимателей ответственность как ограничение приводит к банкротству. При формулировании новых составов обязательно учитывать и количественные показатели, степень распространности (важнейшая характеристика общественной опасности), если незначительное уголовно наказуемое деяние слишком распространено, его вряд ли есть необходимость криминализировать. Ответственность за воспрепятствование законной предпринимательской деятельности частично «оговорена» конкретными формами: незаконный отказ в выдаче лицензии, незаконный отказ в регистрации, незаконное вмешательство в деятельность хозяйствующего субъекта. В особый состав выделены все эти деяния, если они совершаются вопреки, если суд принял решение, чиновник обязан его выполнить. [15]

В заключение необходимо подчеркнуть, что при допросе предпринимателя – если он признался в совершенном преступлении, в протоколе его допроса необходимо подробно отражать все вышеизложенные вопросы, связанные с возможными причинами и механизмом возникновения такого поведения. Такие вопросы помогают криминологам исследовать и делать прогнозы о действенности уголовно-правового механизма в отношении предпринимателей, как важный элемент межотраслевого (комплексного) института – правового обеспечения безопасности предпринимательства. Формы взаимодействия необходимы для защиты предпринимателей (бизнеса) от социальной и уголовной сферы.[18]

В этой связи все это неизбежные, необходимые и естественные процессы и очень важно соразмерно реагировать на них, совершенствовать уголовную политику и ответственность за безопасность

предпринимательства, направленные на борьбу с преступностью, криминологические научные исследования при стремительно развивающемся научно-техническим прогрессом (искусственный интеллект), борьба с преступностью должна вестись на основе и в рамках закона. Охрана прав и интересов предпринимательства и общества, правовое обеспечение цифрового прогресса были и останутся главными направлениями развития правовой науки.[19]

Литература

1. В Кремле проанализируют информацию об увеличении числа уголовных дел против бизнеса. 24.02.2020 г. // <https://pasm.ru/archive/259647/>.
2. Важные для бизнеса позиции экономколлегии на начало 2022 года. 14.06.2022 г. // <https://pravo.ru/240679/>; Под страхом уголовки: за что судят бизнес. 09.11.2020 г. // <https://pravo.ru/story/226024/>.
3. ВС разбирался, что считать необоснованным обогащением. 16.08.2022 г. // <https://pravo.ru/story/242298/>.
4. Давление на предпринимателей не снижается – бизнес – омбудсмен не справляется. 10.12.2019 г. // <https://pasm.ru/archive/238921/>.
5. Жалоб бизнесменов на нарушения стало меньше. 23.08.2022 г. // <https://pravo.ru/news/242545/>.
6. Защита бизнеса в стиле «вариант дракона». 08.08.2022 г. // <https://pravo.ru/story/242257/>.
7. Изменения в УК по экономическим составам: что будет. 06.08.2022 г. // <https://pravo.ru/story/242449/>; Проверки бизнеса и поправки в Налоговый кодекс: что вступает в силу в июле. 30.06.2021 г. // <https://pravo.ru/story/232817/>.
8. Как и за что наказывают предпринимателей и что изменится для них в ближайшем будущем? Какая мера пресечения самая популярная и почему? // Итоги-2018 от Верховного суда: уголовные дела – новости. 14.02.2019 г. // <https://pravo.ru/story/209060/>
9. Какую компенсацию можно получить за ложное обвинение. 28.07.2022 г. // <https://pravo.ru/story/241394/>.
10. Кто кого: как бизнес судился с государством в 2021. 02.12.2021 г. // <https://300pravo.ru/story/236589/>.
11. Малозначительное деяние: что не считается преступлением. 09.07.2022 г. // <https://pravo.ru/story/240927/>.
12. О назначении наказания // Пленум ВС разъяснил назначение и исполнение приговора. 18.12.2018 г. // <https://pravo.ru/story/207690/>.
13. О смягчении уголовного наказания // (Курс на гуманизацию: Пленум ВС разъяснил, как смягчать наказание через переквалификацию). 15.05.2018 г. // <https://pravo.ru/news/202505/>
14. Обеспечение национальной безопасности – приоритетное направление уголовно-правовой, криминологической и уголовно-

исполнительной политики. // М.: Юрлитинформ, 2018. – 752 с.

15. Пленум ВС разъяснил, как оспаривать решения госорганов. 14.06.2022 г. // <https://pravo.ru/story/241298/>.
16. Под страхом уголовки: за что судят бизнес. 09.11.2020 г. // <https://pravo.ru/story/226024/>.
17. Правовая основа предпринимательской деятельности // Хозяйственное право. 1991 г № 8. С. 13–21.
18. Президент пообещал навсегда отказаться от плановых проверок бизнеса. или Генпрокуратура будет добиваться сокращения проверок бизнеса. 17.06.2022 г. // <https://pravo.ru/news/241379/>
19. Путин поручил ВС и кабмину ограничить аресты бизнесменов. 17.06.2022 г. // <https://pravo.ru/news/241391/>.
20. Смягчающие обстоятельства и смена подсудности: уголовные позиции ВС за май. 09.07.2022 г. // <https://pravo.ru/news/212807/>.
21. Сүй Сюзөм // Афоризмы. Мудрость великих. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2009. С. 395.
22. Уголовка в банкротстве: зачем нужна и чем опасна. 27.09.2021 г. // <https://pravo.ru/story/234610/>.
23. Юристы рассказали, как бизнесу общаться с «силовиками». 12.02.2019 г. // <https://pravo.ru/story/209049/>.

CURRENT ISSUES ON PROPORTIONALITY OF CRIMINAL LIABILITY AND SAFETY OF BUSINESS

Zatsepin M.N., Zatsepin A.M., Glushkova E.M.
USUE, Criminological Association Candidate

Since the adoption of the “new” Criminal Code of the Russian Federation, new legal terms and concepts for the majority of scientific and practical workers have become widespread. In the “former” criminal legislation, there were no norms providing for the possibility of exemption from criminal liability for crimes of an “economic” nature and establishing the grounds for such exemption, and in the criminal procedure legislation, exemption from criminal liability was provided only as a mitigating circumstance. Law enforcement and judicial practice in this regard has not been stable for many years, in chapter 22 of the Criminal Code – “Crimes in the sphere of economic activity” – more than 60 offenses are classified as minor, one of which is illegal business of small and medium gravity (part 1 and 2 article 171 of the Criminal Code of the Russian Federation), and it is already difficult to calculate the changes and additions.[7]

Law enforcement and judicial authorities, realizing their tasks and functions to ensure the security of business, have to persistently improve and increase the professional level, initiative and responsibility of employees, timely identify and stop the facts of merging law enforcement and judicial officials with criminal elements from among “unscrupulous” entrepreneurs, fight with corruption in government and administration, law enforcement system. And this struggle of law enforcement and judicial authorities with these phenomena has made a significant contribution to the formation of “healthy” market relations, and contributed to the authority of entrepreneurship, changing the socio-psychological attitude towards business and, consequently, strengthening the viability of society and the state. [14]

Keywords: judicial and law enforcement agencies, entrepreneurs, social viability, civil and criminal law.

References

1. The Kremlin will analyze information about the increase in the number of criminal cases against business. February 24, 2020 // <https://pasm.ru/archive/259647/>.

2. Important for business positions of the Economic Board at the beginning of 2022. 06/14/2022 // <https://pravo.ru/240679>.; Under pain of criminality: what business is judged for. November 09, 2020 // <https://pravo.ru/story/226024>.
3. The Supreme Court understood what to consider as unjust enrichment. 08/16/2022. [city//parvo.ru/story/242298/](https://parvo.ru/story/242298).
4. The pressure on entrepreneurs is not reduced – the business ombudsman is not coping. December 10, 2019 // <https://pasmi.ru/archive/238921/>.
5. There are fewer complaints from businessmen about violations. August 23, 2022 // parvo.ru/news/242545/.
6. Business protection in the style of “dragon option”. 08.08.2022 // <https://pravo.ru/storu/242257/>.
7. Changes in the Criminal Code on economic composition: what will happen. 08/06/2022 // <https://pravo.ru/story/242449>.; Business checks and amendments to the Tax Code: what comes into force in July. 06/30/2021 // <https://pravo.ru/story/232817/>.
8. How and why are entrepreneurs punished and what will change for them in the near future? What is the most popular preventive measure and why? // Results-2018 from the Supreme Court: criminal cases – news. February 14, 2019 // <https://pravo.ru/story/209060>
9. What compensation can be obtained for a false accusation. July 28, 2022 // <https://pravo.ru/story/241394/>.
10. Who wins: how business sued the state in 2021. 02.12.2021// <https://300pravo.ru/story/236589/>.
11. Minor act: what is not considered a crime. 07/09/2022// <https://pravo.ru/story/240927/>.
12. On sentencing// Plenum of the Supreme Court explained the purpose and execution of the sentence. December 18, 2018// <https://pravo.ru/storu/207690>.
13. On the mitigation of criminal punishment // (Course on humanization: the Plenum of the Supreme Court explained how to mitigate punishment through retraining). May 15, 2018 // <https://pravo.ru/news/202505>
14. Ensuring national security is a priority area of criminal law, criminological and penitentiary policy. // M.: Yurlitinform, 2018. – 752 p.
15. The Plenum of the Supreme Court clarified how to challenge the decisions of state bodies. 06/14/2022 // <https://pravo.ru/story/241298/>.
16. Under pain of criminality: what business is judged for. November 09, 2020 // <https://pravo.ru/story/226024/>.
17. Legal basis of entrepreneurial activity // Economic law. 1991 No. 8. S. 13–21.
18. The President promised to permanently abandon scheduled inspections of the business. or the Prosecutor General's Office will seek to reduce business inspections. 06/17/2022// <https://pravo.ru/news/241379/>
19. Putin instructed the Armed Forces and the Cabinet to limit the arrests of businessmen. 06/17/2022 // <https://pravo.ru/news/241391>.
20. Extenuating circumstances and change of jurisdiction: criminal positions of the Supreme Court for May. 07/09/2022// <https://pravo.ru/news/212807/>.
21. Xu Xuemo // Aphorisms. Wisdom of the greats. – M.: CJSC “OLMA Media Group”, 2009. P. 395.
22. Criminal in bankruptcy: why is it necessary and why is it dangerous. September 27, 2021 // <https://parvo.ru/story/234610/>.
23. Lawyers told how businesses should communicate with the security forces. February 12, 2019 // <https://pravo.ru/story/209049>.

Зашляпин Леонид Александрович,

преподаватель кафедры уголовно-процессуального права
Северо-Западного филиала Российского государственного
университета правосудия
E-mail: leonid-zash@yandex.ru

Феоненко Надежда Сергеевна,

преподаватель кафедры уголовно-процессуального права
Северо-Западного филиала Российского государственного
университета правосудия
E-mail: nadia.feonenko@gmail.com

Лаврищева Ольга Мирославовна,

преподаватель кафедры уголовно-процессуального права
Северо-Западного филиала Российского государственного
университета правосудия
E-mail: lavrischeva@inbox.ru

Уголовно-процессуальные отношения, складывавшиеся в процессе производства допроса свидетеля по УПК РСФСР 1923 г., рассматриваемые в ракурсе процедуры представления свидетелю вопросов судом и сторонами, указывают на тип процесса, реализованный в первом уголовно-процессуальном законе. Доминирование суда в использовании вопросов является явным признаком розыскного типа процесса. Вопросы процедуры сторон могли иметь имитационный характер. Процессуальные модели формулирования и постановки вопросов свидетелю в судебном допросе, закрепленные в УПК РСФСР 1923 г., выступили прообразами регламентации судебного допроса в последующих законах. По этой причине современный уголовно-процессуальный закон может содержать коллизии и проблемы, заложенные УПК РСФСР 1923 г. в регулирование самого распространенного судебного действия.

Ключевые слова: уголовный процесс, судебное следствие, допрос, свидетель, вопросы.

Введение

Интерес к первым советским законам отчасти базируется на юбилейных датах текущего года. Однако и само законодательство, в данном случае Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1923 г. (далее – УПК), по-нашему мнению, является исключительно интересным объектом научного исследования. Как отмечает С.Б. Россинский, начальное советское уголовно-процессуальное законодательство сформировало модели, которые образуют основу многих современных институтов уголовного судопроизводства, одновременно заложив и истоки имеющихся проблем в законодательстве и правоприменении [9, с. 233–236]. Полагаем, что данный автор прав. Юридическое правосознание весьма консервативно, оно заимствует нормативные конструкции и концепции в предыдущих законах и следует сформированным ранее моделям правопонимания. По этой причине, многие положения действующего уголовно-процессуального закона (как и факторы его многочисленных изменений) могут связываться с УПК, выбранным нами в качестве объектной области настоящего исследования.

Эта объектная область исследуется в настоящей статье в узком сегменте, ограниченном процедурами задавания вопросов в судебном допросе свидетеля в уголовном судопроизводстве. Полагаем, что нормы, регулирующие данные процедуры, индуктивно могут указывать на сущность всего УПК. Такое восхождение от частности (правил формулирования и использования вопросов в допросе свидетеля в суде) к общему, позволяет выявлять масштабируемую связь между разноразмерными нормативными конструкциями закона: принципами и отдельными нормами, институтами и общими условиями, следующими закономерностям нормативного подобию данных объектов, сформировав системное видение анализируемой объектной области.

Научная задача, которую мы попытаемся решить в работе, связывается с методом сегментирования – выделения узкой области исследования, объединяющей нормы о правилах использования вопросов в судебных допросах свидетеля, раздельного исследования нормативной и теоретической базы, выведение синтезированного вывода.

Разработка проблематики о вопросах как элементах допроса не является абсолютно новой для отечественной юриспруденции. Теоретические аспекты этой тематики представлены, например, в работах М.В. Балалаевой, Д.А. Мезинова, А.Р. Резникова, Н.В. Прокопцевой, А.А. Каревой [2, с. 24–27; 5, с. 56–58; 8, с. 74–77; 6, с. 167–171], но работ, посвященных рассмотрению правил фор-

мулирования и использования вопросов в судебных допросах по УПК, нам не известно, что предполагает элемент новизны настоящей статьи.

Нормативная база регулирования вопросов в судебных допросах свидетеля

Позитивное право для советского общества выдвинулось абсолютным регулятором, в том числе, и для научной деятельности (юриспруденции). По этой причине совокупность нормативных правил, определяющих процессуальный режим формулирования и использования вопросов в судебном допросе свидетеля, имеет, по нашему мнению, приоритет перед теоретическими позициями. Научный конформизм ученых того времени объективен. Принятие УПК (начало формирования практики его применения) произошло вскоре после гражданской войны в России, насильственного уничтожения одними социальными группами других, периода отказа от законов, революционного произвола.

Несмотря на отрицание советским правом предыдущей правовой системы, имелась преемственность в регламентации конкретных вопросно-ответных процедур судебных допросов в первом уголовно-процессуальном кодексе постимперской России, и по этой причине рассматриваемый УПК фактически проявлял в своей конструкции признаки института, содержащего совокупность норм, регулирующих правила об использовании вопросов в судебном допросе. Естественно, что эти правила предопределялись целью регулирования, которая, в свою очередь, детерминировалась социальными факторами. Исключать из-под такого воздействия вопросные процедуры не обоснованно. В связи с этим стоит отметить позицию С.Б. Россинского о том, что рассматриваемый закон является первым отечественным кодексом, заложившим традицию, допускающую выход за границы закона и регулирующее влияние на правоотношения иных (помимо нормативных) факторов; при этом УПК страдает «гиперформализацией», возможно присущей и действующему уголовно-процессуальному закону [9, с. 236]. Это, в том числе, может относиться и к правилам использования вопросов.

Регламент использования вопросов в судебных допросах свидетеля по УПК включал следующие положения.

1. Если для анализа использовать исследовательский шаблон уголовно-процессуальных отношений, возникающих в процессе формулирования и использования вопросов в допросе свидетеля, то в первую очередь надо указать на правила ч. 2 ст. 2 УПК, в которых советский законодатель открывал для правоприменителя достаточно широкую возможность использования аналогии в тех случаях, когда правоприменитель обнаруживал неполноту регулирования процедур или совершенное отсутствие регулирования каких-то действий. Суду (как управомоченному субъекту) в явной форме предписывалось осуществлять дальнейшее производство по уголовному делу в таких случаях,

строая правоотношения по аналогии, что естественно относилось и к судебному допросу свидетеля. Суд в такой ситуации являлся абсолютным *dominus litis* относительно своих действий в допросе свидетеля, так как одновременно выполнял роль официального интерпретатора нормативных правил о вопросах; участника допроса свидетеля, активно использующего свои вопросы в этом допросе; властного субъекта, выполняющего функцию управления вопросами иных участников допроса (сторон обвинения и защиты). При этом и стороны оказывались под властью суда, имевшей признаки неурегулированности. Установленное нормами ст. 57 УПК правило исключало какие-либо ограничения в полномочиях суда о допуске получаемых сторонами доказательств. В этом случае любые ответы на вопросы сторон (в том числе в зависимости от формы и содержания вопросов, определенных допрашивающей свидетеля стороной) могли формировать показания не по ясным для всех правилам, а в зависимости от усмотрения суда. На процедуры использования вопросов сторонами при такой модели регулирования накладывалась неопределенная гипотеза «если вопрос стороны суд сочтет допустимым, относимым и т. д...».

2. В институте допроса свидетеля полномочия суда на вопросы имели гиперзначение. Председательствующий как управомоченный участник правоотношений присутствовал в них в качестве дисбалансирующего элемента. Представлялось это следующими положениями.

А) Допрос свидетеля предусматривал изначальную активность суда, именно суд задавал первые вопросы свидетелю о его «самоличности» и «его отношения к делу и сторонам» (ст. 284 УПК). Естественно, что это указывало свидетелю главного участника допроса, вызывая не такое внимательное отношение к вопросам иных участников, соответствующе формируя правоотношения в судебном допросе.

Б) Правомочие суда на задавание вопросов было приоритетным. Несмотря на то, что допрос (как и сегодня) начинала сторона, инициировавшая допрос свидетеля, положениями ст. 286 УПК этот порядок мог быть изменен усмотрением суда. Председательствующий судья и члены суда могли задать свои вопросы свидетелю ранее сторон.

В) Суд (судья, председательствующий в судебном заседании, и иные члены суда) могли задавать свои вопросы свидетелю в любой момент его допроса сторонами (ст. 289 УПК). Очевидно, что при такой модели регулирования правоотношений движение допроса определялось не сторонами, обладающими личным процессуальным интересом, а носителем функции разрешения дела по существу, который одновременно обладал и более широкими полномочиями в части собирания личных доказательств по уголовному делу (показаний свидетеля). Правомочие суда на вопросы свидетелю преобладало над субъективными правами сторон относительно вопросов свидетелю.

Г) Уголовно-процессуальная активность сторон в формулировании и использовании вопросов могла блокироваться судом (ст. 286 УПК). Судья, председательствующий в судебном заседании, имел право «устранять вопросы, не имеющие отношения к делу». Естественно, что принятие решения об относимости вопроса, оказывалось в этом случае равно в компетенции суда, и любые юридико-технологические изыски (например, предложение стороной прежде всего вопроса, исключающего не нужные стороне ответы, с запланированным далее вопросом по предмету доказывания) могли быть мгновенно нейтрализованы властным участником правоотношений. В этом случае какое-либо искусство допроса (юрисдикционная технология как комплекс упорядоченных процессуальной задачей стороны вопросов) становилось не актуальным. Наиболее стабильными являлись прямолинейные вопросы стороны свидетелю. Такие вопросы, однако, уже могли быть ранее заданы судом.

3. При наличии в законе совокупности правил, регулирующих представление вопросов свидетелю, их роль была ослабленной. С одной стороны, это связано с допущением аналогии, упомянутой ранее, дискреционным усмотрением суда, а, с другой стороны, с тем, то после вопросов суда о личности самого свидетеля и отношения к другим участникам процесса, свидетелю не задавался вопрос по предмету доказывания, а предлагалось «рассказать все, что ему лично известно по делу» (ст. 285 УПК). Так называемый «свободный рассказ свидетеля» присутствовал и в последующем законе, но не предусмотрен для действующего закона в форме квалифицированного умолчания законодателя. Часто встречающееся и сегодня в судебной практике предложение свидетелю прежде вопросов дать свободный рассказ, как раз и указывает на наличие существенных консервативных элементов в правосознании современных правоприменителей. Негативным моментом наличия в законе свободного рассказа свидетеля являлось то, что допрос как совокупность вопросов, предлагаемых управомоченными на это лицами, мог и не осуществляться, вопросы не задаваться.

В лучшем случае сочетание свободного рассказа свидетеля с широким каталогом правомочий суда на вопросы свидетелю могло оттеснить этап вопросов сторон в маргинальную или имитационную часть судебного следствия.

4. Полномочия сторон (как управомоченных участников) в части формулирования и использования вопросов свидетелю, подпадали под следующий нормативный регламент.

А) Внешне в исследуемом законе усматривалась достаточная свобода сторон на вопросы. Количество вопросов свидетелю не ограничивалось и даже их перечень (в принципе) не устанавливался. Советский законодатель допускал постановку свидетелю вопросов, которые сторона «найдет нужным выяснить» (ст. 286 УПК). При этом, как мы отметили выше, процедура постановки вопросов связана с относительно определенной гипотезой

«если суд сочтет вопрос допустимым...», исключающая свободу стороны. Такая свобода принадлежала лишь суду.

Б) Предмет вопросов свидетелю был ограничен нормами ст. 166 УПК (тем, что сегодня мы называем предметом доказывания): процессуальными фактами и сведениями, представляющими суду личность подсудимого. И в этом случае проявлялось отсутствие нужды в искусстве допроса, являющегося признаком состязательного типа процесса; вопросы стороны свидетелю должны были быть прямо связаны с доказываемыми фактами и личностью свидетеля, опять же, если их уже не задал сам суд. Подинститут вопросов в судебном допросе указывал на имитационную роль сторон в ходе судебного следствия. Сущность процесса не связывалась их деятельностью.

В) Виды и форма вопросов сторон законом не регулировались, в качестве отдельного вида предусматривались лишь дополнительные вопросы (ст. 288 УПК), имевшие процессуальной задачей разъяснение или дополнение ранее данных ответов. Выделение такой разновидности вопросов может указывать на некоторую преемственность нормативным правилам Устава уголовного судопроизводства 1864 г., в котором такой вид вопросов присутствовал.

5. Обязанному лицу (свидетелю) в рассматриваемых процедурах прямо вменялось отвечать на вопросы суда и сторон (ст. 60 УПК). Важно обратить внимание на отличия, возникающие с современным законом. Советский законодатель рассматривал в качестве обязанности не дачу показаний в целом, а обязанность отвечать на отдельные вопросы. В УПК присутствовала и санкция за неисполнение этой обязанности. Тот же суд, который рассматривал дело, мог решить вопрос об ответственности свидетеля за отказ от дачи показаний, что можно было интерпретировать и как отказ отвечать на отдельные вопросы (ст. 60 УПК).

6. Объектом, по поводу которого свидетель, суд и стороны вступали в правоотношения, закон рассматривал показания. При этом, что указывалось в правилах ст. 60 УПК, таким объектом рассматривались и ответы, а это повышало процессуальное значение вопросов, которые являются факторами ответов. Сегодня, возможно, такое правопонимание утрачено, хотя допрос как совокупность вопросов, а показания как совокупность ответов на вопросы, видится весьма гармоничной конструкцией для процессуального закона.

В результате исследования приведенной нормативной базы возникает следующее промежуточное суждение. Регламентация вопросов в судебном допросе свидетеля указывает на явный розыскной тип процесса, реализованный в УПК. Нормы закона о вопросах содержали очевидное нормативное подобие такому типу процесса. Отдельные элементы конструкции закона, например, стороны, являлись процессуальным рудиментом, а использование ими вопросов в судебном допросе свидетеля

не имело существенного значения для движения уголовного дела.

Доктринальные взгляды на регулирование вопросов в судебном допросе свидетеля

Период действия рассматриваемого УПК может характеризоваться нормозависимостью официальной уголовно-процессуальной доктрины. Наука уголовного процесса генерировала свои идеи максимально близко к существовавшим нормативным требованиям. В то время уголовно-процессуальный закон отражал политическую волю властвующей социальной группы, а ученые-процессуалисты – идеи уголовно-процессуального закона. Фактически теория уголовного судопроизводства оказывалась реализацией политических идей властвующих социальных групп. В связи с этим анализ теоретической базы настоящей статьи видится менее значимым, чем анализ нормативной базы статьи, изложенный выше.

Доктрина юриспруденции начала XX в. относительно правил об использовании вопросов в судебных допросах свидетеля включала следующие позиции.

Комментируя ст. 257 УПК, нормы которой определяли роль судьи, председательствующего в судебном заседании, Н.Н. Полянский отрицал наличие дискреционной власти у председательствующего по той причине, что суд не определял перечень доказательств, исследуемых в ходе судебного следствия [4, с. 193]. Возможно, что такая позиция являлась проявлением научного правосознания, присущего периоду действия Устава уголовного судопроизводства 1864 г.

Правовая реальность была в том, что фактические правоотношения имели иное содержание. Сторона обвинения представляла свои личные доказательства, но в их исследовании, в том числе при проведении допроса свидетеля, доминирующая роль принадлежала председательствующему. Дискреционные полномочия судьи в процедурах использования вопросов в допросе свидетеля, конечно же, указывали на наличие у председательствующего дискреционной власти относительно всего судебного следствия. Более того, упомянутый автор давал практикам рекомендацию выяснить в ходе судебного допроса подсудимого его социально-классовой принадлежности [4, с. 192]. В этом случае предмет допроса свидетелей (предмет вопросов суда и сторон свидетелю) с очевидностью проявлял особенность предмета вопросов свидетелю, как средств, позволяющих суду выяснить необходимые признаки, характеризующие личность подсудимого. Закон прямо не содержал такого правила. Реализация его на практике – результат дискреционного воздействия судьи на процедуру допроса. Вопросы свидетелю в ходе его судебного допроса, в том числе и со стороны суда, объективно могли содействовать стороне обвинения в преследовании классово-чуждых суду подсудимых. Осуществление такой право-политической

установки не могло быть ничем иным как воплощением дискреционной власти судьи.

Статус суда в судебном следствии полностью соответствовал реализованному в первом советском кодексе типу уголовного процесса. М.С. Строгович и Д.А. Карницкий констатировали его построение на основе розыскного начала, влекущего ориентацию суда на отыскание истины, что концентрировало правомочия на вопросы не на сторонах, а на суде [10, с. 122, 265, 289]. В науке процессуальная активность в использовании вопросов в допросе свидетеля отводилась суду.

Соответственно закону советские ученые в своих работах отмечали безусловную обязанность свидетеля явиться в суд и «дать ответы на поставленные ... вопросы» [7, с. 47]. Акцентирование внимания интерпретатора закона на обязанности дать ответы на вопросы, подчеркивало значение вопросов для получения показаний, сущность которых могла сводиться к отдельным ответам, а, соответственно, и предваряющим их вопросам.

Толкуя правила ст. 284 УПК, содержавшей нормы о вопросах относительно личности самого свидетеля и характере его отношений с иными участниками, Н.Н. Полянский подчеркивал вопросный характер этой процедуры [4, с. 210]. Современный закон, формулируя соответствующие правила с использованием языковых конструкций «устанавливает личность», «выясняет его отношение», утратил это свойство. Советский законодатель (в отличие от современного) использовал ясную конструкцию диспозиции нормы. Современный уголовно-процессуальный закон в относительно определенной диспозиции соответствующей нормы в этой части допускает произвол в практике.

Интерпретация учеными положений ст. 285 УПК, устанавливающей приоритет «свободного рассказа» в допросе свидетеля, соответствовала закону и полностью зависела от его содержания. В комментарии, изданном вскоре после вступления в силу исследуемого УПК, обосновывалась якобы большая свобода свидетеля в даче показаний не с вопросов, а со свободного рассказа [4, с. 211]. Такая позиция была абсолютной для юриспруденции того времени. М. Андреев, Г. Бахров, С. Лозинский в работе 1927 г. указывали на то, что допрашивающее свидетеля лицо заранее не знает содержания ответов свидетеля, объема информации, которую может представить свидетель, и делали из этого вывод, что свободный рассказ более выгоден для уголовного судопроизводства, чем использование вопросно-ответной формы допроса [1, с. 164]. Очевидно, что подобная процессуальная форма представляет из себя «самодопрос» свидетеля и предполагаемую реализацию его уголовно-процессуальной активности, допуская эклектику в регулировании, влекущую фактически элементы произвола.

Относительно понимания правил ст. 286 УПК о вопросах в судебном допросе свидетеля А.А. Жижиленко указывал на то, что закон не содержит ясной формы вопросов свидетелю в ходе судеб-

ного следствия [3, с. 54]. Формулируя таким образом свою научную позицию, данный автор давал себе некоторый простор в интерпретации закона, отмечая такое качество вопросов как исключение наводки на нужный допрашивающему лицу ответ и принуждения к ответу, необходимого допрашивающему содержания [3, с. 54]. Отчасти такое доктринальное толкование указывает на элемент свободы в формулировании и использовании вопросов, что возможно, прежде всего, для властных участников правоотношений (суда). Отсутствие ясной формы для процедур формулирования и использования вопросов – повод создания такой формы властными участниками судебного следствия.

Вывод

В итоге мы можем констатировать, что первый советский УПК и догматика периода действия данного закона рассматривала в качестве активного субъекта, представляющего вопросы свидетелю, судью, председательствующего в судебном заседании, и иных членов судебной коллегии. Юридическая конструкция использования вопросов в судебном допросе свидетеля указывает на его построение по розыскному типу, поиск истины властным участником правоотношений. Это предопределяло то, что содержание и форма вопросов свидетелю соотносились с каким-то прообразом события, субъективно сформировавшемся в создании судьи, проявляя предрешенность существа разбирательства по уголовному делу, зависимость процедур представления вопросов от усмотрения суда.

Литература

1. Андреев, М. Уголовный процесс РСФСР / М. Андреев, Г. Бахров, С. Лозинский. – Л., 1927. – 212 с.
2. Балалаева, М.В. От допустимости вопросов к допустимости показаний: правомерность образования судебных доказательств в ходе допросов по уголовному делу / М.В. Балалаева // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2015. – № 2(40). – С. 24–27.
3. Жижиленко, А.А. Судебное заседание: комментарий к ст. ст. 257–310 Угол.-Проц. Кодекса / А.А. Жижиленко / под ред. Н.Н. Полянского и П.Н. Малятовича. – М., 1924. – 80 с.
4. Люблинский, П.И. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: Текст и постатейн. коммент. с прил. алф.-предм. указ / П.И. Люблинский, Н.Н. Полянский. – М., 1924. – 376 с.
5. Мезинов, Д. А. О процессуальной регламентации уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации использования «наводящих» вопросов на допросах / Д.А. Мезинов // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: Материалы XXII международной научно-практической конференции: в 2 частях, Красноярск, 04–

05 апреля 2019 года / Ответственный редактор Н.Н. Цуканов. – Красноярск, 2019. – Ч. 2. – С. 56–58.

6. Прокопцева, Н.В. Правильное формулирование вопросов как условие эффективной деятельности лиц, проводящих предварительное расследование / Н.В. Прокопцева, А.А. Карева // Современная научная мысль. 2015. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravilnoe-formulirovanie-voprosov-kak-uslovie-effektivnoy-deyatelnosti-lits-provodyaschih-predvaritelnoe-rassledovanie> (дата обращения: 29.05.2023).
7. Рахунов, Р.Д. Свидетельские показания в советском уголовном процессе / Р.Д. Рахунов. М., 1955. – 164 с.
8. Резников, А.Р. Стоит ли отменить абсолютный запрет на постановку наводящих вопросов? / А.Р. Резников, В.С. Симонихин // Научные исследования высшей школы: сборник статей VI Международной научно-практической конференции, Пенза, 23 мая 2021 года. – Пенза, 2021. – С. 74–77.
9. Россинский, С. Б. УПК РСФСР 1922 года – первый кодифицированный источник советского уголовно-процессуального права (к 100-летию с момента принятия) / С.Б. Россинский // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2022. – № 3(23). – С. 229–238. – DOI 10.55001/2587–9820.2022.80.35.022. – EDN SSJYNE.
10. Строгович, М.С. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: текст и постатейный комментарий / М.С. Строгович, Д.А. Карницкий / под ред. Н.Я. Нехамкина. М., 1928. – 536 с.

QUESTIONS IN JUDICIAL INTERROGATION WITNESS UNDER THE CODE OF CRIMINAL PROCEDURE OF THE RSFSR IN 1923

Zashlyapin L.A., Feonenko N.S., Lavrishcheva O.M.

North-West Branch of the Russian State University of Justice

Criminal procedural relations in the judicial interrogation of witnesses under the Code of Criminal Procedure of the RSFSR of 1923, considered from the perspective of the procedures for presenting questions to the witness by the court and the parties, indicate the type of process implemented in the first criminal procedure law. The dominance of the court in the use of questions is a clear sign of the investigative type of process. The question procedures of the parties could be of an imitative nature. Procedural models of formulating and posing questions to a witness in judicial interrogation, enshrined in the Code of Criminal Procedure of the RSFSR of 1923, acted as prototypes of the regulation of judicial interrogation in subsequent laws. For this reason, the modern criminal procedure law may contain conflicts and problems laid down by the Code of Criminal Procedure of the RSFSR of 1923 in the regulation of the most common judicial action.

Keywords: criminal procedure, judicial investigation, interrogation, witness, questions

References

1. Andreev, M. Criminal process of the RSFSR / M. Andreev, G. Bakhrov, S. Lozinsky. – Leningrad, 1927. – 212 p.
2. Balalaeva, M.V. From the admissibility of questions to the admissibility of testimony: the legitimacy of the formation of forensic evidence during interrogations in a criminal case / M.V. Balalaeva // Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2015. – № 2(40). – pp. 24–27.

3. Zhizhilenko, A.A. Judicial session: commentary on Art. Art. 257–310 Ugol.-Prots. Codex / A.A. Zhizhilenko / ed. by N.N. Polyansky and P.N. Malyatnovich. – M., 1924. – 80 p.
4. Lyublinsky, P.I. Criminal Procedure Code of the RSFSR: Text and article-by-article. Comment. With app. alf.-predm. decree / P.I. Lyublinsky, N.N. Polyansky. – M., 1924. – 376 p.
5. Mezinov, D.A. On the procedural regulation of the criminal procedure code of the Russian Federation of the use of “leading” questions during interrogations / D.A. Mezinov // Actual problems of the fight against crime: issues of theory and practice: Materials of the XXII International Scientific and Practical Conference: in 2 parts, Krasnoyarsk, April 04–05, 2019 / Executive editor N.N. Tsukanov. – Krasnoyarsk, 2019. – Part 2. – pp. 56–58.
6. Prokoptseva, N.V. Correct formulation of questions as a condition for the effective activity of persons conducting a preliminary investigation / N.V. Prokoptseva, A.A. Kareva // Modern scientific thought. 2015. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravilnoe-formulirovanie-voprosov-kak-uslovie-effektivnoy-deyatelnosti-lits-provodyaschih-predvaritelnoe-rassledovanie> (accessed on: 29.05.2023).
7. Rakhunov, R.D. Witness testimony in the Soviet criminal process / R.D. Rakhunov. M., 1955. – 164 p.
8. Reznikov, A.R. Is it worth abolishing the absolute ban on the formulation of leading questions? / A.R. Reznikov, V.S. Simonikhin // Scientific research of higher school: collection of articles of the VI International Scientific and Practical Conference, Penza, May 23, 2021. – Penza, 2021. – pp. 74–77.
9. Rossinsky, S. B. UPK RSFSR1922 – the first codified source of Soviet criminal procedural law (to the 100th anniversary of the adoption) / S.B. Rossinsky // Criminalistics: yesterday, today, tomorrow. – 2022. – № 3(23). – P. 229–238. – DOI 10.55001/2587–9820.2022.80.35.022. – EDN SSJYNE.
10. Strogovich, M.S. Criminal Procedure Code of the RSFSR: text and article-by-article commentary / M.S. Strogovich, D.A. Karnitsky / ed. N.Y. Nekhamkin. M., 1928. – 536 p.

К вопросу о доказательственной деятельности на стадии возбуждения уголовного дела применительно к расследованию в форме дознания

Лавриновская Ирина Сергеевна,
адъюнкт, Академия управления МВД России
E-mail: ilavrinovskaia@mail.ru

В статье рассмотрены некоторые проблемные вопросы, возникающие на первоначальном этапе досудебного производства при осуществлении предварительного расследования в форме дознания. Автор, рассуждая о необходимости модернизации действующей модели досудебного этапа отечественного уголовного судопроизводства, анализирует аргументы ученых, высказывающих мнения как о сохранении, так и ликвидации первоначальной стадии уголовного судопроизводства, исследует положения уголовно-процессуального законодательства зарубежных стран в части обоснования ликвидации данной стадии досудебного расследования. Автор приходит к выводу о необходимости упразднения стадии возбуждения уголовного дела, как «барьера», препятствующего своевременному осуществлению расследования и проведению полноценного комплекса следственных и иных процессуальных действий по конкретному событию, а также влекущего сокрытие преступлений от учёта и искажение сведений о состоянии преступности.

Ключевые слова: дознание в сокращенной форме; стадия возбуждения уголовного дела; упрощенный порядок расследования; доказывание; досудебное производство.

В современном мире преступность выступает в качестве одного из основных негативных феноменов, оказывающих дестабилизирующее воздействие на деятельность государства, государственных органов и, соответственно, граждан. Несмотря на то, что за последние три года уровень преступности в России несколько сократился (в 2020 г. зарегистрировано – 2 044 221; в 2021 г. – 2 004 404; в 2022 г. – 1 966 795 преступлений [7]), остается значительным массив уголовных дел, ежегодно направляемых в суд. При этом по каждому уголовному делу представляется важным не допустить нарушений уголовно-процессуального законодательства ни на одной из стадий расследования.

Рассматривая современные тенденции отечественного уголовно-процессуального законодательства, необходимо обратить внимание на проводимую в последние годы в рамках судебно-правовой реформы нормотворческую деятельность уполномоченных органов, направленную на оптимизацию процедуры расследования уголовных дел и сокращение сроков его производства. Об этом, в частности, свидетельствует включение в 2013 году в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) главы 32¹, регламентирующей вопросы производства дознания в сокращенной форме.

Бесспорно, введение упрощенного производства расследования поспособствовало уменьшению процессуальных издержек по расследованному уголовному делу, снижению количества времени, затрачиваемого на производство следственных и иных процессуальных действий, соблюдения разумного срока уголовного судопроизводства.

Однако, несмотря на то, что в большинстве случаев еще на этапе предварительной проверки сообщения о преступлении имеющаяся у сотрудников правоохранительных органов информация позволяет сформулировать вывод о том, что рассматриваемое деяние носит очевидный характер (т.е. содержит в себе признаки преступления, поскольку установлено, что оно совершено конкретным лицом, а деятельность по доказыванию вины не представляет собой энергозатратную, трудоёмкую процедуру), законодателем не были предусмотрены возможности инициирования процедуры упрощенного расследования по уголовному делу, минуя при этом стадию его возбуждения.

Это, в свою очередь, служит причиной длительного срока расследования уголовного дела, так как, даже при очевидности факта совершения противоправного деяния, действующая редакция ст. 144 УПК РФ позволяет принимать процессуаль-

ное решение по нему в срок не позднее 30 суток [11], чем активно пользуются сотрудники, уполномоченные рассматривать сообщения (заявления) о происшествии.

Кроме того, сохраняющийся на стабильном уровне остаток неоконченных дел, находящихся в производстве дознавателей (2019 г. – 94163; 2020 г. – 94785; 2021 г. – 93088; 2022 г. – 91027 уголовных дел [4]) позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время сотрудники указанного подразделения испытывают высокую нагрузку, которая не позволяет должным образом выполнять требования закона о разумных сроках уголовного преследования.

Рассуждая о необходимости реформирования действующей модели досудебного этапа отечественного уголовного судопроизводства, в том числе и применительно к органам, осуществляющим предварительное расследование по уголовным делам в форме дознания, отметим, что вопросы, касающиеся перспектив существования в российском уголовно-процессуальном законодательстве стадии возбуждения уголовного дела, по-прежнему, являются одними из наиболее остро обсуждаемых в научных кругах.

Так, ряд авторов считают, что наличие стадии возбуждения уголовного дела в действующей модели досудебного производства представляет собой особую значимость, так как именно на данной стадии разрешается вопрос о достаточности оснований для дальнейшего уголовного преследования лица, совершившего преступление, а результатом исключения указанной стадии из российского уголовного процесса станет нарушение прав и свобод участников уголовного процесса.

В обоснование своего мнения, сторонники сохранения в отечественном уголовном судопроизводстве стадии возбуждения уголовного дела отмечают также, что её присутствие обеспечивает стабильное функционирование системы рассмотрения сообщений (заявлений) о преступлении, что в свою очередь позволяет сотрудникам правоохранительных органов оперативно реагировать на поступившую в их адрес в информацию о совершении преступления и принять законное и обоснованное решение [15].

Однако, анализ трудов как известных деятелей науки, так и молодых ученых свидетельствует об усилении позиций относительно упразднения первоначальной стадии досудебного производства. В качестве аргументов высказываются мнения, что именно наличие в действующей модели досудебного этапа отечественного уголовного судопроизводства указанной стадии способствует сокрытию от учета значительного количества преступлений, что, в свою очередь, вводит в заблуждение законодателя относительно достоверности статистических сведений о действительном состоянии преступности в стране [2].

Ряд авторов, ратуя за ликвидацию рассматриваемой стадии досудебного производства, отмечают усложненную процедуру исполнения междуна-

родных запросов по уголовным делам, по причине отсутствия аналогов стадии возбуждения уголовного дела в зарубежных странах [9].

Следует отметить, что в уголовном процессе дореволюционной России первоначальной стадии досудебного производства не существовало; в уголовно-процессуальном законодательстве постреволуционного периода стадия возбуждения уголовного дела также не была представлена; её появление соотносится с принятием 27 октября 1960 года Уголовно-процессуального кодекса РСФСР [1].

При этом появление дознания как формы предварительного расследования в том виде, в котором оно функционирует в настоящее время в российском уголовном судопроизводстве, связано с проведенной в 1860 году судебной реформой, в результате которой функции сотрудников дознания и следствия были разграничены: органы дознания предпринимали меры для установления события преступления и поиска преступника по «горячим следам» [16], то есть производство дознания инициировалось сразу же после появления информации о совершении преступления, что позволяло в максимально короткие сроки собрать всю необходимую доказательственную базу для объективного рассмотрения и разрешения дела.

На наш взгляд, точка зрения сторонников второй позиции в наиболее полной мере отражает современные реалии российского уголовного судопроизводства. Автору настоящей публикации представляется, что существующая модель разделения уголовного процесса на стадии не является целесообразной и давно нуждается в модернизации.

Анализ правового регулирования вопросов, касающихся первоначальной стадии досудебного производства при изучении законодательства зарубежных стран, свидетельствует о том, что в большинстве стран рассматриваемая стадия уголовного процесса отсутствует (Германия, Финляндия, Швейцария, Великобритания, Бельгия и др.).

Так, в германском уголовном процессе правовой регламентации стадии возбуждения уголовного дела не имеется. Какой-либо уголовно-процессуальный документ, свидетельствующий о начале расследования, не составляется; началом производства по уголовному делу считается производство первых следственных действий в ходе дознания, которое, в свою очередь, осуществляется под надзором прокурора [12].

Иных подходов к процедуре возбуждения уголовных дел придерживаются в странах романской правовой семьи. Например, в уголовном процессе Французской Республики существует такое понятие как «предъявление публичного иска», которое соотносится с российской моделью первоначальной стадии досудебного производства [13].

Представляется интересным, что во Франции стадия производства дознания предшествует стадии возбуждения уголовного дела и своей целью имеет установление и фиксацию факта наруше-

ния уголовного закона, сбор сведений, которые имеют значение для дела, а также розыск лиц, совершивших правонарушение до возбуждения уголовного преследования [3]. При этом, алгоритм производства дознания (доследственной проверки) во французском уголовном судопроизводстве во многом схож с системой действий, выполняемых в рамках отечественной проверки сообщения о преступлении, предусмотренной ст. 144 УПК РФ.

Рассматривая ряд норм, регулирующих ход уголовного расследования в странах англо-саксонской правовой семьи, отметим, что в Соединённом Королевстве Великобритании и Северной Ирландии не предусмотрено наличие стадии возбуждения уголовного дела. Никаких процессуальных документов, свидетельствующих о начале уголовного преследования, не оформляется. В соответствии с британским законодательством уголовное дело возбуждается судом в случае, если сотрудниками полиции или иным лицом будут предоставлены доказательства того, что конкретное лицо совершило преступление. В этом случае обвиняемый в сопровождении полиции немедленно вызывается в суд, где проходит слушание по его обвинению. В случае согласия лица с предъявленным обвинением, сбор доказательств прекращается и судом они не рассматриваются [14].

Таким образом, можно заключить, что в законодательстве таких стран как Германия и Великобритания возбуждение уголовного дела не является самостоятельной стадией уголовного процесса. В свою очередь, во Франции, такая стадия является обязательной и значимой, в частности и в аспекте производства предварительного расследования в форме дознания.

Рассуждая о необходимости наличия первоначальной стадии досудебного производства, представляется необходимым обратиться к анализу правовых норм стран, не так давно ликвидировавших стадию возбуждения уголовного дела в рамках своего уголовно-процессуального законодательства. Сегодня в странах постсоветского пространства прочно обосновывается тенденция отказа от стадии возбуждения уголовных дел в конструкции производства досудебного расследования. К ним относятся, в частности, страны Балтии, Молдова, Грузия, Украина, Казахстан, Румыния, Болгария.

Так, 4 июля 2014 года в Республике Казахстан был принят новый Уголовно-процессуальный кодекс, где начало досудебного расследования соотносится с регистрацией сообщения об уголовном правонарушении в Едином реестре досудебных расследований (далее – ЕРДР) или проведение первого неотложного следственного действия в соответствии с ч. 1 ст. 179 УПК РК. Таким образом, правоохранительные органы не иницируют уголовное преследование до тех пор, пока в их адрес не поступит сообщение об уголовном правонарушении или пока уполномоченными лицами не будут проведены первые неотложные следственные действия. Предпринятый шаг, позволил сократить

время расследования и ускорить процесс судебного разбирательства. При этом, приказом Генерального прокурора Республики Казахстан от 19 сентября 2014 г. № 89 «Об утверждении Правил приема и регистрации заявления, сообщения или рапорта об уголовных правонарушениях, а также ведения Единого реестра досудебных расследований» определен исчерпывающий перечень заявлений и происшествий, которые не подлежат регистрации в рассматриваемой автоматизированной базе данных [10].

При изучении статистических сведений установлено, что в 2014 году в производстве органов расследования Республики Казахстан с учетом остатка дел, находившихся в производстве на начало отчетного периода, находилось 139545 уголовных дел, в то время как в 2015 году, после вступления нового УПК РК в законную силу, количество расследуемых уголовных дел увеличилось более чем в два раза – до 280277 уголовных дел. Начиная с 2017 года, общее количество уголовных дел, находящихся в производстве органов расследования Республики Казахстан планомерно снижается (2017 г. – 247677; 2018 г. – 216439; 2019 г. – 194366; 2020 г. – 152985; 2021 г. – 146843 уголовных дел [5]), постепенно приближаясь к уровню статистических показателей 2014 года. При этом, согласно статистическим сведениям, представленным в сводном отчете Комитета по правовой статистике и специальным учетам ГП РК, количество зарегистрированных правонарушений в ЕРДР с 2015 года по 2021 год сократилось с 386718 до 157884 случаев [6].

Так, динамику снижения количества зарегистрированных преступлений и количества расследуемых уголовных дел можно объяснить в том числе и проведением в стране политики совершенствования уголовного судопроизводства при помощи активного применения цифровых технологий; следованием концепции «слышащего государства»; реформированием модели досудебного этапа уголовного судопроизводства, в результате которого началом досудебного производства выступает, как отмечено выше, регистрация заявления, сообщения об уголовном правонарушении в ЕРДР либо первое неотложное следственное действие, а не собственно возбуждение уголовного дела.

Как было указано ранее, стадия возбуждения уголовного дела в российском уголовно-процессуальном законодательстве является самостоятельной стадией уголовного судопроизводства, присущей всем формам расследования; при этом именно с ней связаны проблемные аспекты относительно осуществляемой в рамках указанной стадии судопроизводства доказательственной деятельности. Рассмотрим ряд проблем, возникающих на рассматриваемой стадии при производстве дознания по уголовному делу.

Во-первых, действующая редакция УПК РФ не позволяет дознавателю до возбуждения уголовного дела использовать весь перечень следственных и иных процессуальных действий, что значи-

тельно затрудняет процесс доказывания и разрешение вопроса о наличии достаточных оснований для возбуждения уголовного дела.

Так, статьей 140 УПК РФ установлено, что основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Вместе с тем, до настоящего времени законодателем не даны разъяснения о том, какие именно данные должны считаться достаточными для инициирования начала уголовного производства, а также на какие именно признаки они должны указывать.

При этом дознаватель при осуществлении проверочных мероприятий по сообщению (заявлению) о преступлении ограничен набором действий, которые разрешаются ему в соответствии ст. 144 УПК РФ (проводить осмотры, получать объяснения, назначать экспертизу и т.д.). Доказательства, полученные путем проведения иных действий до инициирования начала уголовного производства, в дальнейшем будут признаны недопустимыми.

Так, наиболее часто применяемое средство доказывания в практике дознавателя – объяснение. И несмотря на то, что объяснения отбираются практически по всем уголовным делам, до настоящего времени законодатель не дает четкого разграничения между понятиями «объяснение» и «допрос» (по возбужденному уголовному делу). При этом среди ученых также нет единой точки зрения по указанному вопросу. Одни полагают, что объяснение выражается в виде закрепленных на бумажном носителе сведений, которые в дальнейшем могут быть формализованы в протоколе допроса; другие же считают, что при взятии объяснения должны действовать такие же правила, что и при проведении допроса [8].

Во-вторых, действующим уголовно-процессуальным законом предусмотрены временные ограничения для выявления всех признаков преступления и их доказывания, поскольку в силу ст. 144 УПК РФ решение по сообщению о преступлении необходимо принять в течение трёх суток с момента регистрации такого сообщения. Срок может быть продлен до десяти суток, а в крайних случаях и до тридцати суток, однако для продления дознаватель должен получить согласие надзирающего прокурора, то есть процесс согласования продления срока проверки также требует дополнительных временных затрат.

В-третьих, ввиду ограниченного времени на принятие решения по поступившему сообщению (заявлению) о происшествии, сотрудниками органов дознания нередко выносятся необоснованные постановления об отказе в возбуждении уголовного дела о чем свидетельствуют статистические данные. Так, органами прокуратуры Российской Федерации в 2021 году было отменено более 1,5 млн незаконных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, при этом в 2020 году этот показатель был еще выше – более 1,8 млн [7]. В свою очередь, установленный законодателем срок проверки прокурором обоснованности приня-

того дознавателем решения по поступившим в его адрес материалам проверки часто не соблюдается по причине несвоевременной передачи дознавателями в адрес прокурора постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, что негативно отражается на своевременности выносимых им актов реагирования на нарушения закона.

Отдельные трудности на стадии возбуждения уголовного дела связаны и с неурегулированностью правового статуса подозреваемого, поскольку в процессе доказывания дознаватель должен иметь представления относительно существующего объема прав и обязанностей каждого участника данной стадии. Так, специфика предварительного расследования, осуществляемого в форме дознания заключается в отсутствии института привлечения лица в качестве обвиняемого в его классическом смысле; виновное лицо сохраняет статус подозреваемого с момента инициирования уголовного производства и до момента вынесения дознавателем обвинительного акта.

Таким образом, с момента возбуждения уголовного дела и до момента вынесения обвинительного акта (обвинительного постановления), в котором обобщаются результаты проведенного дознания, а также формулируется решение о наделении лица, подозреваемого в совершении преступления, процессуальным статусом обвиняемого, дознаватель должен учитывать, что на лицо, в отношении которого ведется производство по уголовному делу, распространяются права и обязанности подозреваемого по уголовному делу, что следует из содержания норм глав 32, 32¹ УПК РФ.

Вышеизложенное позволяет сформулировать вывод, что дознаватели при осуществлении процессуальной деятельности испытывают ряд трудностей, возникающих на первоначальной стадии досудебного производства, которая в настоящее время выступает в качестве «барьера», препятствующего своевременному осуществлению расследования и проведению полноценного комплекса следственных и иных процессуальных действий, а также негативно влияет на эффективность уголовного судопроизводства. Наличие рассматриваемой стадии, как свидетельствует практика, обуславливает несвоевременность начала процесса расследования, и, соответственно, последующее собирание и исследование доказательств усложняется. При этом, кардинальное реформирование модели досудебного уголовного судопроизводства в настоящее время вряд ли представляется возможным по причине устойчивого закрепления в сознании законодателя, представителей научной общественности и правоприменителей мнений об обязательном сохранении стадии возбуждения уголовного дела.

В этой связи, представляется необходимым расширить перечень следственных и иных процессуальных действий, допускаемых к проведению дознавателем до возбуждения уголовного дела, с последующим признанием таковых в качестве доказательств, поскольку ограничение дознавате-

ля в проведении необходимого объема действий приводит к обесцениванию проводимой им деятельности на стадии возбуждения уголовного дела и препятствует эффективному расследованию и разрешению уголовного дела. Также видится логичным определить перечень следственных и иных процессуальных действий, результаты которых можно будет использовать в дальнейшем в качестве доказательств без их последующего дублирования в процессе расследования.

Кроме того, поскольку деятельность органов дознания осуществляется под пристальным надзором органов прокуратуры, представляется, что для минимизации нарушений прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, необходимо уделять особое внимание процессу доказывания на стадии возбуждения уголовного дела и остро реагировать на любые признаки нарушений действующего законодательства.

Литература

1. Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.
2. Гаврилов Б.Я. Стадия возбуждения уголовного дела: мнение ученых и практиков // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 4. С. 33–37.
3. Головки Л.В. Дознание и предварительное следствие в уголовном процессе Франции. – М.: Фирма «СПАРК», 1995. С. 130.
4. Данные отчета формы 1-Е «Сведения о следственной работе и дознании» за 2019–2022 гг. (сводная информация об остатке неоконченных дел, находившихся в производстве дознавателей, на начало отчетного периода) // Официальный интернет-ресурс Росстата URL: <https://www.fedstat.ru/> (дата обращения 04.04.2023).
5. Данные отчетов формы 1-Е «Общий межведомственный отчет о работе органов следствия и дознания» за 2014–2021 гг. (сводная информация по всем органам расследования, с учетом остатка дел, находившихся в производстве на начало отчетных периодов) // Информационный сервис Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан. URL: <http://qamqor.gov.kz/portal/page/portal/POP-pageGroup/Services/Pravstat> (дата обращения: 08.04.2023).
6. Данные сводного отчета формы 1-М «Число зарегистрированных преступлений» за 2015–2021 гг. // Информационно-аналитическая система Комитета по статистике Республики Казахстан. URL: <https://taldau.stat.gov.kz/ru/NewIndex/GetIndex/704767?keyword=> (дата обращения: 08.04.2023).
7. Информационно-аналитический портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Генеральная прокуратура Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 28.03.2023).
8. Левченко О.В. Некоторые особенности предмета и процесса доказывания в стадии возбуждения уголовного дела // Право и государство: теория и практика. 2021. № 9 (201). С. 139–141.
9. Махов В.Н. Особенности досудебного производства в уголовном процессе Российской Федерации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2015. № 1. С. 116–120.
10. Приказ Генерального прокурора Республики Казахстан от 19 сентября 2014 г. № 89 «Об утверждении Правил приема и регистрации заявления, сообщения или рапорта об уголовных правонарушениях, а также ведения Единого реестра досудебных расследований» // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/V14W0009744#z22> (дата обращения: 08.04.2023).
11. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 24.12.2001. – № 52 (часть I). – Ст. 4921.
12. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия – Strafprozessordnung (StPO). Головенков П., Спица Н. Научно-практический комментарий и перевод текста закона. Постдам: Издательство Постдамского Университета, 2012. С. 41–42.
13. Уголовно-процессуальный кодекс Франции (перевод, предисловие и примечания Головки Л.В.). Юридический колледж МГУ Москва, 2014. С. 153–157.
14. Уолкер Р. Английская судебная система. М.: Юридическая литература, 1980. С. 45.
15. Хайбулаева М.Ш. О необходимости стадии возбуждения уголовного дела // Закон и право. 2021. № 7. С. 148–150.
16. Цекон М.А. Возникновение и развитие системы органов дознания // Молодой ученый. 2018. № 21 (207). С. 409–414.
17. Информационно-аналитический портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 13.04.2023).

ON THE ISSUE OF EVIDENTIARY ACTIVITY AT THE STAGE OF INITIATING A CRIMINAL CASE IN RELATION TO AN INVESTIGATION IN THE FORM OF AN INQUIRY

Lavrinovskaia I.S.

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article deals with some problematic issues that arise at the initial stage of pre-trial proceedings during the preliminary investigation in the form of an inquiry. The author, discussing the need to modernize the current model of the pre-trial stage of domestic criminal proceedings, analyzes the arguments of scientists who express opinions on

both the preservation and liquidation of the initial stage of criminal proceedings, explores the provisions of the criminal procedural legislation of foreign countries in terms of justifying the elimination of this stage of pre-trial investigation. The author comes to the conclusion that it is necessary to abolish the stage of initiating a criminal case as a “barrier” that prevents the timely implementation of the investigation and the conduct of a full range of investigative and other procedural actions on a specific event, as well as entailing the concealment of crimes from accounting and distortion of information about the state of crime.

Keywords: inquiry in abbreviated form; the stage of initiating a criminal case; simplified investigation procedure; proof; pre-trial proceedings.

References

1. Vedomosti of the Supreme Council of the RSFSR. 1960. No. 40. Art. 592.
2. Gavrilov, B. Ya. Stage of initiation of a criminal case: opinions of scholars and practitioners // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. No. 4. P. 33–37.
3. Golovko, L.V. Interrogation and preliminary investigation in the criminal process of France. – Moscow: Firm “SPARK”, 1995. P. 130.
4. Data from the report in Form 1-E “Information on investigative work and interrogation” for 2019–2022 (consolidated information on the backlog of pending cases handled by interrogators at the beginning of the reporting period) // Official website of Rosstat [Electronic resource]. URL: <https://www.fedstat.ru/> (accessed on April 4, 2023).
5. Data from the reports in Form 1-E “General interdepartmental report on the work of investigative and interrogative bodies” for 2014–2021 (consolidated information on all investigation bodies, taking into account the backlog of cases handled at the beginning of the reporting periods) // Information service of the Committee on Legal Statistics and Special Records of the General Prosecutor’s Office of the Republic of Kazakhstan [Electronic resource]. URL: <http://qamqor.gov.kz/portal/page/portal/POPPageGroup/Services/Pravstat> (accessed on April 8, 2023).
6. Data from the consolidated report in Form 1-M “Number of registered crimes” for 2015–2021 // Information-Analytical System of the Statistics Committee of the Republic of Kazakhstan [Electronic resource]. URL: <https://taldau.stat.gov.kz/ru/NewIndex/GetIndex/704767?keyword=> (accessed on April 8, 2023).
7. Information-Analytical Portal of Legal Statistics of the General Prosecutor’s Office of the Russian Federation // General Prosecutor’s Office of the Russian Federation [Electronic resource]. URL: <http://crimestat.ru/analytics> (accessed on March 28, 2023).
8. Levchenko, O.V. Some peculiarities of the subject and process of proof at the stage of initiating a criminal case // Law and State: Theory and Practice. 2021. No. 9 (201). P. 139–141.
9. Makhov, V.N. Features of pre-trial proceedings in the criminal process of the Russian Federation // Bulletin of the Russian University of Friendship of Peoples. Series: Legal Sciences. 2015. No. 1. P. 116–120.
10. Order of the General Prosecutor of the Republic of Kazakhstan dated September 19, 2014, No. 89 “On Approval of the Rules for Accepting and Registering Statements, Reports or Reports on Criminal Offenses, as well as Maintaining a Unified Register of Pre-trial Investigations” // Information-Legal System of Regulatory Legal Acts of the Republic of Kazakhstan [Electronic resource]. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/V14W0009744#z22> (accessed on April 8, 2023).
11. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174-FZ (as amended on 29.12.2022) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 24.12.2001. – No. 52 (Part I). – Art. 4921.
12. Strafprozessordnung (StPO) – Code of Criminal Procedure of the Federal Republic of Germany (commentary and translation by Golovenkov P., Spitsa N.). Potsdam: Potsdam University Publishing House, 2012. P. 41–42.
13. Code of Criminal Procedure of France (translation, introduction, and notes by Golovko L.V.). Legal College of Moscow State University, 2014. P. 153–157.
14. Walker, R. The English Judicial System. Moscow: Legal Literature, 1980. P. 45.
15. Khaybulaeva, M. Sh. On the necessity of the stage of initiating a criminal case // Law and Justice. 2021. No. 7. P. 148–150.
16. Tsekov, M.A. Emergence and development of the investigation body system // Young Scientist. 2018. No. 21 (207). P. 409–414.
17. Information-Analytical Portal of Legal Statistics of the General Prosecutor’s Office of the Russian Federation. General Prosecutor’s Office of the Russian Federation [Electronic resource]. URL: <http://crimestat.ru/analytics> (accessed on April 13, 2023).

Оськина Ксения Николаевна,

аспирант Московского педагогического государственного университета (Института социально-гуманитарного образования), следователь следственного отдела ОМВД России по району Теплый Стан г. Москвы, старший лейтенант юстиции
E-mail: Ksenia9881@yandex.ru

В статье рассматриваются вопросы, касающиеся развития теории доказывания. При этом отмечается некоторая оторванность теории от практики, что частично объясняется неточным целеполаганием в научном поиске, который не в полном объеме учитывает запросы следственных органов. В таких условиях особая роль в определении направлений научных исследований отводится методологии, сочетающей методы теоретического и эмпирического исследования, а также максимально слаженному взаимодействию науки и практики. Наиболее оптимальным вариантом выстраивания такого взаимодействия могла бы стать система заказов, обязывающая ученых проводить исследования, в которых заинтересованы органы следствия. Напротив, практика «свободного поиска» проблематики зачастую приводит к невостребованным, с точки зрения практического применения результатам, а предложения, касающиеся совершенствования законодательства так и не находят своего воплощения в новых статьях УПК РФ.

Ключевые слова: вещественные доказательства, улики, уголовно-процессуальное законодательство, теория доказывания.

Развивая теорию доказывания, современная юридическая наука предоставляет следователям, дознавателям и суду некоторую свободу в работе с вещественными доказательствами, нормативно закрепляя лишь основные положения, касающиеся их сущности и определения.

Необходимо отметить, что такой подход отводит теоретикам «поле деятельности» для подготовки предложений в части совершенствования уголовно-процессуального законодательства, а практикам (следственным подразделениям) предлагает разрабатывать ведомственные нормативные правовые документы, регламентирующие «выпадающие» нормы и позволяющие, таким образом, адаптироваться к динамично меняющейся оперативной обстановке.

Основные «претензии», выдвигаемые теорией к нормативному закреплению вещественных доказательств условно разделены на следующие группы.

Первая – вопросы, касающиеся процессуальной регламентации собирания, предоставления и использования вещественных доказательств.

Вторая – проблемы, связанные с допустимостью вещественных доказательств.

Третья – порядок хранения и решения судьбы вещественных доказательств после вынесения приговора суда.

Что касается первой группы, исследователи часто отмечают спорность понятия и определения вещественных доказательств. Так, Н.Н. Егоров и М.Е. Кравченко прямо указывают на тот факт, что дефиниция определения в законе попросту отсутствует, поскольку законодатель пошел по пути перечисления конкретных его видов, а понятие вещественных доказательств действительно является одним из наиболее спорных в теории доказательств [1, с. 4; 2, с. 3–4]. В свою очередь О.Е. Головкин отмечает, что дефиниция вещественных доказательств в ч. 1 ст. 81 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) не позволяет разграничить их с иными документами, а, следовательно, и решить ряд вопросов о применимости к некоторым предметам (документам) положений ст. 82 УПК РФ [3, с. 3–4].

Кроме того, УПК РФ не содержит указаний о способах получения вещественных доказательств по уголовным делам и не определяет универсальный порядок получения, а также оформления вещественных доказательств в ходе производства на различных стадиях уголовного судопроизводства [2, с. 4]. При этом Н.Н. Егоров обращает внимание на следующую правовую коллизию: некоторые способы собирания вещественных доказательств в УПК РФ не упоминаются, например,

собрание вещественных доказательств частным детективом, другие, несмотря на законодательное запрещение, используются (имеется ввиду собрание вещественных доказательств экспертом) [1, с. 5].

Теоретики отмечают, что законодатель предусмотрел особый порядок введения вещественных доказательств в уголовный процесс, в связи с чем, не все способы собирания доказательств пригодны для собирания именно вещественных доказательств, а лишь те, которые направлены на обнаружение (получение) вещественных доказательств и позволяющие в последующем изымать, закреплять, осматривать и приобщать их к материалам уголовного дела [4, с. 3].

Остаются не урегулированными и вопросы представления вещественных доказательств органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность (ОРД). Более того, Н.А. Попова утверждает, что результаты ОРД не являются вещественными доказательствами и это требует их признания самостоятельным источником доказательств [5, с. 6]. По ее мнению, оптимальным вовлечением результатов ОРД в уголовный процесс является их представление и истребование в порядке ст. 86 УПК РФ с фиксацией этих обстоятельств в протоколе представления предметов и документов [5, с. 12].

С Поповой соглашается А.А. Рясов, который говорит об отсутствии нормативной регламентации способов процессуального закрепления объектов, имеющих значение для дела и представления органам расследования различными участниками уголовного процесса. Это положение «порождает дискуссионность о возможности собирания объектов, приобщаемых к делу в качестве вещественных доказательств, защитником и экспертом» [6, с. 3].

Как и Н.А. Попова, А.А. Рясов обращает внимание на особенности работы органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. При этом отмечается следующее обстоятельство – в ходе ОРД часто применяются различные электронные приборы, видео- и аудиоаппаратура, иные специальные приспособления, без которых бывает невозможно собрать данные, позволяющие возбудить уголовное дело. При этом оперативные сотрудники получают объекты, потенциально способные стать вещественными доказательствами.

Необходимо отметить, что в практике предварительного следствия органов внутренних дел данная проблема решается проведением следственных действий, направленных на изъятие у сотрудников, осуществляющих ОРД, предметов, которые в последующем могут стать вещественными доказательствами. Последовательность действий в данном случае следующая.

1. Следователем (дознавателем) проводится допрос свидетеля-сотрудника, осуществляющего ОРД, что не противоречит требованиям УПК РФ (в ч. 1 ст. 56 УПК РФ определено, что свидетелем является лицо, которому могут быть из-

вестны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела, и которое вызвано для дачи показаний).

2. В ходе допроса следователь (дознаватель) выясняет, какой именно предмет находится у сотрудника, осуществляющего ОРД, в рамках каких материалов проверки или уголовного дела им был получен данный предмет, а также как именно он был получен, после чего выносит постановление о выемке данного предмета у сотрудника.

3. Следователь (дознаватель) предъявляет указанное постановление оперативному сотруднику, осуществляющему ОРД, и изымает предмет, имеющий значение для уголовного дела. В таком случае считается, что предмет, полученный при проведении оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ), приобщается к уголовному делу в соответствии с требованиями УПК РФ. Иными словами, он получен процессуальным путем, т.е. в рамках следственных действий.

4. Предмет осматривается, после чего следователь (дознаватель) принимает процессуальное решение о признании и приобщении его к уголовному делу в качестве вещественного доказательства, о чем выносится соответствующее постановление, в котором указывается способ его получения, предусмотренный УПК РФ – выемка у свидетеля-должностного лица, осуществляющего ОРД.

Еще одним способом передачи предметов, имеющих значение для уголовного дела (потенциальных вещественных доказательств), является их затребование органами предварительного расследования у подразделений, осуществляющих ОРД. После получения запрашиваемых предметов, следователь (дознаватель) осматривает их и принимает решение о признании и приобщении к уголовному делу в качестве вещественных доказательств (устанавливается инструкцией МВД России о порядке представления результатов ОРД следователю, дознавателю или суду).

Более того, на практике бывает так, что предметы, полученные в ходе ОРД, уже находятся в материалах проверки. В таком случае следователь (дознаватель) осматривает их и принимает решение о признании и приобщении в качестве вещественных доказательств к уголовному делу, вынося соответствующее постановление, в котором указывает, что данные предметы были получены сотрудником, осуществляющим ОРД и приобщены к материалам проверки рапортом на имя руководителя органа внутренних дел.

Предоставление предметов, являющихся потенциальными вещественными доказательствами, может быть осуществлено в рамках следственных действий, инициированных сотрудником, осуществляющим ОРД, в результате чего предмет будет изъят с учетом требований, предусмотренных УПК РФ. Зачастую такая ситуация складывается при

раскрытии преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих, ядовитых веществ, оружия (его составных частей) и боеприпасов. В качестве примера можно привести следующую ситуацию: обладая оперативно-значимой информацией о наличии в конкретном помещении предметов, запрещенных к свободному обороту на территории Российской Федерации, оперативные сотрудники получают постановление о проведении ОРМ и с участием понятых составляют протокол обследования помещения. При обнаружении запрещенных предметов вызывается следственная оперативная группа, которая проводит осмотр места происшествия и изымает предметы, имеющие значение для уголовного дела. Таким образом, потенциальные вещественные доказательства также считаются полученными процессуальным путем, без нарушений требований УПК РФ.

Что необходимо отметить для таких случаев: в рамках осуществления данных действий крайне важно обеспечить гарантии законности процедуры для производства предварительного расследования и исключения возможности признания полученных доказательств недопустимыми. В связи с чем (можно полностью согласиться с А.А. Рясовым) актуальным становится исследование положений о собирании и использовании вещественных доказательств не только в ходе следственных действий, но и при осуществлении ОРМ [6, с. 3–4].

Часть проблемных вопросов связывается с отсутствием норм, позволяющих сторонам обвинения и защиты (в том числе частным детективам) реализовывать свое право на собирание, представление вещественных доказательств и использование их в доказывании. Кроме того, УПК РФ не устанавливает процессуальный порядок и не регулирует перечень, а также правила производства действий, направленных на собирание и представление предметов для приобщения их в качестве вещественных доказательств [5, с. 6].

Ко второй группе относятся проблемы допустимости доказательств. В части вещественных доказательств они получили развитие в работах М.Е. Кравченко, который указывает на тот факт, что действующее уголовно-процессуальное законодательство не дает однозначной дефиниции вещественных доказательств, которая бы четко отграничивала их от иных неодушевленных носителей доказательственной информации [2, с. 4].

В теории такое положение потенциально способно создать сложности при признании вещественных доказательств допустимыми. Однако сам процесс признания является не только регламентированной, но и вполне творческой процедурой, в которой следователь обязан принять все меры для отстаивания своей позиции и аргументации своих доводов. Более того, на практике проблема с дефиницией не является фатальной. Так, в ст. 17 УПК РФ закреплен принцип свободы оценки доказательств, который заключается в том, что судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следо-

ватель (дознатель) оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности всех имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь законом и совестью; при условии, что никакие доказательства не имеют заранее установленной силы. Такими образом, из смысла статьи следует, что ни одно доказательство, будь оно первоначальным или производным, прямым или косвенным, не имеет заранее установленной силы.

Что касается классификации вещественных доказательств: следователем (дознателем) собираются все возможные доказательства, которые в своей совокупности являются достаточными для разрешения уголовного дела по существу, при этом ни в одном процессуальном решении следователя (дознателя) не указывается к какому виду относится доказательство. Иными словами, в теории доказывания классификация важна для понимания сути доказывания, способов получения доказательств, механизмов их формирования, при том, что в уголовном деле она не применяется.

Вместе с тем, своего решения требует проблема хранения вещественных доказательств, что вполне наглядно продемонстрировали события с незаконной реализацией напитка «Мистер сидр», которые получили широкий резонанс в российском обществе и средствах массовой информации [7]. По мнению экспертов, конфискованный метиловый спирт мог храниться на складе ГУ МВД России по Самарской области (откуда он и был похищен) как вещественное доказательство по уголовному делу 2012 года. Вполне возможно данное дело было приостановлено в связи с розыском лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого. Проблема же заключается в следующем: при возобновлении предварительного следствия и в ходе судебного разбирательства стороне защиты представляется право знакомиться с вещественными доказательствами и исследовать их, что требует сохранения «улик» даже столь длительное время. Выход из такой ситуации видится в документировании физических, химических, иных параметров и свойств вещественных доказательств, фиксации внешнего вида, количества (объема) путем фото- и видео съемки, и последующим уничтожением «улик». В случае с метиловым спиртом было бы достаточно оставить лишь небольшую часть самого вещества для повторного исследования. Необходимо подчеркнуть – такой порядок предусмотрен в п. 3 ч. 2 ст. 82 УПК РФ, однако в случае с «Мистером сидром» он не был применен.

В целом же следует отметить следующее – оценивать создавшееся положение и критиковать «расширенные рамки» УПК РФ в настоящее время нет необходимости, тем более что законодатель тщательно выверяет свою реакцию на предложения, заявляемые теоретиками в диссертациях, монографиях, статьях, иных научных работах. Кроме того, по ряду вышеперечисленных положений практические сотрудники не требуют жесткой регламентации статей УПК РФ, а ряд проблем нахо-

дит свое решение в ведомственных нормативных правовых документах.

Таким образом, некоторая оторванность теории от практики частично объясняется неточным целеполаганием в научном поиске, который не в полном объеме учитывает запросы следственных органов. Создавшееся положение можно охарактеризовать так, – не имея достаточной объяснительной теории, практика сама стремится восполнить пробелы, образованные «неторопливым» нормотворчеством. В свою очередь, законодатель, реально оценивая динамику современных отношений, а также стремительность научно-технического прогресса (значительно расширяющего перечень «улик»), не дает «закрепленных» норм, устанавливающих понятие и определение вещественных доказательств.

В таких условиях особая роль в определении направления научного поиска отводится методологии, сочетающей методы теоретического и эмпирического исследования, а также максимально слаженному взаимодействию науки и практики. Наиболее оптимальным вариантом выстраивания такого взаимодействия могла бы стать система заказов, обязывающая ученых проводить исследования, в которых заинтересованы органы следствия. Напротив, практика «свободного поиска» проблематики зачастую приводит к неоправданным, с точки зрения практического применения результатам, а предложения, касающиеся совершенствования законодательства так и не находят своего воплощения в новых статьях УПК РФ.

Литература

1. Егоров Н. Н., Теоретические и прикладные проблемы учения о вещественных доказательствах: Дис. ... докт. юрид. наук / Н.Н. Егоров. Иркутск, 2005. – 376 с.
2. Кравченко М. Е., Допустимость вещественных доказательств в уголовном процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М.Е. Кравченко. Краснодар, 2017. – 188 с.
3. Головкин О. Е., Хранение вещественных доказательств на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О.Е. Головкин. М., 2015. – 20 с.
4. Мамедов Р. Я., Способы собирания вещественных доказательств в российском уголовном процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Р.Я. Мамедов. Краснодар, 2016. – 30 с.
5. Попова Н. А., Вещественные доказательства: собирание, представление и использование их в доказывании: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н.А. Попова. Саратов, 2007. – 26 с.
6. Рясов А. А., Проблемы собирания вещественных доказательств в досудебных стадиях российского уголовного процесса: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Рясов. Волгоград, 2008. – 19 с.
7. Артякова Н. Как спирт со склада МВД превратился в ядовитый «Мистер сидр»: вынесли шесть тонн метанола, и никто не заметил. Электронный ресурс: <https://www.samara.kp.ru/daily/27514/4776554/>. Дата обращения 11.06.2023.

ON IMPROVING PROOF THEORY ISSUE

Oskina K.N.

Moscow Pedagogical State University (Institute of Social and Humanitarian Education)

The article discusses issues on proof theory development. It is noted some isolation of the theory from practice, which is partly explained by inaccurate goal-setting in scientific research, which does not fully take into account the requests of investigation authorities. In such conditions, a special role in determining the directions of scientific research is assigned to a methodology that combines the methods of theoretical and empirical research, as well as the most coordinated interaction of science and practice. The most optimal option for building such an interaction could be a system of requests that obliges scientists to conduct research in which the investigation authorities are interested. On the contrary, the «free search» practice of problematic issues often leads to unclaimed results from the point of view of practical application, and proposals concerning the improvement of legislation do not find their embodiment in new articles of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

Keywords: material evidence, evidence, criminal procedure legislation, proof theory.

References

1. N. N. Egorov, Theoretical and applied problems of the doctrine of physical evidence: Dissertation. ... LL.D. / N.N. Egorov. Irkutsk, 2005. – 376 p.
2. M. E. Kravchenko, Admissibility of physical evidence in criminal proceedings: Dissertation abstract. ... Candidate of Juridical Sciences / M.E. Kravchenko. Krasnodar, 2017. – 188 p.
3. O. E. Golovkin, Custody of physical evidence during the pretrial stages of criminal proceedings: Dissertation abstract. ... Candidate of Juridical Sciences / O.E. Golovkin. M., 2015. – 20 p.
4. R. Ya. Mamedov, Methods of collecting physical evidence in the Russian criminal procedure: Dissertation abstract. ... Candidate of Juridical Sciences / R. Ya. Mamedov. Krasnodar, 2016. – 30 p.
5. N. A. Popova, Physical evidence: collecting, presenting and using them in evidencing: Dissertation abstract. ... Candidate of Juridical Sciences / N.A. Popova. Saratov, 2007. – 26 p.
6. A. A. Ryasov, Problems of collecting physical evidence during the pretrial stages of the Russian criminal proceedings: Dissertation abstract. ... Candidate of Juridical Sciences / A.A. Ryasov. Volgograd, 2008. – 19 p.
7. N. Artyakova. How alcohol from the warehouse of the Ministry of Internal Affairs turned into a poisonous «Mr. Cider»: six tons of methanol were taken out, and no one noticed it. Electronic resource: <https://www.samara.kp.ru/daily/27514/4776554/>. Date of access 11.06.2023.

Унификация и дифференциация уголовной ответственности за экологические преступления

Сенцов Александр Сергеевич,

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: sentsov_1951@mail.ru

Волколупова Владислава Владимировна

студент юридического факультета Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: volkolupova.v@yandex.ru

В работе рассматриваются сложные вопросы, относящиеся к дифференциации и унификации ответственности за экологические преступления, а также проблемы, возникающие в современной правоприменительной практике при их квалификации. На основе критического анализа действующего законодательства авторы формулируют предложения и рекомендации, адресованные законодателю и правоприменителю по совершенствованию отдельных уголовно-правовых норм, регламентирующих ответственность за общественно опасные деяния, посягающие на отдельные компоненты природной среды. В частности, предлагается унификация ответственности за данные преступления путем создания единой общей нормы, в которой было бы установлено единое основание уголовной ответственности за загрязнение вод, атмосферного воздуха, земли и недр. Такой подход не только унифицировал бы основание и пределы ответственности за данные экологические преступления, но и значительно упростил бы решение ряда сложных вопросов, возникающих в современной правоприменительной практике при их квалификации.

Ключевые слова: экологические преступления; окружающая среда; экология; атмосфера; воды; порча земли; недр; право; ответственность.

Введение

На современном этапе проблемы обеспечения экологической безопасности по-прежнему остаются одними из самых актуальных для всего мирового сообщества, в том числе и для нашей страны. Не случайно и в последнем Послании Президента РФ Федеральному Собранию отмечается, что в России «продлен до 2030 года проект «Чистый воздух», цель которого – оздоровить экологическую ситуацию в крупнейших индустриальных центрах». Более того, Президент России В.В. Путин в этом Послании особо подчеркнул, что для нашей страны «задача существенно снизить вредные выбросы с повестки дня не снимается» [1].

Актуальность научного исследования глобальных проблем современности, существующих в масштабе всей планеты и имеющих не только социальный и экономический, но и природный (экологический) характер, объективно обусловлена необходимостью их оптимального решения и поиска новых современных способов правового регулирования, поскольку от этого зависит будущее всего человечества и существование жизни на Земле. Эти проблемы связаны как с социально-экономическими факторами (неравномерность развития отдельных сфер жизнедеятельности общества на современном этапе; противоречия, возникающие в социально-экономических, политических, идеологических, экологических и иных общественных отношениях), так и с детерминантами сугубо природного свойства (геолого-природного, космо-природного, биологического и т.п.) [2, с. 19].

Не прибегая к подробному анализу всех существующих глобальных проблем современности, отметим лишь, что, хотя среди исследователей и нет единого подхода к их классификации, практически все авторы относят проблему усиления охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности к числу глобальных проблем современности [3].

Охрана окружающей среды, в том числе и ее отдельных неотъемлемых компонентов, является такой проблемой, в рамках которой можно выделить как международные, так и сугубо национальные, в том числе политические, экономические, социальные и правовые аспекты [4, с. 146].

Среди всех возможных способов, используемых для решения глобальных экологических проблем (экономических, политических, общесоциальных и т.п.), особое место занимают правовые меры охраны окружающей среды, включая и самые репрессивные, уголовно-правовые средства проти-

водействия экологическим преступлениям. И хотя уголовное право не является основным инструментом в решении рассматриваемой проблемы, его роль нельзя недооценивать, поскольку именно экологические преступления, являясь самыми опасными из всех совершаемых в этой сфере правонарушений, в первую очередь, приводят к дестабилизации экологической обстановки. Они нередко угрожают здоровью населения (а иногда и жизни многих людей), а в конечном счете, с учетом крайне отрицательных «суммарных» социальных последствий создают реальную угрозу национальной безопасности.

В этом смысле не являются исключением и преступления, предусмотренные ст. ст. 251, 253 и 254 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), поскольку загрязнение атмосферного воздуха, вод и порча земли нередко приводят к существенному ухудшению природных свойств естественной среды обитания в том или ином регионе, а в конечном счете, оно оказывает негативное влияние на климат [5, с. 8].

По данным Всемирной организации здравоохранения ежегодно только в Европе около четверти миллиона человек умирают в результате тяжелых заболеваний, связанных так или иначе с загрязнением воздуха. Российские ученые, специалисты в области медицины и экологии утверждают, что в нашей стране подобных случаев в расчете на 100 000 населения, как минимум в 2 раза больше. По их экспертным оценкам «экологически зависимая» смертность в Российской Федерации составляет 18–20% от числа всех умерших [6].

Согласно официальной статистике, имеющейся на сайте Росгидромет РФ, в 2021 г. в 122 российских городах (а это 58% от числа всех крупных городов) уровень загрязнения атмосферного воздуха значительно превышает предельно допустимые нормы (он либо «очень высокий», либо «высокий» [7].

По результатам проведенных исследований окружающей среды, экспертами сделан весьма неутешительный вывод о том, что 36 млн россиян живут в таких городах, где загрязнение атмосферного воздуха в 10 раз превышает максимально допустимые санитарные нормы. В среднем каждый житель крупного мегаполиса в течение года вдыхает с воздухом более 48 кг вредных, в том числе и канцерогенных веществ [8]. Проведенные статистические данные подтверждают крайне негативные выводы, согласно которым средний житель российского мегаполиса живет на 4 года меньше тех своих сограждан, которые проживают в сельской местности. Именно из-за неблагоприятной экологической обстановки в городе по данным медиков около 52% острых респираторных заболеваний связаны с неблагоприятными экологическими факторами окружающей среды.

По данным Росводресурсов, ежегодно на территории России образуется около 40,1 млрд м³ вод, загрязненных стоками [9].

В России загрязнены токсикантами промышленного происхождения 613,1 тыс. км² почв [10].

Такие неблагоприятные показатели связаны, наряду с другими факторами, в том числе и с многочисленными нарушениями действующего законодательства, по обеспечению безопасности в сфере экологии и правовой охране природной среды.

В 2022 г. сотрудниками прокуратуры Российской Федерации было выявлено более 292 тысяч нарушений в сфере охраны окружающей среды и природопользования [11]. Однако, к сожалению, число уголовных дел, которые были возбуждены по выявленным фактам загрязнения вод, атмосферы и порчи земли крайне невелико и исчисляется буквально единицами.

Так, например, как свидетельствуют данные статистики, имеющиеся в ГИАЦ МВД России, всего в 2022 г. было зарегистрировано лишь 11 преступлений, предусмотренных ст. 251 (загрязнение атмосферы), соответственно, – 34 преступления, предусмотренного ст. 250 (загрязнение вод), 128 преступлений, предусмотренных ст. 254 (порча земли) [12].

Поэтому возникает закономерный вопрос о том, почему сложилась такая ситуация, иными словами, в чем причины столь редкого применения названных уголовно-правовых норм? То ли это связано с несовершенством самих уголовно-правовых запретов, то ли эти причины кроются в неэффективности деятельности правоохранительных органов, реализующих положения соответствующих нормативных предписаний?

Методологическую основу исследования, наряду с всеобщим диалектическим методом научного познания составили и такие общенаучные и частно-научные методы, как: логико-правовые (индукция, дедукция, анализ и синтез), конкретно-социологический, догматический, сравнительно-правовой и др.

Обсуждение

Как уже отмечалось, охрана окружающей среды является такой глобальной проблемой, в рамках которой можно выделить как международные, так и национальные, в том числе политические, экономические, социальные и правовые аспекты [5, с. 145–146].

Эффективность применения правовых норм зависит от множества объективных и субъективных факторов, в том числе относящихся как к проблемам законотворчества, так и проблемам правоприменения [13, с. 81], а особенно, к законодательной регламентации ответственности за экологические правонарушения связанной с установлением разумного баланса между ее дифференциацией и унификацией.

Оптимальное их решение на законодательном уровне будет способствовать повышению результативности деятельности правоприменительных органов, а в конечном счете, усилению противодействия рассматриваемым в работе экологическим преступлениям.

Составы рассматриваемых экологических преступлений по своей конструкции являются матери-

альными и для того, чтобы признать лицо субъектом такого преступления, нужно установить и доказать не только сам факт совершения самого деяния, но и наступление его последствий, предусмотренных уголовным законом. А это на практике чаще всего порождает значительные трудности. Законодатель в рассматриваемых уголовно-правовых нормах включил в качестве конstitutивных признаков сформулированных в них составов различные общественно опасные последствия, используя при этом такие неконкретизированные и неформализованные понятия, как: «крупный ущерб»; «существенный вред животному или растительному миру»; «загрязнение или иное изменение природных свойств воздуха» и т.п. Иными словами, большинство предусмотренных в законе последствий не имеют четких критериев, закрепленных в ведомственных нормативных источниках и относятся к числу так называемых оценочных признаков.

Таким образом, практически все общественно опасные последствия в составах рассматриваемых экологических преступлений определены законодателем с использованием оценочных понятий, что создает дополнительные трудности для правоприменителя, поскольку в настоящее время они должны быть установлены лишь с учетом изменений, наступивших в каком-то одном компоненте природной среды (атмосфере, водах, земле).

Существует и еще одна проблема, которая связана с неэффективностью санкций, установленных за совершение рассматриваемых экологических преступлений. Максимальное наказание, предусмотренное в ч. 1 ст. 250, 251 и 254 УК РФ, за данные деяния, – это всего лишь арест до 3 месяцев. Но поскольку до настоящего времени в России арест как вид уголовного наказания не применяется (соответствующие положения УК РФ о нем до сих пор не введены в действие), то фактически максимальное наказание за совершение данных преступлений возможно лишь в виде исправительных работ на срок до 1 года [14, с. 96]. Как свидетельствуют данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ, за данные преступления чаще всего суды назначают наказание в виде штрафа и его средний размер составляет от 10 до 50 тысяч [15].

Представляется, что существующие ныне санкции, установленные за загрязнение окружающей среды, несопоставимы с теми последствиями, которые они причиняют. Поэтому целесообразно их пересмотреть в сторону ужесточения [16, с. 29].

Можно отметить и то, что в российском уголовном законодательстве об ответственности за рассматриваемые экологические преступления по-прежнему имеют место пробелы в отражении современных тенденций, характерных для правовых систем большинства развитых зарубежных стран.

Одна из таких мировых тенденций заключается в последовательном установлении и развитии института уголовной ответственности юридиче-

ских лиц, в том числе и в целях усиления противодействия экологическим преступлениям. Исходя из этого, представляются вполне обоснованными инициативы, в том числе и Следственным комитетом Российской Федерации, законодательные инициативы о введении в российское уголовное законодательство института ответственности юридических лиц и, в первую очередь, ответственности за коррупционные и экологические преступления [17].

Исследование зарубежного законодательства, содержащего уголовно-правовые запреты, устанавливающие ответственность за рассматриваемые экологические преступления, показало, что во многих зарубежных странах охрана всех компонентов окружающей среды (воды, земли, воздуха, морской среды, недр, континентального шельфа и др.) предусматривается в единой общей норме безотносительно к тому, на какой природный ресурс непосредственно посягает конкретное общественно опасное деяние.

Дифференциация ответственности за такие экологические преступления в таких европейских странах, как, например, Австрия, Испания, Голландия, Дания и др.) проводится лишь с учетом характера и тяжести наступивших последствий. Степень общественной опасности, прежде всего, зависит от того, имело ли место только лишь создание опасности, угрожающей причинением существенного вреда здоровью людей или отдельным компонентам окружающей среды, либо же имело место реальное причинение им вреда, или же такое деяние повлекло причинение смерти, наступление иных тяжких последствий. Кроме того, учитывается при этом и форма вины (умышленное это деяние либо оно совершено по неосторожности).

Такой подход к законодательному конструированию норм имеющих общий характер и устанавливающих единые основания ответственности за загрязнение отдельных компонентов окружающей среды, в том числе вод, атмосферы и поверхностного слоя земли представляется более предпочтительным. Данное законодательное решение представляется более логичным, потому что характер и типовая степень общественной опасности деяний, причиняющих вред отдельным сферам природной среды, не могут существенно изменяться в зависимости от того, какой природный компонент был подвергнут преступному воздействию.

Важно учитывать и то, что все в окружающем мире взаимосвязано, и поэтому все природные ресурсы представляют собой структурные элементы единой экологической системы – окружающей среды. Все они в подавляющем большинстве случаев связаны между собой таким образом, что негативное воздействие, оказываемое на любой из них, как правило, приводит к отрицательным последствиям и во всех других компонентах. Так, загрязнение атмосферы практически всегда сопровождается последующим выпадением находящихся в атмосфере кислотных осадков («кислотных» дождей), которые неизбежно приводят негативным

изменениям в виде загрязнения вод и порчи земли, а также к иным неблагоприятным последствиям в окружающей среде.

На наш взгляд, включение в УК РФ единой специализированной нормы, определяющей единое основание для уголовной ответственности конкретных лиц за загрязнение атмосферного воздуха, вод (включая морские), земли и ее недр, не только способствовало бы унификации основания ответственности за данные экологические преступления, но и одновременно решило бы целый ряд проблем, нередко возникающих в современной правоприменительной практике при их квалификации.

Объединение рассматриваемых норм в одну общую норму позволило бы значительно упростить и доказывание по уголовным делам данной категории наличия реальных общественно опасных последствий, определяемых в законе с использованием таких понятий, как, например, «существенный вред окружающей среде» и «существенный ущерб животному или растительному миру». Это связано с тем, что существенность причиненного вреда или ущерба будет определяться на основе комплексной «суммарной» оценки негативных изменений, наступивших во всех компонентах природной среды. Поэтому в рамках одного уголовного дела можно будет назначать и проводить лишь одну комплексную судебно-экологическую экспертизу с привлечением в качестве экспертов специалистов разных отраслей знания, включая экологов.

Предлагаемая нами общая норма могла бы быть сформулирована в следующей редакции:

Статья 255¹. Загрязнение вод, атмосферы, морской среды или земли

1. Нарушение правил охраны или использования поверхностных, подземных, в том числе грунтовых вод, источников питьевого водоснабжения, атмосферного воздуха, морской среды, земли и недр, если эти деяния повлекли их загрязнение или изменение природных свойств и причинили существенный вред окружающей среде либо создали угрозу причинения вреда здоровью человека, а равно животному или растительному миру, – наказываются ...

2. Те же деяния:

а) повлекшие по неосторожности причинение вреда здоровью человека либо существенного ущерба животному или растительному миру;

б) совершенные группой лиц по предварительному сговору;

в) лицом, с использованием своего служебного положения – наказываются...

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, повлекшие по неосторожности причинение средней тяжести или тяжкого вреда здоровью многих лиц либо смерть человека, – наказываются...

4. Те же деяния, повлекшие по неосторожности смерть двух или более лиц, а равно вызвавшие экологическую катастрофу, – наказываются ...

Соответственно, включение предлагаемой нами новой статьи в УК РФ повлечет за собой признание

утратившими силу ныне действующие ст. 250, 251, 252 и 254 УК РФ.

Устанавливая санкции в уголовно-правовых нормах об ответственности за экологические преступления, совершаемые специальным субъектом (лицом с использованием своего служебного положения), на наш взгляд, следует учитывать специфику правового статуса данных лиц и предусмотреть для них в качестве и основного, и дополнительного наказания такой его вид, как лишение права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью в системе органов государственного и муниципального управления, а также в коммерческих и иных негосударственных организациях, как правило, на более длительные сроки, чем предусмотренные в действующем УК РФ [18, с. 107].

С учетом позитивного зарубежного опыта (например, УК Испании) в УК РФ можно было бы значительно увеличить максимальные сроки данного вида наказания, в том числе и за экологические преступления, а за совершение тяжких и особо тяжких преступлений при опасном или особо опасном рецидиве целесообразно включить в Общую часть УК РФ «принципиально новый вид данного наказания – пожизненное лишение права на занятие определенной деятельностью (абсолютное поражение в правах)» [19, с. 4].

В случае реализации данного предложения и включения такого нового вида наказания в существующую систему наказаний, исчерпывающе определенных в ст. 44 УК РФ и его нормативного закрепления в самостоятельной уголовно-правовой норме (например, в новой ст. 47.1 УК РФ) безусловно, потребуются внесение соответствующих изменений и дополнений в целый ряд иных положений, закрепленных в нормах Общей части УК РФ и связанных с правовыми последствиями назначения и исполнения данного наказания. В частности, необходимо будет предусмотреть возможность и основания для применения к осужденному условно-досрочного освобождения (УДО) от отбывания данного наказания, а также нормативно закрепить порядок и сроки погашения или снятия судимости при условно-досрочном освобождении и т.п. Решение этих вопросов выходит за пределы исследуемой темы, но представляется, что реализация на законодательном уровне данного предложения и последующее активное применение судом такого наказания за рассматриваемые экологические преступления способно значительно повысить результативность использования уголовно-правовых средств в обеспечении экологической безопасности, в том числе и эффективность противодействия преступлениям, посягающим на отдельные компоненты природной среды.

Заключение

Результаты проведенного исследования темы свидетельствуют о том, что на современном этапе с учетом существующих реалий, характеризую-

щих развитие нашей страны, на эффективность уголовно-правовых мер охраны окружающей среды активно воздействуют и многие другие «регуляторы» общественных отношений: этические нормы (мораль), обычаи, традиции, религия, политические, экономические и иные объективные и субъективные факторы.

Поэтому только на основе комплексного использования всех имеющихся в распоряжении государства инструментов, способных оказывать позитивное воздействие на определенную среду, можно добиться реальных успехов в этой сфере.

Резюмируя изложенное, можно сделать вывод о том, что реализация данных предложений, а также потенциальная возможность более активного применения соответствующих уголовно-правовых норм в новой редакции, на наш взгляд, способна значительно повысить результативность уголовно-правовых средств противодействия экологическим преступлениям, посягающим на отдельные компоненты окружающей среды.

Литература

1. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 21.02.2023 «Послание Президента Федеральному Собранию» // СПС КонсультантПлюс.
2. Чашин Е.В. Формирование представлений о глобальных проблемах современности в информационном обществе и источники спекуляций на этой теме // Вестник Пермского университета. Сер. Философия. Психология. Социология. – 2013. – № 1. – С. 18–26.
3. Прытков В. П., Селезнев В.М. Кризис рациональности как глобальная проблема современности // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 21. – С. 237–243.
4. Anisimov A. P., Ryzhenkov A. Ja. Linking Environmental Legislative Inefficiency to Lack of an Environmental Philosophy // Environmental Policy and Law. – 2015. – Vol. 45, No. 3–4. – P. 145–155.
5. Анисимов А. П. О комплексном подходе к преодолению последствий глобального изменения климата // Актуальные проблемы охраны окружающей среды: материалы междунар. науч.-практ. конф. (2017 г., г. Волгоград). – Волгоград: Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, 2018. – С. 7–18.
6. От загрязнения воздуха каждый год умирают 7 миллионов человек // Организация Объединенных Наций: [сайт]. – URL: <https://news.un.org/ru/story/2019/03/1350211> (дата обращения: 10.06.2023).
7. Загрязнение атмосферного воздуха по данным ФГБУ «ГГО» // Институт глобального климата и экологии имени академика Ю.А. Израэля: [сайт]. – URL: <http://www.igce.ru/performance/td/air-city> (дата обращения: 10.06.2023).
8. Экология: факты и цифры // Зеленый полюс: [сайт]. – URL: <https://greenpole.su/>

jekologija-fakty-i-cifry/101762 (дата обращения: 10.06.2023).

9. Окружающая среда // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. – URL: <https://www.gks.ru/folder/11194> (дата обращения: 10.06.2023).
10. Главные экологические проблемы России // EcoStandard.Journal: [сайт]. – URL: <https://journal.ecostandard.ru/news/glavnye-ekologicheskie-problemy-rossii-issledovanie-esli-byt-tochnym/> (дата обращения: 10.06.2023).
11. Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь-декабрь 2022 г. // Генеральная Прокуратура Российской Федерации: [сайт]. – URL: <https://ep.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result?item=85327980> (дата обращения: 10.06.2023).
12. Состояние преступности // МВД России: [сайт]. – URL: <https://мвд.рф/folder/> (дата обращения: 10.06.2023).
13. Максименко М. В., Петровская В.В. Особенности привлечения к уголовной ответственности за экологические преступления // Вестник Пермского института ФСИН России. – 2022. – № 1 (44). – С. 80–87.
14. Минязева Т. Ф., Добряков Д.А. Отвечают ли установленные в главе 26 УК РФ меры наказания сущности экологических преступлений? // Евразийская адвокатура. – 2018. – № 5 (36). – С. 94–97.
15. Данные судебной статистики // Судебный департамент: [сайт]. – URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 10.06.2023).
16. Ткачева Н.В. Тенденции назначения наказания за экологические преступления // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2020. – Т. 20, № 4. – С. 26–30.
17. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц» // Следственный комитет Российской Федерации: [сайт]. – URL: <https://sledcom.ru/document/1134> (дата обращения: 10.06.2023).
18. Бидова Б. Б., Колесникова О.Ю. Проблемы уголовной ответственности за совершение экологических преступлений // Аграрное и земельное право. – 2022. – № 10 (214). – С. 105–109.
19. Волколупова В.А. Должностное лицо как субъект уголовной ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – Волгоград, 2002. – 29 с.

UNIFICATION AND DIFFERENTIATION OF CRIMINAL LIABILITY FOR ENVIRONMENTAL CRIMES

Sentsov A.S., Volkolupova V.V.

Volgograd institute of management – branch of the Russian Presidential academy of the national economy and public administration

The paper deals with complex issues related to the differentiation and unification of responsibility for environmental crimes, as well as problems arising in modern law enforcement practice in their qualification. Based on a critical analysis of the current legislation, the authors formulate proposals and recommendations addressed to the legislator and law enforcement officer to improve certain criminal law norms regulating responsibility for socially dangerous acts that encroach on individual components of the natural environment. In particular, it is proposed to unify responsibility for these crimes by creating a single general norm, which would establish a single basis for criminal liability for pollution of water, atmospheric air, land and subsoil. Such an approach would not only unify the basis and limits of responsibility for these environmental crimes, but would also greatly simplify the solution of a number of complex issues that arise in modern law enforcement practice when they are qualified.

Keywords: environmental crimes; environment; ecology; atmosphere; water; damage to the earth; subsoil; law; responsibility.

References

1. Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly dated 02/21/2023 "Message of the President to the Federal Assembly" // SPS ConsultantPlus.
2. Chashchin E.V. Formation of ideas about the global problems of modernity in the information society and sources of speculation on this topic // Bulletin of the Perm University. Ser. Philosophy. Psychology. Sociology. – 2013. – No. 1. – pp. 18–26.
3. Prytkov V. P., Seleznev V.M. The crisis of rationality as a global problem of modernity // Theory and practice of social development. – 2014. – No. 21. – pp. 237–243.
4. Anisimov A. P., Ryzhenkov A. Ja. Linking Environmental Legislative Insufficiency to Lack of an Environmental Philosophy // Environmental Policy and Law. – 2015. – Vol. 45, No. 3–4. – P. 145–155.
5. Anisimov A.P. On an integrated approach to overcoming the consequences of global climate change // Actual problems of environmental protection: materials of the International Scientific and practical conference (2017, Volgograd). – Volgograd: Volgograd Institute of Management – Branch of RANEPa, 2018. – pp. 7–18.
6. 7 million people die from air pollution every year // United Nations: [website]. – URL: <https://news.un.org/ru/story/2019/03/1350211> (accessed 10.06.2023).
7. Atmospheric air pollution according to the Federal State Budgetary Institution "GGO" // Institute of Global Climate and Ecology named after Academician Yu.A. Israel: [website]. – URL: <http://www.igce.ru/performance/td/air-city> (accessed: 10.06.2023).
8. Ecology: facts and figures // Green Pole: [website]. – URL: <https://greenpole.su/jekologija-fakty-i-cifry/101762> (accessed: 10.06.2023).
9. Environment // Federal State Statistics Service: [website]. – URL: <https://www.gks.ru/folder/11194> (accessed: 10.06.2023).
10. The main environmental problems of Russia // EcoStandard. Journal: [website]. – URL: <https://journal.ecostandard.ru/news/glavnye-ekologicheskie-problemy-rossii-issledovanie-esli-byt-tochnym/> (accessed: 10.06.2023).
11. Statistical data on the main indicators of the activity of the Prosecutor's Office of the Russian Federation for January-December 2022 // Prosecutor General's Office of the Russian Federation: [website]. – URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result?item=85327980> (date of appeal: 10.06.2023).
12. The state of crime // The Ministry of Internal Affairs of Russia: [website]. – URL: <https://мвд.рф/folder/> (accessed: 10.06.2023).
13. Maksimenko M. V., Petrovskaya V.V. Features of bringing to criminal responsibility for environmental crimes // Bulletin of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. – 2022. – № 1 (44). – Pp. 80–87.
14. Minyazeva T. F., Dobryakov D.A. Do the penalties established in Chapter 26 of the Criminal Code of the Russian Federation meet the essence of environmental crimes? // Eurasian Advocacy. – 2018. – № 5 (36). – Pp. 94–97.
15. Judicial statistics data // Judicial Department: [website]. – URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (accessed: 10.06.2023).
16. Tkacheva N.V. Trends in sentencing for environmental crimes // Bulletin of the South Ural State University. Series: Pravo. – 2020. – Vol. 20, No. 4. – pp. 26–30.
17. Explanatory Note to the draft Federal Law "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Connection with the Introduction of the institute of criminal legal impact on Legal Entities" // Investigative Committee of the Russian Federation: [website]. – URL: <https://sledcom.ru/document/1134> (accessed: 10.06.2023).
18. Bidova B. B., Kolesnikova O. Yu. Problems of criminal liability for environmental crimes // Agrarian and land law. – 2022. – № 10 (214). – Pp. 105–109.
19. Volkolupova V.A. An official as a subject of criminal responsibility: abstract. dis. ... cand. jurid. Sciences: 12.00.08. – Volgograd, 2002. – 29 p.

Нормативное закрепление признаков состава преступлений, определенных положениями главы 29 УК РФ

Шавыркин Иван Алексеевич,

независимый исследователь, стажер адвоката, Адвокатская контора г. Невьянска Свердловской областной коллегии адвокатов
E-mail: iv.shav@mail.ru

Волков Арсений Сергеевич,

независимый исследователь, Помощник юриста ИП Волохова К.И.
E-mail: volkovinsite@gmail.com

В статье дается уголовно-правовой анализ статей 280.4 и 282.4 УК РФ. Особое внимание уделяется раскрытию элементов состава преступления: объекта, предмета, субъекта, объективной и субъективной сторон. В статье авторы проводят разъяснение таких категорий, как «атрибутика и символика», «пропаганда», «публичное демонстрирование», «публичность». Также в работе излагается мнение о причинах нововведений за прошлый год в Уголовный кодекс. Авторы приводят ряд судебных постановлений, которые отражают позицию судов касательно того, что может быть использовано в качестве атрибутики и символики, а также тех действий, которые следует признавать публично демонстрируемыми. Среди прочего, в статье излагается мнение, что в современном уголовном праве административные преюдиции прослеживаются намного чаще.

Ключевые слова: уголовное право, уголовно-правовой анализ, атрибутика, символика, пропаганда.

В 2022 году по причине напряженной международной обстановки и проведения Специальной военной операции был принят ряд нормативно-правовых актов, вносящих изменения и дополнения в различные сферы общественной жизни. Одним из таких актов стал ФЗ от 14.07.2022 N260-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [6]. Этим законом УК дополнялся пятью новыми статьями. В рамках этой работы проанализируем некоторые из них, представляющие, на наш взгляд, наибольший интерес.

Статья 282.4 УК РФ: Неоднократные пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами.

Непосредственным (основным) **объектом** будет являться совокупность общественных отношений по поводу реализации запрета на демонстрирование нацистских, экстремистских и иных запрещенных символов, знаков, и прочих атрибутов.

Обязательным элементом является **предмет** – атрибутика или символика. Закон не содержит легального определения данных понятий, поэтому для понимания обратимся к судебному толкованию. К примеру, Омутнинский районный суд в своем Постановлении № 5–55/2018 от 11 июля 2018 г. по делу № 5–55/2018 [1] в качестве нацистской символики и атрибутики понимает существенные отличительные признаки, которые характерны для идеологии и государства.

Объективная сторона – формальный состав, поскольку последствия и причинно-следственная связь являются факультативными признаками. Обязательным является деяние: исключительно активным поведением.

Действия могут быть выражены в различных формах:

1) Пропаганда. Стоит сказать, что легальное определение пропаганды отсутствует. Для уяснения смысла данного термина предлагаем обратиться к Толковому словарю Н.Ю. Шведовой, где под этим понятием понимается «распространение в обществе и разъяснение каких-нибудь воззрений, идей, знаний, учения» [2, с. 767]. На наш взгляд, данное раскрытие понятия дает полное понимание содержания деяния, если применять данную формулировку к уголовным правоотношениям. В таком случае, в рамках статьи 280.4, под про-

пагандой следует считать любые действия по распространению нацистских печатных материалов, лозунгов и иных свойственных данной идеологии предметов.

Также стоит отменить, что действия, предусмотренные этой статьей, должны быть совершено неоднократно. Статья 16 УК (ныне утратила силу) давала ответ на вопрос, что должно пониматься под неоднократностью – совершение двух или более преступлений, предусмотренных одной статьей или частью статьи.

2) Публичное демонстрирование. Необходимо остановить свое внимание на способ – действие должно быть совершено публично. Наличие или отсутствие публичного демонстрирования необходимо устанавливать судам конкретно по каждому делу, поскольку данная категория является исключительно оценочной и не может всесторонним и полным образом быть установлена нормативными актами.

Например, одним из вариантов таких действий может быть выставление, показ, изображение нацистских атрибутики и символики и иные действия, делающие рассматриваемые атрибутику и символику доступными для восприятия других лиц (Постановление Острогжского районный суд по делу № 5–146/2020) [3]. Исходя из этой формулировки, для наличия публичности достаточно, чтоб информация не обязательно стала известной другим лицам, а всего лишь появилась такая возможность. С этой позицией трудно не согласиться, поскольку зачастую невозможно установить, сколько человек ознакомились с такой информацией, особенно это актуально для тех текстов, изображений, аудио- и видеофайлов, которые размещаются в открытом доступе через сеть «интернет».

Субъект преступления (по ч. 1 и 2) – специальный: лицо должно быть подвергнуто административному наказанию за административное правонарушение, предусмотренное ст. 20.3 КоАП. В данном случае имеет место административная преюдиция, которая все чаще встречается в современном уголовно-правовом поле. Минимальный возраст субъекта – 16 лет.

Субъективная сторона: только прямой умысел.

Из факультативных признаков объективной стороны, на наш взгляд, стоит выделить **мотив:** совершение преступления по мотивам идеологической или политической ненависти, а также вражды к какой-либо социальной группе.

Следующая статья, анализ которой, по нашему мнению, стоит произвести: **статья 280.4 УК РФ** Публичные призывы к осуществлению деятельности, направленной против безопасности государства.

Непосредственным объектом (основным) выступает совокупность общественных отношений, обеспечивающих запрет публичных призывов к осуществлению деятельности, направленной против безопасности государства, либо к воспрепятствованию исполнения органами власти и их должностными лицами своих полномочий по обеспечению безопасности Российской Федерации.

Объективная сторона преступления вызывает наибольший интерес, так как характеризуется уникальным набором элементов, которые по своей сути определяют внешнюю сторону указанного преступления. Обязательным признаком для настоящего состава является **деяние, оно должно быть выражено в форме публичного призыва**. По аналогии со статьей 280 УК РФ, в соответствии с п. 4 ППВС РФ от 28.06.2011 N11 [5], под публичным призывом понимаются обращения, выраженные в любой форме: устной, письменной, с использованием технических средств, к другим лицам с целью побудить их к осуществлению определенного рода деятельности, а применительно к анализируемой статье – деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации, либо к воспрепятствованию исполнения органами власти и их должностными лицами своих полномочий по обеспечению безопасности. Соответственно, из вышеизложенного следует, что деяние может проявлять только в активных действиях. Что касается категории «публичности» призыва, которая также по своему существу является обязательным признаком объективной стороны – **обстановкой**, Верховный Суд РФ указывает, что для ее оценки необходимо учитывать способ, место совершения и иные обстоятельства дела, что прямо следует из понятия признака обстановки. Под обстановкой понимаются объективные условия в которых происходит событие преступления [4, с. 112].

Важно понимать, что публичные призывы должны быть направлены к определенной деятельности. Примечание к статье 280.4 устанавливает строгий перечень действий, подпадающих под диспозицию статьи, например, к бандитизму, взяточничеству и иным преступлениям. Их список настолько широк, что под него подпадают нормы, как из разных глав, так и разделов.

По квалифицированному составу по пункту «в» части 2 обязательным признаком также выступает способ. Под способом в науке уголовного права понимается внешняя форма, в которой выражаются преступные действия [4, с. 111], в настоящем случае – использование СМИ либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет». С течением времени преступлений экстремистской направленности, совершенные через сети «Интернет», становится все больше. Это объясняется тем, что процессы цифровизации, информатизации полностью трансформируют как привычную жизнь, так и всю систему законодательства: принимаются законодательные акты, регулирующие настоящие механизмы, высшие судебные инстанции дают различные разъяснения и т.д. Как отметил Генеральный прокурор РФ Игорь Краснов, большая часть преступлений экстремистской направленности происходят с помощью сети «Интернет» [7].

По своей конструкции объективная сторона представляет **формальный состав:** момент окончания преступления совпадает с началом совершения действий, выраженных в форме публичного

призыва. Соответственно, причинно-следственная связь и последствия в настоящем случае роли для вменения статьи не играют, являются факультативными признаками.

Субъектом выступает физическое вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности – 16 лет, поскольку данное преступление хоть и наносит вред общественным отношениям, охраняемым уголовным законом, однако сопряжено с осознанием лицом не только самого факта ограничения совершения призывов к запрещенной деятельности, но и его причин. Указанное обстоятельство не позволяет снизить возраст ответственности до 14 лет. Субъект по основному составу общий, то есть не обладающий дополнительными признаками. По квалифицированному составу, п. «б» части 2 «с использованием своего служебного положения», субъект является специальным, а именно к нему относятся в соответствии с п. 10 ППВС РФ от 28.06.2011 N11 должностные лица, обладающие характеристиками, предусмотренными примечанием 1 к ст. 285 УК РФ, государственные или муниципальные служащие, не являющиеся должностными лицами, а также иные лица, отвечающие требованиям, предусмотренным примечанием 1 к ст. 201 УК РФ.

Субъективная сторона: совершение данного преступления возможно только с прямым умыслом.

Это объясняется следующим:

- характер общественно опасного деяния определяет невозможность совершения публичных призывов с формой вины неосторожность;
- настоящий состав формальный, что прямо исключает наличие косвенного умысла.

Состав предполагает наличие факультативного признака субъективной стороны преступления – **цели**, то есть мысленной модели будущего результата, к достижению которого стремится лицо при совершении преступления [4, с. 134]. Цель призывов – побудить людей к осуществлению деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации, либо к воспрепятствованию исполнения органами власти и их должностными лицами своих полномочий по обеспечению безопасности.

Проанализировав настоящие правовые нормы, авторами сделан вывод, что Закон, внесший изменения в действующий УК, был нацелен непосредственно на укрепление, в первую очередь, основ идеологической и политической безопасности государства, что является в современной действительности наиболее необходимым. Запрет распространение нацистских символов, экстремистских знаков – те ценности, которые последние несколько десятков лет особо охраняются законодательством нашей Родины. А административные преюдиции являются ярким примером того, насколько государство решительно действует в рамках пресечения и предупреждения таких действий.

При исследовании статей удалось вывить, что для перечисленных преступлений обязательно на-

личие дополнительных признаков элементов состава преступлений, поскольку именно они являются катализирующим общественную опасность элементом. Такими являются обстановка, цель, мотив. И именно последние два признака, на наш взгляд, имеет особое значение, поскольку отражают как причины, побудившие лицо совершить деяния, так и то, что субъект желал достичь.

Настоящие признаки позволяют отграничивать проанализированные составы от смежных, что необходимо для определения верной квалификации инкрементируемого преступления и, действительно, значимо для реализации незыблемых конституционных принципов.

Литература

1. Постановление Омутнинского районного суда (Кировская область) № 5–55/2018 от 11 июля 2018 г. по делу № 5–55/2018 // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие»: интернет-портал (Дата обращения 22.06.2023).
2. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. Отв. ред. Н.Ю. Шведова. – М., 2011: Издательский центр «Азбуковник». – 1175 с.
3. Постановление Острогожского районного суда (Воронежская область) № –146/2020 от 21 сентября 2020 г. по делу № 5–146/2020 // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие»: интернет-портал.
4. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник/ под ред А.И. Рарога – 10–3 изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2020–944 с.
5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2011 N11 // «Бюллетень Верховного Суда РФ», N8, август, 2011.
6. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.07.2022 N260-ФЗ // «Российская газета», N154–155, 19.07.2022.
7. ТАСС: «В РФ в 2022 году зарегистрировали рекордное за пять лет число экстремистских преступлений» [Электронный ресурс] // URL: <https://tass.ru/obschestvo/16910891> (Дата обращения 22.06.2023).

NORMATIVE CONSOLIDATION OF THE SIGNS OF THE CORPUS DELICTI DETERMINED BY THE PROVISIONS OF CHAPTER 29 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Shavyrkin I.A., Volkov A.S.

This article provides a criminal law analysis of Articles 280.4 and 282.4 of the Criminal Code of the Russian Federation. Special attention is paid to the disclosure of elements of the corpus delicti: object, subject, subject, objective and subjective sides. In the article, the authors explain such categories as “attributes and symbols”, “propaganda”, “public demonstration”, “publicity”. The paper also presents

an opinion on the reasons for innovations in the Criminal Code over the past year. The authors cite a number of court rulings that reflect the position of the courts regarding what can be used as attributes and symbols, as well as those actions that should be recognized as publicly demonstrated. Among other things, the article expresses the opinion that in modern criminal law administrative prejudices are traced much more often.

Keywords: criminal law, criminal law analysis, attributes, symbols, propaganda.

References

1. Resolution of the Omutninsky District Court (Kirov region) No. 5–55/2018 dated July 11, 2018 in case No. 5–55/2018 // The State automated system of the Russian Federation “Justice”: internet portal (Accessed 22.06.2023).
2. Explanatory dictionary of the Russian language with the inclusion of information about the origin of words / RAS. V. V. Vinogradov Institute of the Russian Language. Ed. by N.Y. Shvedova. – M., 2011: Publishing Center “Azbukovnik”. – 1175 p.
3. Resolution of the Ostrogozhsky District Court (Voronezh Region) No. –146/2020 of September 21, 2020 in case No. 5–146/2020 // The State automated system of the Russian Federation “Justice”: internet portal.
4. Criminal law of Russia. Parts General and Special: textbook/ edited by A.I. Rarog – 10–3 ed., reprint. and additional – Moscow: Prospect, 2020–944 p.
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 28.06.2011 N11 // “Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation”, N8, August, 2011.
6. Federal Law “On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation” of 14.07.2022 N260-FZ // “Rossiyskaya Gazeta”, N154–155, 07/19/2022.
7. TASS: “In the Russian Federation in 2022, a record number of extremist crimes was registered in five years” [Electronic resource] // URL: <https://tass.ru/obschestvo/16910891> (Accessed 22.06.2023).

Процедура судебного контроля за решениями прокурора, принимаемыми в порядке надзора на стадии предварительного следствия

Щеглов Максим Игоревич,

руководитель отдела дежурных следователей ГСУ СК России Московской области, полковник юстиции
E-mail: maksim_shcheglov@bk.ru

В статье автор рассматривает проблемные вопросы процедуры судебного контроля за решениями прокурора, принимаемыми в ходе осуществления им прокурорского надзора за органами предварительного следствия, анализируется следственная и судебная практика, обращается внимание на проблемы уголовно-процессуального законодательства, регулирующие порядок оценки судом законности принятых прокурором решений при осуществлении им надзорной деятельности на стадии предварительного следствия. Дается оценка необходимости некоторого реформирования сферы судебного контроля с расширением перечня действий (бездействия) и решений прокурора, законность и обоснованность которых может быть предметом проверки в суде, а также развития правообеспечительной деятельности суда, реализуемой при осуществлении им контрольных функций.

Ключевые слова: суд, судебный контроль, прокурор, следователь, предварительное расследование, руководитель следственного органа, отмена процессуального решения.

Предмет судебного контроля в досудебном производстве по уголовному делу является достаточно многогранным, и включает помимо действий (бездействия), решений, подлежащих обжалованию в судебном порядке, также особые полномочия суда, имеющие контрольный характер (связанные с санкционированием производства отдельных следственных действий или принятия процессуальных решений). Регулярность, универсальность и предметность контроля превращает его в действенную гарантию законности в уголовном судопроизводстве. С учетом того, что предметом судебного контроля могут быть решения прокурора и руководителя следственного органа, принятые по жалобам участников уголовного судопроизводства во внесудебном порядке, механизм обжалования приобретает диспозитивно ступенчатые характеристики. Правообеспечительная и правовосстановительная функции суда находят свое отражение при осуществлении судебного контроля, предметом которого, в первую очередь, является проверка законности и обоснованности действий (бездействия) и решений должностных лиц органов предварительного расследования, а также прокурора, который уполномочен осуществлять надзор за их процессуальной деятельностью.

В современный период в российском уголовном процессе участие прокурора в расследовании уголовного дела фактически не предусмотрено, его надзор во многом утратил инициативность и приобрел черты дистанционности. Иными словами, при осуществлении надзора прокурор в целом оторван от процесса производства расследования и не имеет возможности оперативного получения необходимой информации, требующейся для эффективного осуществления надзора. При этом именно своевременность выявления нарушений и оперативность их устранения справедливо полагается главными критериями эффективности этого направления деятельности прокурора в досудебном производстве по уголовному делу. С другой стороны, руководитель следственного органа располагает оптимальным набором инструментов для поддержания и восстановления требований законности в деятельности подчиненных им следователей.

Вместе с тем, прокурор также является участником уголовного судопроизводства со стороны обвинения, и потому его действия (бездействие) и решения также могут быть предметом судебного контроля. В этом смысле оправдались прогнозы ученых, утверждавших в период принятия действующего УПК РФ, что «нельзя ввести «немно-

го» судебного контроля» [10, С. 14]. Проводя историческую параллель, укажем, что в соответствии со ст. 96 УПК РСФСР прокурор был уполномочен санкционировать меру пресечения в виде заключения под стражу, и при воссоздании механизмов судебного контроля в рамках Концепции судебной реформы в РФ именно эти решения были включены в сферу судебной проверки. При этом ст. 220.1 УПК РСФСР предписывала проверять как законность, так и обоснованность решений прокурора. По данным специальных исследований, незаконным и (или) необоснованным признавался каждое седьмое решение об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу [7, С. 54].

При анализе перечня решений и действий прокурора, подлежащих обжалованию в судебном порядке логичным представляется исходить из совокупности полномочий, предоставленных прокурору ст. 37 УПК РФ, поскольку они отражают основные направления его участия в уголовном процессе, а также из содержания положений УПК РФ, относящихся к частным случаям принятия прокурором отдельных промежуточных решений в ходе досудебного производства по уголовному делу. Именно здесь может быть выявлен предмет для дальнейшего обращения в суд в порядке, предусмотренном ст. 125 УПК РФ.

Состязательная концепция уголовного судопроизводства, утвердившаяся в отечественной модели уголовного процесса, достаточно серьезно расширила предмет судебного контроля. В досудебных стадиях процесса его утверждение знаменовало собой, скорее, наличие отдельных элементов состязательности, и в этой части мы разделяем тезис о том, что до настоящего времени он не может быть отождествлен с отправлением правосудия [9, С.60]. В свою очередь, процессуальное положение прокурора как представителя стороны обвинения – с учетом возложения на него функции надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия (ч. 1 ст. 37 УПК РФ) – приобрело неоднозначный оттенок.

Так, осуществляя, наряду со следователем, функцию уголовного преследования, прокурор обладает отдельными процессуальными возможностями по ее реализации (например, выносить мотивированное постановление о направлении материалов в следственный орган или в орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании, п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ). В то же время, прокурорская компетенция «вторгается» в субординационные отношения, возникающие между следователем и руководителем следственного органа.

Тем не менее, как участник уголовного судопроизводства со стороны обвинения прокурор в определенной степени «подотчетен» судебному контролю. Иными словами, его действия (бездействие) и решения могут быть обжалованы в судебном порядке. Это обусловлено его симбиотическим положением, т.е. возложением на него функции уголовного преследования и функции надзора. В силу первой приняты им в порядке, предусмотренном

ст. 124 УПК РФ, решения по жалобам участников уголовного судопроизводства и иных лиц не могут быть априорно не подлежащими обжалованию. В силу второй – осуществляемый им надзор имеет взаимопересечение с уголовным преследованием, и в этом качестве обладает меньшей автономностью и независимостью, чем соответствующая судебная деятельность. При этом опровергается тезис относительно того, что надзорная функция прокурора на стадии расследования «может служить гарантом» его объективности и полноты [4, с.458]. Кроме того, с учетом «второстепенности» надзора за процессуальной деятельностью по сравнению с функцией уголовного преследования [5, с.183–193], его необходимость в широком объеме может быть поставлена под сомнение. Для сравнения, ведомственный контроль, осуществляемый руководителем следственного органа основывается на отношениях субординации и потому обладает большей степенью интенсивности, вследствие чего не нуждается, по мнению некоторых авторов, в «чрезмерной правообеспечительной деятельности прокурора» [1, 3–9].

Некоторые ученые, на наш взгляд, ошибочно утверждают, что современное уголовно-процессуальное регулирование порядка осуществления досудебного производства по уголовному делу придало следователю две взаимоисключающие функции – раскрытие преступления и обеспечение прав участников процесса [8, с.44–45]. Однако применительно к функциям прокурора можно отметить то же самое, и именно его принадлежность к лицам, осуществляющим уголовное преследование, является основанием обжалования в суд его действий (бездействия) и решений.

Исходя из этого, представляется не вполне правильным утверждение о том, что судебный контроль в досудебных стадиях уголовного процесса осуществляется только за деятельностью органов предварительного расследования [2, с.152–162]. Действия (бездействие) и решения прокурора так же находятся в сфере судебного обжалования. Более того, в практике судов сформировалась тенденция к сочетанному рассмотрению жалоб (в рамках одного производства), в которых оспариваются действия (бездействие) и решения и должностных лиц органов предварительного расследования, и прокурора.

Прокурор и руководитель следственного органа уполномочены осуществлять «инициативный надзор» за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия, поскольку для реализации надзорных полномочий им не требуется жалоба или иное обращение гражданина, чьи права или законные интересы нарушены. В общем массиве полномочий и прокурора, и руководителя следственного органа имеется большой «арсенал» надзорных инструментов, которые могут использоваться вне установленного порядка рассмотрения жалоб.

В отличие от прокурорского надзора и ведомственного процессуального контроля, судебный

контроль ни при каких обстоятельствах не может быть инициативным: он осуществляется исключительно в связи с поступившей в суд жалобой, в которой ставится под сомнение законность или обоснованность действий и решений прокурора или должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование. В связи с тем, что в момент его осуществления расследование по уголовному делу продолжается, некоторые авторы именуют его «оперативным» [3, с. 7–10].

Предмет судебного обжалования в отношении действий (бездействия) и решений прокурора в главе 16 УПК РФ определен достаточно расплывчато. Сопоставительный анализ положений ст. ст. 123, 125 УПК РФ позволяет включить в него:

- решения по жалобе о нарушении разумного срока судопроизводства;

- решения, вынесенные по жалобе на действия (бездействие) и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, следователя, руководителя следственного органа, поданной участником уголовного судопроизводства или иным лицом, интересы которого предположительно нарушены обжаловавшимися действиями (бездействием) или решениями;

- иные акты прокурорского реагирования, способные причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства или затруднить доступ к правосудию (в данную группу логично отнести, например, постановление прокурора об отмене постановления о возбуждении уголовного дела, вынесенное в порядке, предусмотренном ч. 4 ст. 146 УПК РФ);

- решения по жалобе на постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, вынесенные в соответствии с ч. 2 ст. 24, ч. 3 ст. 27 УПК РФ.

В этот перечень, по общему правилу, сами по себе не входят постановление об отказе в возбуждении уголовного дела и постановление о прекращении уголовного дела, поскольку, во-первых, они обжалуются приоритетно в судебном порядке, а прокурор не относится к перечню субъектов, уполномоченных на вынесение таких актов, а во-вторых, обжаловать их законность и обоснованность прокурору участник уголовного судопроизводства может в порядке, предусмотренном в ст. 124 УПК РФ, но в суде в случае несогласия прокурора с жалобой будет оспариваться вынесенное по ней решение.

Право обжалования сегодня возведено «в ранг основных принципов уголовного судопроизводства» [6, с. 224–228]. Однако практика рассмотрения таких жалоб является достаточно противоречивой, так как в большинстве из них приводятся аргументы, проверка которых требует наличия доказательственной базы, свидетельствующей о наличии обстоятельств, влекущих за собой отказ в возбуждении уголовного дела. Кроме того, как разъяснил Конституционный Суд РФ, в ходе судебного контроля за законностью и обоснованностью процессуальных актов органов дознания, следо-

вателей и прокуроров не должны предрешаться вопросы, которые могут возникнуть при разбирательстве уголовного дела по существу [10].

Поэтому предмет судебного контроля в данном случае жестко ограничен несколькими параметрами: соблюден ли порядок вынесения процессуального решения, установлены ли поводы для возбуждения уголовного дела, отсутствуют ли обстоятельства, исключающие производство по уголовному делу. Исходя из этого, обоснованность возбуждения уголовного дела судом не оценивается, как и наличие достаточных данных, подтверждающих наличие в действиях подозреваемого (обвиняемого) признаков состава преступления. Такой подход сложился в практике Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ [13] и представляется правильным, поскольку обоснованность привлечения к уголовной ответственности и достаточность собранных по делу доказательств оценивается в судебных стадиях уголовного процесса. При этом до 90% жалоб на постановления о возбуждении уголовного дела содержат аргументацию относительно отсутствия признаков состава преступления, вследствие чего оставляются без удовлетворения (по изученным нами материалам в 65% таких случаев основной довод жалобы – непричастность подозреваемого (обвиняемого) к преступлению, а в 35% – он является вообще единственным).

Исходя из этого, частичная трансформация правовых позиций Конституционного Суда РФ в этой части не может быть оценена однозначно положительно. Так, в январе 2019 г. орган конституционного контроля в очередной раз обратился к положениям ст. 125 УПК РФ и предписал при рассмотрении жалоб проверять законность и обоснованность обжалуемых процессуальных решений, полагая при этом, что оценка судом материалов проверки сообщения о преступлении, служащих основанием для их вынесения, не может предрешить вопросы, входящие в предмет судебного разбирательства [11]. Такой подход в целом верен в отношении проверки постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, однако постановление о возбуждении уголовного дела и структура материалов проверки в соответствии со ст. 144 УПК РФ имеют противоположное значение. Иными словами, проверяя обоснованность аргументов об отсутствии основания возбуждения уголовного дела, суд прямо вторгается в процессуальную компетенцию органов предварительного расследования. Более того, в порядке, предусмотренном ст. 125 УПК РФ, уголовное дело не может быть разрешено по существу, а удовлетворение жалобы в таком случае подразумевает окончание производства по уголовному делу в нарушение конституционных принципов осуществления правосудия. И наконец, определение Конституционного Суда РФ является достаточно спорным относительно нормативной силы (в его постановлениях проверяемые нормы могут признаваться неконституционными, может устанавливаться временный порядок правоприменительной деятельности до внесения изменений

в соответствующие нормативные правовые акты, тогда как определения, по сути, являются актами индивидуального правоприменения, вынесенными по жалобе конкретного лица).

В рассматриваемом контексте интересно и своеобразное «дублирование компетенций», выражающееся в следующем. При вынесении следователем постановления об отказе в возбуждении уголовного дела оно может быть отменено прокурором в порядке, установленном ст. 148 УПК РФ (с возвращением материалов для дополнительной проверки). На практике в ряде случаев имеет место неоднократное вынесение аналогичных постановлений, отменяемых как руководителем следственного органа, так и прокурором. В порядке, предусмотренном ст. 125 УПК РФ, обжалуются действия (бездействие) всех перечисленных участников процесса. В таких случаях суды отказывают в признании незаконным отказа в возбуждении уголовного дела, но признают незаконность бездействия должностных лиц органов предварительного расследования, выразившееся в длительном рассмотрении заявления о преступлении.

В 2019 г. один подобный казус был рассмотрен Конституционным Судом РФ, который предписал судам при рассмотрении подобных жалоб оценивать эффективность (неэффективность) проверки сообщения о преступлении, не ограничиваясь лишь исполнением формальных требований уголовно-процессуального закона [12]. Иными словами, возбуждение уголовного дела, как и отказ в возбуждении, в призме судебного контроля приобретают чрезмерно широкое отражение, подразумевающее исследование большого массива информации, относящейся, в том числе, к фактическим обстоятельствам дела.

Возникает встречный вопрос, связанный с оценкой возможности судьи, рассматривающего жалобу в порядке ст. 125 УПК РФ, вынести соответствующее закону решение, не вторгаясь в процедуру оценки доказательств, вся совокупность которых появится только при завершении расследования. Существует мнение, что вопросы, связанные с квалификацией содеянного, с констатацией отсутствия признаков состава или события преступления, не должны входить в предмет судебного контроля, так как весь объем достаточных данных не может быть представлен суду вплоть до окончания расследования, а процесс доказывания в судебных стадиях уголовного судопроизводства построен на основе принципа состязательности и имеет отличия от порядка, установленного в ст. 125 УПК РФ для рассмотрения жалоб. Вместе с тем необходимость в механизме принятия «окончательного» решения по материалу проверки или уголовному делу давно назрела. Следственные органы постоянно сталкиваются со случаями несогласия заявителей с принятыми процессуальными решениями, жалобы которых приводят к неоднократной отмене принятых процессуальных решений. Отсутствие судебного контроля и механизма

судебного разрешения представляют значительную проблему для правоприменителя.

Описываемую коллизию представляется более правильным разрешить следующим образом. Во-первых, установив перечень вопросов, обязательное первичное разрешение которых в случае принесения жалобы осуществляется не судом, а руководителем следственного органа, если соответствующее процессуальное решение вынесено следователем, или начальником подразделения дознания, если оно вынесено дознавателем. Во-вторых, исключить обжалование постановления, принятого руководителем следственного органа (начальником подразделения дознания), прокурору с возможностью его отмены последним, установив только судебный порядок дальнейшего обжалования. Это позволит исключить процедуру многократного вынесения тождественных решений и упростит доступ к правосудию для граждан, полагающих свои интересы нарушенными.

В перечень таких решений предлагаем отнести: постановление о возбуждении уголовного дела, постановление об отказе в возбуждении уголовного дела (уголовного преследования), постановление о приостановлении предварительного следствия. Установление первичного внесудебного обжалования послужит дополнительной гарантией защиты законных интересов граждан, а также своеобразным условием повышения качества рассмотрения жалоб (руководство предварительным следствием или дознанием подразумевает, что вся совокупная информация, установленная по делу, находится в оперативном распоряжении соответствующего начальника). Сроки, установленные в ст. 124 УПК РФ, не могут рассматриваться с точки зрения существенности задержки доступа к правосудию или нарушения права на судопроизводство в разумный срок, они являются минимальными. Жалоба в суд, принесенная после получения результата первичного рассмотрения, изначально скорректирует предмет судебной проверки (в распоряжении суда будет обжалуемое мотивированное решение руководителя следственного органа или начальника подразделения дознания).

Подводя итог, можно заключить, что в современный период назрела необходимость некоторого реформатирования сферы судебного контроля с расширением перечня действий (бездействия) и решений прокурора, законность и обоснованность которых может быть предметом проверки в суде. Правообеспечительная деятельность суда, реализуемая при осуществлении контрольных функций, требует дальнейшего развития.

Исходя из вышеизложенного, представляется необходимым сделать следующие выводы:

1. Механизм уголовно-процессуальных отношений, возникающих в связи с принесением жалоб участниками уголовного судопроизводства, сегодня требует оптимизации. При этом – с учетом номинального усиления процессуальной самостоятельности следователей и фактического становления

оперативного ведомственного процессуального контроля – в ходе оптимизации необходимо установить перечень действий (бездействия) и решений, подлежащих первичному обжалованию руководителю следственного органа.

2. Действующее уголовно-процессуальное законодательство не предполагает развернутой процедуры оспаривания решений прокурора другими участниками процесса со стороны обвинения, что создает условия для недостаточно активного использования следователями положений ст. 38 УПК РФ, но одновременно не создает процессуального единства, наличие которого подразумевает осуществление ими функции уголовного преследования.

Литература

1. Багмет А.М., Цветков Ю.А. Кому мешает следственная власть? // Российский следователь. – 2016. – 23. – С. 3–9.
2. Бекетов О.А. Руководитель следственного органа – субъект обжалования судебного решения в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 11. – С. 152–162.
3. Виноградова В.А. Новые правовые позиции Верховного Суда РФ по вопросам обжалования действий (бездействия) и решений должностных лиц органов, осуществляющих уголовное преследование // Российский следователь. – 2016. – № 18. – С. 7–10
4. Воскобитова Л.А. Обвинение или обвинительный уклон? // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 3. – С. 455–462.
5. Исаенко В.Н. Государственное обвинение в системе уголовно-процессуальных функций // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 1. – С. 183–193.
6. Крипиневиц С.С. Право участников досудебного судопроизводства на обжалование и его обеспечение на этапе подготовки к судебному заседанию // Пробелы в российском законодательстве. – 2018. – № 5. – С. 224–228
7. Питулько К.В. Судебный контроль за применением заключения под стражу и реализация права обвиняемого (подозреваемого) на защиту в уголовном процессе РФ. – СПб: Левша, 2002. – С. 54–56.
8. Шейфер С.А. Правовой механизм расследования преступлений в России: вчера, сегодня, завтра // Государство и право. – 2011. – № 5. – С. 44–45.
9. Якимович Ю.К. О некоторых вопросах дальнейшей дифференциации уголовного процесса России // Уголовная юстиция. – 2013. – № 1. – С. 59–64.
10. Определение Конституционного Суда РФ от 14.07.2011 № 1027-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Иванова Михаила Ильича на нарушение его конституционных прав статьей 125 Уголовно-

процессуального кодекса Российской Федерации // СПС «Гарант» [электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/58103480/> (Дата обращения: 09.09.2022)

11. Определение Конституционного Суда РФ от 29.01.2019 № 14-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Васильевой Нины Владимировны на нарушение ее конституционных прав частью первой статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Конституционный Суд РФ [электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision382123.pdf> (Дата обращения: 09.09.2022)
12. Определение от 12.03.2019 № 578-О по жалобе гражданина Сулова Олега Борисовича на нарушение его конституционных прав частями первой, шестой и седьмой статьи 148 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Конституционный Суд РФ [электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision393576.pdf> (Дата обращения: 09.09.2022)
13. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 24.04.2013 № 18-Д13–42 // СПС «Гарант» [электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70283818/> (Дата обращения: 09.09.2022)

THE PROCEDURE FOR JUDICIAL CONTROL OVER THE DECISIONS OF THE PROSECUTOR, TAKEN BY WAY OF SUPERVISION AT THE STAGE OF PRELIMINARY INVESTIGATION

Shcheglov M.I.

Investigative Committee of the Russian Federation in the Moscow Region

In the article, the author examines the problematic issues of the procedure of judicial control over the decisions of the prosecutor taken during the implementation of the prosecutor's supervision of the preliminary investigation bodies, analyzes the investigative and judicial practice, draws attention to the gaps in the criminal procedure legislation regulating the procedure for evaluating the legality of the decisions taken by the prosecutor in the exercise of his supervisory activities at the stage of preliminary investigation. An assessment is given of the need for some reformatting of the scope of judicial control with an expansion of the list of actions (inaction) and decisions of the prosecutor, the legality and validity of which may be the subject of verification in court, as well as the development of the legal support activities of the court, implemented in the exercise of its control functions.

Keywords: court, court, judicial control, prosecutor, investigator, preliminary investigation, head of the investigative body, cancellation of the procedural decision.

References

1. Bagmet A.M., Tsvetkov Yu.A. Who is hindered by the investigative authorities? // Russian investigator. – 2016. – 23. – pp. 3–9.
2. Beketov O.A. Head of the investigative body – the subject of appeal of a court decision in criminal proceedings // Actual problems of Russian law. – 2016. – No. 11. – pp. 152–162.
3. Vinogradova V.A. New legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation on issues of appealing actions (inaction) and decisions of officials of bodies carrying out criminal prosecution // Russian investigator. – 2016. – No. 18. – pp. 7–10
4. Voskobitova L.A. Accusation or accusatory bias? // Actual problems of Russian law. – 2014. – No. 3. – pp. 455–462.

5. Isaenko V.N. State prosecution in the system of criminal procedural functions // Actual problems of Russian law. – 2019. – No. 1. – pp. 183–193.
6. Kripinevich S.S. The right of participants in pre-trial proceedings to appeal and its provision at the stage of preparation for the court session // Gaps in Russian legislation. – 2018. – No. 5. – pp. 224–228
7. Pitulko K.V. Judicial control over the use of detention and the realization of the right of the accused (suspect) to defense in the criminal process of the Russian Federation. – St. Petersburg: Levsha, 2002. – pp. 54–56.
8. Shafer S.A. The legal mechanism for investigating crimes in Russia: yesterday, today, tomorrow // State and Law. – 2011. – No. 5. – pp. 44–45.
9. Yakimovich Yu.K. On some issues of further differentiation of the criminal process in Russia // Criminal Justice. – 2013. – No. 1. – pp. 59–64.
10. Constitutional Court of the Russian Federation Definition dated 14.07.2011 No. 1027-O-O on refusal to accept for consideration the complaint of citizen Ivanov Mikhail Ilyich on violation of his constitutional rights by Article 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation // SPS “Garant” [electronic resource] – Access mode: URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/58103480/> (Date of request: 09.09.2022)
11. Constitutional Court of the Russian Federation Definition dated 29.01.2019 No. 14-On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Vasilyeva Nina Vladimirovna for violation of her constitutional rights by part one of Article 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation // Constitutional Court of the Russian Federation [electronic resource] – Access mode: URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision382123.pdf> (Accessed: 09.09.2022)
12. Definition of 12.03.2019 No. 578-O on the complaint of citizen Oleg Borisovich Suslov for violation of his constitutional rights by parts of the first, sixth and seventh Articles 148 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation // Constitutional Court of the Russian Federation [electronic resource] – Access mode: URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision393576.pdf> (Accessed: 09.09.2022)
13. Definition of the Judicial Board for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 04/24/2013 No. 18-D13-42 // SPS “Garant” [electronic resource] – Access mode: URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70283818/> (Accessed: 09.09.2022)

Международно-правовые основы применения односторонних мер экономического воздействия

Мишина Наталья Вячеславовна,

д.полит.н., профессор, руководитель департамента международного и публичного права, Финансовый университет при Правительстве РФ
E-mail: NaVMishina@fa.ru

Чувахин Петр Игоревич,

к.ю.н., преподаватель департамента международного и публичного права, Финансовый университет при Правительстве РФ; старший преподаватель кафедры международного права, Российский государственный университет правосудия
E-mail: chuvakhin.petr@yandex.ru

Статья посвящена анализу правовых основ введения односторонних мер экономического воздействия. В современном мире односторонние меры экономического характера стали одной из основных мер воздействия стран друг на друга. В рамках всеобщей глобализации, интеграции и сближения государств избежать конфликтных ситуации невозможно. В последнее десятилетие вопрос санкций является особенно актуальным для России, так как она все чаще становится объектом давления мирового сообщества. Из-за того, что, по сути, нет четкого регулирования процесса введения санкций, которое было бы закреплено на законодательном уровне, многие страны начинают злоупотреблять данным механизмом давления на другие субъекты международного права и вводят ограничительные меры экономического характера необоснованно. В статье авторами предпринята попытка структуризации научных знаний об односторонних мерах экономического характера, детальном анализе различий разных ситуаций, когда применение санкций – это обоснованный ответ мирового сообщества на нарушение нормы права.

Ключевые слова: санкции, ООН, международная ответственность, ВТО.

Тема применения односторонних мер экономического характера, под которыми понимаются санкции, является на данный момент, одной из самых актуальных. Это связано с международной политической ситуацией, взаимными претензиями стран и неразрешенными конфликтами. Многие ученые и правоведы занимаются анализом и изучением такого воздействия на субъекты международного права, как санкции. Они анализируют их правомерность, порядок введения, а также нормативные коллизии, которые возникают в результате применения санкций.

В целом, развитие общества и взаимоотношений между государствами на разных стадиях исторического пути можно проследить в тех мерах, к которым прибегают страны, чтобы оказывать друг на друга влияние. Это может выражаться или через войну, или через действия захватнического характера, а может выражаться через воздействие, которое, по сути, является законным, однако несет за собой не всегда законные последствия. В рамках текущей концепции коллективной безопасности вооруженные средства решения конфликтов порицаются и не являются легальными. В случае возникновения такого рода ситуации могут быть наложены санкции. Однако стоит разобраться, в каких именно случаях наложение санкций – это легальное действие, как именно санкции влияют на экономический, политический и правовой аспекты государства, противоречат ли санкции принципам ВТО, в чем именно заключается экстерриториальный характер санкций и т.д. Однако перед началом рассмотрения всех аспектов, перечисленных мной ранее, следует проанализировать теоретическую и правовую основу санкций, их содержание и на что они могут оказывать влияние.

Итак, для начала следует сказать, что термин «санкции» в основном ассоциируется с неблагоприятными последствиями нарушения какой-либо правовой нормы. Также санкцию можно определить как меру воздействия, которая применяется к лицу, совершившему виновное, противоправное, общественно опасное деяние. В контексте данного научного исследования санкции скорее будут рассматриваться в качестве односторонних мер, которые носят принудительный и чаще всего экономический характер, накладываются на субъекты международного права [1]. Между тем в работах Г. Хафбауэра [2], Дж. Линдсэя [3] и других за ру-

бежных авторов данный термин употребляется без учета факта совершения международного противоправного деяния, как необходимой предпосылки правомерного применения санкций [4].

Однако, следует отметить, что в науке и праве выделяются различные определения понятия «санкции». Правоведы и ученые не пришли к какому-то единому понятию и трактуют данное явление по-разному. Например, А.Е. Еремина раскрывает санкции в качестве ограничительных мер, которые могут носить различный характер (экономический или политический), направленные на изменение политики другого государства [5].

Другие ученые усматривают в экономических санкциях политический контекст, который, безусловно, там присутствует. Нельзя отрицать прямую взаимосвязь между всеми сферами развития и существования государства, которые имеют прямое влияние друг на друга. Особенно ярко эта взаимосвязь наблюдается между экономической и политической отраслями страны. При каком-либо ограничении одной из них будет мгновенный отклик в другой. Исходя из этой логики, И.Н. Тимофеев фокусирует внимание ученых и читателей его научных работ на том факте, что экономические санкции – это инструмент внешней политики столь же древний, как государство, война или дипломатия [6]. Он также отмечает, что за счет наличия прямой взаимосвязи между экономикой и политикой государства можно косвенно манипулировать той или иной областью. В данном случае менять или корректировать политический курс страны за счет давления на экономическую сферу, ограничения инвесторов и бизнеса конкретного государства.

И.И. Лукашук, член Комиссии международного права ООН, высказал мнение, что «ныне, как констатировала Комиссия международного права ООН, термин «санкция» используется для обозначения принудительных мер, принимаемых международными организациями, на основании главы VII Устава ООН» [7]. Данная Комиссия выступила с инициативой, согласно которой понятие «контрмеры» следует применять для обозначения мер, которые носят односторонний характер и вводятся против государства, несущего ответственность. Соответственно, контрмеры – это принудительные меры, которые принимает потерпевшая сторона в отношении к государству-правонарушителю, пренебрегшего международными обязательствами. Существует ряд условий, по которым могут вводиться санкции. Если государство-нарушитель не выполнит требования потерпевшей стороны, не прекратит незаконные действия в отношении пострадавшей стороны, не предпримет действия по восстановлению ее в состояние, существовавшее до нарушения или же страна не предприняла достаточно усилий, чтобы предотвратить повторное нарушение, то санкции могут быть легально наложены на виновную сторону. Однако из-за частого вмешательства политики в вопросы экономического характера, третьи страны также начинают вводить санкции, хотя, по сути, их финансовые

и инвестиционные интересы напрямую не затрагиваются в рамках конфликта.

Однако если говорить исключительно о правовой и экономической отрасли международных межгосударственных отношений, то санкции можно рассмотреть с достаточно позитивной точки зрения. А.Н. Талалаев, например, полагает, что «Если бы в международных отношениях отсутствовала возможность принудительного государственного осуществления международно-правовых норм, то нельзя было бы говорить о существовании международного права вообще» [8]. Здесь, на наш взгляд, можно провести аналогию с национальным правом любого государства. Везде есть определенные ограничения, за нарушения которых следует санкция. Именно этот отчасти превентивный фактор позволяет существовать как национальной системе права, так и государству в целом. Без каких-либо негативных последствий для нарушителей общественного порядка и норм права царил бы хаос. Также и в международном праве. Там взаимоотношения выходят на новый уровень. Легче может возникнуть конфликт интересов, который потом будет иметь более масштабное проявление, чем на локальном, внутригосударственном уровне. В таких случаях теория общественного договора кажется, как никогда правдоподобной, ведь жизнь и безопасность людей превыше всего.

Возвращаясь к теме экономических санкций, следует раскрыть их признаки. Санкции, безусловно, носят негативный характер. Они направлены на ограничение деятельности государства в сфере экономики и торговли, приостановление развития и увеличения экономического потенциала страны, снижение инвестиционной привлекательности государства. К признакам санкций можно также отнести скрытый характер истинных намерений введения государством санкций, так как даже экономические ограничения могут носить политическую мотивировку и цель. Г.К. Хафбауэр выделяет также признак преднамеренности санкций [9]. Он считает, что они направлены на разрушение традиционного торгового оборота и финансовых отношений внутри государства.

В своем содержании санкции несут определенные ограничения в экономической сфере, которые повлекут за собой вынужденное изменение политики провинившегося государства в данной сфере. Содержание санкций также напрямую зависит от их характера. Традиционно выделяют коллективные и индивидуальные санкции. Коллективные могут быть выражены в исключении страны из какой-либо международной организации, прекращении ее членства или в отказе на вступление в организацию. Также такой вид санкций могут содержать в себе различные коллективные вооруженные меры, направленные на защиту потерпевшего государства, принудительного возвращения пострадавшей страны в положение, существовавшее до нарушения и т.д. Исходя из самого смысла коллективности, можно сделать вывод, что санкции могут быть наложены не только пострадав-

шей стороной. Индивидуальные санкции по своей форме и содержанию могут быть выражены в виде самообороны, реторсий (принудительные меры, которые являются следствием недружественного акта со стороны нарушителя), репрессалий (ограничение права государства в связи с нарушением международных правовых норм), разрыв и приостановление дипломатических отношений, непризнание.

Индивидуальные международные санкции являются мерами, которые применяются к конкретным лицам, в том числе государственным деятелям, бизнесменам или организациям, с целью наказать их за нарушение международных норм или за проведение действий, которые могут быть неблагоприятными для мирового сообщества.

Индивидуальные международные санкции могут включать в себя запрет на въезд в страну, замораживание активов, запрет на торговлю и другие ограничения. Они налагаются на основании резолюций Совета Безопасности Организации Объединенных Наций (ООН) или других международных организаций, а также национальных правительств.

Также содержание санкций может варьироваться в зависимости от их экономического наполнения. В данном случае они могут выражаться в качестве торговых или финансовых ограничений на внешнеторговые операции со страной-адресатом, а с её стороны возможны ответные меры. Экспортные санкции могут принимать вид эмбарго на поставку вооружений, военной техники и технологий или ограничений на поставку оборудования для отдельных секторов экономики. Примером могут послужить антироссийские санкции 2014–2017 гг. и нефтяное эмбарго арабских стран в 1973 г. Примеры импортных санкций: ограничения на покупку иранской нефти со стороны США; российские ограничения продовольственного импорта из США, стран ЕС и других стран-инициаторов антироссийских санкций.

Возвращаясь к теме форм выражения индивидуальных санкций, следует сказать, что самооборона может быть использована как повод для применения санкций в международном праве по нескольким причинам. Во-первых, многие государства могут считать, что применение самообороны другим государством было необоснованным или несоразмерным и нарушало нормы международного права. В таком случае, государства могут принять меры против нападающей стороны в качестве ответных мер.

Во-вторых, государства могут применять санкции в ответ на нападения, которые, хотя и не направлены против них напрямую, представляют серьезную угрозу их национальной безопасности. Например, если одна страна атакует другую, но не угрожает безопасности третьих стран, некоторые государства могут считать, что они также могут стать жертвами подобных нападений и могут ввести санкции против нападающей стороны в качестве профилактических мер.

В-третьих, санкции могут быть применены в ответ на нарушения международного права, которые не связаны с использованием насилия. Например, государство может принимать меры против другого государства, которое нарушило международные нормы в области торговли или прав человека.

Кроме того, некоторые международные организации, такие как Европейский союз или Организация Объединенных Наций, могут принимать меры против государств, которые использовали насилие в качестве самообороны, даже если это было сделано в соответствии с международным правом. Например, Организация Объединенных Наций может принимать меры против государств, которые использовали насилие в самообороне, если она считает, что его использование было несоразмерным или необоснованным. Эти меры могут включать в себя экономические санкции, ограничения в отношениях с другими государствами или запрет на участие в международных организациях.

Индивидуальные санкции могут также быть направлены против отдельных лиц, которые связаны с нападающей стороной. Например, если гражданин одной страны участвовал в нападении на другое государство, то другие страны могут принимать меры против этого гражданина в качестве ответных мер. Эти меры могут включать в себя ограничения на перемещение, замораживание активов и запрет на участие в международных финансовых транзакциях.

Далее рассмотрим такой вариант санкций, как реторсия. Под ней подразумевается мера, которую принимает государство в ответ на действия другого государства, которые являются нарушением международного права. Реторсия – это не форма международных санкций, а лишь ответное действие государства в рамках права на ответную реакцию на нарушение международного права.

Формы реторсии включают в себя различные меры, которые могут быть приняты государством в ответ на нарушения международного права другим государством. Некоторые из этих мер могут быть связаны с торговлей, экономикой, культурными отношениями и т.д. Другие меры могут включать в себя ограничения на передвижение граждан другого государства, замораживание активов, отказ от дипломатических контактов и т.д.

Один из примеров реторсии – это отказ в выдаче визы гражданину другого государства, который был связан с нарушением международного права, например, если этот гражданин является участником террористической организации. Другой пример реторсии – это ограничение торговых отношений с государством, которое нарушает международные нормы, такие как права человека или защита окружающей среды.

После рассмотрения реторсии перейдем к анализу репрессалий.

Репрессалия – это одна из форм индивидуальных санкций, которые могут быть применены странами в ответ на нарушения международного права другими государствами. Если говорить конкретно,

то следует упомянуть, что такая форса санкций может применяться только в том случае, если международное право не предоставляет других способов урегулирования спора.

Репрессалии могут воплощаться в различных формах, включая экономические меры, ограничения на перемещение граждан других государств, отказ в выдаче виз, а также другие меры. Например, государство может применить экономические санкции в виде запрета на импорт товаров из другого государства, если это государство нарушило международное право. Однако важно, чтобы репрессалии соответствовали международным нормам и не были неоправданно жестокими или вредоносными.

Репрессалии могут быть применены только после того, как были использованы другие способы урегулирования споров, такие как переговоры, арбитраж или международные суды. Это связано с тем, что репрессалии являются ответными мерами и не должны вызывать новые нарушения международного права.

Далее проанализируем такой инструмент ведения международной политики, как приостановление или разрыв дипломатических отношений.

Разрыв дипломатических отношений между двумя государствами означает полное прекращение дипломатических связей, включая отзыв посла, закрытие посольства и консульства. Это самая радикальная мера, которую может принять государство в отношении другого государства. Разрыв дипломатических отношений может быть вызван множеством факторов, например, в случае агрессии, захвата территории, нарушения международного права, массового нарушения прав человека и других серьезных проблем.

Разрыв дипломатических отношений между государствами может привести к серьезным последствиям, таким как ухудшение экономических и политических отношений между государствами, ограничение свободы передвижения граждан и другие меры. Однако, это также может быть сильным политическим инструментом для выражения протеста и давления на другое государство.

Приостановление дипломатических отношений между государствами является менее радикальной мерой, чем их разрыв. Оно может означать временное прекращение дипломатических связей, отзыв посла, закрытие посольства и консульства. Это может быть использовано в ответ на определенные действия другого государства, например, нарушения международного права, конфликты на границе, провокации, а также в ответ на массовые нарушения прав человека и другие серьезные проблемы.

Приостановление дипломатических отношений может также иметь серьезные последствия, такие как ухудшение экономических, политических и культурных отношений между государствами. Это может привести к нарушению договоров, торговых сделок, культурных программ и туризма. Кроме того, приостановление дипломатических

отношений может усугубить ситуацию и привести к усилению напряженности между государствами.

Разрыв и приостановление дипломатических отношений между государствами могут быть использованы как международная санкция, когда другие меры, такие как экономические санкции или военные действия, неэффективны или неприемлемы. Они могут также быть использованы как сигнал государствам, которые нарушают международные нормы, что международное сообщество не готово терпеть их действия.

Прежде чем перейти к рассмотрению законодательно закрепленных базисов введения санкционной политики необходимо понимать роль и суть государственного суверенитета в международном праве, так как влияние одного государства на другое, в том числе посредством односторонних мер экономического характера, ограничивается данным правовым институтом.

Запрет на насильственное вмешательство посредством силы начал стремительно развиваться и закрепляться в различных международных актах после окончания Второй мировой войны. В части 4 статьи 2 Устава ООН было раскрыто положение, согласно которому «Все Члены Организации Объединенных Наций воздерживаются в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с Целями Объединенных Наций» [10]. Утверждая «важность прогрессивного развития и кодификации принципов международного права» для поддержания международного мира, в 1970 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла «Декларацию о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций» [11]. Данной резолюцией международное сообщество напомнило об обязанности государств «в своих международных отношениях воздерживаться от военной, политической, экономической или какой-либо другой формы давления, направленного против политической независимости или территориальной целостности любого государства». Декларация прямо утверждает в качестве принципа международного права «обязанность не вмешиваться в дела, входящие во внутреннюю юрисдикцию любого государства», который также подкрепляется п. 7 ст. 2 Устава ООН [12].

Однако данные положения не отменяют абсолютно любой вид влияния одного государства на другое. Существуют определённые исключения, где может быть нарушен государственный суверенитет. В таких ситуациях санкции выступают в качестве механизма влияния или как негативные последствия нарушения страной какой-либо международной нормы или обязательства.

Меры принуждения могут применяться только с целью восстановления международного мира и порядка, а также в защиты законных прав или

жизненных (национальных) интересов государств (односторонние меры). Меры, которые упоминались в первом случае, нашли свое законодательное отражение в гл. VII Устава ООН и находятся в компетенции Совета Безопасности ООН. Меры из второй категории могут быть применимы странами для защиты жизненно важных интересов, которые были нарушены в следствие несоблюдения условия договоров и соглашений. Эти меры относятся к односторонним, про которые говорилось ранее. В случае же если санкции вводятся Советом Безопасности ООН от имени мирового сообщества стран, то они уже будут коллективными.

Исходя из сказанного выше, можно понять, что основой применения санкций в международном праве являются принципы Устава Организации Объединенных Наций, включающие в себя принцип недопустимости угрозы миру, нарушения мирного сосуществования государств, использования силы и нарушения территориальной целостности государств. Кроме того, санкции также могут применяться в соответствии с международными договорами и соглашениями.

Санкции могут быть односторонними или многосторонними. Односторонние санкции применяются одним государством против другого государства или отдельного лица. Многосторонние, они же коллективные или мультисторонние санкции применяются международным сообществом, состоящим из нескольких государств или организаций, против другого государства или отдельного лица. Исходя из исторического опыта, чаще всего применяются односторонние санкции, в то время как коллективные – это достаточно редкое явление.

Также стоит отметить, что процедуры применения санкций в международном праве различаются в зависимости от того, кто их применяет и на кого они направлены. Однако, несмотря на различия, в основе процедур лежат принципы международного права, включая принципы законности, справедливости и пропорциональности.

Возвращаясь к возможности применения санкций в качестве меры воздействия на определенное государство, следует отметить, что Устав ООН предоставляет Совету Безопасности монополию на оценку ситуации в этой области, и Совет самостоятельно решает, существует ли угроза миру, нарушение мира или акт агрессии.

Однако международное сообщество весьма скептически отнеслось к такому подходу, в котором введение многосторонних санкций происходит с целью сохранения международного мира и безопасности, что, по мнению некоторых, равносильно коллективному наказанию гражданского населения. Важно сказать, что санкции могут оказать значительное воздействие на людей и экономику страны, на которую они направлены. Поэтому международное сообщество должно принимать все необходимые меры для минимизации негативного воздействия санкций на население и общество в целом.

Здесь безусловно можно попробовать найти прямую взаимосвязь между населением и политической властью, которая нарушила норму международного права. Ведь, по сути, население путем изъятия своей воли на выборах предоставляет определенным людям право вести внешнюю и внутреннюю политику государства. Однако такая взаимосвязь достаточно спорная и не может считаться основанием введения ограничения для всех граждан страны, нарушившей обязательства на мировой арене.

Более того, совершенно недопустимо нарушать права граждан провинившейся страны с целью восстановить международное право и безопасность. Коллективные санкции практически всегда влекут за собой нарушения прав человека, когда гражданское население государства-нарушителя ограничивается в своих законных правах с целью изменить политическое поведение правительства этой страны. Исходя из этого, санкции можно приравнять к коллективному нарушению прав гражданского населения, которое выражается в невольном наказании за противоправное поведение государства.

В дополнение к нарушению прав мирного населения, можно также упомянуть, что односторонние санкции замедляют развития не только национальной экономики страны-нарушителя, но и в целом мирового сообщества. Санкции также напрямую противоречат принципам свободной торговли и недискриминации, которые закреплены в принципах ВТО [13].

Изначально организация создавалась для улучшения качества жизни населения, для организации переговоров о правилах торговли, для контроля за соглашениями ВТО и их исполнением, поддержания открытой торговли и урегулирования споров и разногласий государств.

Деятельность базировалась на определенных принципах. Среди них:

1. Принцип недискриминации;
2. Открытость;
3. Предсказуемость и прозрачность;
4. Честность конкуренции;
5. Поддержка менее развитых стран;
6. Защита окружающей среды;
7. Партнерские отношения.

Стоит сказать, что санкции часто вводятся в результате споров в рамках Всемирной торговой организации. К примеру, США отменили торговые уступки в отношении Евросоюза в качестве ответа на введенный им режим импорта бананов, который по итогу был признан нарушающим правила ВТО. То есть можно сделать вывод, что торговые санкции применяются в качестве ответа на какие-либо политические изменения на мировой арене. Суть противоречий между экономическими ограничениями и основополагающими принципами ВТО заключается в различных последствиях, которые наступают после их реализации. Санкции направлены на защиту какого-то нарушенного права путем ограничения доступа других стран к торговле това-

рами и услугами, а также затруднения их развития на международном рынке. Принципы ВТО же направлены на либерализацию торговли, создание открытых рынков, развитие стабильных дружественных взаимоотношений между странами и т.д. То есть прослеживается прямое противоречие.

Санкции подразумевают по своей сути, что любое ограничение торговли, в особенности защита индивидуальных рынков путем повышения тарифов или введения прямых ограничений импорта с помощью квот, по факту уменьшит общий уровень благосостояния.

Торговые и экономические санкции, очевидно, подрывают основополагающие принципы ВТО. Цель санкций кардинально отличается от цели создания торговой организации. По факту получается замкнутый круг. ВТО следит за тем, чтобы принципы, лежащие в ее основе, не нарушались. Если они нарушаются, государства вводят санкции против нарушителя, тем самым сами нарушают принципы, на которых строится деятельность Всемирной торговой организации. И как же тогда разрешить данную правовую проблему? Оставлять государство, нарушившее изначально принципы ВТО безнаказанным? Или не обращать внимание на прямое противоречие односторонних экономических мер и фундаментальных основ ВТО? Судя по всему, мировое сообщество молчаливо соглашается с вторым вариантом.

Исходя из сказанного выше, можно сделать вывод, что санкции могут быть в целом законной мерой воздействия одной страны на другую, однако это возможно только в том случае, если они будут приняты в соответствии с конкретными положениями и нормами ВТО, чтобы такая протекционистская политика не привела к монополизации рынка, снижению уровня жизни населения и другим негативным последствиям. Все мировое сообщество заинтересовано в том, чтобы на международной арене сохранялась стабильность и не было никакой угрозы всеобщей безопасности.

К данному моменту практическое применение данного инструмента показало, что многие страны расположены к злоупотреблению данным способом воздействия на какую-либо страну, что, на очевидно, нуждается в отдельном правовом регулировании. Государства перестали осознавать серьезность введения санкций и того факта, что их последствия так или иначе повлияют абсолютно на всех участников мирового хозяйства, так как в условиях всеобщей глобализации, интернационализации производства и разделения труда страны становятся взаимозависимы.

Литература

1. S Masaev. Destruction of the Resident Enterprise in the Special Economic Zone with Sanctions [электронный ресурс] [https://ieeexplore.ieee.org/document/8910997] (дата обращения – 25 мая 2023)
2. Gary C. Hufbauer... Economic sanctions in support of foreign policy goals Washington D.C., Institute for International Economics 1983.

3. James M. Lindsay Trade sanctions as policy instruments: are re-examination International Studies Quaterly #30, 1986 (Yale University)
4. Латыпов К. Экономические санкции в международном праве: некоторые вопросы теории и практики применения.с. – 56.
5. Еремина А.Е. Экономические санкции: понятие, типология, особенности. 2019. с. – 78.
6. Тимофеев И.Н. Экономические санкции как политические понятия. 2018. с. – 28.
7. Лукашук И.И. Международное право. Общая часть: Учебник для студентов юридических вузов и факультетов. 3е изд. М., 2005. с. – 432.
8. Талалаев А.Н. Юридическая природа международного договора. М., 1963. с. – 131.
9. Gary Clyde Hufbauer, Jeffrey J. Schott, Kimberly Ann Elliott, and Barbara Oegg. Economic Sanctions Reconsidered, 3rd edition. 233 с.
10. Устав Организации Объединенных Наций от 24.10.1945 // [электронный ресурс] [https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text] (дата обращения – 26 мая 2023)
11. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций от 24.10.1970.
12. Кехлер Х. Санкции и международное право 2019 г. с – 28.
13. Всемирная торговая организация (ВТО; англ. World Trade Organization (WTO), фр. Organisation mondiale du commerce (OMC), исп. Organización Mundial del Comercio)

INTERNATIONAL LEGAL FRAMEWORK FOR THE APPLICATION OF UNILATERAL MEASURES OF ECONOMIC IMPACT

Mishina N.V., Chuvakhin P.I.

Financial University under the Government of the Russian Federation, Russian State University of Justice

The article is devoted to the analysis of the legal basis for the introduction of unilateral measures of economic impact. In the modern world, unilateral measures of an economic nature have become one of the main measures of influence of countries on each other. Within the framework of general globalization, integration and rapprochement of states, it is impossible to avoid conflict situations. In the last decade, the issue of sanctions has been especially relevant for Russia, as it has increasingly become the object of pressure from the world community. Due to the fact that, in fact, there is no clear regulation of the process of imposing sanctions, which would be enshrined at the legislative level, many countries begin to abuse this mechanism of pressure on other subjects of international law and introduce restrictive measures of an economic nature unreasonably. In the article, the authors attempted to structure scientific knowledge about unilateral measures of an economic nature, a detailed analysis of the differences between different situations, when the application of sanctions is a reasonable response of the world community to a violation of the rule of law.

Keywords: sanctions, UN, international responsibility, WTO.

References

1. S Masaev. Destruction of the Resident Enterprise in the Special Economic Zone with Sanctions [electronic resource] [https://ieeexplore.ieee.org/document/8910997] (accessed May 25, 2023)

2. Gary C. Hufbauer... Economic sanctions in support of foreign policy goals Washington D.C., Institute for International Economics 1983.
3. James M. Lindsay Trade sanctions as policy instruments: are re-examination International Studies Quaterly #30, 1986 (Yale University)
4. Latypov K. Economic sanctions in international law: some issues of theory and practice of application. With. – 56.
5. Eremina A.E. Economic sanctions: concept, typology, features. 2019. p. – 78.
6. Timofeev I.N. Economic sanctions as political concepts. 2018. p. – 28.
7. Lukashuk I.I. International law. General part: A textbook for students of law schools and faculties. 3rd ed. M., 2005. p. – 432.
8. Talalaev A.N. The legal nature of an international treaty. M., 1963. p. – 131.
9. Gary Clyde Hufbauer, Jeffrey J. Schott, Kimberly Ann Elliott, and Barbara Oegg. Economic Sanctions Reconsidered, 3rd edition. 233 p.
10. Charter of the United Nations of October 24, 1945 // [electronic resource] [<https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text>] (accessed May 26, 2023)
11. Declaration on the principles of international law concerning friendly relations and cooperation between states in accordance with the Charter of the United Nations of 10/24/1970.
12. Koehler H. Sanctions and International Law 2019 p-28.
13. World Trade Organization (WTO; English World Trade Organization (WTO), French Organization mondiale du commerce (OMC), Spanish Organización Mundial del Comercio)

Международная организация уголовной полиции (Интерпол): вопросы правосубъектности, правового регулирования и деятельности в киберпространстве

Лапшина Ирина Евгеньевна,

кандидат юридических наук, доцент, кафедра «Безопасность в цифровом мире», ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет)»
E-mail: i-Lapshina@yandex.ru

Зеленкова Любовь Константиновна,

студент, кафедра «Безопасность в цифровом мире», ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет)»
E-mail: zelenkovalk@student.bmstu.ru

Огородникова Лада Евгеньевна,

студент, кафедра «Безопасность в цифровом мире», ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет)»
E-mail: ogorodnikovale@student.bmstu.ru

Предметом исследования данной работы являются вопросы правосубъектности, проблемы правового регулирования деятельности Интерпола, а также деятельность в условиях цифровизации преступлений. Целями исследования являются: анализ проблем правового регулирования и пробелов в актах, регламентирующих деятельность Интерпола; исследование направлений деятельности Интерпола в условиях цифровизации общественных отношений.

Методологию исследования составили логические приемы анализа и синтеза, формально-юридический метод, метод историзма.

Исходя из поставленной цели и проведенного исследования, были сделаны выводы о существовании ряда пробелов в нормативном регулировании деятельности Интерпола, в частности, в нормах международных актов отсутствуют положения по ответственности должностных лиц за злоупотребления полномочиями, возможность обжаловать действия и решения организации. Также проанализированы основные направления деятельности данной организации в отношении предупреждения и борьбы с преступлениями в цифровом пространстве.

Ключевые слова: правосубъектность международной организации, Интерпол, цифровизация, киберпространство.

На современном этапе усиливается воздействие глобализации во всех сферах жизнедеятельности общества, что может быть оценено как с положительной, так и с отрицательной сторон. Позитивное влияние глобализации можно отметить, например, во внедрении достижений научно-технического прогресса в жизнь стран, где прогресс науки идет медленными темпами; в усилении международного разделения труда и т.п. К отрицательному воздействию глобализации можно отнести ослабление национального суверенитета отдельных стран, рост зависимости их политики и экономики от транснациональных корпораций, и многое другое. И одной из таких негативных сторон глобализации является становление международных криминальных группировок и территориальное разрастание их деятельности. Это является вызовом мировому правопорядку, на что мировое сообщество должно реагировать. Ответной реакцией на всплеск преступной активности стало формирование организаций, способных интегрировать силы и средства разных государств в борьбе с международной преступностью, в том числе, такая причина выступила предпосылкой для создания Интерпола (Международной организации уголовной полиции).

Предметом данного исследования являются вопросы правосубъектности, проблемы правового регулирования деятельности Интерпола, а также деятельность в условиях цифровизации преступлений.

В настоящее время членами Международной организации уголовной полиции (далее – МОУП) являются более 190 государств. Согласно Уставу, она сформирована для обеспечения широкого сотрудничества всех ведомств уголовной полиции в пределах действующего законодательства государств и в соответствии с принципами, закрепленными Всеобщей декларацией прав человека, а также для возникновения и эволюции организаций, способных успешно содействовать предотвращению уголовной преступности и борьбе с ней (ст. 2) [1]. Осуществление какого-либо вмешательства в дела, входящие во внутреннюю компетенцию государств, путем деятельности политического, военного, религиозного или расового характера категорически запрещено Организации в процессе выполнении ее основных функций (ст. 3 Устава МОУП). К таким функциям относятся: передача оперативных сведений и доступа полицейским органам к соответствующим базам данных; предоставление закрытого канала связи для обмена

полицейской информацией между государствами членами Интерпола и Генеральным секретариатом; своевременная поддержка органов и учреждений полиции; обучение и повышение квалификации сотрудников правоохранительных органов государств-членов, в том числе посредством проведения специальных семинаров-тренингов и др. [2].

В соответствии с Уставом Интерпола, его структура с учетом изменений по состоянию на 2023 г. состоит из Генеральной Ассамблеи, Исполнительного комитета, Генерального секретариата, Института советников, Национальных Центральные бюро (НЦБ) и Комиссии по Контролю за архивами. Структура МОУП закреплена в ст. 5 ее Устава соответственно.

Генеральная Ассамблея Интерпола является высшим органом МОУП. Она состоит из делегатов, которые назначаются ее государствами-членами.

Исполнительный комитет – выборный орган, заседающий в период между сессиями Генеральной Ассамблеи и осуществляющий контроль за выполнением решений, принятых Генеральной Ассамблеей.

Генеральный секретариат МОУП осуществляет деятельность на постоянной основе, состоит из Генерального секретаря, административного и технического персонала. Представляет собой специализированный информационный центр, осуществляющий сбор и анализ всех сведений о лицах, находящихся в розыске, о текущем состоянии, способах и средствах борьбы с криминалом.

Комиссия по контролю за архивами МОУП – независимый контрольный орган, осуществляющий следующие функции: отслеживание применения сведений, предоставленных Организацией, алгоритмов защиты персональных данных, обрабатываемых ею; разработка рекомендаций для Организации касательно отдельных операций или проектов, затрагивающих обработку персональных данных; обработка запросов на доступ к конкретным файлам.

Важнейшими и исключительными органами Интерпола являются Национальные центральные бюро (далее – Бюро, НЦБ), функционирующие в целях обеспечения постоянного сотрудничества полицейских ведомств государств-членов МОУП. Создаваемое каждым государством, оно одновременно состоит в структуре как Интерпола, так и национальных органов внутренних дел. На уровне отдельного государства, Бюро тесно взаимодействует с органами судебной власти, прокуратурой, федеральными службами (например, пограничной или таможенной). На международном уровне Бюро сотрудничает с подобными себе структурными звеньями других государств, а в составе Интерпола – с Генеральным секретариатом. Их обращения поступают непосредственно к лицу, возглавляющему Бюро каждого отдельного государства [3]. Деятельность НЦБ позволяет своевременно и в достаточной мере синхронно реагировать на международные преступления как спецслужбам Интерпола, так и сотрудникам национальных полицейских подразделений.

Говоря об особенностях функционирования Интерпола как международной организации, следует сказать о ее «родовой» принадлежности и характерных чертах деятельности с учетом специфики. В научной литературе одной из классификаций международных полицейских организаций является их деление на универсальные и региональные. МОУП признается единственной подобной универсальной организацией. Интерпол призван обеспечивать взаимодействие полицейских ведомств различных государств в рамках осуществления уголовного преследования «даже в тех случаях, когда между отдельными странами отсутствуют дипломатические отношения» [4, с. 119].

К примеру, один из исследователей Интерпола как международной организации, Р.С. Галиев, видит статус и глобальную миссию МОУП в том, что «Интерпол является аполитичной и нейтральной международной организацией, которой поручено обеспечивать и расширять взаимодействие органов уголовной полиции при полном уважении суверенитета государств-членов и соблюдении внутренних законов и нормативных положений каждого государства-члена в соответствии с правилами и положениями Интерпола» [5, с. 10.].

Ведущие направления деятельности Интерпола – сбор и обмен криминалистической и иной имеющей значение в розыске информацией и осуществление розыска преступников на международном уровне. Решение задач, поставленных перед МОУП, реализуется через выпуск системы уведомлений Генеральным Секретариатом по запросу государств-членов. Уведомления формируются на четырех языках и помещаются на сайте, который в достаточной степени защищен от доступа лиц, не являющихся сотрудниками уполномоченных национальных правоохранительных органов. Некоторые уведомления, однако, публикуются в открытом доступе, что связано с запросом государства-участника Интерпола, если данное уведомление создано в его интересах. Цвета уведомлений имеют особое значение. Например, синий подразумевает поиск свидетелей; желтый – розыск конкретных лиц, пропавших без вести; оранжевый – поиск лиц, которым может угрожать потенциальная опасность, в целях сообщения им этого факта; красный – просьба об аресте и экстрадиции правонарушителя [6, с. 78–83.]. Фиолетовые («пурпурные») уведомления содержат сведения «о новых способах и методах совершения преступлений, в том числе киберпреступлений» [7].

Говоря о функциональной сущности Интерпола, необходимо отметить, что он не представляет собой «главный» правоохранительный орган, несмотря на распространенное мнение. Основное отличие состоит в том, что агенты Организации лишены права на арест подозреваемых в совершении преступления лиц, это находится в компетенции внутригосударственных полицейских подразделений. Интерпол есть некое связующее звено, интегрирующее сотрудников национальных правоохрани-

нительных органов для расследования преступлений в сотрудничестве [8, с. 321–325].

Рассматривая вопрос правосубъектности международно-правовых организаций, следует сказать, что ученые не пришли по этому вопросу к единому мнению. Е.Т. Усенко определяет и обосновывает следующие факторы правосубъектности межправительственных организаций:

1. Они учреждаются путем подписания/заключения межгосударственных соглашений. Применимо к Интерполу заметим, что его Устав, подписанный в 1956 г., согласно ст. 5 Венской конвенции о международных договорах от 1969 г. по своей природе является особым международным договором. Отсюда следует, что из факта отсутствия договора об учреждении Организации не вытекает право признавать такую организацию неправительственной [1].
2. Члены организации есть сами государства либо их уполномоченные и компетентные органы. Существенность этого признака, как считает сама Е.Т. Усенко, состоит в том, что им определяется название рассматриваемой категории международных организаций – межгосударственные [9, с. 23]. Анализируя ст. 4 Устава МОУП, понимаем, что член Организации есть полицейский орган конкретного государства, который это государство, воспользовавшись своей юридически обеспеченной в рамках изучаемых правоотношений возможностью, уполномочило выступать от своего имени [1].
3. Наличие волевой составляющей в решении. Очевидно, что Интерпол принимает решения, относительно самостоятельные, не зависящие от воли иных субъектов международных отношений, основанные на совокупности интеграционных процессов обмена данными и сведениями между структурными элементами Организации, которые отражаются в заключаемых Организацией международных договорах, постановлениях и иных юридических актах.
4. Постоянство внутренней структуры – внутренних органов. Структура МОУП закреплена в ст. 5 Устава Организации, она стабильна во времени, а также по своим функциональным характеристикам.
5. Характеристика исполняемого функционала. Это подразумевает те функции, которые могут являться «осуществленными на международном уровне, а не только в рамках национальных правовых систем одного или нескольких государств» [10, с. 410]. Иначе говоря, данный признак определяется наличием глобальной цели и невозможностью ее реализации в ином формате деятельности субъектов международного права.
6. Соответствие существующим нормам. Правозакрепляющая документация Интерполя, безусловно, отвечает всем принципам и нормам международного права, иначе деятельность Организации не имела бы юридической силы [9, с. 22–27].

Рассуждая о правосубъектности международных организаций, Я. Броунли выделяет более узкий перечень признаков правосубъектных организаций. К ним относятся:

1. существование объединения государств, которое функционирует на постоянной основе, преследуя стабильные во времени и законные цели, и обладает структурными элементами (органами), чья деятельность направлена на реализацию стоящих перед таким объединением целей. Структура органов, входящих в состав Интерполя, приведена выше, и немаловажно, что именно синтезированная деятельность этих органов на каждом из уровней осуществления деятельности Организации обеспечивает достижение целей ее непосредственного существования, указанных в ст. 2 Устава МОУП;
2. отсутствие сходства юридического статуса организации и ее государств-членов, что означает наличие у них неравных прав и обязанностей по отношению друг к другу. Интерпол, как и любая другая международная организация, является вторичным (производным) субъектом международного права, из чего уже и следует различие в правовом статусе между ним и государствами – его членами;
3. существование юридически обеспеченной возможности осуществлять свою целенаправленную деятельность не только в пределах национальных правовых систем, но и на международной арене. Такая возможность определяется, как правило, учредительным документом или системой таких документов, принимаемых голосованием представителей государств-членов формируемой организации. В частности, документами, регулирующими деятельность Интерполя и определяющими ее границы, являются его Устав и Регламент. Каждое государство-член МОУП регулирует ее деятельность на своей территории нормами национального законодательства. Так, в России деятельности НЦБ Интерполя положил начало Указ Президента Российской Федерации от 30 июля 1996 г. № 1113 «Об участии Российской Федерации в деятельности Международной организации уголовной полиции – Интерполя», а в целом на данный момент ее регулируют как акты самой Организации, к которым относят, например, решения Генеральной Ассамблеи, так и ряд национальных правовых актов (Конституция, федеральные законы, акты МВД РФ, а также акты иных министерств и федеральных служб). [10, с. 410].

Анализируя приведенные признаки, понимаем, что Международная организация уголовной полиции, как организация международная и межправительственная, в полной мере отвечает требованиям для признания организаций такого рода правосубъектными.

Исследователи выделяют несколько пробелов в нормативной базе, регулирующей практическую деятельность Интерполя. Например, М.У. Ботири-

ва выделяет отсутствие должной защищенности от просчетов и злоупотребления полномочиями должностных лиц Организации. Более того, она обращает внимание на несовершенство действующего порядка апелляции решений Интерпола, называя его «абсолютно непрозрачным» и подчеркивая недостаток юридически установленных сроков для рассмотрения жалоб [11]. Иная проблема – отсутствие возможности обжаловать действия и решения МОУП, за исключением запроса в Комиссию по контролю за файлами. Однако, эта Комиссия подчинена Интерполу, что делает ее постановления необъективными. Особенно такая ситуация критична в случае, если лицо ошибочно подвергается международному уголовному преследованию, поскольку отсутствует возможность адекватно и в соответствии с действительностью оценить законность и обоснованность такого преследования. Кроме этого, ученые выделяют также проблемы недостатка как систем контроля за реализацией международных соглашений в сфере международной оперативно-розыскной деятельности, так и договоров между государствами о порядке экстрадиции международных преступников [12].

Стоит также отметить отсутствие у Интерпола реальных полномочий в области экстрадиции преступников. Организация получает запрос государства-члена и отправляет уведомление с соответствующей цветной пометкой другому государству, параллельно присваивая лицу, подлежащему экстрадиции, соответствующий статус.

Проблемой, которая находится в стадии активного решения, является недоступность цифровых баз данных Интерпола для некоторых государств. Они лишены возможности пользоваться необходимой для активного сотрудничества с Организацией техникой в силу ее высокой стоимости, либо отсутствия специальных знаний, которые позволили бы использовать ее в полной мере. Интерпол в лице руководящих органов был своевременно осведомлен об этом, что позволило определить курс деятельности Организации в 2020–2021 гг. Он включал в себя поставки техники, обеспечение использования технологий, а также предоставление специалистам требуемых квалификаций [13].

Очевидно, что главной тенденцией криминальных ситуаций последних лет стал перенос преступных деяний в цифровую среду. Самые крупные в стоимостном эквиваленте и самые революционные по своим характеристикам и намерениям преступления совершаются именно в этом сегменте. Развитие информационных технологий бросило вызов правоохранительным органам всего мира.

Наиболее важные направления изучения для превентивного анализа – криптовалюты и технология Blockchain. Глобальный центр инноваций Интерпола (далее – Центр) образован в целях помощи правоохранительным органам по вопросам обеспечения текущей безопасности и анализа уже состоявшихся кибер-преступлений. Это единая многокомпонентная система, эффективно координирующая процессы по обнаружению и профилак-

тике преступлений в цифровой среде. По мнению Ситкова А.С., Центр производит «глобальную киберэкспертизу информации, предоставляемой правоохранительными органами государств-участников Интерпола и частными партнерами» [7]. Более того, сотрудники Центра осуществляют выработку практических рекомендаций для национальных полицейских учреждений для повышения эффективности их работы по данным направлениям.

Обращаясь к практике, отмечаем, что, работая с преступлениями в сфере криптовалют, Центр производит многофакторный мониторинг транзакций, преследуя цель выявления подозрительных переводов [14]. Кроме того, популярным средством выявления нелегальной деятельности, в том числе, планирующихся преступлений, является использование «робота-поисковика» (англ. web-crawler), анализирующего адреса как «открытого» интернета, так и Darknet [15].

Одной из наиболее известных операций Интерпола в цифровой среде в регионе ASEAN имели своей целью мониторинг и системный контроль за веб-ресурсами на предмет вредоносного программного обеспечения. Были выявлены нарушения протоколов безопасности нескольких правительственных и неправительственных сайтов, фишинговые преступные схемы, а также скрытно размещенные в свободном доступе ссылки на материалы Darknet. Операция «Ночная ярость», проводимая в период 2019–2020 гг., была направлена на устранение «штамма» вредоносного программного обеспечения, который распространялся на площадки электронной торговли в странах региона. Операция «Золотая рыбка Альфа», осуществляемая в 2019 г., распространялась на операции по борьбе с криптоджекингом, преступно влиявшим на сетевые маршрутизаторы.

Несомненно, что для качественного и продуктивного предотвращения будущих и уже совершенных преступных деяний, необходимо сотрудничество в сфере понимания функционирования как технологий Blockchain и криптовалют, так и внутренних алгоритмов Darknet.

Говоря о деятельности Интерпола в поле Blockchain технологий, стоит упомянуть о проекте «Titanium» – исследовательском проекте, созданном в целях поддержки правоохранительных органов в деятельности по расследованию и борьбе с преступлениями и терроризмом, находящимися в непосредственной связи с виртуальными валютами и теневыми рыночными транзакциями [16]. Деятельность проекта пришлась на период с 2017 по 2020 годы, его целью стала разработка технических решений для предотвращения и своевременного реагирования на преступления этой области. Были выработаны также инструменты для выявления общих черт преступных транзакций с использованием Blockchain-технологий, которые позволяли бы делать вывод о нелегальности операции в кратчайшие сроки. Кроме того, для реализации цели были также организованы обучения сотруд-

ников правоохранительных органов стран Евросоюза [17].

Примером деятельности Интерпола в области Darknet, а также взаимодействия НЦБ Интерпола МВД России с Организацией стали поиски похищенного первоклассника в 2020 году под Владимиром. Анализ теневого сегмента сети Интернет зарубежными коллегами был достаточно результативен – информация о том, что некий мужчина удерживает у себя дома пропавшего пару месяцев назад ребенка, была доведена до органов внутренних дел РФ [18].

Кроме того, в 2020 году Интерпол начал сотрудничество с южнокорейской организацией-стартапом S2W LAB, специализирующейся на выемке данных из сети Darknet. Компания с 2018 года занимается анализом больших баз данных (англ. big data) с помощью аналитического механизма на основе искусственного интеллекта, составляя из них собственную базу. Это соглашение, по мнению технического директора компании, позволит развивать используемые технологии дальше, при этом практически содействуя целям Интерпола [19].

Анализируя более современные проекты Интерпола, необходимо отметить проект «СЗДР», нацеленный на содействие правоохранительным органам региона Юго-Восточной Азии в борьбе с киберпреступностью. Этот регион благодаря крупному технологическому прорыву не только лидирует по объемам производства и научных разработок, но и, к сожалению, здесь стремительно растет уровень технологичных преступлений. Остро стоят вопросы распространения криптовалют и вредоносного программного обеспечения. С сентября 2021 г. при бюджете 2 миллиона долларов проект инициировал крупные онлайн и офф-лайн обучение сотрудников, разработал базу знаний для эффективной деятельности, улучшил скорость и качество системы обмена информацией, а также направил экспертные группы в данный регион [20].

Многие преступления из-за малой изученности структуры Darknet не только не удается предотвратить, но и даже обнаружить их приготовление. В этой связи целесообразным представляются регламентированное и постоянное, а не ситуативное, международное сотрудничество по вопросам предотвращения высокотехнологичных преступлений, а также координированная подготовка специалистов по стандартизированным программам, разработанным в упомянутом выше сотрудничестве. К примеру, Интерпол и Европол с момента понимания критичности действий «цифрового криминала» объединяют свои усилия, направленные на разработку комплекса единых категорий и понятий, а также на внедрение современных технологий в процессы, осуществляемые правоохранительными органами в борьбе с киберпреступлениями.

По информации официального портала Организации, созданы две службы, способствующие расследованию и раскрытию киберпреступлений:

1. Cybercrime Knowledge Exchange workspace – Рабочее пространство обмена знаниями о ки-

берпреступлениях, находящееся в свободном доступе в целях повышения общего уровня осведомленности граждан в сфере цифровой технологической безопасности;

2. Cybercrime Collaborative Platform – Operation – Платформа для совместной работы над киберпреступлениями, доступ к которой имеют только сотрудники соответствующих органов Интерпола [21].

Таким образом, делаем вывод о том, что по мере нарастания технологических возможностей криминального бизнеса, требуется столь же быстрое наращивание средств препятствования им, возможное только совместными усилиями заинтересованных и мотивированных государств-членов Интерпола.

Литература

1. Constitution of the INTERPOL // INTERPOL. – Режим доступа: URL: <http://www.interpol.int/About-INTERPOL/Legal-materials/TheConstitution> (Дата обращения 15.06.2023)
2. About Interpol // INTERPOL. – Режим доступа: URL: <http://www.interpol.int/About-INTERPOL/Overview> (Дата обращения 13.06.2023)
3. Котляров И. И., Пузырева Ю.В. Международная организация уголовной полиции: история и современность // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 8.
4. Травников А.В. Организационные основы межгосударственного розыска и процедуры, проводимые Интерполом // Юридическая наука: история и современность. 2018. № 12.
5. Галиев Р.С., Козлова А.А. Универсальные международные межправительственные организации как институциональная основа сотрудничества государств в противодействии преступности // Алтайский юридический вестник. 2018. № 3 (23).
6. Дьяков Н.В. Национальное центральное бюро Интерпола и его возможности в борьбе с преступностью // Вестник Белгородского юридического института МВД России им. И.Д. Путилина. – 2016. – № 1 (27).
7. Ситков А.С. Международное сотрудничество полиции в рамках Интерпола по противодействию киберпреступности и обеспечению кибербезопасности // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5.
8. Шестак В.А. Роль международной организации уголовной полиции (Интерпол) в расследовании цифровых преступлений / В.А. Шестак, П.Г. Савенкова // Образование и право. – 2020. – № 10.
9. Усенко Е.Т. Очерки теории международного права. М., 2008. 240 с.
10. Броунли Я. Международное право (в двух книгах). Книга вторая. М., 1977. 535 с.
11. Ботирова М.У. Деятельность Интерпола и международное сотрудничество государств // Наука и инновации в ХХГ веке: актуальные вопро-

сы, открытия и достижения: Сб. ст. УГ Междунар. науч.-практ. конф. 2017. С. 373.

12. Алиева М. Н., Гаджиев Ю.А. Особенности деятельности Интерпола как международной полицейской организации универсального уровня // Государственная служба и кадры. 2019. № 4.
13. Подмоков Н.С., Пасенов А.Н. Правовой статус международной организации уголовной полиции// Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 12–4.
14. Gonzalez E. Cryptocurrencies: Threats and Investigative. Opportunities for Law Enforcement. – University of Glasgow, 2018. – 69 с.
15. Brinckman E., Kuehlkamp A. Techniques and Applications for Crawling, Ingesting and Analyzing Blockchain Data [Электронный ресурс] // Сайт ResearchGate. – Режим доступа: URL: <https://arxiv.org/pdf/1909.09925.pdf> (дата обращения: 15.04.2023).
16. Инструменты для расследования сделок на подпольных рынках. Режим доступа: URL: <https://www.interpol.int/Who-we-are/Legal-framework/Information-communications-and-technology-ICT-law-projects/Project-Titanium> (Дата обращения 15.04.2023)
17. Project to prevent criminal use of blockchain technology launched by international consortium. Режим доступа: URL: <https://www.interpol.int/ar/1/1/2017/Project-to-prevent-criminal-use-of-blockchain-technology-launched-by-international-consortium> (Дата обращения 17.04.2023)
18. Похищение первоклассника под Владимиром: на преступника вышли благодаря DarkNet. Режим доступа: URL: <https://www.vesti.ru/article/2488647> (Дата обращения 16.04.2023)
19. Интерпол будет отслеживать криптовалютные преступления в даркнете. Режим доступа: URL: <https://bits.media/interpol-budet-otslezhivat-kriptovalyutnye-prestupleniya-v-darknete/> (Дата обращения 16.04.2023)
20. Проект по развитию кибервозможностей и потенциала. Режим доступа: URL: <https://www.interpol.int/Crimes/Cybercrime/Cyber-capabilities-development/Cyber-Capabilities-Capacity-Development-Project> (Дата обращения 17.04.2023)
21. Услуги по сотрудничеству в борьбе с киберпреступностью. Режим доступа: URL: <https://www.interpol.int/Crimes/Cybercrime/Cybercrime-Collaboration-Services> (Дата обращения 17.04.2023)

INTERNATIONAL CRIMINAL POLICE ORGANIZATION (INTERPOL): ISSUES OF LEGAL PERSONALITY, LEGAL REGULATION AND ACTIVITIES IN CYBERSPACE

Lapshina I.E., Zelenkova L.K., Ogorodnikova L.E.

Bauman Moscow State Technical University (National Research University)

The subject of this work is the issues of legal personality, the problems of legal regulation of Interpol activities, as well as activities in the context of digitalization of crimes. The objectives of the study are: to analyze the problems of legal regulation and gaps in the acts

regulating the activities of Interpol; to study the activities of Interpol in the conditions of digitalization of social relations.

The methodology of the study consisted of logical methods of analysis and synthesis, the formal legal method, the method of historicism.

Based on the set goals and the conducted research, conclusions were drawn about the existence of a number of gaps in the regulatory regulation of Interpol's activities, in particular, there are no provisions in the norms of international acts on the responsibility of officials for abuse of authority, the ability to appeal against the actions and decisions of the organization. The main activities of this organization in the prevention and fight against crimes in the digital space are also analyzed.

Keywords: legal personality of an international organization, Interpol, digitalization, cyberspace

References

1. The Statute of Interpol // INTERPOL. – Access mode: URL: <http://www.interpol.int/About-INTERPOL/Legal-materials/The-Constitution> (Accessed 15.06.2023)
2. About Interpol // INTERPOL. – Access mode: URL: <http://www.interpol.int/About-the-company-INTERPOL/Review> (Accessed 13.06.2023)
3. Kotlyarov I. I., Puzyreva Yu.V. International criminal police organization: history and modernity // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. No.8.
4. Travnikov A.V. Organizational bases of interstate search and procedures conducted by Interpol // Legal science: history and modernity. 2018. No. 12.
5. Galiev R.S., Kozlova A.A. Universal international intergovernmental organizations as an institutional basis for cooperation between states in combating crime // Altai Legal Bulletin. 2018. No. 3 (23).
6. Dyakov N.V. The National Central Bureau of Interpol and its capabilities in the fight against crime // Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin. – 2016. –No. 1 (27).
7. Sitkov A.S. International police cooperation within the framework of Interpol on countering cybercrime and ensuring cybersecurity // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No.5.
8. Shestak V.A. The role of the International Criminal Police Organization (Interpol) in the investigation of digital crimes / V.A. Shestak, P.G. Savenkova // Education and law. – 2020. –No. 10.
9. Usenko E.T. Essays on the theory of international law. Moscow, 2008. 240 p.
10. Brownley Ya. International Law (in two books). Book two. M., 1977. 535 p.
11. Botirova M.U. The activities of Interpol and international cooperation of states // Science and innovations in the XX century: current issues, discoveries and achievements: Sb. art. UG International Scientific and Practical Conference 2017. p. 373.
12. Aliyeva M. N., Hajiyev Yu.A. Features of Interpol as an international a universal-level police organization // Civil service and personnel. 2019. No.4.
13. Podmokov N.S., Pasenov A.N. Legal status of the International Criminal Police Organization// International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2021. No. 12–4.
14. Gonzalez E. Cryptocurrencies: Threats and investigations. Opportunities for law enforcement agencies. – University of Glasgow, 2018. – 69 p.
15. Brinkman E., Kulkamp A. Methods and applications for traversing, receiving and analyzing blockchain data [Electronic resource] // ResearchGate website. – Access mode: URL: <https://arxiv.org/pdf/1909.09925.pdf> (Accessed 15.04.2023).
16. Tools for investigating transactions in underground markets. Access mode: URL: <https://www.interpol.int/Who-we-are/Legal-framework/Information-communications-and-technology-ICT-law-projects/Project-Titanium> (Accessed 15.04.2023)
17. A project to prevent the criminal use of blockchain technology, launched by an international consortium. Access mode: URL: <https://www.interpol.int/ar/1/1/2017/Project-to-prevent-criminal-use-of-blockchain-technology-launched-by-international-consortium> (Accessed 17.04.2023)

18. Recognition of a first-grader under Vladimir: on the way out of the Darknet. Access mode: URL: <https://www.vesti.ru/article/2488647> (Accessed 16.04.2023)
19. Interpol will monitor cryptocurrency crimes on the darknet. Access mode: URL: <https://bits.media/interpol-budet-otslezhivat-kriptovalyutnye-prestupleniya-v-darknete/> (Accessed 16.04.2023)
20. Project for the development of cyber capabilities and potential. Access mode: URL: <https://www.interpol.int/Crimes/Cybercrime/Cyber-capabilities-development/Cyber-Capabilities-Capacity-Development-Project> (Accessed 17.04.2023)
21. Cooperation services in the fight against cybercrime. Access mode: URL: <https://www.interpol.int/Crimes/Cybercrime/Cybercrime-Collaboration-Services> (Accessed 17.04.2023)

Формирование института защиты прав иностранных инвесторов и самих инвестиций в рамках международного права

Чувахин Петр Игоревич,

преподаватель департамента международного и публичного права, к.ю.н., Финансовый университет при Правительстве РФ; старший преподаватель кафедры международного права, Российский государственный университет правосудия
E-mail: chuvakhin.petr@yandex.ru

Статья посвящена анализу возможности создания нового международного регулятора инвестиционных правоотношений. Инвестиционная деятельность в системе международных финансовых правоотношений играет важную роль в регулировании трансграничного движения капитальных ресурсов. Международная инвестиционная деятельность практически всегда сопряжена с рисками. Вкладывая капитальные ресурсы в экономику другого государства, инвесторы сталкиваются с проблемой возможной потери своих денежных средств, в связи с экономической, политической ситуацией в государстве. Именно поэтому на первый план выходит необходимость защиты прав иностранных инвесторов и самих инвестиций в рамках международного права. Кроме того, регулирование иностранных инвестиций практически всегда происходит на уровне двусторонних соглашений между государствами, что нередко порождает спорные ситуации между ними. Необходимость урегулирования таких споров, является важной частью всей глобальной инвестиционной среды.

Ключевые слова: МЦУИС, инвестиционный климат, двусторонние инвестиционные договоры, инвестиционные трибуналы.

Международный центр по урегулированию инвестиционных споров (далее – МЦУИС), является уникальным международным образованием, призванным разбирать и оказывать содействие в разбирательстве инвестиционных споров. Стоит отметить, что иные организации, призванные разрешать инвестиционные споры не обладают международной правосубъектностью. Арбитражные суды при промышленных палатах стран являются либо государственными органами, либо частными организациями, которые представляют интересы частных лиц и фактически не имеют возможности влиять на исполнение решений.

Однако нельзя не отметить, что с процессуальной точки зрения все арбитражные разбирательства проходят в формате ad hoc, в рамках МЦУИС арбитры назначаются сторонами на свое усмотрение или с участием председателя административного совета, однако данный состав будет уникальным. Таким образом можно считать, что международные инвестиционные споры разрешаются преимущественно уникальным составом судей.

МЦУИС на сегодняшний день остается наиболее крупной международной площадкой для разрешения инвестиционных споров между различными участниками данных правоотношений. Но данная площадка до сих пор не является всеобщей, что продолжает осложнять взаимодействия между странами-членами МЦУИС и странами, не ратифицировавшими конвенцию и не присоединившись к Центру. Данная ситуация означает необходимость формирования такой международной организации, которая бы смогла стать местом для формирования единого инвестиционного пространства на всей планете, а также позволила участникам инвестиционных отношений беспрепятственно взаимодействовать друг с другом.

Всемирная инвестиционная организация (далее – ВИО) может стать форумом, посвященным исключительно инвестиционным вопросам. Следует отметить, что на настоящий момент, существующие международные институты регулирования инвестиционных правоотношений сталкиваются с определенными проблемами [1]. Большинство из них отдают предпочтения экономически развитым странам, редко учитывая реальные интересы развивающихся государств. Кроме того, с точки зрения урегулирования инвестиционных споров, новая международная организация сможет обеспечить баланс между частными и государственными интересами и учитывать такие неотъемлемые сферы, как права человека и экологические права. По мнению Манна и Вон Мольтке, существу-

ющие институты урегулирования споров «не были предназначены для разрешения сложных вопросов, связанных с осуществлением государственной политики, при том, что на настоящий момент такие вопросы не редко являются одними из основных аспектов, возникающих споров» [2]. Таким образом, по мнению вышеуказанных авторов, ни один из существующих институтов не имеет достаточных возможностей для регулирования инвестиционных правоотношений.

Учреждение ВИО может привести к созданию системы, которая позволит учитывать интересы всех заинтересованных сторон. Следует отметить, что нередко высказывались опасения по поводу баланса конкурирующих интересов в инвестиционных отношениях между инвесторами и принимающими странами. Часто утверждается, что инвесторы обладают всей полнотой власти и могут эффективно заставить государство соблюдать лишь их интересы путем угрозы возбуждения дела в рамках МЦУИС [3]. Кроме того, ВИО улучшит процесс нормотворчества в сфере иностранных инвестиций. Необходимо отметить, что развивающиеся государства, как правило, оказываются в невыгодном положении, поскольку они обычно заинтересованы в привлечении инвестиций и, в связи с этим пытаются сохранять статус «дружественных к инвесторам» наций. Однако для сохранения «дружественной» репутации, такие государства могут начать ограничивать свое право на более жесткое регулирование внутригосударственных правоотношений.

Такой подход предоставляет инвестору уверенность в том, что его денежные средства будут в безопасности и таким образом дает толчок для увеличения инвестиционных потоков в такое государство. Однако, данный элемент конкуренции за приток денежных средств и те выгоды, которые такие денежные средства могут принести развивающимся государствам (рабочие места, развитие инфраструктуры), потенциально ставят развивающиеся государства в невыгодное положение. ВИО, действуя на международном уровне, могло бы привести к созданию более справедливой и инклюзивной системы. Что в свою очередь отразилось бы на создании действительно сбалансированных многосторонних переговорах. В рамках данного переговорного процесса, развивающиеся государства могли бы образовывать так называемые «блоки» для обеспечения учета их интересов без использования, описанного выше, элемента конкуренции.

Кроме того, создание ВИО смогло бы улучшить прозрачность и справедливость международных инвестиционных правоотношений. Данный институт мог бы обеспечить согласование интересов не только с точки зрения разрешения спорных ситуаций, но и с точки зрения токования *lex specialis* в области инвестиций [4].

Также следует отметить, что формирование специального судебного механизма в рамках ВИО (с апелляционным механизмом) позволило бы со-

здать солидную судебную практику, возможно, даже на основе доктрины формального правового прецедента.

Наконец, создание ВИО повысит «справедливость» в сфере инвестиционных отношений. Во-первых, «справедливость» между интересами развивающихся и развитых государств будет достигнута благодаря совершенствованию переговорных процессов, благодаря которым желания развивающихся государств будут услышаны и исполнены, а не проигнорированы, как это нередко происходит сейчас. Кроме того, может быть достигнут «справедливый» учет интересов инвесторов и государств, например, защита инвесторов от правового регулирования со стороны суверенных государств путем переговоров по действительно сбалансированному многостороннему инвестиционному соглашению.

Потенциальная критика, с которой может столкнуться ВИО, заключается в том, что государства должны иметь возможность самостоятельно определять свою инвестиционную политику на национальном уровне, а не следовать международным нормам [5]. Например, политика ЮАР в области инвестиционных правоотношений направлена на возможность внедрения процессов национализации иностранного капитала, путем принятия нового законопроекта. По мнению руководящих органов государства, притоку иностранных инвестиций не будет нанесен ущерб из-за отмены двусторонних международных договоров и переходу к «чистому» внутригосударственному регулированию иностранных капитальных ресурсов. Тем не менее, законопроект о поощрении и защите иностранных инвестиций в настоящее время находится в стадии разработки; соответственно, если он действительно будет принят, последствия проявятся только в ближайшие годы. Однако, необходимо учитывать ряд факторов, в случае, если государства отменяют действующие двусторонние договоры, то это может привести к потере инвестиционных денежных средств [6].

Необходимо отметить, что ВИО не сможет существовать и функционировать должным образом в нынешнем инвестиционном климате. Тысячи заключенных двусторонних и многосторонних (региональных) инвестиционных соглашений, каждое из которых имеет схожие, но потенциально важные различия в формулировках, приведут к тому, что ВИО будет не способно реализовать все необходимые функции, а лишь дальше усугубит существующие проблемы. Именно поэтому важно отметить, что ВИО сможет функционировать только в рамках официальных многосторонних договорных рамок. Существующие двусторонние и многосторонние договоры должны быть прекращены, и государствам следует заключить новое единое многостороннее инвестиционное соглашение (которое будет служить «регулятором» ПИИ на международном уровне и которое создаст ВИО, а также и суд с апелляционным механизмом). Переговорный процесс по заключению многостороннего инвести-

ционного соглашения, вероятно, протекал бы довольно сложно, и всех договоренностей было бы нелегко достичь. Следует отметить, что в прошлом было несколько неудачных попыток договориться о создании многостороннего договора. Начиная с Гаванской хартии и заканчивая Многосторонним соглашением об инвестициях, переговоры систематически не приводили к широкомасштабному многостороннему сотрудничеству в области регулирования инвестиций [7], [8]. Можно утверждать, что предыдущие переговоры всегда терпели неудачу, отчасти из-за отсутствия надежного форума для переговоров. Предыдущие переговоры всегда сталкивались с одними и теми же старыми проблемами развитых и развивающихся стран и их конкурирующими интересами. Таким образом, ведение переговоров и создание многостороннего инвестиционного соглашения под эгидой существующей организации, например, Всемирного банка, ООН или ВТО были бы крайне неудовлетворительными. В связи с этим должна быть создана новая, полностью независимая организация. На современном этапе, настало время для создания сбалансированного международного инвестиционного режима. По нашему мнению, это можно сделать только с помощью совершенно нового переговорного форума – ВИО.

Необходимо отметить, что конечной целью формирования ВИО будет создания специального механизма урегулирования инвестиционных споров – постоянного инвестиционного суда. Однако предложение о создании такого органа не ново, об этом несколько лет назад высказывались Ван Хартен, Голдхабер и Субеди [9]. При этом важно отметить, что в любом случае создание суда не возможно без формирования многосторонних договорных рамок в рамках ВИО.

Ван Хартен довольно подробно изложил свои взгляды по данному вопросу. По его мнению, государства должны создать некий «многосторонний кодекс», на основе которого был бы создан международный суд с всеобъемлющей юрисдикцией в отношении рассмотрения инвестиционных исковых требований [10]. Ван Хартен считает, что международный инвестиционный суд в идеале должен обладать обязательной юрисдикцией в отношении всех исков, поданных инвесторами в отношении государств, которые являлись бы членами созданного многостороннего договора. Предполагается, что суд может стать механизмом для разрешения всех инвестиционных споров; своего рода универсальной структурой разрешения споров (по умолчанию). Следует отметить, что ВИО и суд были бы неэффективными, если бы они не обладали обязательной юрисдикцией по всем инвестиционным вопросам. Обращая внимание на организационную составляющую, Ван Хартен утверждает, что потребуется двенадцать или пятнадцать судей, и что они должны назначаться государствами на «определенный срок, основанный на модели других международных судов». Например, В Международном Суде ООН (МС ООН) работают 15 судей, каждый

из которых избирается Советом Безопасности Организации Объединенных Наций и Генеральной Ассамблеей сроком на 9 лет. Для обеспечения преемственности одна треть судей избирается каждые три года. Судьи избираются из экспертов по международному праву и лиц с высочайшими моральными качествами. ВИО может быть создано на основе модели МС ООН, т.е. судьи будут назначаться на 9-летний срок (или аналогичный период) с оговорками об исключительности в своих трудовых договорах (чтобы они не могли выступать в качестве судей за пределами ВИО).

Судьи могут быть выбраны с использованием мажоритарной процедуры голосования, предоставляя государствам-членам по одному голосу. Укомплектование таким образом позволило бы суду обеспечить независимость его судей, а количество судей позволило бы нескольким коллегиям из трех судей заседать одновременно, чтобы иметь возможность рассматривать возросшее количество инвестиционных споров. Судьи будут избираться для рассмотрения дел поочередно председателем суда или по случайному назначению. Если беспристрастность судьи оспаривается, другие члены суда выносят решения по этому вопросу. Как и в случае других международных судов, судьям международного инвестиционного суда будет запрещено принимать участие в действиях, которые могут считаться несовместимыми с их профессиональными обязанностями и которые могут поставить под угрозу их независимость.

Необходимо отметить, что необходимость создание не только инвестиционного суда, но и специального апелляционного механизма повсеместно обсуждается [11]. Например, в рамках СЕТА было принято решение о создании специального механизма обжалования. В договоре о создании ТТП также включена статья о создании апелляционного механизма. Однако, существуют противники создания такого механизма на международном уровне. Так, Легум утверждает, что апелляционный механизм не может быть создан в настоящее время, в связи с тем, что невозможно осуществлять толкование и выносить решения по тысячам двусторонних инвестиционных соглашений [12]. Однако в случае с ВИО, такой механизм был бы возможен. Стоит отметить, что механизм обжалования имеет очевидные преимущества. Во-первых, было бы больше возможностей в интерпретации основных принципов международного инвестиционного права, во-вторых, применение такого механизма позволило бы создать прецедентное международное инвестиционное право, что способствовало бы обеспечению верховенства международного права при регулировании инвестиционных правоотношений. В-третьих, создание апелляционного органа необходимо для того, чтобы иметь возможность пересмотреть решение суда первой инстанции, в связи с тем, что довольно часто решения такого суда не всегда безоговорочно верное.

С точки практической точки зрения, можно отметить, что апелляционный механизм в рамках

ВИО мог бы выполнять аналогичные функции апелляционного механизма ВТО, который считается весьма успешным. Так, по мнению Циммермана, апелляционный механизм является идеальной моделью урегулирования споров в иных областях международного права, а не только в области торгового права [13]. По мнению Уолде, если в сфере инвестиционных споров должна быть введена апелляция, предпочтительным механизмом должен быть постоянный орган по типу апелляционного механизма ВТО [14].

Следует отметить, что апелляционный орган должен рассмотреть лишь потенциальные «правовые ошибки», для того, чтобы свести к минимуму количество обращений. Это сохранит относительно низкую загруженность данного органа и обеспечит эффективное разрешение спорных вопросов.

И хотя в существующей литературе идея создания апелляционного механизма в основном строится на простом создании дополнительного уровня арбитража в МЦУИС, (возможно, с использованием постоянного апелляционного органа, который будет рассматривать споры, возникающие из существующих двусторонних инвестиционных соглашений), аргументами в пользу создания апелляционного органа в самостоятельной организации – ВИО являются максимизация транспарентности и эффективности рассмотрения инвестиционных споров.

В заключение необходимо отметить, что создание ВИО и связанные с этим реформы, имеют более высокие «первоначальные» затраты, чем существующий режим двусторонних инвестиционных договоров, потребуется много времени для проведения переговоров по многосторонним договорам и создания инфраструктуры для такой организации. Тем не менее, более высокие первоначальные затраты могут привести к значительным преимуществам. Создание ВИО может предоставить возможность для разрешения важных проблем современного международной инвестиционной системы. Например, установление равных инвестиционных возможностей между развитыми и развивающимися странами, когда речь идет об иностранных инвестициях. На современной этапе, развивающиеся страны обладают меньшими возможностями при проведении переговорного процесса в рамках двусторонних инвестиционных соглашений. Кроме того, тот факт, что развивающиеся государства обычно пытаются привлечь как можно больше иностранных инвестиций из-за преимуществ, которые, как считается, они приносят (например, развитие инфраструктуры, увеличение благосостояния и рост занятости), а инвесторы из развитых стран часто имеют больше денег для инвестирования, становится ясно, что баланс сил между этими двумя типами государств в нынешней системе далек от идеального. Многосторонний форум, такой как ВИО, позволит развивающимся странам иметь больше прав для защиты своих интересов в инвестиционной сфере.

Литература

1. Salzman J (2000) Labor rights, globalization and institutions: the role and influence of the organization for economic co-operation and development. *Mich J Int Law* 21:769–848
2. Mann H, Von Moltke K (2005) A southern agenda on investment? Promoting development with balanced rights and obligations for investors, host states and home states. International Institute for Sustainable Development, Winnipeg, Manitoba.
3. Tienhaara K (2011) Regulatory chill and the threat of arbitration: a view from political science. In: Brown C, Miles K (eds) *Evolution in investment treaty law and arbitration*. Cambridge University Press, Cambridge, pp 606–628
4. Dimsey M (2008) *The resolution of international investment disputes: international commerce and arbitration*. Eleven International Publishing, Utrecht
5. Gazzini T (2014) States and foreign investment: a law of the treaties perspective. In: Lalini S, Polanco R (eds) *The role of the state in investor-state arbitration*. Martinus Nijhoff, Leiden, pp 23–48
6. Jandhyala S, Weiner R (2014) Institutions sans frontieres: international agreements and foreign investment. *J Int Bus Stud* 45:649–669
7. Havana Charter 1948 (full text), <http://www.worldtradelaw.net/misc/havana.pdf> (accessed June 5, 2023)
8. OECD, Multilateral Agreement on Investment. Официальный сайт ОЭСР. Режим доступа: <http://www.oecd.org/investment/internationalinvestmentagreements/multilateralagreementoninvestment.htm> (accessed June 10, 2023)
9. Subedi S (2016) *International investment law: reconciling policy and principle*. Hart, Oxford
10. Van Harten G (2008) A case for an international investment court. Presentation at the Society of International Economic Law Conference 2008
11. Qureshi A (2008) An appellate system in international investment arbitration. In: Muchlinski P et al (eds) *The Oxford handbook of international investment law*. Oxford University Press, Oxford, pp 1154–1170
12. Legum B (2008) Options to establish an appellate mechanism for investment disputes. In: Sauvants K (ed) *Appeals mechanism in international investment disputes*. Oxford University Press, New York, pp 231–240
13. Zimmermann T (2005) WTO dispute settlement at ten: evolution, experiences and evaluation. *Swiss Rev Int Econ Relat* 60:27–62
14. Walde T (2006) Alternatives for obtaining greater consistency in investment arbitration: an appellate institution after the WTO, authoritative treaty arbitration or mandatory consolidation? In: Ortino F et al (eds) *Investment treaty law current issues, vol 1*. British Institute of International and Comparative Law, London, pp 135–144

FORMATION OF THE INSTITUTE FOR THE PROTECTION OF THE RIGHTS OF FOREIGN INVESTORS AND INVESTMENTS THEMSELVES WITHIN THE FRAMEWORK OF INTERNATIONAL LAW

Chuvakhin P.I.

Financial University under the Government of the Russian Federation, Russian State University of Justice

The article is devoted to the analysis of the possibility of creating a new international regulator of investment legal relations. Investment activity in the system of international financial relations plays an important role in regulating the cross-border movement of capital resources. International investment activity is usually associated with risks. When investing capital resources in the economy of another state, investors are faced with the problem of the possible loss of their funds due to the economic and political situation in the state. That is why the need to protect the rights of foreign investors and the investments themselves within the framework of international law comes to the fore. In addition, the regulation of foreign investment usually takes place at the level of bilateral agreements between states, which often gives rise to disputes between them. The need to resolve such disputes is an important part of the entire global investment environment.

Keywords: ICSID, investment climate, bilateral investment treaties, investment tribunals.

References

1. Salzman J (2000) Labor rights, globalization and institutions: the role and influence of the organization for economic co-operation and development. *Mich J Int Law* 21:769–848
2. Mann H, Von Moltke K (2005) A southern agenda on investment? Promoting development with balanced rights and obligations for investors, host states and home states. International Institute for Sustainable Development, Winnipeg, Manitoba.
3. Tienhaara K (2011) Regulatory chill and the threat of arbitration: a view from political science. In: Brown C, Miles K (eds) *Evolution in investment treaty law and arbitration*. Cambridge University Press, Cambridge, pp 606–628
4. Dimsey M (2008) *The resolution of international investment disputes: international commerce and arbitration*. Eleven International Publishing, Utrecht
5. Gazzini T (2014) States and foreign investment: a law of the treaties perspective. In: Lalini S, Polanco R (eds) *The role of the state in investor-state arbitration*. Martinus Nijhoff, Leiden, pp 23–48
6. Jandhyala S, Weiner R (2014) Institutions sans frontières: international agreements and foreign investment. *J Int Bus Stud* 45:649–669
7. Havana Charter 1948 (full text), <http://www.worldtradelaw.net/misc/havana.pdf> (accessed June 5, 2023)
8. OECD, Multilateral Agreement on Investment. Официальный сайт ОЭСР. Режим доступа: <http://www.oecd.org/investment/internationalinvestmentagreements/multilateralagreementoninvestment.htm> (accessed June 10, 2023)
9. Subedi S (2016) *International investment law: reconciling policy and principle*. Hart, Oxford
10. Van Harten G (2008) A case for an international investment court. Presentation at the Society of International Economic Law Conference 2008
11. Qureshi A (2008) An appellate system in international investment arbitration. In: Muchlinski P et al (eds) *The Oxford handbook of international investment law*. Oxford University Press, Oxford, pp 1154–1170
12. Legum B (2008) Options to establish an appellate mechanism for investment disputes. In: Sauvart K (ed) *Appeals mechanism in international investment disputes*. Oxford University Press, New York, pp 231–240
13. Zimmermann T (2005) WTO dispute settlement at ten: evolution, experiences and evaluation. *Swiss Rev Int Econ Relat* 60:27–62
14. Walde T (2006) Alternatives for obtaining greater consistency in investment arbitration: an appellate institution after the WTO, authoritative treaty arbitration or mandatory consolidation? In: Ortino F et al (eds) *Investment treaty law current issues, vol 1*. British Institute of International and Comparative Law, London, pp 135–144

Сравнительно-правовой анализ регулирования инжиниринга на примере Китайской Народной Республики

Чернышов Никита Владимирович,

студент Юридической школы Дальневосточного федерального университета

E-mail: chernyshovnv23@mail.ru

В данной статье автором рассматривается правовая основа регулирования отношений в сфере оказания инжиниринговых услуг в российском и китайском правовых порядках. Автором проводится анализ текущего состояния развития инжиниринга в России, исследуется законодательная база и ее влияние на развитие этой области, исследуется китайский опыт правового регулирования предоставления инжиниринговых услуг с учётом изменений, внесённых с принятием ГК КНР в 2021 году. Автор логически обосновывает успешность функционирования инжинирингового рынка в Китайской Народной Республике и влияние на этот факт высокого уровня законодательства государства. Автором предложены способы улучшения состояния инжиниринга в России с законодательной точки зрения и выявлены наиболее рациональные и верные черты нормативно-правового регулирования инжиниринга в Китае.

Ключевые слова: Инжиниринг, Гражданский Кодекс Китайской Народной Республики, правовая основа инжиниринга, инжиниринг в Китае, договор об оказании технологических услуг, имплементация китайского законодательства, Закон о договорах КНР, консультационные технологические услуги.

Развитие экономических отношений закономерно ведёт к возникновению новых услуг на национальном и международном рынках. Не всегда законодательство успевает за стремительным развитием экономики и это приводит к ослабленности того или иного экономического сектора. Инжиниринг – довольно молодая для России отрасль, при всей своей перспективности, находящаяся на начальных стадиях правового регулирования. В России не существует унифицированного подхода к определению инжиниринга, и не выработан единый понятийный аппарат.

Большой энциклопедический словарь определяет инжиниринг, как одну из форм международных коммерческих связей в сфере науки и техники, основное направление которой – предоставление услуг по доведению научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок до стадии производства. Данное определение, однако, не даёт полного представления о том, какие правовые основания имеет инжиниринг. В большом юридическом словаре, в свою очередь, содержится следующее описание инжиниринга: «Инжиниринг – сфера деятельности по проработке вопросов создания объектов промышленности, инфраструктуры и т.п., прежде всего в форме предоставления на коммерческой основе различных услуг предпроектного, проектного, послепроектного характера, а также рекомендательных услуг по эксплуатации, управлению, реализации выпускаемой продукции».

Кроме двух указанных выше определений, в российском законодательстве присутствует также и легальное определение инжиниринга, закреплённое в п. 4 ст. 148 НК РФ. Данное определение относит к инжиниринговым услугам инженерно-консультационные услуги по подготовке процесса производства и реализации продукции (работ, услуг), подготовке строительства и эксплуатации промышленных, инфраструктурных, сельскохозяйственных и других объектов, предпроектные и проектные услуги (подготовка технико-экономических обоснований, проектно-конструкторские разработки и другие подобные услуги).

На основании приведенных выше определений необходимо отметить неточности, возникающие при определении инжиниринга.

Во-первых, под инжинирингом преимущественно понимается только оказание услуг, в то время как он представляет из себя еще и особый вид де-

тельности. Например, инновационную деятельность субъектов, связанную с научно-техническим и инженерным обеспечением процессов создания и функционирования различных технических и технико-социальных объектов, обеспечивающих реализацию функций государства, его отдельных элементов и общества в целом.

Во-вторых, в части оказания услуг специализированные компании не только занимаются оказанием консультационных услуг, но и могут брать на себя роль генеральных поставщиков и генеральных подрядчиков, а также осуществлять управленческую деятельность в части формирования организационной структуры и административного управления функционированием специализированных объектов.

На сегодняшний день уровень развития инжиниринга в России довольно высок, однако существуют направления, в которых данное направление экономической деятельности может преуспеть в своем развитии, так как имеется множество сдерживающих факторов, которые, в свою очередь, можно разделить на четыре основные группы:

1. Структурные факторы

- Неразвитость инжиниринговой инфраструктуры;
- Неразвитость институтов рынка интеллектуальной собственности;
- Высокие барьеры входа на рынок инжиниринговых услуг;
- Недостаточная координация механизмов поддержки инжиниринговой деятельности на федеральном и региональном уровнях.

2. Технологические факторы

- Устаревшая материально-техническая база для научно-исследовательских и технических разработок;
- Отсутствие или недостаток у компаний-заказчиков опыта работы по полному циклу проектирования.

3. Организационно-управленческие факторы

- Несовершенство нормативно-правовой базы;
- Отсутствие стандартов предоставления определенных видов инжиниринговых услуг;
- Недостаток конкурентноспособных и высококвалифицированных кадров.

4. Экономические факторы

- Недостаток ресурсов для инвестиций в производство у малых инжиниринговых компаний;
- Длительный период окупаемости создания инжиниринговых компаний.

Китайский рынок инжиниринга, в свою очередь, является вторым по размеру рынком в мире. Так, выручка Китая в сфере инжиниринговых услуг возросла за период с 2015 по 2020 год с 570,5 миллиардов долларов до 885,6 миллиардов долларов. Количество предприятий по состоянию на 2020 год – 84 360, занятость в отрасли – 590 314 человек по данным исследовательской компании IBISWorld.

Такой успех Китая в области инжиниринга помимо экономических факторов, объясняется так-

же проработанностью законодательства в данной сфере. В свете введения в юридическую силу ГК КНР в 2021 году правовое регулирование соответствующих отношений стало ещё более ясным и правильным с правовой точки зрения. Для осознания влияния нормативно правовой базы на развитие инжиниринга необходимо проведение анализа ГК КНР в области урегулирования деятельности, связанной с оказанием технологических консультационных услуг, чем, в сущности, является инжиниринг, потому что причинно-следственная связь между достижениями Китая в сфере инжиниринга и высоким уровнем развития нормативно-правовой базы представляется очевидной.

В России правовой основой при выполнении работ, связанных с инжинирингом, выступает договор об оказании инжиниринговых услуг. Прежде чем перейти к рассмотрению данного вида договоров и сравнению с регулированием предоставления инжиниринговых услуг в китайском порядке, следует обратить внимание на то, что инжиниринг, как довольно молодое в России явление не успел в необходимой степени обрести свою самостоятельность и идентичность, о чём говорит приведённая выше неопределённость в вопросе выработки единого понятия инжиниринга. В связи с этим разные виды инжиниринга, в том числе: консультационный, технологический и строительный, не отображены в действующем законодательстве. Переходя к договорам об оказании инжиниринговых услуг, отметим, что их регулирование осуществляется на основании Главы 39 ГК РФ, и по существу, они представляют из себя договоры о возмездном оказании услуг. Действительно, в п. 2 ст. 779 ГК РФ говорится о том, что положения 39 Главы ГК РФ применяются по отношению к договорам оказания консультационных услуг, а также услуг иного вида.

Также в российском законодательстве существует ст. 769 ГК РФ, которая посвящена договорам по предоставлению научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ. Данная статья ближе всего к урегулированию инжиниринговых услуг, так как по договору на выполнение опытно-конструкторских и технологических работ одна сторона разрабатывает изделие и документацию на него, а другая принимает эти работы. Важным является определение в ч. 4 ст. 769 того, что условия договоров должны соответствовать положениям законов об интеллектуальных правах, а консультационный процесс может охватывать все стадии производства технологии или изготовления образцов. Согласно российскому законодательству, риск случайной невозможности исполнения договора несет заказчик, если законом или договором не установлено иное.

В предложенном контексте серьёзный интерес вызывает китайский опыт правового регулирования отношений в сфере инжиниринга, так как, Китай является лидером в предоставлении инжиниринговых услуг на международной арене. До принятия Гражданского Кодекса КНР, несомнен-

но, стало большим событием в мире цивилистики, в Китае существовал ряд законов, которые регулировали гражданские правоотношения. В частности, для имеет большое значение Закон Китайской Народной Республики о договорах, принятый 15 марта 1999 года. Глава 18 этого закона посвящена технологическим договорам. ГК РФ имеет положения схожие с содержанием Главы 18 Закона КНР о договорах в Главе 38, в которой отражены правовые аспекты, связанные с выполнением научно-исследовательских, технологических и опытно-конструкторских работ, при этом проработанность гражданского законодательства Китая в данном направлении также высока. Глава 18 Закона КНР о договорах, как и ГК КНР, предполагала 4 раздела, которые охватывали большинство вопросов, связанных с технологическими договорами, в том числе договоры на разработку технологий, передачу технологий, а главное, уже в Законе КНР о договорах существовал отдельный раздел, посвященный договорам о предоставлении технологических консультаций и технологических услуг.

Целесообразным представляется наличие в Главе 18 Закона КНР о договорах общих положений, которые касаются технологических договоров, так как это позволяет детерминировать цели выделения положений о технологических договорах в отдельную главу и отразить направленность заключения договоров такого типа. Согласно Закону КНР о договорах, заключение технологических договоров, и в том числе договоров об оказании инжиниринговых услуг должно способствовать развитию научно-технического прогресса, применению и распространению научных достижений. ГК КНР в этой части добавляет, что заключение договоров данного вида должно способствовать защите прав интеллектуальной собственности, что представляется немаловажным уточнением, особенно с точки зрения инжиниринга.

Разделы китайского гражданского законодательства, в которых расписываются положения, связанные с технологическими консультациями практически идентичны в Законе КНР о договорах и ГК КНР, поэтому исследование в данной области более целесообразно основывать на ГК КНР, так как с учётом опыта предыдущих лет китайский законодатель исправил некоторые недочёты юридической техники и представил в новом Кодексе свою лучшую версию правового урегулирования оказания технологических консультаций.

Крайне важным моментом, который зафиксирован в ГК КНР, является разделение понятий «договор на оказание технологических консультаций» и «договор на оказание технологического обслуживания». Представленное разделение обоснованно коррелирует с дихотомией видов инжиниринга и позволяет в последующих статьях выделить наиболее важные моменты, касающиеся этих двух видов договоров. Вообще, наличие раздела о договорах, связанных с технологическими консультациями и оказанием технологических услуг, а также наличие соответствующих дефиниций, которые

вводятся законодателем, говорит о высокой степени развития правового поля КНР в данном аспекте. Китайский предусматривает регулирование именно инжиниринговых услуг и за счёт такой точности и определённости, отношения в области инжиниринга и иных видов консультативной деятельности пребывают в состоянии упорядоченности.

Ещё одной характерной правовой чертой инжиниринга является то, что ГК КНР чётко определяет права и обязанности заказчика и исполнителя инжиниринговых услуг, так как при их оказании существует определённая специфика. Во-первых, в обязанности заказчика входит прояснение вопросов для консультации, предоставление необходимых справочных материалов, принятие консультационной работы и выплата вознаграждения. Во-вторых, в ГК КНР прописано, что если заказчик не выполняет своих обязательств по договору на оказание технологических консультаций, то он не имеет права запрашивать уже выплаченное вознаграждение и обязан выплатить сумму, установленную договором. В-третьих, ГК КНР устанавливает обязанности исполнителя по заполнению отчёта о консультации, проведению консультативных действий в согласованный срок и предоставлению консультативного отчёта в определённый сторонами срок. За неисполнение обязательств, прописанных в ГК КНР, исполнитель будет нести ответственность в виде уменьшения своего вознаграждения вплоть до отказа от него. В ГК РФ подобные нормы, которые применялись бы по отношению к договорам об оказании инжиниринговых услуг, существуют, как указывалось ранее, однако, они отображены в более общей форме, отсутствует специфика, характерная для договоров по предоставлению инжиниринговых услуг. ГК КНР в своих положениях о технологических контрактах способствует максимальному развитию инжиниринга в стране за счёт чёткости и проработанности законодательства в сфере консультативных технологических услуг, обеспечивая упорядоченность отношений в этой области и ясно отображая цели и задачи инжиниринга как такового.

Проведённый анализ российского и китайского законодательств в сфере инжиниринга, а также подробное рассмотрение состояния инжиниринга как экономической отрасли в России позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, китайский законодатель принял верное решение, проработав отдельные положения, касающиеся оказания технологических консультационных услуг, тем самым, обеспечив ясность и полноту правового регулирования отношений в сфере инжиниринга. Во-вторых, введение в ГК КНР общих положений для технологических договоров, в которых обозначаются цели таких договоров, уточняются вопросы авторского права и вводится запрет на монополизацию технологий представляется удачным решением, так как позволяет обозначить цели правового регулирования в данной сфере, что, несомненно, ведёт к производственной продуктивности. В-третьих, от российского законодательства китайское

отличается выработанным понятийным аппаратом, закреплённым на уровне Кодекса. В конечном счёте, в Китае и Российской Федерации правовое регулирование инжиниринга находится на достаточно высоком уровне, однако правовые нормы обеих стран могут быть усовершенствованы за счёт имплементации норм и опыта в регулировании данной деятельности. В статье были намечены основные направления для развития правового регулирования инжиниринговой деятельности в России и Китае в целях обеспечения наиболее высокого уровня востребованности и эффективности инжиниринговых услуг. В связи с этим, необходимо рассмотреть вопрос о совместной работе стран в данном направлении и обмене опытом между двумя правовыми системами.

Литература

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 19.07.2000 № 118-ФЗ (ред. от 02.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 02.07.2021) / [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/ (дата обращения: 12.12.2022).
2. Официальный сайт исследовательской компании IBIS World [Электронный ресурс]: – Режим доступа: <https://www.ibisworld.com/> (дата обращения: 12.12.2022).
3. Руководство по составлению международных контрактов о консультационном инжиниринге, включая некоторые аспекты технического содержания [Электронный ресурс]: – Режим доступа: <https://miripravo.ru/gallery/lcp01-guide-for-contracts-on-consulting-engineering.pdf> (дата обращения: 13.12.2022).
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 28.12.2020) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант плюс».
5. Шереметьева Наталья Владимировна, Остроухова Валерия Андреевна, Гладких Александра Евгеньевна ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ДОГОВОРА ИНЖИНИРИНГОВЫХ УСЛУГ // Право и практика. 2020. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-priroda-dogovora-inzhiniringovyh-uslug> (дата обращения: 12.12.2022).
6. Закон Китайской Народной Республики о договорах [Электронный ресурс]: – Режим доступа: <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/civil-code-of-china-part-iii-contract-20200528> (дата обращения: 13.12.2022).
7. Гражданский Кодекс Китайской Народной Республики (книга третья) от 01.01.2021 [Электронный ресурс]: – Режим доступа: <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/civil-code-of-china-part-iii-contract-20200528> (дата обращения: 13.12.2022).

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF ENGINEERING REGULATION ON THE EXAMPLE OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

Chernyshov N.V.
Far Eastern Federal University

In this article, the author considers the legal basis for regulating relations in the field of engineering services in the Russian and Chinese legal order. The author analyzes the current state of engineering development in Russia, examines the legislative framework and its impact on the development of this area, examines the Chinese experience of legal regulation of the provision of engineering services, considering the changes introduced with the adoption of the Civil Code of the People's Republic of China in 2021. The author logically substantiates the success of the functioning of the engineering market in the People's Republic of China and the influence of the high level of state legislation on this fact. The author proposes ways to improve the state of engineering in Russia from a legislative point of view and identifies the most rational and correct features of the legal regulation of engineering in China.

Keywords: Engineering, Civil Code of the People's Republic of China, legal framework for engineering, engineering in China, technology services agreement, implementation of Chinese law, paid services agreement, consulting technology services.

References

1. Tax Code of the Russian Federation (part two) dated July 19, 2000 No. 118-FZ (as amended on July 2, 2021) (as amended and supplemented, effective from July 2, 2021) / [Electronic resource] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/ (date of access: 12/12/2022).
2. Official website of the research company IBIS World [Electronic resource]: – Access mode: <https://www.ibisworld.com/> (date of access: 12/12/2022).
3. Guidelines for drawing up international contracts on consulting engineering, including some aspects of technical assistance [Electronic resource]: – Access mode: <https://miripravo.ru/gallery/lcp01-guide-for-contracts-on-consulting-engineering.pdf> (date of access: 13.12.2022).
4. Civil Code of the Russian Federation (Part Two) dated January 26, 1996 No. 14-FZ (as amended on December 28, 2020) [Electronic resource] // Consultant Plus Legal Reference System.
5. Sheremetyeva Natalia Vladimirovna, Ostroukhova Valeria Andreevna, Gladkikh Aleksandra Evgenievna LEGAL NATURE OF THE ENGINEERING SERVICES CONTRACT // Law and Practice. 2020. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-priroda-dogovora-inzhiniringovyh-uslug> (date of access: 12/12/2022).
6. Law of the People's Republic of China on Contracts [Electronic resource]: – Access mode: <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/civil-code-of-china-part-iii-contract-20200528> (accessed: 13.12.2022).
7. Civil Code of the People's Republic of China (book three) of 01/01/2021 [Electronic resource]: – Access mode: <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/civil-code-of-china-part-iii-contract-20200528> (date of access: 12/13/2022).

Проблемы квалификации соучастия со специальным субъектом в сложных преступлениях (на примере изнасилования)

Пантюхина Инга Владимировна,

кандидат юридических наук, доцент; заведующий кафедрой уголовного права и криминологии; ФГБОУ ВО образования «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»
E-mail: i.pantjuhina@365.rsu.edu.ru

Кольцова Екатерина Юрьевна,

старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии; ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»
E-mail: e.kolcova@365.rsu.edu.ru

В статье исследуется вопрос квалификации преступлений со специальным субъектом. На примере изнасилования показаны дискуссионность признания женщины соисполнителем изнасилования и проблемы квалификации ее действий в совершении группового изнасилования, в случаях, когда только она способна нести ответственность, тогда как лица мужского пола ей не подлежат в силу невменяемости или не достижения возраста уголовной ответственности. Анализ предложений разрешения указанной проблемы показал их многообразие и противоречивость, от признания действий женщины исполнительскими посредством использования других лиц, дополнительного толкования ее действий в постановлении Пленума Верховного Суда РФ, до изменения регламентации института соучастия. Изучение содержания норм института соучастия в преступлении позволило заключить, что они являются достаточными для правильной квалификации проблемных случаев. В частности, признания женщины соисполнителем изнасилования, а в случае ее единоличного привлечения к ответственности, вменения ей совершения преступления в составе группы. В связи с этим авторы делают вывод об отсутствии необходимости дополнения УК РФ и постановления Пленума Верховного Суда РФ новыми положениями.

Ключевые слова: квалификация преступления, специальный субъект, соучастие, соисполнительство, посредственный исполнитель, сложное единичное преступление, изнасилование.

Институт соучастия является одним из самых сложных для квалификации преступления. Особые затруднения у правоприменителя вызывают случаи соучастия в преступлении со специальным субъектом, когда лишь один из участников соответствует признакам специального субъекта преступления, тогда как остальные его участники таковыми признаками не обладают.

Казалось бы, законодатель в достаточной степени регламентировал вопросы ответственности соучастников преступлений со специальным субъектом. Так, согласно ч. 4 ст. 34 УК РФ «Лицо, не являющееся субъектом преступления, специально указанным в соответствующей статье Особенной части настоящего Кодекса, участвовавшее в совершении преступления, предусмотренного этой статьей, несет уголовную ответственность за данное преступление в качестве его организатора, подстрекателя либо пособника». Однако это правило квалификации действий соучастников преступления невозможно признать универсальным. Оно не подходит для квалификации некоторых сложных преступлений, которые складывается из ряда разнородных действий, часть из которых не требует для их выполнения специфических признаков субъекта, в силу чего они могут быть выполнены любым лицом.

Одним из таких сложных преступлений, объективная сторона которого складывается из разнородных действий, является изнасилование (ст. 131 УК РФ). Оно может выражаться в насилии или угрозе его применения, которое направлено на подавление сопротивления жертвы и обеспечения совершения другого действия – полового сношения с потерпевшей против ее воли. Использование в конструкции нормы ч. 1 ст. 131 УК РФ применительно к жертве преступления прилагательного женского рода следует, что ею может только лицо женского пола. Основным криминообразующим действием этого преступления является половое сношение. Оно означает совершение естественного физиологического полового акта между лицами разного пола, что является основанием для признания субъектом изнасилования только лица мужского пола. Именно пол является признаком специального субъекта рассматриваемого преступления. Вместе с тем, участвовать в изнасиловании может и женщина, но определение ее роли в таком преступлении носит дискуссионный характер.

Согласно толкованию Пленумом Верховного Суда РФ групповым изнасилованием должны признаваться не только действия лиц, непосредствен-

но совершивших насильственное половое сношение, но и содействовавших им путем применения физического или психического насилия к потерпевшей или к другим лицам. Действия таких лиц следует квалифицировать как соисполнительство в изнасиловании [9]. На половой принадлежности соисполнителя в приведенном толковании внимания не акцентируется. Из этого следует, что если женщина применяет к жертве насилие или угрозы его применения, чем подавляет ее сопротивление и обеспечивает лицу мужского пола возможность совершения с ней полового сношения, она должна признаваться соисполнителем изнасилования. Некоторые авторы отвергают правомерность признания женщины соисполнителем изнасилования, утверждая, что такой вывод прямо указывает на признание ее исполнителем изнасилования [3, с. 297]. Однако для такого заявления оснований нет. В рассуждениях, приводящих к такому выводу, допускаются ошибки методологического характера при переходе от частного к общему. Отождествлять исполнителя и соисполнителя преступления недопустимо. А.Е. Лебедев справедливо замечает, что действия соисполнителя не равнозначны деянию исполнителя (уточним, что иногда), поскольку они не составляют главного деяния, то есть действий, непосредственно причиняющих вред объекту уголовно-правовой охраны. Они находятся за пределами причинно-следственной связи и сами не порождают наступления желаемого результата, а лишь создают необходимое условие его наступления, как и других соучастников, но в отличие от их действий, соисполнительские образуют объективную сторону состава преступления [7, с. 122].

В русском языке «соисполнитель» толкуется как тот, кто выступает исполнителем чего-либо совместно с кем-либо [24]. Ключевым моментом такого толкования усматривается совместность действий нескольких лиц, означающая, что они что-либо делают вместе, в результате чего происходит объединение их силы и способностей – они увеличиваются. Таким образом, в соисполнительстве действия одного лица всегда соединяются с действиями другого. Исполнитель – тот, кто что-то делает единолично, без чьей-либо помощи, увеличения его силы не происходит. Даже такое понимание исполнителя и соисполнителя указывает на отсутствие их тождественности.

М.А. Саблина выделяет три разновидности соисполнителей, в числе которых называет лиц, совершающих «разные деяния, но образующие объективную сторону одного состава» [15, с. 124]. Фактически то же разъясняет Пленум Верховного Суда РФ относительно соисполнительства при изнасиловании, подчеркивая, что оно не требует того, чтобы лицо лично совершало насильственное половое сношение, достаточным является применение насилия или угроз содействовавших другим лицам в совершении преступления [9], то есть он акцентирует внимание именно на выполнении хотя бы части действий входящих в объективную сторону преступления.

Дискуссии по рассматриваемому вопросу делятся уже несколько десятков лет. При этом, если в период действия УК РСФСР превалировала позиция исключения женщин, участвующих в изнасиловании из числа его соисполнителей, то сегодня, наоборот, перевешивает позиция сторонников признания ее таковой. Существенное значение в изменении позиции сыграло приведенное толкование соисполнительства Пленумом Верховного Суда РФ, нашедшее свое отражение еще в постановлении 2004 года [8], а позднее в заменившем его постановлении 2014 года и сложившаяся на их основе судебная практика. Исследователями рассматриваемой проблемы регулярно приводятся приговоры, в которых женщина признана соисполнителем изнасилования [11, с. 79; 21, с. 228]. В числе изученных нами уголовных дел об изнасиловании, совершенного М., была признана его приятельница Б., которая угрозами и насилием подавила сопротивление жертвы изнасилования [22]. Таким образом, можно констатировать, что в практической деятельности вопрос о признании женщины соисполнителем изнасилования разрешен однозначно. Во всяком случае, иных судебных решений ученые не приводят, и нами их также не выявлено. Однако на теоретическом уровне дискуссия продолжается. Подтверждением тому служит позиция С.А. Гавриленкова, который считает неприемлемым признание женщины соисполнителем изнасилования, поскольку она лишь может оказывать содействие в его совершении [3, с. 298]. А.Е. Лебедев, И.А. Петрова и другие авторы, исходя из совершения женщиной действий, входящих в объективную сторону изнасилования, полагают, что она отвечает всем признакам соисполнителя [7, с. 121; 11, с. 79]. Для прекращения подобных дискуссий И.А. Петрова предлагает легализовать понятие соисполнителя в УК РФ [11, с. 81], а например, Н.Ю. Скрипченко, растолковать этот вопрос Верховным Судом РФ в постановлении его Пленума [20, с. 60].

Разделяя позицию о признании женщины соисполнителем изнасилования, полагаем, что упоминание в ч. 2 ст. 33 УК РФ соисполнителей как лиц, совместно участвующих в преступлении является достаточным для этого основанием. В изнасиловании она выполняет часть сложного деяния – применяет насилие или угрожает его применением, что, по точному замечанию ряда ученых гендерными признаками никак не ограничивается [15, с. 120]. Поэтому ни закон, ни постановления Пленума Верховного Суда РФ в каких-либо дополнениях и толкованиях относительно соисполнителя преступления не нуждаются.

Более серьезную квалификационную проблему составляют случаи, когда изнасилование совместно совершают лицо женского и мужского пола, однако последний в силу возраста или невменяемости не подлежит уголовной ответственности и к ней привлекается только лицо женского пола.

Исполнителем, совершающим преступление посредством использования другого лица (ч. 2

ст. 33 УК РФ), ее признать нельзя. Таким исполнителем лицо становится только в случае, когда само не выполняет даже части объективной стороны преступления, и ее полностью выполняет лицо, не подлежащее ответственности [13, с. 7; 14, с. 52]. В рассматриваемом случае женщина сама выполняет часть объективной стороны изнасилования, но не может совершить обязательного криминообразующего действия, собственно делающего изнасилование таковым – полового сношения. Его выполняет лицо, не обладающее формальным признаком субъекта преступления (возрастом или вменяемостью), но обладающее фактическим признаком, позволяющим совершить такое действие – мужским полом. Отсюда следует, что мужчина является обязательным участником деяния. Совершенное изнасилование указывает на наличие двух его участников, но ответственности подлежит лишь одно лицо, причем то, которое не может признаваться единоличным исполнителем. Так каким образом квалифицировать такое преступление?

Пленум Верховного Суда РФ ответа на этот вопрос не дает, тогда как возникновение указанной проблемы обусловлено именно его отказом от рекомендации по вменению группового преступления в случаях его выполнения несколькими лицами, лишь одно из которых способно подлежать ответственности, которые им давались в постановлениях применительно к различным преступлениям, в том числе в постановлении 1992 года в отношении изнасилования [10]. В постановлениях 2004 и 2014 гг. по половым преступлениям Пленум Верховного Суда РФ этот вопрос не затронул, тем самым, по сути, оставив его на усмотрение правоприменителя. В результате в научной среде возникла дискуссия о правильности такого отказа и появились различные концепции о разграничении соучастия и группового преступления как способа совершения деяния, отличного от соучастия. Так, Р.Р. Галиакбаров, отстаивая позицию о различии соучастия и группового способа совершения преступления, пришел к заключению о необходимости вменения совершения преступления группой лиц, тому единственному участнику преступления, который подлежит ответственности [4, с. 40].

В течение двух десятилетий Пленум Верховного Суда РФ неоднократно менял свою позицию в оценке содеянного лицом, которое участвовало в преступлении с лицами, не подлежащими ответственности, так и не выработав единого подхода. В действующих постановлениях Пленума Верховного Суда и вовсе не представлено рекомендаций по квалификации таких ситуаций. По мнению Г. Есакова, такая «молчаливая позиция» Верховного Суда РФ косвенно свидетельствует в пользу допустимости вменения преступления, совершенным в группе, в случае, когда лишь один из ее участников подлежит ответственности [5].

Обозначенная квалификационная проблема вытекает из дуалистичности толкования соучастия и деяния, совершенного группой лиц. Так, А. Рарог и Г. Есаков, указывают, что легальное

определение соучастия (ст. 32 УК РФ) не содержит указания на вменяемость и достижение возраста уголовной ответственности соучастников, из чего, заключают, что соучастниками допустимо признавать и фактических участников деяния, неспособных нести уголовной ответственности. Необходимым условием они признают личное участие минимум двух лиц, один из которых отвечает признакам субъекта преступления, в выполнении объективной стороны преступления в полном объеме или частично [14, с. 52]. Такую позицию и аргументацию поддерживает ряд авторов [16, с. 13; 18, с. 171; 19, с. 47]. Ее преимущество заключается в том, что она позволяет единственному участнику преступления вменять совершение преступления группой лиц без каких-либо изменений закона. Одним из противников такого толкования соучастия в преступлении является профессор Е. Благов. Ссылаясь на ст. 19 УК РФ, в которой обозначены обязательные признаки субъекта преступления, он подчеркивает, что «отраженные в данной статье общие условия уголовной ответственности нельзя не относить ко всем соответствующим лицам, то есть и к соучастникам преступления» [2, с. 7]. Его позиция представляется наиболее обоснованной. Однако, если позиция А. Рарога и Г. Есакова упрощает решение квалификации единственного надлежащего участника преступления, то позиция Е. Благова отвергает возможность вменения такому лицу совершения преступления группой лиц. Руководствуясь аргументами последнего в рассматриваемой ситуации, мы получим, что женщине, следует признать единоличным исполнителем изнасилования, что противоречит и смыслу этого преступления, и логике.

Не разделяющие позицию А. Рарога и Г. Есакова ученые, решение возникшей проблемы видят в возврате к устоявшейся и, по их мнению, оправдавшей себя практике толкования квалификации таких случаев в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ [4, с. 40]. Некоторые авторы предлагают регламентировать групповое преступление вне соучастия, в качестве самостоятельного способа совершения деяния и (или) включить такой способ квалифицирующим признаком составов преступлений [17, с. 49; 23, с. 229; 7, с. 121].

В судебной практике, случаи, когда единственному надлежащему участнику преступления вменяется совершение преступления группой лиц, несмотря на то, что другой участник на момент совершения преступления был невменяемым или не достигшим возраста уголовной ответственности, встречаются (мы обнаружили их в делах об убийстве) [6; 12]. На основе одного из таких дел Ю.Е. Пудовочкин теоретически обосновал правильность такого решения правоприменителя следующим образом: «субъект в данном случае совмещает в себе статус исполнителя и посредственного причинителя; оно несет ответственность и за самостоятельно выполненные действия, и за действия, совершенные не субъектом, т.е. за действия двух лиц, что и служит основанием для вменения дан-

ному субъекту факта совершения преступления в соучастии» [13; 7]. Схожие случаи встречаются и по делам о половых преступлениях. Так, по одному из дел Т. и лицо, не достигшее возраста уголовной ответственности, совместно угрожая применением насилия, совершили поочередно с потерпевшим насильственные действия сексуального характера. Действия Т. были квалифицированы по п. «а» ч. 3 ст. 132 УК РФ. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ подтвердила правильность вменения Т. группового посяательства [1]. Действия женщины в изнасиловании отличаются от подобной ситуации лишь тем, что женщина не вступает в половое сношение с другой женщиной, она способна лишь применить к ней насилие, то есть вложить свой посильный вклад в совершение преступления, вторую часть которого выполняет мужчина.

На основе изложенных положений попытаемся определить правильный вариант квалификации рассматриваемой ситуации.

Суть изнасилования состоит в совершении полового сношения мужчины с женщиной против ее воли. Если участниками изнасилования были два лица разного пола, то непосредственно половое сношение могло быть совершено только лицом мужского пола. Женщина в таком преступлении может совершать лишь действия, обеспечивающие возможность совершения мужчиной полового сношения с потерпевшей, по сути, осуществить пособничество. Если ее действия сопряжены с насилием или угрозой его применения, которые являются способом совершения деяния, то такие пособнические действия одновременно становятся соисполнительскими, и поглощают пособничество, так как входят в объективную сторону преступления. Таким образом, женщина становится исполнителем первой части сложного преступления, которым является изнасилование. Исполнение второй его части – полового сношения, без которого изнасилование не может быть оконченным, осуществляет лицо мужского пола. Следовательно, женщина участвовала в совершении преступления совместно с мужчиной. Отсюда вытекает, что преступление было совершено группой лиц. Если лицо мужского пола, совершившее половое сношение, не достигло возраста уголовной ответственности или в момент его совершения было невменяемым, то ответственности за совершенное изнасилование подлежит только женщина. При этом, поскольку она осознает, что без участия мужчины, она не имеет возможности совершить такое деяние, то, безусловно, осознает и тот факт, что деяние совершается группой лиц: ее действия обуславливают, то есть делают возможным совершение действий другим участником преступления, с момента совершения которых оно признается оконченным. Таким образом, наиболее правильной оценкой действий женщины, когда мужчина не может подлежать ответственности, будет вменение совершения преступления группой лиц.

Итак, действия лица женского пола участвовавшего в изнасиловании с лицом мужского пола, не подлежащим ответственности, следует квалифицировать по п. «а» ч. 2 ст. 131 УК РФ как совершенные группой лиц. Необходимости в толковании этого положения в постановлении Пленума Верховного Суда РФ, на чем настаивают некоторые авторы – нет. Анализ теории соучастия в преступлении, позволяет прийти к наиболее верной квалификации обозначенной проблемы используя теоретический потенциал доктрины уголовного права. Иными словами, в УК и науке уголовного права достаточно положений, обеспечивающих правильную квалификацию сложных преступлений со специальным субъектом, совершенных в соучастии с общим субъектом, когда специальный субъект в силу установленных законом оснований не подлежит уголовной ответственности.

Литература

1. Апелляционное определение Судебной Коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 10.04.2013 № 45–0–13–13. URL: https://dogovor-urist.ru/%D1%81%D1%83%D0%B4%D0%B5%D0%B1%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0/%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D0%BE/45-%D0%BE13-13/?ysclid=ljjoffjpk404510941 (дата обращения: 18.06.2023).
2. Благов Е.В. О признаках понятия соучастия в преступлении // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2017. № 3. С. 4–10.
3. Гавриленков С.А. Пол лица, как обязательный признак, характеризующий специального субъекта изнасилования // Актуальные вопросы современной науки. 2010. № 11. С. 296–299.
4. Галиакбаров Р. Как квалифицировать убийства и изнасилования, совершенные групповым способом // Российская юстиция. 2000. № 10. С. 40.
5. Есаков Г. Квалификация совместного совершения преступления с лицом, не подлежащим уголовной ответственности: новый поворот в судебной практике // Уголовное право. 2011. № 2. С. 10–15. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/55332-kvalifikaciya-sovmestnogo-soversheniya-prestupleniya-licom-podlezhashhim-ugolovnoj?ysclid=ljjqw4jr2t132768888> (дата обращения: 11.06.2023).
6. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 18.05.2006 № 35-о06–14. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB002&n=30046#09404707259952744> (дата обращения: 11.06.2023).
7. Лебедев А.Е. Соисполнитель как самостоятельный вид соучастника преступления // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2016. № 1 (51). С. 119–124.

8. О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2004 г. № 11 // Российская газета – Федеральный выпуск. 29 июня 2004 г. № 0(3513).
9. О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2014 года № 16 // Российская газета. 2014. 12 декабря. № 284.
10. О судебной практике по делам об изнасиловании: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 апреля 1992 г. № 4 (в ред. ред. от 21.12.93) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2463/ (дата обращения: 11.06.2023).
11. Петрова И.А. Некоторые вопросы квалификации изнасилования с участием лиц женского пола // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2007. № 2. С. 76–82.
12. Постановление Президиума Верховного Суда РФ № 604 п 2004 пр. URL: http://sudbiblioteka.ru/vs/text_big2/verhsud_big_30769.htm; Кассационное определение Верховного Суда РФ от 24.11.2005 № 66-о05–110. URL: <http://www.resheniya-sudov.ru/2005–2006/246377/> (дата обращения: 22.06.2023).
13. Пудовочкин Ю.Е. Судебная практика квалификации преступлений, совершенных в соучастии // Всероссийский криминологический журнал. 2011. № 2. С. 5–15.
14. Рарог А., Есаков Г. Понимание Верховным Судом РФ «группы лиц» соответствует принципу справедливости // Российская юстиция. 2002. № 1. С. 51–52.
15. Саблина М.А. Соисполнитель преступления: вопросы квалификации // Уголовное право и современность: сборник научных статей / отв. ред. Г.А. Есаков. М.: Издательство Проспект, 2016. С. 119–127.
16. Савельев Д.В. Преступная группа в сфере уголовной ответственности: автореф. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2000. 23 с.
17. Савельев Д. Легализовать ответственность за групповой способ совершения преступления // Российская юстиция. 2001. № 12. С. 49–50.
18. Салимгареева А.Р. Проблемы квалификации группового преступления без признаков соучастия в отечественном уголовном праве // Проблемы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2010. № 3. С. 171–173.
19. Святенюк Н. Ответственность за изнасилование, совершенное группой лиц, и соучастие в нем // Уголовное право. 2005. № 4. С. 45–48.
20. Скрипченко Н.Ю. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступле-

ниях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Уголовное право. 2015. № 2. С. 57–62.

21. Сушкова О.В. Половая принадлежность лица как признак специального субъекта изнасилования // Актуальные проблемы права: материалы IV Международной научной конференции. Москва: Буки-Веди, 2015. С. 227–229.
22. Уголовное дело 1–19/2005 // Архив Скопинского городского суда Рязанской области.
23. Черненко Т.Г. Квалификация преступлений в зависимости от формы соучастия в преступлении // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2 (62). С. 227–232.
24. Энциклопедический словарь 2009 г. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/es/144901/%D1%81%D0%BE%D0%B8%D1%81%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%BD%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%B%D1%8C> (дата обращения: 15.06.23).

PROBLEMS OF QUALIFICATION OF COMPLICITY WITH A SPECIAL SUBJECT IN COMPLEX CRIMES (ON THE EXAMPLE OF RAPE)

Pantuykhina I.V., Koltsova E. Yu.

Ryazan State University named after S.A. Yesenin

The article examines the issue of the qualification of crimes with a special subject of crime. On the example of rape, the discussion of the recognition of a woman as a co-perpetrator of rape and the problems of qualification of her actions in the commission of gang rape are shown, in cases where only she is able to bear responsibility, whereas male persons are not subject to her due to insanity or not reaching the age of criminal responsibility. The analysis of the proposals for solving this problem showed their diversity and inconsistency, from recognizing a woman's actions as performing through the use of other persons, an additional interpretation of her actions in the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, to changing the regulation of the institution of complicity. The study of the content of the norms of the institute of complicity in crime allowed us to conclude that they are sufficient for the correct qualification of problematic cases. In particular, the recognition of a woman as a co-perpetrator of rape, and in the case of her sole prosecution, imputing to her the commission of a crime as part of a group. In this regard, the authors conclude that there is no need to supplement the Criminal Code of the Russian Federation and the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation with new provisions.

Keywords: crime qualification, special subject, complicity, co-execution, mediocre performer, complex single crime, rape.

References

1. Appellate ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated April 10, 2013 No. 45–0–13–13. URL: https://dogovor-urist.ru/%D1%81%D1%83%D0%B4%D0%B5%D0%B1%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0/%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D0%BE/45-%D0%BE13–13/?ysclid=ljjoffjpk404510941 (accessed 18.06.2023).
2. Blagov E.V. On the signs of the concept of complicity in a crime // Actual issues of combating crimes. 2017. No. 3. S. 4–10.
3. Gavrilentov S.A. Gender of the face as an obligatory feature that characterizes a special subject of rape // Topical issues of modern science. 2010. No. 11. S. 296–299.
4. Galiakbarov R. How to qualify murders and rapes committed in a group way // Russian Justice. 2000. No. 10. P. 40.
5. Esakov G. Qualification of the joint commission of a crime with a person not subject to criminal liability: a new turn in judicial practice // Criminal Law. 2011. No. 2. S. 10–15. URL: <https://>

- wiselawyer.ru/poleznoe/55332-kvalifikaciya-sovmestnogo-soversheniya-prestupleniya-licom-podlezhashhim-ugolovnoj?ysclid=ljqw4jr2t132768888 (date of access: 06/11/2023).
6. Cassation ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated May 18, 2006 No. 35-006-14. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AR-B002&n=30046#09404707259952744> (date of access: 06/11/2023).
 7. Lebedev A.E. Co-executor as an independent type of accomplice in crime // Bulletin of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. 2016. No. 1 (51). pp. 119–124.
 8. On judicial practice in cases of crimes provided for by Articles 131 and 132 of the Criminal Code of the Russian Federation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 15, 2004 No. 11 // Rossiyskaya Gazeta – Federal Issue. June 29, 2004 No. 0(3513).
 9. On judicial practice in cases of crimes against sexual inviolability and sexual freedom of the individual: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 4, 2014 No. 16 // Rossiyskaya Gazeta. 2014. December 12. No. 284.
 10. On jurisprudence in cases of rape: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of April 22, 1992 No. 4 (as amended on 12/21/93) // ATP "ConsultatnPlus". URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2463/ (date of access: 06/11/2023).
 11. Petrova I.A. Some issues of qualification of rape involving females // Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series "Right". 2007. No. 2. S. 76–82.
 12. Resolution of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation No. 604 p 2004 pr. URL: http://sudbiblioteka.ru/vs/text_big2/verhsud_big_30769.htm; Cassation ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 24, 2005 No. 66-005-110. URL: <http://www.resheniya-sudov.ru/2005-2006/246377/> (date of access: 06/22/2023).
 13. Pudovochkin Yu.E. Judicial practice of qualification of crimes committed in complicity // All-Russian criminological journal. 2011. No. 2. S. 5–15.
 14. Rarog A., Esakov G. Understanding by the Supreme Court of the Russian Federation of a "group of persons" corresponds to the principle of justice // Russian justice. 2002. No. 1. S. 51–52.
 15. Sablina M.A. Co-perpetrator of the crime: questions of qualification // Criminal law and modernity: a collection of scientific articles / otv. ed. G.A. Esakov. Moscow: Prospekt Publishing House, 2016, pp. 119–127.
 16. Saveliev D.V. Criminal group in the field of criminal responsibility: author. ... cand. legal Sciences. Ekaterinburg, 2000. 23 p.
 17. Savelyev D. Legalize responsibility for the group way of committing a crime // Russian justice. 2001. No. 12. S. 49–50.
 18. Salimgareeva A.R. Problems of qualification of a group crime without signs of complicity in domestic criminal law // Gaps in Russian legislation. Legal Journal. 2010. No. 3. S. 171–173.
 19. Svyataniuk N. Responsibility for rape committed by a group of persons, and complicity in it // Criminal law. 2005. No. 4. S. 45–48.
 20. Skripchenko N. Yu. Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 4, 2014 No. 16 "On judicial practice in cases of crimes against sexual integrity and sexual freedom of the individual" // Criminal Law. 2015. No. 2. C. 57–62.
 21. Sushkova O.V. Gender identity of a person as a sign of a special subject of rape // Actual problems of law: materials of the IV International Scientific Conference. Moscow: Buki-Vedi, 2015, pp. 227–229.
 22. Criminal case 1–19/2005 // Archive of the Skopinsky city court of the Ryazan region.
 23. Chernenko T.G. Qualification of crimes depending on the form of complicity in a crime // Bulletin of the Kemerovo State University. 2015. No. 2 (62). pp. 227–232.
 24. Encyclopedic Dictionary 2009 URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/es/144901/%D1%81%D0%BE%D0%B8%D1%81%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%BD%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C> (date of access: 06/15/23).

Признаки ответственности за нарушение договора в гражданском праве России

Плутенко Даниил Сергеевич,

бакалавр по направлению «Юриспруденция» Института философии и права НГУ
E-mail: Plutenko_daniil@mail.ru

Договорная ответственность является одним из основных видов гражданско-правовой ответственности, выделяемых доктриной и Гражданским кодексом Российской Федерации (далее – ГК РФ). Однако нормы о договорной ответственности содержат указание далеко не на все ее отличительные признаки, а в научной литературе не обнаружены исследования, посвященные исчерпывающему анализу особенностей договорной ответственности. В существующих работах указывается лишь на некоторые отличительные признаки данного вида ответственности, не дающие полного представления о ней.

Данная статья посвящена комплексному анализу правовых норм и доктрины, содержащих указание на особенности ответственности за нарушение договора, к которым относятся: понятие договорной ответственности, основание и условия ответственности данного вида, а также наиболее существенные различия договорной и внедоговорной ответственности. В результате проведенного исследования автором сформулировано универсальное определение договорной ответственности, включающее ее существенные отличительные признаки, выявлены особенности основания договорной ответственности и ее условий, а также представлены основные отличия договорной ответственности от внедоговорной.

Ключевые слова: Договорная ответственность, особенности ответственности, гражданско-правовая ответственность, понятие договорной ответственности.

Введение

Договорная ответственность представляет собой один из видов гражданско-правовой ответственности, выделяемый в зависимости от характера правонарушения. В Гражданском кодексе РФ общие нормы о договорной ответственности обособлены в главе 25. Однако ГК РФ предусматривает также ряд специальных норм об ответственности за нарушение договора, распространяющих свое действие только на отдельные виды договоров. Такие нормы расположены в главах, посвященных соответствующим видам договоров. К ним относится, например, глава 30 ГК РФ, в нормах которой предусмотрены дополнительные случаи ответственности, связанные с нарушением обязательств по договору купли-продажи. Помимо этого, можно привести в пример статьи 714 и 723 ГК РФ, устанавливающие ответственность подрядчика за несохранность предоставляемого заказчиком имущества и за ненадлежащее качество работы, статью 612 ГК РФ, устанавливающую ответственность арендодателя за недостатки сданного в аренду имущества, которые не были оговорены при заключении договора аренды или иным образом не могли быть обнаружены арендатором при проверке передаваемого ему по договору имущества [2]. Тем не менее, нормы гражданского законодательства не содержат достаточно четкого указания на основание договорной ответственности и условия ее наступления, что затрудняет отграничение данного вида ответственности от других и может порождать ошибки и неточности при определении норм, подлежащих применению в конкретном деле.

Понятие договорной ответственности

Изучение особенностей договорной ответственности логично начать с определения данного понятия. Так как договорная ответственность представляет собой вид гражданско-правовой ответственности, стоит сперва кратко обозначить основные подходы к пониманию последней. Так, в доктрине гражданского права существуют несколько подходов к пониманию гражданско-правовой ответственности: через санкции, через обязанность, через правоотношение, однако господствующим является определение гражданско-правовой ответственности как одной из форм государственного (правового) принуждения, отражающей негативное отношение к правонарушению, выражающейся в возложении на причинителя вреда и (или) лицо, не исполнившее или ненадлежащим образом исполнившее обязательство неблагоприятных безэквивалентных до-

полнительных имущественных лишений. Думается, будет верным отметить, что все черты гражданско-правовой ответственности, указанные в представленном определении, справедливы и для договорной ответственности как ее вида.

Тем не менее, как и при изучении понятия гражданско-правовой ответственности, существует определенный плюрализм мнений и различные подходы к пониманию договорной ответственности. Наиболее часто встречающимися являются два подхода, в соответствии с которыми договорную ответственность понимают как форму государственного принуждения и как санкцию за нарушение договорных обязательств. В развитие первой позиции стоит заметить, что ученые-цивилисты, как правило, не формулируют самостоятельное полное определение договорной ответственности, а говорят о ней лишь как о виде гражданско-правовой ответственности, противоправность действий нарушителя в которой выражается в нарушении договорных обязательств и, соответственно, его действия причиняют вред относительным субъективным правам потерпевшего. Несмотря на это, логично говорить о том, что подход к договорной ответственности как к форме государственного принуждения, выражающейся в возложении на не исполнившее или ненадлежащим образом исполнившее договорное обязательство лицо неблагоприятных имущественных последствий, является доминирующим и наиболее поддерживаемым в цивилистической доктрине. Это подтверждается тем, что ученые, определяющие гражданско-правовую ответственность через форму государственного принуждения, указывают договорную ответственность в качестве одного из видов гражданско-правовой, а следовательно, для договорной ответственности характерны все те же признаки, что и для гражданско-правовой ответственности в целом, с теми лишь характерными особенностями, которые отличают договорную ответственность от внедоговорной.

Вторым регулярно встречающимся подходом к пониманию договорной ответственности является ее определение через санкцию за нарушение договорного обязательства. Наиболее часто при такой характеристике договорной ответственности приводят позицию А.П. Сергеева, сформулированную им в учебнике 2005 года издания, в соответствии с которой договорная ответственность – это санкция, применяемая при нарушении договорного обязательства [13, с. 370]. Однако важно отметить, что, в отличие от дискуссии относительно природы гражданско-правовой ответственности, при обсуждении подходов к пониманию договорной ответственности реже высказываются и поддерживаются различные позиции, поэтому подход к договорной ответственности как к санкции за нарушение договора поддерживается и доказывается не так активно. Даже сам А.П. Сергеев в последующих трудах изменил подход и стал характеризовать гражданско-правовую ответственность в целом и договорную в частности как одну из форм государственного принуждения.

Исходя из вышесказанного, можно заключить, что наиболее признанным подходом к пониманию договорной ответственности считается определение ее через одну из форм государственного принуждения. Так как договорная ответственность чаще всего упоминается при рассмотрении классификаций гражданско-правовой ответственности как вид последней, определение понятия «договорная ответственность» можно сформулировать следующим образом: договорная ответственность – это вид гражданско-правовой ответственности, состоящий в государственном принуждении, которое отражает негативное отношение к правонарушителю и выражается в возложении на лицо, не исполнившее или ненадлежащим образом исполнившее обязательство и нарушившее тем самым относительные субъективные права другой стороны данного обязательства, неблагоприятных безэквивалентных дополнительных имущественных лишений.

Особенности основания и условий договорной ответственности

Прежде чем перейти к рассмотрению особенностей основания и условий договорной ответственности, следует внести определенность в соотношение употребляемых в науке гражданского права терминов «договорная ответственность», «ответственность за неисполнение договорного обязательства» и «ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства». Применительно к договорным отношениям и, соответственно, обязательствам, возникающим из договора, с нарушением которых и связано привлечение к ответственности, «неисполнение» и «ненадлежащее исполнение» стоит рассматривать вместе, так как, характеризуя договорную ответственность, следует указывать на все случаи, когда привлечение к такой ответственности может осуществляться. В доктрине наиболее часто используется термин «договорная ответственность». Тем не менее, встречается также использование термина «ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства», где под обязательством понимается обязательство, возникающее из договора. Однако в некоторых работах, посвященных рассмотрению общих вопросов договорной ответственности, можно встретить и термин «ответственность за неисполнение договорного обязательства». Думается, в таких случаях, когда автор не пытается произвести разграничение случаев неисполнения и ненадлежащего исполнения договора, данный термин стоит толковать и понимать расширительно, включая в него как неисполнение, так и ненадлежащее исполнение обязательства. Данный подход косвенно подтверждается и законодателем. Так, например, в пункте 2 статьи 381 ГК РФ, содержащем положения о потере задатка или его уплате в двойном размере, указывается только на неисполнение договора, хотя фактически потеря задатка, как мера гражданско-правовой ответственности, реализует-

ся и в тех случаях, когда договорное обязательство было ненадлежащим образом исполнено, так как и неисполнение, и ненадлежащее исполнение, при наличии иных условий, может стать основанием привлечения к договорной ответственности.

Переходя к рассмотрению основания договорной ответственности, необходимо учитывать, что ответственность за неисполнение договора является видом гражданско-правовой ответственности, поэтому следует признать, что для нее, как и для гражданско-правовой ответственности в целом, единственным основанием правильно называть гражданское правонарушение. Однако в случае договорной ответственности правонарушение будет характеризоваться, исходя из положений пункта 1 статьи 401 ГК РФ, неисполнением или ненадлежащим исполнением договорного обязательства (по общему правилу, по вине нарушителя), вследствие чего был причинен вред контрагенту [1]. Более явно особенные черты договорной ответственности проявляются при рассмотрении ее условий.

Противоправность в сфере гражданско-правовой ответственности проявляется в определенных действиях или бездействии лица, приведших к нарушению прав другого субъекта гражданско-правовых отношений. При привлечении к договорной ответственности, противоправность, как необходимое условие ответственности, имеет ряд особенностей. Прежде всего, действия или бездействие одной из сторон договора выражаются или влекут за собой неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства по данному договору. Так, согласно статье 639 ГК РФ, если арендатор причиняет вред переданному ему по договору аренды транспортному средству, он обязан возместить арендодателю убытки, если последний докажет, что вред причинен вследствие обстоятельств, за которые отвечает арендатор. Или в соответствии со статьей 521 ГК РФ, если нарушение выразилось в бездействии – недоставке товаров или нарушении срока поставки товаров поставщиком, заказчик вправе начислить и взыскать неустойку до дня фактического исполнения поставщиком своего обязательства в полном объеме.

Вторым немаловажным отличием противоправности как условия договорной ответственности, на которое следует обратить внимание, можно назвать способ и место закрепления нарушаемых прав. При рассмотрении данного аспекта разумно указать на, то, что автором работы признается позиция, согласно которой правонарушитель своими действиями одновременно нарушает как нормы объективного права, так и субъективные права потерпевшего лица, поскольку субъективные права возникают на основе норм объективного права и их нельзя рассматривать в качестве условия ответственности в отрыве от норм закона. На справедливость такого подхода косвенно указывал Н.Д. Егоров, который считал, что требования, предъявляемые к исполнению обязательств, содержатся не только в нормативно-правовых актах и обычаях делового оборота, но и в самих ос-

нованиях возникновения обязательств, а следовательно, если обязательство возникает из договора, то противоправным будет являться и такое поведение, которое нарушает условия договора [10, с. 469]. Совершая противоправные действия, сторона договора нарушает норму статьи 309 ГК РФ, согласно которой обязательства должны надлежащим образом исполняться, а также может нарушить нормы, предусматривающие отдельные требования к исполнению конкретного обязательства, например, статью 4 Закона РФ от 07.02.1992 N 2300–1 «О защите прав потребителей», устанавливающую нормативные требования к качеству передаваемого потребителю товара, выполняемой в его пользу работы, оказываемой услуги [4]. Указанные и некоторые иные положения составляют группу норм объективного права, которые нарушаются во всех (статья 309 ГК РФ) или в определенных случаях и входят в понятие противоправности как условия договорной ответственности. Если нормы объективного права закрепляются в нормативных правовых актах, распространяющих свое действие на широкий круг лиц, то субъективные права конкретных участников договорных правоотношений могут содержаться в документах, имеющих индивидуальный характер. Такими документами и являются гражданско-правовые договоры, в условиях которых фиксируются субъективные права сторон, реализуемые ими в возникающих при заключении договора относительных гражданских правоотношениях.

Третьей особенностью противоправности в договорной ответственности следует назвать вид права, которое нарушается при неисполнении или ненадлежащем исполнении обязательства. Так как стороны договора всегда известны и зафиксированы в тексте данного документа, обязательства, возникающие при заключении договора и, соответственно, права кредитора и корреспондирующие им обязанности должника в рамках договорных обязательств, являются относительными. Следовательно, при нарушении, выражающемся в неисполнении или ненадлежащем исполнении одной из сторон договора (должником) обязательства по данному договору, нарушается относительное субъективное право кредитора получить исполнение. Например, неисполнение продавцом обязанности передать товар по договору купли-продажи нарушает корреспондирующее данной обязанности относительное право покупателя получить данный товар в собственность после уплаты согласованной цены. Таким образом противоправность, как одно из необходимых условий ответственности за неисполнение договорного обязательства, проявляется в нарушении как норм объективного права – базовой нормы, содержащейся в статье 309 Гражданского кодекса РФ, а также иных норм гражданского законодательства, так и субъективных прав другой стороны договорного обязательства, закрепленных в условиях соответствующего гражданско-правового договора. Такие субъективные права носят относительный характер.

Далее видится логичным рассмотреть особенности вреда как условия договорной ответственности. Как и в гражданско-правовой ответственности в целом, вред в договорной ответственности включает в себя категории убытков и ущерба. При этом, договорная ответственность характеризуется тем, что в большинстве случаев с нарушителя взыскиваются убытки в полном объеме [12, с. 470]. Исключения, когда взыскивается лишь реальный ущерб или ограничивается объем взыскиваемых убытков, могут быть предусмотрены договором или нормами гражданского законодательства, на что указывает законодатель в пункте 1 статьи 15 и в пункте 1 статьи 400 ГК РФ. Примером законодательного ограничения размера ответственности можно назвать пункт 1 статьи 547 ГК РФ, в соответствии с которым неисполнение или ненадлежащее исполнение одной из сторон обязательств по договору энергоснабжения, влечет обязанность этой стороны возместить лишь реальный ущерб, причиненный указанным нарушением. Случаи договорного ограничения ответственности встречаются, например, в договорах с государственными организациями, где обычно указывается на то, что возмещению подлежит лишь фактически понесенный ущерб, непосредственно обусловленный нарушением.

Стоит также обозначить и такую особенность вреда в договорной ответственности, как доминирование его имущественной составляющей [12, с. 494]. Эта особенность следует из первой, так как нарушитель привлекается к договорной ответственности, если его противоправные действия причинили вред относительным субъективным правам другого лица. При этом, компенсация морального вреда производится чаще всего в случае нарушения личных неимущественных прав или посягательства на нематериальные блага потерпевшего, и лишь в некоторых случаях моральный вред может возникать в случае нарушения имущественных прав гражданина. Учитывая, что Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 15.11.2022 N 33 к нематериальным благам и личным неимущественным правам относит, например, жизнь, здоровье, достоинство личности, свободу, личную неприкосновенность, честь и доброе имя, ряд трудовых свобод и так далее, что является абсолютными правами, можно констатировать, что моральный вред, по большей части, возникает вследствие нарушения абсолютных прав человека и, соответственно, подлежит возмещению по правилам внедоговорной ответственности [5].

Особенностью причинной связи как условия ответственности за неисполнение договора следует указать то, что причиной должны быть противоправные действия или бездействие одной из сторон договорного обязательства, а следствием – вред, причиненный относительно субъективному праву другой стороны договора. Причинная связь должна быть прямой и непосредственной, то есть однозначно, без промежуточных фактов, указывать на возникновение вреда вследствие

противоправного поведения нарушителя. Кроме того, в доктрине гражданского права существует распространенная позиция о близости категорий причинной связи и предвидимости убытков. Данная концепция позаимствована из англо-американского права и базируется на том, что убытки, которые стороны могли предвидеть при заключении договора, будут состоять в прямой причинной связи с потенциальным нарушением договора [7, с. 10]. Действительно, можно усмотреть некоторую степень достоверности подобной логической конструкции, однако некорректно говорить о ее полной правдивости, так как причинная связь и предвидимость выполняют различные функции. Причинная связь является необходимым условием договорной ответственности, поэтому ее определение позволяет ответить на вопрос, отвечает ли должник за нарушение обязательства, тогда как предвидимость – это основание ограничения размера ответственности и отвечает на вопрос, в каком размере будет отвечать должник, если он будет привлечен к договорной ответственности.

Особенностью вины при привлечении к договорной ответственности является то, что презумпция вины зависит от субъекта, совершившего гражданское правонарушение. Как справедливо отмечает Н.А. Чикишева, субъекты – предприниматели, в соответствии с нормой пункта 3 статьи 401 ГК РФ, несут ответственность на началах риска, в связи с чем презумпция вины не действует и определять наличие и степень вины не представляется необходимым, хотя суды зачастую анализируют и это условие ответственности [15, с. 174]. Таким образом, следует отметить то, что вина является необходимым условием ответственности за неисполнение договора только в случаях, когда нарушителем является гражданин, либо в редких случаях заключения договора между юридическими лицами для целей, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности. Так как доказывание последнего сопряжено со множеством трудностей, можно говорить о том, что субъекты предпринимательской деятельности, по общему правилу, несут безвиновную ответственность, в связи с чем вина как условие ответственности заменяется категорией субъективного риска и для установления наличия этого условия требуется определить, обусловлено ли неисполнение или ненадлежащее исполнение договорного обязательства возникновением обстоятельств непреодолимой силы.

Подводя промежуточный итог, следует обозначить следующее: руководствуясь базовым определением гражданско-правовой ответственности и учитывая нормы Гражданского кодекса РФ о договоре и ответственности за нарушение обязательств, можно сформулировать определение договорной ответственности следующим образом: ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение договорного обязательства – это вид гражданско-правовой ответственности, состоящий в государственном принуждении, которое отражает негативное отношение к правонаруши-

телю и выражается в возложении на лицо, не исполнившее или ненадлежащим образом исполнившее обязательство и нарушившее тем самым относительные субъективные права другой стороны данного обязательства, неблагоприятных безэквивалентных дополнительных имущественных лишений; основанием договорной ответственности является гражданское правонарушение, выражающееся в неисполнении или ненадлежащем исполнении обязательств по гражданско-правовому договору; необходимые условия договорной ответственности обладают рядом особенностей, которые необходимо учитывать для правильного определения правовых норм, применимых к конкретному охранительному правоотношению, возникшему в связи с совершением гражданского правонарушения.

Соотношение договорной и внедоговорной ответственности

В целях наиболее полной характеристики ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение договорного обязательства следует не только выделить особенности данного вида ответственности, но и рассмотреть его соотношение со вторым видом гражданско-правовой ответственности в рамках классификации по характеру нарушения – внедоговорной ответственностью. В частности, представляется необходимым сравнить договорную ответственность с деликтной, как основным видом внедоговорной ответственности. Е.А. Суханов, в общем виде определяя соотношение договорной и деликтной ответственности, указывает на вторичный характер договорной ответственности, который выражается в том, что она как бы сопровождает договорное обязательство и вступает в действие только в случаях его нарушения, тогда как деликтная ответственность не дополняет никакое другое обязательство, а составляет содержание обязанности правонарушителя в обязательстве, возникшем вследствие причинения вреда [14, с. 574]. Помимо рассмотренного, в доктрине выделяется и ряд других критериев соотношения данных видов ответственности, которые будут рассмотрены далее.

Первым критерием, демонстрирующим различие рассматриваемых видов гражданско-правовой ответственности, называют основание возникновения. Этот же критерий служит и основанием классификации ответственности на договорную и внедоговорную. Основание возникновения как договорной, так и внедоговорной ответственности – гражданское правонарушение. Однако основанием договорной ответственности служит такое правонарушение, которое связано с нарушением относительного субъективного права, а основанием деликтной ответственности, как и, впрочем, внедоговорной ответственности в целом, считается правонарушение, при котором лицо нарушает абсолютные субъективные права потерпевшего. Так, Т.В. Шепель, применительно к ответственно-

сти медицинской организации перед пациентом, указывала на то, что при деликтной ответственности происходит нарушение абсолютных прав пациента (жизнь, здоровье и др.), тогда как при договорной – относительных, вытекающих из соответствующих обязательств между данными субъектами [16, с. 156–157].

Помимо особенностей основания возникновения ответственности, договорная и деликтная ответственность соотносятся также по множественности лиц. Так, в соответствии с нормой статьи 321 ГК РФ, при наличии множественности лиц в обязательстве, в том числе, в охранительном обязательстве, возникающем при привлечении к ответственности, такие лица, если не иное не указано в законе, иных правовых актах и не вытекает из условий обязательства, исполняют обязательство в равных долях. Относительно деликтной ответственности существует иное правило, зафиксированное в статье 1080 ГК РФ и предусматривающее солидарную ответственность сопричинителей вреда, если суд по заявлению потерпевшего не установит долевую ответственность, установив соотношение долей, исходя из степени вины каждого сопричинителя в причинении вреда [3].

По значению наличия вреда деликтная ответственность возникает только при наличии вреда, тогда как для договорной ответственности вред может и не иметь решающего значения.

При рассмотрении критерия наличия вины учеными отмечается, что и договорная, и деликтная ответственность могут наступать независимо от вины. Так, согласно пункту 3 статьи 401 ГК РФ, договорная ответственность субъекта, связанная с осуществлением им предпринимательской деятельности, наступает независимо от вины. Деликтная ответственность может быть безвиновной, например, в случае причинения вреда источником повышенной опасности, что исходит из положений пункта 1 статьи 1079 ГК РФ).

Для данных видов ответственности разное значение имеет вина кредиторов. Если при договорной ответственности вина кредитора в любой форме влечет уменьшение размера ответственности, что предусмотрено положениями статьи 404 ГК РФ, то при ответственности за причинение вреда, в соответствии со статьей 1083 ГК РФ, умысел потерпевшего освобождает от ответственности, а его грубая неосторожность ведет к уменьшению размера возмещения. Более того, грубая неосторожность потерпевшего может повлечь полное освобождение причинителя вреда от обязанности возместить вред, за исключением случаев причинения вреда жизни или здоровью гражданина. При этом, простая неосторожность потерпевшего во внимание не принимается и снижение размера возмещения не влечет.

Соотношение договорной и деликтной ответственности по объему возмещения вреда определяется таким образом, что при деликтной ответственности вред возмещается в полном объеме, что установлено пунктом 1 статьи 1064 ГК РФ, тог-

да как при договорной ответственности имеются варианты, например, объем возмещения может ограничиваться реальным ущербом, как, например, в статье 547 ГК РФ.

Имущественное положение нарушителя как критерий соотношения рассматриваемых видов ответственности проявляется в том, что при договорной ответственности имущественное положение нарушителя юридического значения не имеет и на размер возмещения не влияет, тогда как для деликтной ответственности суд вправе уменьшить размер возмещения, произведя учет имущественного положения причинителя вреда, за исключением случаев умышленного причинения вреда.

Наличие или отсутствие обязательственного отношения до привлечения к ответственности называется некоторыми учеными в качестве основного критерия разделения гражданско-правовой ответственности на договорную и внедоговорную, однако такой подход представляется ошибочным, поскольку статья 1084 ГК РФ предусматривает правило, согласно которому вред жизни и здоровью гражданина возмещается по правилам внедоговорной ответственности. При этом, если договором предусмотрен больший размер возмещения, чем законом, то будет применяться соответствующее положение договора о размере возмещения, однако все другие применяемые нормы относятся к институту внедоговорной ответственности. Таким образом, критерий наличия или отсутствия обязательственного отношения до привлечения к ответственности является второстепенным по отношению к характеру нарушенного права, однако также позволяет продемонстрировать различие договорной и деликтной ответственности в большинстве случаев. Таким образом, при договорной ответственности стороны, как правило, и так являются сторонами договора, поэтому и до привлечения к ответственности они связаны обязательственными правоотношениями, а при деликтной ответственности до правонарушения стороны между собой никакими обязательственными правоотношениями не связаны.

По форме противоправного поведения договорная и деликтная ответственность соотносятся следующим образом. При деликтной ответственности противоправное поведение нарушителя выражается, как правило, в активных действиях, тогда как договорная ответственность предполагает правонарушение, заключающееся в неисполнении или ненадлежащем исполнении обязательств из гражданско-правового договора. Такие нарушения чаще выражаются в форме противоправного бездействия [14, с. 590].

Последним критерием соотношения ответственности за нарушение договорных обязательств и ответственности вследствие причинения вреда является характер правовых норм, регулирующих привлечение к ответственности. Так, нормы о привлечении к деликтной ответственности, как и в целом нормы о внедоговорной ответственности, всегда императивны, тогда как некоторые положения

о договорной ответственности носят диспозитивный характер.

Заключение

Подводя итог, следует отметить, что в доктрине гражданского права договорная ответственность рассматривается, как правило, только как вид гражданско-правовой ответственности, без полного и всестороннего исследования особенностей ее состава и отличительных признаков. В данной статье автором было предложено универсальное определение рассматриваемого понятия, которое, думается, уместно закрепить в общих нормах об ответственности за нарушение обязательств. По аналогии с определениями отдельных видов гражданско-правовых договоров, приводимых в статьях Части 2 ГК РФ, определение договорной ответственности содержит ее наиболее существенные отличительные признаки, что позволит более точно и правильно отграничивать случаи применения норм о договорной ответственности от иных видов. Приведенные в настоящем исследовании особенности основания и условий договорной ответственности должны способствовать формированию более полного понимания существа договорной ответственности и, таким образом, обеспечить единообразие судебной практики в части установления наличия всех условий в мотивировочной части судебных решений. Приведенное соотношение договорной и деликтной ответственности показало, что данные виды обладают как определенными общими чертами, так и существенными различиями, что позволяет считать их отдельными видами гражданско-правовой ответственности и обосновать необходимость разделения глав об ответственности за нарушение обязательств и ответственности вследствие причинения вреда.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федеральный закон от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 14.04.2023) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – N 5. – ст. 410.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): федеральный закон от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – N 32. – Ст. 3301.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья): федеральный закон от 26.11.2001 N 146-ФЗ (ред. от 14.04.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – N 49. – Ст. 4552.
4. О защите прав потребителей: закон РФ от 07.02.1992 N 2300–1 (ред. от 05.12.2022) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – N 3. – Ст. 140.
5. О практике применения судами норм о компенсации морального вреда: постановление

Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 г. N 33 // Российская газета. – 2022. – N 267.

6. Байбак В.В. Причинная связь как условие договорной ответственности: сравнительно-правовой очерк // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2014. N 6. С. 4–21.
7. Бактимирова Т.В. Презумпция виновности в гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 22 с.
8. Берилло М.С. Договорная и деликтная ответственность: особенности применения в медицинской сфере // Вестник Омского университета. 2011. N 2. С. 93–97.
9. Богданов Д.Е. Предвидимость убытков как критерий ограничения договорной ответственности в российском и зарубежном праве // Вестник Калмыцкого университета. 2014. N 1. С. 34–40.
10. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: общие положения. Кн. 1. / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. М.: Статут, 2011. 847 с.
11. Бутенко Е.В. Вина в нарушении договорных обязательств: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2003. 198 с.
12. Иоффе О.С. Избранные труды. В 4-х томах. Т. 3 / О.С. Иоффе. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. 837 с.
13. Сергеев А.П. Гражданское право: учеб. для студентов вузов. В 2-х томах. Т. 1 / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2005. 773 с.
14. Суханов Е.А. Российское гражданское право: учебник. В 2-х томах. Т. 1 / под ред. Е.А. Суханова. М.: Статут, 2011. 956 с.
15. Чикишева Н.А. Презюмирование вины при применении договорной и деликтной ответственности // Власть. 2016. С. 171–178.
16. Шепель Т.В. Соотношение договорной и деликтной ответственности медицинской организации перед пациентом // Вестник Томского государственного университета. 2020. N 38. С. 153–162.

SIGNS OF LIABILITY FOR BREACH OF CONTRACT IN THE CIVIL LAW OF RUSSIA

Plutenko D.S.
NSU

Contractual liability is one of the main types of civil liability identified by the doctrine and the Civil Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Civil Code of the Russian Federation). However, the norms on contractual liability do not contain an indication of all of its distinctive features, and in the scientific literature there are no studies devoted to an exhaustive analysis of the fea-

tures of contractual liability. The existing works indicate only some of the distinguishing features of this type of responsibility, which do not give a complete picture of it.

This article is devoted to a comprehensive analysis of legal norms and doctrine containing an indication of the features of liability for breach of contract, which include: the concept of contractual liability, the basis and conditions of liability of this type, as well as the most significant differences between contractual and non-contractual liability. As a result of the study, the author formulated a universal definition of contractual liability, including its essential distinctive features, identified the features of the basis of contractual liability and its conditions, and also presented the main differences between contractual and non-contractual liability.

Keywords: Contractual liability, features of liability, civil liability, concept of contractual liability.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part One): Federal Law No. 51-FZ of November 30, 1994 (as amended on April 14, 2023) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1996. – N 5. – Art. 410.
2. Civil Code of the Russian Federation (Part Two): Federal Law No. 14-FZ of January 26, 1996 (as amended on July 1, 2021) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1994. – N 32. – Art. 3301.
3. Civil Code of the Russian Federation (Part Three): Federal Law No. 146-FZ of November 26, 2001 (as amended on April 14, 2023) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2001. – N 49. – Art. 4552.
4. On the protection of consumer rights: Law of the Russian Federation of February 7, 1992 N 2300–1 (as amended on December 5, 2022) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1996. – N 3. – Art. 140.
5. On the practice of application by the courts of the norms on compensation for moral damage: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 15, 2022 N 33 // Rossiyskaya Gazeta. – 2022. – N 267.
6. Baibak V.V. Causality as a condition of contractual liability: a comparative legal essay // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2014. No. 6. S. 4–21.
7. Baktimirova T.V. Presumption of guilt in civil law: author. dis. ... cand. legal Sciences. M., 2006. 22 p.
8. Berillo M.S. Contractual and tort liability: features of application in the medical field // Bulletin of Omsk University. 2011. N. 2. S. 93–97.
9. Bogdanov D.E. Foreseeability of losses as a criterion for limiting contractual liability in Russian and foreign law // Bulletin of the Kalmyk University. 2014. N 1. S. 34–40.
10. Braginsky M.I., Vitryansky V.V. Contract law: general provisions. Book. 1. / M.I. Braginsky, V.V. Vitryansky. M.: Statut, 2011. 847 p.
11. Butenko E.V. Guilt in violation of contractual obligations: dis. ... cand. legal Sciences. Krasnodar, 2003. 198 p.
12. Ioffe O.S. Selected works. In 4 volumes. T. 3 / O.S. Ioffe. SPb.: Jurid. Center Press, 2004. 837 p.
13. Sergeev A.P. Civil law: textbook. for university students. In 2 volumes. Vol. 1 / ed. A.P. Sergeeva, Yu.K. Tolstoy. 6th ed., revised. and additional M.: Prospekt, 2005. 773 p.
14. Sukhanov E.A. Russian civil law: textbook. In 2 volumes. Vol. 1 / ed. E.A. Sukhanov. M.: Statut, 2011. 956 p.
15. Chikisheva N.A. Presuming guilt in the application of contractual and tort liability // Power. 2016. S. 171–178.
16. Shepel T.V. Correlation between contractual and tort liability of a medical organization to a patient. Bulletin of the Tomsk State University. 2020. No. 38. S. 153–162.

Развитие института государственной регистрации договора аренды недвижимости

Шевченко Денис Игоревич,

магистрант, кафедра гражданского права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета
E-mail: shev.den.2000@mail.ru

В данной работе анализируются нормы Гражданского кодекса Российской Федерации и Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости» применительно к регистрации договора аренды недвижимости, приводятся примеры из судебной практики, свидетельствующие о проблемах при осуществлении регистрационных действий по погашению записей в Едином государственном реестре недвижимости при изменении и прекращении договора аренды, выявляется зависимость интересов третьих лиц от действий сторон договора аренды недвижимости. В этой связи рассматривается необходимость внесения изменений в положения некоторых статей Гражданского кодекса Российской Федерации и Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости», изучается возможность применения по аналогии норм о правах и обязанностях сторон договора залога при его прекращении. Вместе с тем предлагаются формулировки изменений в названные законы.

Ключевые слова: договор аренды, регистрация договора аренды, недвижимость, прекращение договора, изменение договора.

Владение недвижимостью на праве аренды является одним из популярных способов приобретения имущества в гражданском обороте. Эффективность аренды объясняется не только необходимостью удовлетворения определенных потребностей арендатора в имуществе в краткосрочный период, но и возможностью арендодателя улучшить своё финансовое состояние в связи с предоставлением имущества арендатору [7].

Гражданский кодекс Российской Федерации (далее также – ГК РФ) по общему правилу требует государственной регистрации договора аренды недвижимости – пункт 2 статьи 609 ГК РФ [1]. Процедурные аспекты регистрации договора аренды недвижимости установлены Федеральным законом «О государственной регистрации недвижимости» (далее также – закон о регистрации) [2]. И если вопросы в части регистрации самого договора и изменений к нему имеют устоявшиеся позиции в практике, то применительно к регистрации его прекращения есть аспекты, требующие разъяснений.

К вопросу о государственной регистрации прекращения договора аренды недвижимости

Гражданским кодексом РФ установлены основания, позволяющие сторонам прекратить договор как в одностороннем порядке, так и по соглашению сторон. Вместе с тем законодательством чётко не разрешён вопрос о механизме погашения записей в Едином государственном реестре недвижимости (далее также – ЕГРН, реестр) в случае прекращения договора аренды недвижимости.

Казалось бы, Федеральным законом «О государственной регистрации недвижимости» предусмотрено достаточно правил об осуществлении регистрационных действий, которые не позволяют возникнуть правовой неопределённости – имеются нормы и о порядке внесения записей в ЕГРН (часть 4 статьи 1 закона о регистрации), и положения о регистрации договора аренды (статья 51 закона о регистрации), а при наличии противоречия между заявленными правами и уже зарегистрированными правами государственная регистрация прав приостанавливается по решению государственного регистратора (пункт 3 части 1 статьи 26 закона о регистрации).

Однако на практике всё равно встречаются случаи «задвоения» данных в реестре, отказа в государственной регистрации нового договора аренды в связи с непогашением записи о предыдущем (прекращённом) договоре аренды, органы Росреестра отказываются регистрировать прекращение договора аренды, если заявление подаёт лишь

арендодатель [8]. Наиболее распространенным, пожалуй, является случай, когда новый арендатор не может зарегистрировать договор аренды недвижимости в связи с тем, что арендодатель и арендатор по предыдущему, то есть уже зарегистрированному, договору аренды не подали заявление в регистрирующий орган о погашении записи в реестре в связи с прекращением арендных правоотношений.

Наличие разнородной практики относительно необходимости регистрации соглашения о прекращении договора, дестабилизирует гражданский оборот, приводит к судебным разбирательствам по поводу действительности приостановления государственной регистрации прав на арендуемый объект недвижимости при наличии записи в реестре о договоре аренды вплоть до высших судебных инстанций (например, Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 04.12.2018 по делу № 305-ЭС18-12573 по делу № А40-91725/2017 [4], Постановление Арбитражного суда Московского округа от 01.03.2019 № Ф05-424/2019 по делу № А41-48939/2018 [5]).

В одном из дел суд указал, что факт заключения сторонами соглашения о расторжении договора не означает прекращения между сторонами договорных отношений, пока не осуществлена соответствующая запись в реестре прав [6].

Высший Арбитражный Суд в своем Постановлении Пленума от 17 ноября 2011 года № 73 [3], попытался устранить проблему с «задвоением» данных в ЕГРН, но, как видится, лишь усложнил ситуацию своим разъяснением о том, что сохранение в ЕГРН записи о договоре аренды не означает, что договор аренды не прекратился. Вместе с тем, возникает вопрос: чем должен руководствоваться государственный регистратор, если у объекта недвижимости появился новый арендатор, который желает зарегистрировать договор аренды, а арендодатель и предыдущий арендатор не торопятся с подачей заявления о погашении записи в отношении прекращенного договора аренды?

Необходимо обратить внимание, что статья 51 закона о регистрации указывает, что с заявлением о государственной регистрации договора аренды недвижимого имущества может обратиться одна из сторон договора аренды недвижимого имущества.

Таким образом новый арендатор попадает в ситуацию, на которую он не может повлиять: регистрация договора аренды по заявлению арендатора будет приостановлена, поскольку существует запись о другом договоре аренды, которая не погашена (то есть возникает имеется противоречие между заявляемыми и уже зарегистрированными правами), и стороны прекращенного договора не обратились в регистрирующий орган с заявлением об исключении такой записи из реестра.

Анализируя спорные случаи в связи с регистрацией договора аренды недвижимости, возникает предложение о необходимости дополнительной конкретизации прав и обязанностей сторон такого договора, порядка обращения в регистрирующий

орган с заявлением о погашении записи о наличии договора аренды в реестре.

Для решения вопроса о возможности нового арендатора всё-таки получить желаемое имущество необходимо наделить его правом представлять регистрирующему органу доказательства о прекращении ранее зарегистрированного договора аренды недвижимости, если он таковыми располагает.

В этой связи представляется возможным задействовать правила о прекращении залога по аналогии (абз. 2 п. 4 ст. 339.1 ГК РФ), согласно которым в случае изменения или прекращения залога, в отношении которого зарегистрировано уведомление о залоге, залогодержатель обязан направить в порядке, установленном законодательством о нотариате, уведомление об изменении залога или об исключении сведений о залоге в течение трех рабочих дней с момента, когда он узнал или должен был узнать об изменении или о прекращении залога. В случаях, предусмотренных законодательством о нотариате, уведомление об изменении залога или об исключении сведений о залоге направляет иное указанное в законе лицо.

Применительно к договору аренды недвижимости предлагается возложить на арендодателя обязанность, а арендатору и иным заинтересованным лицам предоставить право на обращение в регистрирующий орган с заявлением о погашении записи о прекращенном договоре аренды. Принятие аналогичной нормы позволит, во-первых, обозначить сроки для исполнения обязанности арендодателем по обращению в регистрирующий орган; во-вторых, позволит четко определять сроки в целях расчета убытков, понесенных новым арендатором, если арендодатель не исполнит свою обязанность; в-третьих, будет способствовать легализации получения арендуемого имущества.

Существует также проблема отсутствия конкретного перечня документов, которые следует представить государственному регистратору для внесения в реестр записи о прекращении договора аренды недвижимости. Выше уже приводился пример о том, что некоторые суды полагают, что факт заключения сторонами соглашения о расторжении договора не означает прекращения между сторонами договорных отношений. В свете разъяснений Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ данная позиция, конечно, является сомнительной.

Тем не менее, хотелось бы обратить внимание, что в пункте 7 статьи 51 закона о государственной регистрации для договора найма жилого помещения указаны возможные документы для приложения к заявлению о прекращении договора и погашении записи о его регистрации. Такой примерный перечень позволяет внести ясность и для государственного регистратора, и для сторон договора о том, на какие документы необходимо ориентироваться для внесения записей. Аналогичный перечень предлагается ввести и для договора аренды.

Весь процедурный аспект предлагаемых изменений необходимо отразить в статье 51 Федераль-

ного закона «О государственной регистрации недвижимости», поскольку положения именно этой статьи регулируют вопросы регистрационных действий.

Заключение

В заключении хотелось бы отметить, что предлагаемые изменения будут способствовать устранению «двоения» данных в ЕГРН, а также избавят стороны договора аренды недвижимости как от споров между собой, так и от споров с регистрирующим органом в связи с путаницей в зарегистрированных данных.

Предлагаемые изменения видится возможным сформулировать следующим образом:

«Изложить пункт 2 статьи 609 части второй Гражданского кодекса Российской Федерации в следующей редакции:

«2. Договор аренды недвижимого имущества подлежит государственной регистрации, если иное не установлено законом.

В случае изменения или прекращения зарегистрированного в установленном законом порядке договора по основаниям, предусмотренным законом, арендодатель обязан направить в порядке, установленном законодательством о государственной регистрации прав на недвижимость, уведомление об изменении или прекращении зарегистрированного договора в течение трех рабочих дней с момента, когда договор был изменен или прекращен.

Арендатор или заинтересованное третье лицо имеют право обратиться в орган регистрации прав на недвижимость в порядке, предусмотренном законом, с заявлением об изменении или прекращении зарегистрированного договора аренды недвижимости.».

Статью 51 Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» дополнить частями 1.3, 1.4 следующего содержания:

«1.3. Государственная регистрация изменения или прекращения договора аренды недвижимости осуществляется по заявлению одной из сторон договора по истечении срока действия договора аренды недвижимости или в случае его изменения или расторжения. В случае расторжения договора аренды недвижимости к заявлению прилагаются документы, подтверждающие его расторжение. Если сторона договора аренды недвижимости в одностороннем порядке отказалась от исполнения договора, к заявлению прилагается копия уведомления другой стороны договора об одностороннем отказе от исполнения договора в форме заказного письма с отметкой об отправке, а при расторжении договора в судебном порядке – копия вступившего в законную силу судебного акта о расторжении договора, заверенная в установленном порядке судом, вынесшим решение. Орган регистрации прав при представлении заявления одной из сторон договора аренды недвижимости в течение одного ра-

бочего дня обязан уведомить в письменной форме об этом другую сторону договора.

1.4. Государственная регистрация договора аренды недвижимости и его изменения или прекращения осуществляется в срок не позднее чем через пять рабочих дней со дня приема заявления и документов, необходимых для государственной регистрации.».

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996 г. № 5. Ст. 410.
2. Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости» от 13.07.2015 № 218-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015 г. № 29. Ст. 4344.
3. Постановление Пленума ВАС РФ от 17.11.2011 № 73 (ред. от 25.01.2013) «Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды» // Вестник ВАС РФ. № 1. Январь. 2012.
4. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 04.12.2018 по делу № 305-ЭС18-12573 по делу № А40-91725/2017.
5. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 01.03.2019 № Ф05-424/2019 по делу № А41-48939/2018.
6. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 22.01.2009 № Ф04-48/2009(19184-А46-28) по делу № А46-1552/2008.
7. Аксенов И. Ч., Азукаева Б.А., Синглеева Б.А., Убушиева З.А. Договор аренды как один из распространенных гражданско-правовых договоров // Аграрное и земельное право. 2020. № 11 (191).
8. Отказы Росреестра в регистрации: как их оспорить // Портал «Право.Ру». URL: <https://pravo.ru/story/244998/> (дата обращения: 30.06.2023).

DEVELOPMENT OF THE INSTITUTION OF STATE REGISTRATION OF A REAL ESTATE LEASE AGREEMENT

Shevchenko D.I.

National Research Tomsk state university

This paper analyzes the norms of the Civil Code of the Russian Federation and the Federal Law “On State Registration of Real Estate” in relation to the registration of a real estate lease agreement, provides examples from judicial practice that indicate problems in the implementation of registration actions to repay entries in the Unified State Register of Real Estate when changing and terminating a lease agreement, reveals the dependence of the interests of third parties on the actions the parties to the real estate lease agreement. In this regard, the need to amend the provisions of some articles of the Civil Code of the Russian Federation and the Federal Law “On State Registration of Real Estate” is being considered, the possibility of applying by analogy the norms on the rights and obligations of the parties to the pledge agreement upon termination of the pledge is being studied. At the same time, the wording of amendments to these laws is proposed.

Keywords: lease agreement, registration of lease agreement, real estate, termination of contract, change of contract.

References

1. The Civil Code of the Russian Federation (part two) of 26.01.1996 No. 14-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996 No. 5. St. 410.
2. Federal Law "On State Registration of real estate" dated 13.07.2015 No. 218-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2015 No.29. St. 4344.
3. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 17.11.2011 No. 73 (ed. of 25.01.2013) "On certain issues of the practice of applying the Rules of the Civil Code of the Russian Federation on the lease agreement" // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. № 1. January. 2012.
4. Determination of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 04.12.2018 in case No. 305-ES18-12573 in case No. A40-91725/2017.
5. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated 01.03.2019 No. F05-424/2019 in case No. A41-48939/2018.
6. Resolution of the Federal Antimonopoly Service of the West Siberian District dated 22.01.2009 No. F04-48/2009(19184-A46-28) in case No. A46-1552/2008.
7. Aksenov I. Ch., Azukaeva B.A., Singleeva B.A., Ubushieva Z.A. Lease agreement as one of the common civil law contracts // Agrarian and land law. 2020. № 11 (191).
8. Rosreestr's refusals to register: how to challenge them // Portal "Pravo.ru". URL: <https://pravo.ru/story/244998> / (accessed: 30.06.2023).